

КОНЕЦ СВЕТА С ВАРИАЦИЯМИ

ДМИТРИЙ БЫКОВ • МАРИЯ ГАЛИНА • АНДРЕЙ
РУБАНОВ • ВИКТОР ТОЧИНОВ • ДАЛИЯ
ТРУСКИНОВСКАЯ • МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

КОНЕЦ СВЕТА С ВАРИАЦИЯМИ

ДМИТРИЙ БЫКОВ • МАРИЯ ГАЛИНА • АНДРЕЙ РУБАНОВ •
ВИКТОР ТОЧИНОВ • ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ • МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ

РУССКАЯ
ФАНТАСТИКА

КОНЕЦ СВЕТА С ВАРИАЦИЯМИ

ДМИТРИЙ БЫКОВ
МАРИЯ ГАЛИНА
АНДРЕЙ РУБАНОВ
ВИКТОР ТОЧИНОВ
ДАЛИЯ ТРУСКИНОВСКАЯ
МИХАИЛ УСПЕНСКИЙ
И ДРУГИЕ

КОНЕЦ СВЕТА
С ВАРИАЦИЯМИ

ЭКМО

МОСКВА

2013

Составители сборника *В. Точинов, В. Владимирский*
Серийное оформление художника *Е. Савченко*
Иллюстрация на переплете *М. Петрова*

Серия основана в 2003 году

К 64 **Конец света с вариациями : фантастические повести и рассказы.** — М. : Эксмо, 2013. — 544 с. — (Русская фантастика).

ISBN 978-5-699-67369-8

Конец света, назначенный на декабрь 2012-го, не состоялся. Свечи, макароны и тушенка пылятся по кладовкам. Но не спешите их выбрасывать! Вспомните, крохотный по космическим масштабам метеорит над Челябинском всерьез напугал не только жителей этого города. Извержение исландского вулкана закрыло небо над Европой, на несколько дней отбросив ее на сто лет назад, когда люди передвигались только по суше и воде. А Фукусима? А цунами в Индийском океане, которое унесло сотни тысяч человеческих жизней? И пусть оптимисты сколько угодно рассуждают о том, что наступающий конец света наступит не ранее чем через три миллиарда лет, когда погаснет наше Солнце, мы-то с вами не столь долговечны... Дмитрий Быков, Андрей Рубанов, Мария Галина, Виктор Точинов, Владимир Данихнов и другие ведущие российские писатели предостерегают, предсказывают, предотвращают...

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

- © Авильченко И., Аренев В., Бабкин М., Балабуха А., Бенедиктов К., Быков Д., Галина М., Гелприн М., Голдин И., Данихнов В., Зонис Ю., Кубатиев А., Малыгина И., Морана В., Рубанов А., Сенников А., Точинов В., Трускиновская Д., Тюрин А., Удалин С., Успенский М., 2013
© Точинов В., составление, предисловие, 2013
© Владимирский В., составление, послесловие, 2013
© Концепция, название, составление. ООО «Эксклюзив-Медиана», 2013
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-67369-8

ПРИСТЕГНИТЕ РЕМНИ!

Конец света, назначенный на декабрь 2012-го, не состоялся. В очередной раз не состоялся... Западный попкорн съеден по другим поводам. Свечи, макароны и тушенка пылятся по кладовкам.

Но не стоит отчаиваться, когда-нибудь он непременно наступит. Всему, имевшему начало, рано или поздно приходит конец, исключений это правило не знает. Знаменитая фраза «Да будет свет!» означала, что наступит момент, когда света не станет: пессимисты предрекают, что всего-то через три миллиарда лет наше Солнце погаснет, оптимисты увеличивают отпущенный срок до четырех миллиардов, даже до пяти...

Но что нам астрономические сроки? Небесные тела — планеты и звезды — куда более долговечны, чем живые существа, обитающие на них и под ними... Что за радость, если Солнце будет светить, но уже не нам?

В последние годы жизнь словно бы стремится продемонстрировать все многообразие возможных концов света... Все варианты в уменьшенном масштабе. Мироздание как будто предлагает рекламный каталог: смотрите и выбирайте, сравнивайте цену и качество, найдется все, на любой вкус...

Для сомневающихся возможен тест-драйв.

Космическая катастрофа? А вот вам крохотный — по астрономическим меркам — камешек над Челябинском. Модель конца света в масштабе тысяча к одному. Все оценили, как красиво и эффектно можно уйти?

Но не спешите делать заказ, есть и другие предложения.

Природный катаклизм земного происхождения? Легко и просто. Захудалый исландский вулкан выбрасывает облако пепла, и жители всей Европы передвигаются, как век назад, — по шоссе и по железным дорогам, небо

для них закрыто. Сколько вулканов на нашем шарике ждут своего часа? Не будем забывать и о прочих козырях, припрятанных в рукаве матушки-природы: о тайфунах и землетрясениях, о смерчах и цунами, о наводнениях и засухах...

Даже обычная, без рекордных морозов, зима, затянувшаяся на лишний месяц, заставляет вспомнить простой факт: вся история Земли — история Великих оледенений, а мы сейчас живем в межледниковый период. И сколько он еще продлится, никому толком не известно. Вся наша цивилизация, от самых ее истоков, началась и продолжается в межледниковье. Вполне возможно, вместе с ним и закончится, — покрытая льдами планета не прокормит расплодившихся Хомо Сапиенсов.

Вам трудно представить июльский сугроб за окном? Сугроб, не растаявший до следующей зимы? Тридцать тысяч лет назад такая картина никого бы не удивила на большей части нынешней территории России... Не спешите съесть запасенную в декабре 2012-го тушенку.

Но зачем ждать милостей от природы? Руки и разум, наука и технологии — неужели мы не можем организовать конец света своими силами? Да запросто. Одна-единственная скважина в Мексиканском заливе — и семьдесят пять тысяч квадратных километров стали зоной бедствия. Сколько таких отверстий пробурено в океанском шельфе? А на суше?

Возможны и комплексные варианты. Фукусима показала, как это бывает, что случается, когда невиданное буйство стихии накладывается на самоуверенность проектировщиков, вот уже сто лет упорно игнорирующих уроки «Титаника».

Ах да, есть же еще классика жанра — ядерная война. Страшилка, давно переставшая пугать. Ружье, почти семьдесят лет висящее на стене без дела и воспринимаемое как привычная деталь интерьера. Ракеты и боеголовки так давно служат фишками в политическом ка-

зино, что о первоначальном и главном их назначении вспоминают все реже. Хотя, конечно, не все — жители той части мира, что расположена в окрестностях корейско-корейской границы, едва ли станут переоборудовать бомбоубежища под ночные клубы или овощные склады...

И не стоит забывать, что мы на планете не одни... Человек давно привык считать себя царем природы и правит братьями меньшими вполне самодержавно. Примерно так же когда-то царствовали динозавры... Но они, древние ящеры, по крайней мере не затевали игры с генами, не направляли эволюцию на странные и противоестественные пути. Динозаврам просто не повезло: шальной астероид, прилетевший из глубин космоса, — и выяснилось, что никто не может царить вечно ни в природе, ни в социуме.

Нам пока везет — астероиды пролетают мимо, то не долет, то перелет, мироздание пристреливается, «берет в вилку»... Но люди и без помощи космических катаклизмов способны взорвать ход эволюции, сотворив нечто, не способное ужиться с нами под одним небом.

Казалось бы, сама жизнь подкидывает нам столько вероятных концов света, что фантасты спокойно могут отдохнуть. В освещении возможных вариантов Апокалипсиса новостные ленты не менее информативны, чем самые мрачные антиутопии. Но фантасты не отдыхают... В конце концов, не так уж важно, как именно он состоится, пресловутый конец. Главный вопрос — как мы будем жить дальше? Даже если «дальше» целиком и полностью уложится в несколько дней, или в несколько часов, или хотя бы минут, — как? Что в людях *настоящее* — и уцелеет под самым страшным натиском Последней Бури? Что наносное и будет унесено первыми порывами?

На эти вопросы каждый автор данного сборника отвечает по-своему. И далеко не все ответы гладят нас по шерстке, по белой и пушистой...

★ _____

Мы приглашаем вас в полет — бросить взгляд сверху на гибнущую Землю, на планету, переживающую Судный час. Пристегните ремни, наш лайнер на семь с лишним миллиардов посадочных мест вырывается на взлетную полосу. Курс — прямо в зенит, в небо цвета крови, посадка не гарантирована.

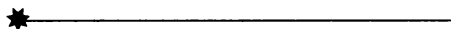
Курить на борту можно...

Теперь уже можно.

Виктор Точинев.

Апрель 2013 г.

ПЕРВАЯ ТРУБА

Конец света,
который нам предрекали

Первый Ангел вострубил, и сделались град и огонь,
смешанные с кровью, и пали на землю; и третья часть
дерев сгорела, и вся трава зеленая сгорела.

Откровение святого Иоанна Богослова, 8—7

БОГ ЖУКОВ

Рстоял на лоджии и занимался интересным делом — плевал вниз, а Коля вышел на балкон и крикнул мне оттуда:
— Приходи в гости!

— Сейчас, маму спрошу!

Я вернулся в гостиную, взял в руки зажженную свечку и пошел в спальню, чтобы спросить у мамы разрешения пойти к Коле, но мама спала на кровати пьяная вдрызг, а рядом с ней валялся, подложив руки под затылок, жилистый мужик с волосатой грудью и широкой плечью на макушке. И в трусах со слониками. Слоники на его трусах выглядели настолько по-идиотски, что я долго не мог оторвать от них взгляд. Однако в комнате неприятно пахло водкой и потом, а незнакомец громко храпел, поэтому я вышел из комнаты, так и не решившись растолкать маму.

Я вернулся на лоджию, сложил ладони ковшиком, прижал их ко рту и крикнул:

— Коля, мама пьяная, и она спит!

— Так приходи! — воскликнул Коля.

— Я не могу. Без маминого разрешения. Вдруг ей станет плохо?

— Да ты просто трус!

— Сам такой!

— Нет, ты — трус, раз не можешь прийти ко мне. Я ведь живу в соседнем подъезде!

— Ладно, — подумав, сказал я, — я приду к тебе, Коля, но знай, придя, я заряджу тебе кулаком в нос, а потом дам в ухо! Так-то!

— Вот и ладушки. Жду тебя через пятнадцать минут.

Я побежал в переднюю, снял с вешалки кожаную куртку, накинул ее на плечи, стал натягивать на ноги ботинки. В это время в прихожую, пошатываясь, вошла мать. Она смотрела на меня красными от недосыпа глазами и расчесывала в кровь голову; ее майка с надписью «end of time» была заляпана кетчупом и порвана в двух местах — там, где за майку тянул мужик в словных трусах.

— Ты куда собрался? — спросила мама. Она прислонилась к стене и закрыла глаза, шумно вдыхая и выдыхая.

— Я уже взрослый, — ответил я, — мне тринадцать лет, я много чего знаю и много чего повидал и имею право самостоятельно выходить на улицу и гулять, сколько захочу и когда захочу.

— Тебе только тринадцать! — воскликнула мама и, сдирая непослушными пальцами обои, упала. Наверное, в обморок.

Я осторожно спускался по лестнице вниз; проверял каждую ступеньку, прежде чем сделать шаг, и боялся. Боялся, что вдруг наступлю на одну из кошек и упаду. Котов и кошек в подъезде очень много, потому что они приходят в наш дом со всех концов города.

— Священник покрасил все окна черным, священник покрасил все окна, и теперь мы не видим луны, не видим света... — пел кто-то на третьем этаже, неумело подыгрывая себе на гитаре. Наверное, он тоже был пьян, но пел правду: все окна в нашем доме закрашены черной краской. Две недели назад приходил капеллан и сказал, чтобы все закрашивали окна, потому что скоро война, и в те дома, где окна не закрасят, бомба попадет в первую очередь. Конечно же, никто в подъезде не хотел, чтобы бомба попала в наш дом в первую очередь. К тому же у священника была черная борода лопатой и узкие очки, вызывающие доверие; мой папа сказал,

что такому человеку не верить — грех. Дядя Федор, сосед, возразил; его удивило, откуда в нашей Российской армии взялся человек, который называет себя капелланом. Папа разозлился и дал дяде Федору в глаз, а потом подкараулил и пристрелил его пса, Шарика. Потом, чтобы подать пример, отец первым полез закрашивать окна и успел закрасить три или четыре прежде чем выпал, пьяный в хлам, из окна восьмого этажа и разбился насмерть. Но дело его продолжили, и теперь в нашем доме сплошь черные окна.

Выйдя из подъезда, я первым делом поежился, потому что на улице стояла осень. Вторым делом я закашлялся, потому что во дворе пахло гнилой картошкой, мешки которой свалены в кучу у третьего подъезда. Третьим делом я притронулся к голове, чтобы убедиться, что волос на голове у меня уже нет и никогда не будет. Стало обидно. В горле першило, чесались гнойные ранки на локтях, щеках и внизу живота. Вдалеке громко хлопало, и вечернее небо озарялось оранжевыми и красными вспышками. На улице никого не было; голые телеграфные столбы стояли, как призрачные часовые; соседняя хрущевка казалась многоглазым чудовищем, потому что там тоже закрасили окна. На свой дом оборачиваться и смотреть я не хотел — противно.

Перепрыгивая пустые бутылки из-под водки, пряча голову в высокий воротник, я бежал к Колиному подъезду. Там под козырьком покачивалась лампочка на длинном изолированном шнуре, а на самом козырьке сидели коты и кошки и смотрели на меня, выпучив глазницы. Кошки были тощие и ободранные.

— Бр-рысь! — крикнул я, подхватил с асфальта камень и запустил в кошек. Они даже не шелохнулись, а камень попал в оконце над козырьком и расколошматил его вдребезги. Испугавшись, я кинулся к дверям. Как раз вовремя: из окна высунулась и запричитала лысая женщина.

- * — Федя! Федя! — звала она.
- Что?
- Кажется, опять началось! Федя! Кажется, началось!
- Что началось, глупенькая?
- Война, Федя! Война!
- Глупенькая, ничего не началось... ну успокойся же.
- Федя! Феденька! Я так боюсь, боже, я так боюсь!
- Не бойся, милая, священник приказал нам закрыть все окна, и наш дом теперь в безопасности; война не доберется до нас. Возьми... возьми же, выпей.
- Федя! Но это водка, это опять водка, Федя!
- Я сказал, пей! И отойди от окна!
- Но Федя!
- Пей!..

Я стоял, прислонившись к сырой стене, и дрожал. Я ждал, что они вот-вот разберутся со своей водкой, со своей войной и выйдут из квартиры; увидят, что я разбил окно, схватят меня за ухо и приведут домой. А дома пьяная мама и неизвестный мужик в трусах с красными слониками; им не понравится, что я пришел не один, а в компании.

Но никто так и не вышел.

Мне открыл Коля. Он был, как всегда, неопрятен и грязен. На спортивных штанах — белые пятна, льняная рубашка серая от пыли и воняет потом. Коля — рыжий и веснушчатый; у него нос картошкой и серые глаза; длинные, как у девчонки, ресницы. Левый глаз розовый и слезится. У Коли конъюнктивит. Вроде бы. То есть это он так говорит, а на самом деле кто его знает, чем там Коля болен. К врачу он не ходил. По радио сначала говорили, что больницу взорвали, а докторов разогнали. Или разогнали, а потом взорвали — не помню. На следующий день передали, что это ошибка, ни-

кто больницу не взрывал; просто из нее выгнали всех больных, а окна закрасили в черный цвет, чтобы pilotы вражеских самолетов промахнулись и не попали в больницу ядерной бомбой. Еще через день радио заткнулось навсегда.

— Пришел? — спросил Коля, нахмурившись.

— Не видишь, что ли? — буркнул я, протискиваясь мимо друга. В квартире у Коли было тепло и пахло блевотиной. Меня аж самого затошнило. Воняло из-за открытой двери, которая вела в туалет. Я поспешил отойти в сторонку.

На кухне горела свеча, в остальных комнатах было темно. Под самым потолком в прихожей, оклеенной обоями «под кирпич», висели круглые часы. Секундная стрелка дрожала на месте; я подошел ближе и увидел, что стрелки приклеены к циферблату скотчем.

— Зачем это? — спросил я.

— Что «это»?

— Стрелки. Зачем ты заклеил стрелки?

— Так надо, — ответил Коля деловито. — У меня совсем мало времени, а стрелки подгоняют его.

Длинные тени, словно призраки, носились по прихожей, и было немного страшно, и я подумал мельком, что зря ушел из дома, что надо бы вернуться, но Коля сказал вдруг:

— Я рад, что ты здесь.

Мне сразу полегчало. Не зря, получается, пришел.

— Фигня, — ответил я, стягивая куртку. — Зачем звал?

— Сейчас покажу тебе кое-что.

— Кое-что?

— Особенное кое-что!

Он привел меня на кухню, усадил за стол, а сам взял в руки свечку. С огарка ему на руку капал расплавленный парафин, но Коля даже глазом не вел. Он был стоек, как индеец, или кто там так стоек, что не обраща-

ет внимания на горячий парафин? Как мазохист, короче говоря, стоек был мой друг Коля.

— Знаешь, из чего делают парафин? — спросил Коля. Я удивился его вопросу. Какая разница?

— Из нефти, — объяснил Коля. — Парафин из нефти и война тоже из нефти.

— Не «из нефти», а «из-за нефти», — поправил я. — И вообще хватит придуриваться.

— А что ты знаешь о жуках? — спросил он загадочным голосом.

— Много чего, — ответил я и замолчал.

— Ну? — выждав минуту, уточнил Коля.

— Они усатые, — сказал я и с намеком посмотрел на Колин холодильник: — Слушай, у тебя пожрать есть что-нибудь?

— Я съел все еще вчера. Весь вечер блевал, но все равно ел и пил, потому что боялся, что у меня будет обезвоживание, — строго ответил Коля и погрозил мне пальцем. — Не меняй тему, отвечай!

— Как это вчера? А паек? Твой папа не ходил в продуктовый ларек за пайком?

— Мой папа ходил в продуктовый ларек за пайком. Он ходил туда двенадцать раз, а позавчера пошел в тринадцатый и не вернулся. Отвечай!

— Я больше ничего не знаю о жуках, — признался я.

— Они что-то задумали, — доверительно сообщил мне Коля, присел на корточки и наклонил свечу к полу. На полу валялись мятые этикетки от водки. Среди этикеток маршировали упитанные черные жуки. Они задорно шевелили длиннющими усам и перебирали лапками со скоростью аэроэкспресса. Жуки сновали между бумажками, а иногда заползали под них и чем-то там занимались, отчего этикетки тряслись и подпрыгивали над линолеумом.

— Откуда у тебя в квартире столько жуков? — удивился я.

— Они пришли из ниоткуда, поэтому я не могу сказать тебе, откуда точно, — загадкой ответил Коля. Но я-то догадался, что никакая это не загадка, а глупость. Жуки пришли, откуда обычно приходят тараканы: из вентиляции.

От огонька Колиной свечи его лицо казалось осунувшимся и страшным.

— Они ходят туда-сюда и что-то ищут, — сказал он. — Быть может, некий жучий грааль или еще что-то; не знаю, что именно. Но если они найдут его, нам, наверное, не поздоровится.

— Кому «нам»?

— Нам всем!

— А разве есть такое слово: «жучий»?

— Какая разница?

Я долго молчал, встревоженный Колиными словами, а потом тряхнул головой и сказал:

— Коля, придурок, ты чего мелешь? Какой, на фиг, грааль? Жуки... это жуки! Они даже не разумны.

Коля горько усмехнулся, и была в его усмешке взрослая, мудрая печаль и некое тайное знание, которым я тут же захотел обладать. Я хотел обладать этим знанием целую минуту, а потом подумал, что маленький паршивец притворяется, будто что-то знает, а на самом деле ничего-то он не знает, поэтому хотеть обладать знанием мне совершенно незачем.

— Саша, — сказал Коля, — мой верный друг Сашенька, эти жуки — разумны. Может быть, ты, мозг которого подпорчен телевидением и Интернетом, и веришь, что право на разум принадлежит одному только человечеству, но я знаю, что это не так. Впрочем, ты все равно не сможешь осознать непреложность этого факта, потому что у тебя на глазах шоры, а в ушах — ватные затычки.

— Нет у меня никаких затычек, с чего ты взял, придурок?

— Это я образно выражаюсь.

— Я тебе сейчас по морде дам, чтоб больше не выражался.

Он промолчал.

Я присел рядом с Колей на корточки и прошептал ему в ухо:

— Коля, у тебя крыша поехала. Ты ничего не знаешь и не помнишь. Ты мелешь всякую ненужную чепуху. А важное, небось, позабыл. Ну-ка, скажи мне на память поражающие факторы ядерного взрыва!

— Мы закрашивали окна не для того, чтобы помнить о поражающих факторах ядерного взрыва, — отрезал Коля. — Мы закрашивали окна, чтобы, наконец, подумать в тишине о главном; сейчас нет электричества, воды и газа; отключен телефон; не стало и времени, потому что я заклеил стрелки скотчем; и это самое благоприятное время для размышлений.

— О жуках?

— И о них тоже. Посмотри. Здесь много жуков, и они все время в движении. Но на некоторых перекрестках стоят и не двигаются крупные особи с жирными белыми полосками на надкрыльях. Это координаторы. Они координируют действия рабочих жуков.

Коля тыкал свечкой в разные точки пола, а я с неподдельным восхищением наблюдал, как жуки огибают Колины тапочки и спокойно ползут дальше.

— Никак не могу понять, что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать этим, мой дорогой друг Саша, что жуки разумны. Мать твою, ты слушаешь меня или нет? Они разумны, но не так, как человек. Они — это, скорее всего, одна особь, одно огромное разумное жуковое сообщество, нечто вроде Океана в «Солярисе» Лема; и они что-то задумали.

— Не, Коля, все-таки ты спятил. К тому же «жуковое» звучит еще хуже, чем «жучье».

Коля не отвечал. Он водил свечой над полом и шептал что-то неразборчивое. Я ткнул Колю пальцем в бок, но он даже не пошевелился. Коля оцепенел, и зрачки его расширились так, что почти поглотили радужку.

— Коля, черт тебя возьми! — звал я. — Коля!

Коля не отвечал.

Я вернулся домой, где в первую очередь взял трубку, чтобы позвонить другу и убедиться, что он еще не полностью рехнулся, но в трубке не было гудка, и я вспомнил, что телефон отключен. Тем не менее я разозлился. Я долго бил трубкой о стену, но гудок не появлялся; тогда я схватил аппарат и кинул его с размаху об пол, но гудок все равно не появился; вместо гудка проснулся мужчина в трусах со слониками. Зевая и потягиваясь, он вышел из спальни. Подвинув меня с дороги, он прошел на кухню, хлопнул дверцей неработающего холодильника и принес с собой в прихожую две разнокалиберные рюмки и бутылку водки калибра обычно, ноль пять. Усевшись на маленькую табуретку рядом с трюмо, он поставил бутылку прямо на пол, налил водки в обе рюмки и кивнул мне:

— Будешь?

— Телефон отключен, — сказал я и аккуратно поставил аппарат на место.

Мужик выпил водки, почесал красными пальцами волосатую грудь и сказал:

— Раз уж я прописался у вас, надо с тобой, дружнице, познакомиться. То есть я ведь сплю с твоей матерью, и это накладывает на меня какие-то обязательства; я должен помочь тебе вырасти гражданином, я должен воспитать в тебе патриотизм и еще что-то, о чем я пока не помню, потому что пьян, но обязательно вспомню, когда протрезвею.

— Я маленький еще, чтобы водку пить, — сказал я нагло и подумал, что Коле, наверно, сейчас страшно одному в квартире с жуками. Наверное, он сидит и дрожит, а я, вместо того чтобы помочь ему найти отца, сижу здесь и говорю с мужиком, у которого на мятых трусах нарисованы идиотские мультяшные слоники.

— Подростки не называют себя маленькими, — выпятив губы, отвечал мужик. — Раз ты уже достаточно взрослый, чтобы осознать себя ребенком, хлопни водки. Говорят, она помогает против радиации. Я верю в народную медицину. А ты?

— Эм-м...

Он схватил меня за руки и силой залил в мой рот содержимое рюмки. Я долго кашлял и брызгал слюной во все стороны, а потом прекратил и ухватился руками за трюмо, чтобы не упасть. В голове шумело, колени подгибались, к горлу подкатывал кислый комок.

— Мужик! — похвалил меня материн сожитель и спросил: — Какой был твой отец?

— Он был хороший, — отвечал я грустно. — Он был по-настоящему хороший, пока не пришел капеллан в форме защитного цвета, и после этого папа сошел с ума. Отец твердил, что нас спасут только черные окна. Чтобы проблемы не стало, говорил он, надо просто на нее не смотреть. Дядя, простите, меня, кажется, сейчас вырвет...

— Все мужчины проходят через это, — кивнул мужчина со слониками и хлопнул еще рюмку. — Знаешь, что хорошо в этой самой ядерной зиме? Если она наступит, конечно.

— Что?

— Снег посреди июля, — ответил мужчина. — Чистый белый снег и хмурое небо — это же такой простор для творчества! Заметил, что самые знаменитые писатели и поэты сплошь и рядом живут на севере? Знаешь, почему?

— Нет.

— Я тоже, — сказал мужчина. — Я даже не помню, что сейчас сказал.

Я кашлянул; на паркетный пол цвета горчицы упали две капли цвета кармина.

— Послушайте... мне все равно... но у моего друга пропал отец, и Коля теперь совсем один в своей комнате, следит за странными черными жуками и боится... давайте, прошу вас, давайте сходим к продуктовому ларьку и узнаем, что с ним случилось...

Мужчина выпил, почесал лысину и кивнул:

— Почему нет? Потопали. Пока пьяный — можно. Кстати, позволь представиться — Игорь. И не называй меня дядей, пожалуйста.

— Саша, очень приятно.

По небу ползли лохматые серые тучи, из-за которых украдкой выглядывали звезды; луна подмигивала ущербным глазом. Навстречу нам из тьмы выползали глыбы многоэтажных домов и дряхлые кости неработающих фонарей. Повсюду валялись перевернутые мусорные контейнеры, из которых высыпались картофельные очистки, старые упаковки, использованные презервативы, пачки из-под сигарет, яичная скорлупа, полиэтиленовые пакеты, старая одежда, дряхлые ботинки и так далее. Стояла непроглядная темень, но Игорь захватил вечные фонарики, и мы шли по мерзлому асфальту, крутили ручки, а впереди нас прыгали светлые пятнышки. Иногда они выхватывали из тьмы дохлых кошек и мертвых людей, которые скорее напоминали кукол.

— Почему в нашем доме кошки не умирают? — задумчиво протянул Игорь. Сейчас, в накинутом на темно-зеленый свитер землисто-сером пыльнике и галифе он выглядел как солдат, или даже как мушкетер, пото-

му что у него были великолепные мушкетерские усы и пронзительный мушкетерский взгляд, только в руках, увы, Игорь сжимал не мушкет или шпагу, а фонарик и пистолет Макарова. Не знаю, откуда он его взял. Может, Игорь военный?

— Потому что дом освятил капеллан, — угрюмо ответил я. На мне была старая кожаная куртка с дырявыми карманами и джинсы, потертые на коленях — гордиться нечем. Это вам не галифе и классный пыльник.

— Чушь какая-то. Ты еще скажи, что окна, покрашенные в черный цвет, помогли. Но в дом их, кошек в смысле, тянет, это факт. И живут там припеваючи, только орут громко и друг друга жрут.

— Ну если больше нечего жрать, — буркнул я, — почему бы и нет? У котов же нет собственного продуктового ларька.

Игорь промолчал.

У ларька народу было раз-два и обчелся.

Продуктовый ларек — это натурально жестяной ларек, выкрашенный в синий цвет, с оконцем впереди, которое забрано чугунной решеткой. Перед ларьком стоят два прожектора, от которых куда-то во дворы ползут толстые черные провода. Прожектора освещают пяточок перед ларьком и собственно покупателей. Которых было двое на данный момент: у окошка стоял лохматый седой старик в драповом пальто, а за ним скучающе поигрывал тросточкой лысый парень лет двадцати. На нем были черные джинсы и черная куртка на синтепоне. На лице и руках парня краснели ранки.

Я не мог понять, зачем ему трость; может, людей по голове бить?

Мы пристроились в конец очереди.

Старик спрашивал у ларечного оконца:

— Так откуда вы берете еду?

Из окошка ему неразборчиво отвечали.

— А они откуда берут?

Снова что-то невнятное.

— А эти?

— ...

— Ну вот, опять. А ВЫ тогда откуда берете продукты?

— Мать твою, дед, — возмутился парень в джинсах. — Тебе, что ли, кажется, что ты в анекдот попал? Надоел. Получи свой паек и проваливай.

Старик повернулся к нему, яростно блеснул круглыми линзами и крикнул:

— Кощунство! Кощунство!

— Какое, к чертям, кощунство? — удивился парень в джинсах.

— Чего тут непонятного? Людей вешать на столбах — это кощунство, — ответил старик и крючковатым носом указал куда-то на другую сторону улицы. Проследив за его взглядом, можно было заметить темные силуэты повешенных на столбах людей; они, люди эти, с протяжным скрипом качались из стороны в сторону.

— Что с ними? — спросил Игорь.

— Ларек пытались ограбить, — на этот раз очень внятно ответили из окошка. — Вот и умерли позорной смертью. Но вы не волнуйтесь, завтра их уже не будет, зато обещают вкусные мясные котлеты с минимальным содержанием сои.

— Здорово! — обрадовался я.

— Еще бы, малыш! — радостно крикнули из окошка.

Старик получил, наконец, свой паек, сунул его в приготовленный заранее черный пакет и собрался было уйти, но Игорь придержал его за рукав.

— Что вам угодно? — близоруко щурясь, спросил старик.

— Нам угодно найти одного человека, — ответил Игорь. — Сейчас вот этот малыш, от которого разит водкой, вам его опишет.

— Он рыжий и в веснушках, — описал я, с опаской поглядывая на старика.

— Хех, — сказал старик, булькая, — хех... хех, хех! Кхе-хе!

— Что это значит? — удивился я.

— Закашлялся я, — хрипло ответил старик, держась рукой за стену. — Плохо себя чувствую в последнее время и с каждым днем все хуже и хуже. Рыжий, говоришь?

— Да!

— Нет, не видел.

Он зашаркал по асфальту драными башмаками и вскоре скрылся за углом. Мы с Игорем проследили за ним, а когда обернулись, на нас в упор глядел парнишка с тросточкой.

— Рыжего ищите? — спросил он.

— Да, — кивнул я испуганно, подвигаясь ближе к Игорю. Тот стоял руки в боки и угрюмо разглядывал парня.

— Ты его знаешь? — спросил он.

Парень медленно кивнул:

— Был тут вчера. Или позавчера? В общем, как узнал, что с севера мародеры идут, пошел туда, отбиваться.

— Что еще за мародеры?

— Я откуда знаю? По мне, так лучше о них не помнить. Не думать и не гадать, тогда, глядишь, мимо пройдут и не заметят. Это правильная философия. Если что-то и спасет наш мир, то только она.

— Значит, на север... — протянул Игорь.

— Да вы не волнуйтесь! — подмигнув нам левым глазом, ответил парень. — Идти никуда не придется. Он вместе с двумя безумцами сдерживал переулок, у них кончились патроны, и мародеры их перебили.

— Перебили-перебили! — радостно подтвердили из ларька. — Я все видел собственными глазами. А на сле-

дующий день у нас были вкусные сосиски! И паштет! Вы продвигайтесь, не задерживайте очередь!

Игорь протянул в окошко паспорт, а я свидетельство о рождении и сто рублей; взамен нам сунули тетрадку в косую линию, где мы поставили подписи напротив своих фамилий; потом нам вернули документы и выдали по две сосиски, две круглых витаминки и картонную упаковку из-под яблочного сока. В упаковке была вода. Игорь потянул меня за угол, где мы присели на бетонную тумбу и принялись за еду. Совсем рядом поскрипывали ржавые качели, и я очень хотел покататься на них, но не решался, потому что было стыдно перед Игорем: вдруг он подумает, что я все-таки еще ребенок?

— Нет никаких мародеров, фигня это, — сказал Игорь и зачем-то достал пистолет.

— Нам соврали? Но почему?

— Все должно быть по закону, — невпопад ответил он. — Люди должны быть обеспечены пайком.

В сосисках что-то было. Что-то, что застревало в зубах. Я хорошенько разжевал кусочек и сплюнул на руку. Посветил фонариком на ладонь.

— Что там? — спросил, напрягаясь, Игорь. — Ноготь? Волосок?

— Нет, — ответил я. — Камешек.

— Обычный камень?

— Да.

— У отца твоего друга были камни в почках?

— Откуда я знаю? — удивился я и выкинул камешек.

А потом была моя квартира и спящая мама, у которой из головы выпадали волосы. Волосы оставались на подушке, а когда мама встала и провела рукой по голове, они посыпались на ковер, как осенние листья. Игорь придерживал маму за локоть; они сели на пол перед трюмо, рядом горела свечка, и они, заедая водку од-

ной сосиской на двоих, горланили песни. Потом плакали и снова пели. Игорь говорил, что мой папа — дурак и что необходимо срочно вымыть окна, хотя, конечно, уже поздно.

Я обижался, но молчал.

Игорь кричал, что люди умирают повсюду, что еще три дня назад у ларька стояла очередь, а теперь они умирают, потому что слабые, а в этом доме еще остались живые, потому что здесь живут сильные духом люди. И никакой этот дом не особенный, а кошки бегут сюда, потому что в подвалах еще до взрыва какой-то умник разбил двадцать пузырьков валерьянки. Игорь сказал, что пистолет ему больше ни к черту и скинул его с лоджии, а потом вышел из квартиры и минут через пять привел толстого мужика с гитарой. Мужик признался, что тоже был против затеи с покраской окон, и тогда Игорь налил ему водки. Потом пришла женщина с ребенком; ей тоже налили. У ребенка была кожа ненормального желтого цвета, и он все время бегал в туалет, потому что его тошнило, а потом так и остался в туалете и не выходил, но его мать, кажется, не заметила этого и пела со всеми песню про русские березки, а толстый мужик подыгрывал на гитаре.

Потом Игорь сказал, что даже сейчас они закрашивают окна вместо того, чтобы сделать хоть что-нибудь; хотя что-то делать, конечно, уже поздно.

Мужик с гитарой оживился, поднял рюмку и сказал:
— За световое излучение.

Выпили.

Потом Игорь, действуя стремительно, разлил по новой и крикнул:

— За ударную волну!

Выпили.

Мама закашлялась, но все-таки смогла прохрипеть:

— За проникающую радиацию!

Выпили.

Женщина, ребенок которой уже полчаса не выходил из туалета, сказала, шмыгая носом:

— За радиоактивное заражение!

Выпили.

Я натянул на себя свою любимую кожаную куртку и незаметно для всех ушел.

— Я понял, — сказал я, отворяя дверь в Колину квартиру, — я понял, понял, понял, понял...

— Что ты понял? — тихо спросил Коля из кухни.

— Я понял, что ты такой же, как мой папа. Ты заклеил скотчем стрелки, чтобы остановить время, но время так не остановить; папа красил окна, и упал на асфальт, твердый камень пробил ему череп, и теперь он лежит мертвый, а окна покрашены, и проблемы не видно, но она все равно есть, есть, есть... я понял, я все понял, я...

— Не пори чушь. Иди лучше сюда.

Я повесил куртку на вешалку, а ботинки запихнул ногой под шкаф; пошевелил большим пальцем левой ноги сквозь дырку в носке и, осторожно ступая, прошел на кухню. Здесь было тихо и темно, причудливые тени все также бегали по стенам, а посреди пола сидел в позе лотоса Коля; рядом с ним стоял огарок в граненом стакане, а рядом со свечой напозлали друг на друга жуки. Вернее, я сначала даже не понял, что это жуки: колышущаяся, подвижная масса, тошнотворное, коричнево-бурое желе выросло рядом с Колей.

— Что за...? — я вылупился на невиданное зрелище: жуки строили из своих тел статую.

— Помнишь, они тут бегали, искали что-то? — спросил Коля, не открывая глаз.

— Ну?

— Клей они искали. Нашли. Я им тюбик открыл, а они измазали в нем кончики своих лап, ног или что там у них и теперь... сам видишь.

Я видел.

Это была рука, самая настоящая человеческая рука, сотворенная из движущихся, карабкающихся друг на друга жуков. Рука покачивалась над полом и все время меняла форму; пальцы двигались, сгибались, а потом жуки сложили их вместе и протянули Коле раскрытую ладонь для рукопожатия.

— Здорово! — прошептал Коля, открыв один глаз, нормальный. — Знаешь, что я придумал? Мы с тобой, Саша, будем богами для этих жуков. Мы дадим им рай, а потом отберем.

— Че?

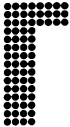
Коля осторожно протянул руку и легонько пожал ладонь. Не отнимая руки, он открыл другой глаз, розовый и гноящийся, и сказал:

— У вас, жуков, логика хромает. Мы не сможем дать рай вам всем, потому что жратвы мало, а вас много; вас должно быть... — он жутковато улыбнулся, —...немного меньше.

И крепко, до мерзкого хруста, он сжал свою ладонь в кулак.

УВИДЕТЬ ПАРИЖ

 оворят, у эскимосов есть двадцать с лишним названий для снега. Я думаю — каким же адом для них должна быть жизнь. За то время, что я провёл в России, я едва ли научился различать пять. Но мне хватило. Помню, дома хоронили моего товарища; он погиб под самое Рождество, и во время похорон пошел снег. Обычно его в это время не допросишься, а тут он посыпался, будто издеваясь, напоминая о радости, звенящих колокольчиках — мелкий, яркий, будто прошедший через сито с блестками. Он падал на гроб, так что в конце концов тот стал похож на странное блюдо с сахарной пудрой. Обиднее всего было знать, что вот священник сейчас бросит на крышку гроба последнее «Аминь» и пойдет домой выпить, согреться и приготовиться к праздничной мессе.

Здесь людей заваливает при жизни, и покрепче, чем тогда моего друга.

Но в том-то и дело, что снег сходит. Скоро его сметит град, дождь. Потом придут молнии. И зимы уже никогда не будет. В этой мысли я ловлю какое-то странное утешение. Когда ненавидишь что-то с такой силой, желаешь, чтобы оно исчезло, даже если сам исчезнешь тоже. Психология шахида, мой дорогой Матье. Как говорят здесь, с кем боролись...

— Вы можете мне просто ответить, летают самолеты или нет? — я еще сдерживаюсь. У девушки белесое непробиваемое лицо. Во взгляде — обычная служебная ненависть к любому, кто задает вопрос.

— У нас нелетная погода. Мы дожидаемся специального разрешения... Я не могу...

Мне стыдно, но я начинаю загибаться от смеха, одной рукой держась за стойку.

— Н-нелетная погода... Ничего себе эвфемизм...

Она вдруг начинает шмыгать носом. Плечи дергаются под нелепой блузкой цвета хаки. Только этого не хватало.

— Ну что я-то могу сделать?! Думаете, вы один такой?

Их коллективизм меня умиляет. Не то важно, чтобы ты не страдал. Важно, чтобы страдал сосед.

А в данном случае я генерально не один.

Скопившаяся в аэропорту толпа дружно ахает, напрягшись с задранными головами. Они смотрят в телевизор под потолком. Там только диктор, картинки не показывают. Наверное, показывать уже нечего.

— ...Африка... Невиданные по силе грозы... Мы потеряли связь... По последним свидетельствам... Кейптауна больше нет.

Это «нет» падает в тишину, как комок снега на крышку гроба.

— Грозовой фронт движется...

Но Европа-то еще есть, правда?

— Думаете, раз иностранец — так все позволено?! — продолжает негодовать девушка. Она даже не заметила исчезновения Африки. Да и какое им здесь до нее дело.

— Простите, — говорю я. — Я очень хочу домой.

Отхожу от стойки. Характерная особенность этой страны — если завтра праздник, сегодня уже никто не работает. Если завтра конец света, сегодня все уже умерло. Не работает отопление, закрыты все бары, где можно было хотя бы перехватить полутеплого, чересчур сладкого кофе. На поле стоят, понуриив носы, самолеты, а внутри узкого ящика аэропорта бешеным сердцем бьется толпа.

Да — электричество еще не выключили.

— Сантерр! Господин атташе!

Я оборачиваюсь. Передо мной стоит Роберт Крэйг, служащий Посольства Соединенных Штатов Амери-

ки, отдел науки, культуры и образования. Подтянутый, в сером костюме, в галстук. Отсиживался тут, хотя не так давно участвовал в удачной операции на Среднем Востоке.

Удачная операция, о которой я буду помнить всю жизнь. Из-за которой на новогоднем приеме я едва удержался, чтобы не разбить ему морду. Странно — всего две недели назад.

— А, мистер Крэйг, — говорю, — что, Управление до сих пор не прислало за Вами самолета?

Крэйг слегка раздувается:

— Ваша шутка крайне неуместна и некорректна.

Он в аэропорту один, вся консульская свита улетела раньше. Кажется, мы одинаково здесь застряли. На любом тонущем корабле найдется человек, который будет заботливо сажать в шлюпку женщин и детей до тех пор, пока не заметит, что все лодки ушли, а его забыли взять. Думаю, что и Крэйг оставался до последнего в своем представительстве, цепляясь за телефон, как капитан за уходящий в воду штурвал. В последний раз, когда я связывался с нашими, мне сказали сидеть спокойно и ничего не предпринимать. До нового распоряжения.

Вначале, разумеется, никто не верил. Новость была из серии «ученые предупреждают», из тех, что на новостных сайтах печатают в левом нижнем углу. Но сообщили из серьезной организации. Из тех, что ставят консульских в известность, если используют дезинформацию. В кабинетах оживились — прервалась, наконец-то, обычная рутина. Люди собирались у кофейного автомата, под таким предлогом отщепляя от работы лишние десять минут.

Я плюнул на график связи и послал запрос — правда ли? Ответили — правда. Земля не переживет следующей грозы. Греки могут гордиться — именно их бог-громовержец в конце концов поимеет всех. Мы, грешные, думали, что это будет Аллах. Мне сказали —

НАСА, русские и наши выясняют, можно ли хоть как-то это предотвратить. Никаких действий, никакой паники — пока они наверху не договорятся. И так мы сидели и делали вид, что все хорошо.

Через три дня нас созвали в конференц-зале.

— Господа, — начал консул. Закашлялся. Замолчал. — Ребята, вам лучше... Лучше всем сейчас вернуться домой. Пока не поздно.

Когда беда хватает людей на чужой территории, они бегут в консульство, как обиженный ребенок к матери. Мы сами виноваты, выстроили слишком высокие стены, люди думают, что могут спрятаться за эти стены от любой напасти.

Когда за нами прислали два внеочередных «Боинга», я впервые подумал — хорошо. Хорошо, что нас здесь мало. Я был на Кот-д-Ивуаре во время эвакуации из зоны конфликта.

Все граждане Франции, которых занесло в этот несчастный сибирский город, уместились в хвостовом салоне. Русские улетали тоже. Моя секретарша сказала, что хочет напоследок увидеть Париж.

Связаться с Отделом я больше не мог. Ни один из адресов не отвечал. Здешние операторы связи благо временно отключились. В конце концов я уничтожил всю информацию. Стер следы. Устроил компьютеру его собственный апокалипсис. Не знаю, закрыл ли кто-то консульство, когда я вышел. Вопрос: кто похоронит последнего могильщика?

— Ладно, — говорю я, — мистер Крэйг. Давайте называть кошку кошкой. Или — как там у вас — лопату лопатой? Тоже не можете связаться со своими?

— Мне нужно срочно вернуться в Америку, — говорит он. — Думаю, это будет не так просто, учитывая, что здесь творится.

— Думаю, теперь везде так, — говорю я. — Кажется, и телефонная связь полетела в тартарары.

— Мне нужно улететь в Америку, — повторяет он.

Он что, совсем тупой?

— Мистер Крэйг, — говорю я мягко. — Отсюда самолеты в Америку не летают? Или вы надеетесь на специальный рейс? Все специальные рейсы уже улетели. Без нас.

У него с локтя свисает аккуратно сложенное пальто. Я начинаю чувствовать себя рабочим классом, в моей старой кожаной куртке и кроссовках. Но я, по крайней мере, не смотрюсь здесь таким чужеродным элементом, как он. Осведомляется эдак светски:

— Вы полагаете, что это правда?

— Крэйг, — говорю я, — весь мир полагает, что это правда. Кажется, Африка только что исчезла с лица земли. Грозу несет прямо к Белому дому.

И тут я вижу, как его лицо с острыми, будто каменными чертами, начинает плавиться, морщиться. Он вцепляется свободной рукой себе в волосы.

— С вами все в порядке? — в этот момент он меня пугает.

— О боже, это какое-то безумие. Безумие...

Теперь его трясет. Держу пари, там, в Израиле, его не трясло.

— Я должен попасть домой, — сипит он. — О, господи, Челси... Челси и дети...

На нас начинают смотреть. Даже в такой ситуации люди еще не утратили любопытства.

— Челси и дети? Да когда вы успели?

— Челси... девочки... сидят в этой дыре в Лексингтоне... Мне нельзя было заводить семью...

— Крэйг, — шиплю я, — успокойтесь сейчас же, прекратите!

Он плачет:

— Я должен добраться до них, я должен что-то сделать...

— Роберт! Возьмите себя в руки, ради всего святого!

Из-за него погибли два моих друга, а я называю его Робертом. Но, как я уже говорил, логики больше нет в этом мире. Декарт накручивает в гробу крути.

Да ведь он действительно надеялся на специальный рейс. Не мог так легко поверить, что наши страны нас просто бросили. Каждый за себя и Бог за всех. Накладка: Бога нет.

— Мы оба сядем в самолет на Париж, — говорю я четко, как привык говорить, когда даю инструкции. — В любом случае, это единственный рейс, который вылетает за границы России. Я уверен, что в Руасси нет такого борделя. На один из рейсов в США вы все равно успеете.

— В-вы правы, — губы американца слегка подрагивают, но кризис уже прошел, он снова тот агент с непроницаемым лицом. Тот самый, который тогда засветил нашу группу. Для пользы общего дела, разумеется.

А может быть, мы опоздали на последний рейс. Может быть, мы закончим свои дни в этой тесной коробке, затерянной посреди тайги.

Крэйг садится и смотрит в пустоту. Я еще раз благодарю судьбу — за то, что у меня нет ни Челси, ни девочек.

— Ненавижу снег, — говорит он вдруг.

Делать нечего; я прохаживаюсь по квадрату вдоль стен, еще и еще раз огибаю ряды кресел. Мобильник, мою банковскую карточку и все наличные за чашечку нормального экспрессо.

Молодая женщина в косынке сидит, удобно поставив ноги на спортивную сумку и читает книгу. В женщине нет ничего интересного, в сумке тоже. Но она сидит так, будто вполне довольна жизнью. Будто не ждет никакого самолета. Увлечена своим чтением.

Я сажусь рядом. Она отрывается от книжки, улыбается.

— Куда вы летите? — зачем-то мне надо это знать.

— Никуда, — улыбка становится еще шире. У нее очень большие глаза на очень худом лице. Я начинаю понимать. — Мне просто здесь нравится. Вообще-то я должна была лететь за границу. Делать операцию. У меня рак. А теперь, — она кивает на толпу, — я просто читаю и гляжу, как они суетятся. Мне это нравится. Я это считаю справедливым. Справедливым, понимаете?

В глазах у нее какое-то свечение, будто на православной иконе. Мне хочется обнять ее колени, прижаться, помолиться.

— Поедьте со мной, — говорю я. — Если самолет все же взлетит... В Париж. Последний уик-энд. Оргия. Как это вам?

Ты катишься с катушек, Матье Сантерр.

Она смеется:

— Нет. Мне тут хорошо.

Я везунчик. Я родился в рубашке. По замолкшему, казалось бы, громкоговорителю передают о посадке в рейс такой-то до Парижа.

Я доберусь. У меня там нет ничего, кроме родины, но я считаю это достаточным поводом.

Крэйга ведет новая надежда. Он опускается в кресло рядом со мной. Я этому даже рад.

— Мы просим вас пристегнуть ремни, выключитьотовые телефоны..., — вещает стюардесса.

Почему она не скажет другого? «Плюньте на ремни, даже если самолет упадет, для нас это мало что изменит, а мобильные все равно не работают...»

— Запасные выходы находятся...

Я гляжу в иллюминатор. Снег все падает, крупными, мокрыми хлопьями.

— Я уволюсь, — вдруг говорит Крэйг.

Стюардесса везет поднос с напитками и кофейником. Аллилуйя. Я спрашиваю, какое у них есть вино.

— Белое, красное, розовое, — оживленно перечисляет девушка.

— Молдавское?

— Да!

— Тогда лучше кофе. — Конец света или нет, я не собираюсь пить это пойло из третьесортной республики. Пусть янки думает, что это — французский снобизм и чванливость. Так, по сути, и есть.

— Девушка, — говорит вдруг американец. — У вас дома кто-то остался?

Она бледнеет. Господи, да ему-то какое дело? Чертова нация психологов. Неужели не ясно — ей не хочется говорить об этом. О том, что дома осталась мама-пенсионерка с маленьким сыном, что муж застрял в другом городе, а у нее это последний рейс, что она вышла к нам, потому что партнерша рыдает за занавеской.

Она хорошенькая, только вряд ли кому из нас это теперь поможет.

Мне такого абсолютно не хочется сейчас. Вот американец — может, он еще успеет добраться до Лексингтона, поцеловать девчонок на ночь и последний раз улечься в постель с Челси. Чтобы доказывать друг другу до последнего, что они еще живы. Странно, заговори со мной раньше о конце света, и я бы не смог представить его иначе, чем в постели. Но теперь у меня совсем другие желания.

— Круассан.

— Что? — встряхивается Крэйг.

— Круассан и двойной эспрессо в «Кафе де Флор», это недалеко от Оперы, — говорю я. — Эспрессо, от которого на стенках остается желтая пена. И почитать «Монд» — свежий, хрустящий, с карикатурой на первой странице. Вы замечали, что здешние газеты пахнут совсем по-другому?

— Она хотела третьего ребенка, — отвечает Крэйг. — А я сказал, что она сошла с ума.

— Знаете что, Крэйг? — говорю я. — Все предыдущие поколения должны были нам завидовать. Мы един-

ственные, кто знает, чем все кончится. Единственные, кто досмотрел сериал до конца. Понимаете?

После кофе я почему-то засыпаю. Отрубаясь, несмотря на то что в салоне некуда втиснуть ноги, и кресло впивается в тело всеми углами, какими может. Просыпаюсь от группового стога. Объявили — самолет совершает вынужденную посадку в Бресте.

Американец смотрит на меня с осуждением. Я разбазарил два часа оставшейся жизни.

— Какого черта? — самое интересное, что мне хочется только спать, и ничего больше. — Почему нас сажают в Бретани? Что там с Парижем?

— В Бретани? — на лице Крэйга впервые появляется что-то вроде улыбки: — Это вы далеко замахнулись, Сантерр. Брест, Белоруссия, бывший СССР.

Потом я на какое-то время теряю действительность; то есть она здесь, но за пределами моего понимания, так же, как за его пределами находится белорусский Брест — таких городов не бывает, это место из кошмара.

Кроме нас, никто не выходит. Чего же странного, в самолете светло, и на борту есть еда и выпивка.

— Здесь польская граница под боком! — орет американец в странном приступе оптимизма. — Добраться до Польши, в Варшаве есть аэропорт! Да плюньте вы на багаж, Сантерр!

Здесь так пусто. Лес, автостоянка, дорога, больше ничего. Странное разделение, ведь это все еще Россия, только в этой стране может царить такая холодная, бесконечная пустота.

Американец подходит к первой попавшейся машине на стоянке. Я понимаю, как Крэйгу хочется к семье, когда он голой рукой разбивает боковое стекло. Я не успеваю ничего сказать, а американец уже нагибается над зажиганием, и машина урчит.

Вести приходится мне. Крэйг привык к автоматическим коробкам передач.

— Простите меня, Сантерр, — говорит он вдруг.

— М-м? — В свете одной исправной фары вертится странная мокрая взвесь. Мир, рассеченный дорогой, уже мертв.

— Я только выполнял приказ. Они были вашими друзьями, я так понимаю.

Я представляю себе всеамериканское короткое замыкание. Миллионы вытянутых вверх огненных цепочек гаснут одновременно. Те ребята обещали теракт — в Нью-Йорке или в Париже, куда укажет стрелка всемирной лотереи Аллаха. Самое обидное, что в свете происходящего — это ничего бы не изменило.

— Управление позаботилось о наших. Вы наверняка сделали то же самое. Только у нас было больше шансов.

— Восемнадцать часов, — говорю я, — из Варшавского аэропорта до Нью-Йорка. И Бог знает сколько вы будете ехать до Лексингтона.

Американец замолкает. Потом говорит:

— Зачем вы только разобрали «Конкорд».

Мы добираемся до границы раньше, чем я думал. Стоит глубокая, непробиваемая темнота — должно быть около трех ночи. Перед кордоном — ничего, ни огня, ни людей, только жуткая очередь брошенных машин.

— Мне это не нравится, — говорит Крэйг. — Что смешного, Сантерр?

Я смеюсь, потому что понимаю, что вот сейчас, кажется, мы будем пробивать кордон угнанным автомобилем, то есть выбираться из Восточной Европы так, как это делают засветившиеся резиденты в старом кино, но не слишком ли поздно попадать в шпионский фильм?

И фигуры вырастают на дороге, у нас на пути, те, что и должны вырасти, с оружием в руках. В нормальное время мы бы остановились. Документы у нас обоих в порядке. Дипломатическая неприкосновенность.

— Не останавливайтесь, — говорит Крэйг.

— Не собираюсь, — я выжимаю педаль изо всех сил. — Мы едем домой, Роберт, понятно? Мы едем домой!

Это просто силуэты, безликое зло, преградившее дорогу, и непонятно, чего они хотят, ведь границы больше нет.

Вслед раздаются хлопки. Только бы не пробили шину. Их слишком много.

— Ну сейчас-то, Боже правый, зачем? — беспомощно говорит Крэйг. Машину кидает на ухабе. Крэйг открывает окно.

— Осторожнее!

Он высовывается. С чего бы им за нами гнаться, неужто в эту ночь им не хватает забот?

От выстрела разлетается заднее стекло. Глухо отвечает пистолет Крэйга.

Я пригибаюсь, грудью почти ложусь на руль. Здесь уже ничего нет, возможно, дома меня ждет темнота куда глуше, но я все равно должен успеть.

Хлопки прекращаются, уносится назад пейзаж, поставленный на быструю перемотку.

— Ф-фу, — говорю я американцу. — Мы в Польше.

Он развалился на сиденье рядом со мной. Нехорошо как-то развалился. Сосредоточенно смотрит перед собой и часто дышит. Пуля вошла ему в спину сбоку и застряла в левой руке. Я расстегиваю ему пальто и осматриваю рану. Выглядит страшно. Не знаю, смертельно ли. Если бы поблизости была хоть одна больница. Хоть один — как они это называют — чертов фельдшерский пункт. Но в округе даже домов нет. Только лес и снег.

Он обретает голос, начинает тихо ругаться себе под нос. Кое-как я перевязываю рану своим шарфом. Выхожу из машины. Снаружи шторм, ветер сбивает с ног. Даже если найду автомобиль, он вряд ли заведется.

Он заводится — маленькая доисторическая «Сирена». Кажется, что так просто хозяин ее не бросил бы. Все

равно что бросать старого преданного пса. Что-то с ним случилось, с хозяином.

Я подгоняю «Сирену» почти вплотную к заглохшей машине. У Крэйга глаза полузакрыты, и он не реагирует, когда я зову.

Кожей я ощущаю, как уходит время.

Я с трудом вытягиваю Крэйга из салона. Сразу перетащить его в машину не получается. Я сажаю его на дорогу, голова бьется о железную дверь. Черт.

— Крэйг!

Ледяные капли падают ему на лицо. Я перетягиваю рану потуже.

— Роберт!

Он что-то мычит.

— Вы же не хотите подохнуть прямо здесь, в этой треклятой тайге, в таком холоде!

У него получается выговорить:

— Н-нет...

— Вот так. Думайте о Челси. Думайте о детях. Как их зовут?

— Сара... И К-келли...

— Очень хорошо, — я наполовину втаскиваю его за заднее сиденье «Сирены». В этот момент трясущийся корпус замолкает.

Ох, нет. Бордель. Нет.

Время уходит.

Я бросаю американца и кидаюсь за руль. Но машина больше не хочет никуда ехать. Крэйг стонет, не стесняясь. Ему, похоже, очень больно.

Сколько жителей в Польше? Уж миллион наберется, наверное. Миллион жителей, а мы с американцем — одни во всем мире, и не докричишься. Кажется, я понимаю, что такое конец света. Больше всего мне не хочется бросать его в этой пурге. Но зачем стараться, если жизнь пригодится ему только в ближайшие два дня? Мне могли бы сказать, что разница очень даже боль-

шая. Могли бы сказать о его семье. Я и сам себе это говорил.

Возвращаюсь к нему:

— Роберт! Мне нужно найти другую машину. Слышите?

Он давится своей болью. Ему не до меня.

Я полностью затаскиваю его на сиденье, на чье-то брошенное тряпье.

— А собака? У вас ведь должна быть собака? Как ее зовут?

Крэйг бормочет что-то — не то «Слаппи», не то «Флаффи».

— Отлично, — шарф стал совсем темным, и в тесном салоне воняет кровью. — Слаппи... Сара и Келли... Сара старшая, а Келли — младшенькая, так?

— М-м... — видимо, наоборот.

— Ясно. Знаете, что я вам скажу, Боб? Я думаю, нас надули с этим концом света. Я думаю, все будет хорошо. Скорее всего, наши с вами службы решили припугнуть русских и вывалили мощную дезу. Мы купились, как дети. А у вас дома все спокойно, Сара и Келли спят в своих кроватках...

Я не хочу, чтобы он видел, что я делаю. Хотя он, наверное, знает.

— А Слаппи — на коврике, и никто из них даже не догадывается, что вы решили вот так нагряться. Я вам клянусь, Боб, все так и есть. Мы дождемся утра и доедем до аэропорта, и вы увидите наконец семью. Все будет хорошо, Боб...

Его голова слегка дергается. Я убираю пистолет.

— Все будет хорошо, — говорю я в тишину.

Плотно закрываю дверь.

Машин больше нет. Какие-то остовы попадают вдоль дороги, на них только на тот свет.

Я сделал все, что мог. Просто у меня было больше шансов.

Теперь у меня никого нет. Вместе с Крэйгом умерли Челси, ее дочери и собака Слаппи. Наверное, я последний человек на этой земле.

Сугробы на глазах превращаются в грязь. Я больше не могу идти, но я хочу домой.

Когда он появляется — сказочный дракон из тумана, два горящих глаза, рычание — я глупо бросаюсь на середину шоссе. Все же я везунчик. Водитель трейлера успевает меня заметить. Он ехал на маленькой скорости из-за погоды, смог остановиться.

Открывает дверь, без лишних слов втягивает меня в кабину. От тепла становится все равно, и я закрываю глаза. Уже не помню, куда я шел... и откуда.

— Еду в Бельгию, — объясняет дальнбойщик. — Чем черт не шутит, думаю, попробую добраться. Вам-то куда?

— В первый же город с аэропортом, — куда-то делся голос. Бельгиец. Наверное, мне больше не выпадет шанса рассказать анекдот про бельгийцев.

— На вас кровь, — говорит шофер. — Много.

— А, — говорю я, — Надо же.

В Варшаве аэропорт еще жив, хотя на табло против половины рейсов стоит «Аннулирован». Вот так же на табло у Бога поменяются цифры, и аннулированным объявят наш мир.

То, что здесь творится, адом назвать нельзя, но на чистилище очень даже смахивает. Шум. Визг. Плач.

— Простите — говорит девушка из «Эр Франс», — но я ничего не могу сделать, всем нужно в Париж, насколько я знаю, это последний рейс, и он забит.

— Мне все равно, как вы найдете мне место, но вы мне его найдете! Мне нужно быть в Париже через два часа, понятно? Или вы хотите, чтобы я прямо отсюда связался с начальством?

Служащая на пределе. Она смотрит на меня раскрытыми глазами и зовет начальника. Но когда я прохожу мимо нее на посадку, девушка провожает меня взгля-

дом, и от этого взгляда мне становится тошно, потому что там полыхает вера, которую я сам же туда и поселил. Все не может быть кончено, пока суетятся спецслужбы.

Я бы попросил у нее прощения, но мне надо домой.

В Руасси идет пока только легкий дождик. Сбой в расписании поездов не дотягивает даже до банальной мартовской забастовки. Электричка довозит меня до Шатле, а оттуда — седьмая линия еще ходит — до Оперы.

Небо серое, с фиолетовым оттенком, но серый всегда был к лицу Парижу. Опера все так же блещет золотом, кафе открыты; за стаканами «Перье» и порто на террасах люди время от времени смотрят вверх.

В Кафе де Флор шумно; насколько я помню, обычно здесь бывает меньше народу. Кто-то шумно обсуждает грозу; кто-то рассказывает уже придуманную черную шуточку; старик в берете невозмутимо читает «Монд».

— Сожалею, мадам, но «Голуаз» у нас кончились...

— Я бы вам посоветовал «Шато де Меридор», в том году на Луаре был очень хороший урожай...

— Если эта гроза и вправду разразится, лучше ей начать с Елисейского дворца...

— Восьмая линия уже не работает, я ехала с пересадкой...

Я сажусь за круглый блестящий столик. Откидываюсь на спинку плетеного стула.

— Я вас слушаю, месье?

Это мой Париж. Это его равнодушие, известное на весь мир, веселое, легкомысленное, великодушное наплевательство. Один наш король сказал: «После нас — хоть потоп». Ну вот, пожалуйста, потоп близко, и хоть бы кто о нем беспокоился больше того короля...

— Я пять лет не был во Франции, — говорю я официанту с подносом и безупречно белым полотенцем на рукаве.

— Вы вовремя вернулись, месье, — отвечает тот. — Добро пожаловать домой. Что будете заказывать?

Я так голоден. У меня на одежде кровь, и мир сейчас кончится, но мне так хочется есть — хотя бы обыкновенный «крок-месье». Он быстро готовится.

Крок-месье — горячий, мягкий, расплавленный сыр выливается на свежие листья салата. В бокале вино — терпкое и богатое, и может быть, я еще успею заказать кофе и сигарету.

Официант приносит «Монд». Чуть влажный воздух Парижа пахнет эспрессо. Перед кафе, прямо посреди улицы, целуются на прощание двое влюбленных.

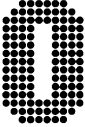
Что бы ни случилось дальше — сейчас я там, где должен быть, и единственное, о чем я жалею, что последние пять лет торчал не здесь. Что ж, если нужен был конец света, чтобы привести меня домой...

В этот момент небо над Эйфелевой башней рассекает первая молния.

ПОЛКОВНИК И РОЖДЕСТВО

I

 приближении Рождества полковнику напоминают отметки в настенном календаре. Когда он в очередной раз зачеркивает дату на исписанном листе, его охватывает радостное возбуждение. Не то чтобы он верит в Бога, но в этот день надеется на Него чуть больше, чем во все остальные, вместе взятые.

«Осталось две недели, — думает он, — всего две до Рождества».

И тело будто просыпается после долгой спячки. Полковник бреется, надевает чистые рубашку и брюки, замечая, что боль в ноге беспокоит меньше, и он даже может обойтись без палки, на которую опирается во время долгих странствий по коридорам больницы. Чувствуя прилив сил, он ковыляет в мастерскую, куда давно не заглядывал. Там покрываются пылью его незаконченные изобретения; в беспорядке разбросаны гайки, колеса, шестерни вперемешку с инструментами и прочим хламом, потому что последний раз он заходил сюда почти год назад, и тогда у него не хватило сил прибраться как следует. Раньше полковник проводил здесь много времени, часами перебирая детали старых механизмов в попытках приладить их одну к другой. Каждый год после Рождества, полный новых идей и планов, он надолго запирался в мастерской и работал до тех пор, пока мысли не становились похожими на медленно текущую реку. Наступал день, когда он обнаруживал себя на пороге, и взгляд скользил от одного предмета к дру-

гому, ни на чем не задерживаясь, нигде не останавливаясь, а тело охватывала такая слабость, что он предпочел бы умереть, чем сделать хотя бы еще один шаг. И тогда полковник запирает дверь, его творения оставались сиротливо дожидаться следующего Рождества, а сам он бесшумно, как тень, бродил из угла в угол, находя успокоение в медленном потоке бессвязных мыслей, прерываясь лишь на еду и сон, пока очередная отметка в календаре не подсказывала ему о приближении праздника. Вот и в этом году, словно очнувшись, он подкручивает гайки в каркасе гигантских механических часов, которые придумал, чтобы лучше ориентироваться во временах года. Иногда, не в силах совладать с радостным возбуждением, он бросает часы и движется вдоль стены, где располагается система рычагов, запускающая работу тайных механизмов — назначения многих из них он уже и не помнит. Услышав в одном скрип, полковник вспоминает, что в подвале осталось масло. Он идет за маслом, но по дороге забывает, зачем шел, зачарованный всплесками смеха в больничных палатах. Около одной из дверей он останавливается и долго прислушивается к доносящимся оттуда разговорам. Потом спускается вниз, одевается и открывает входную дверь.

Его встречают два пса. При появлении полковника они подсакивают почти синхронно и размахивают хвостами с такой силой, что смотрятся, как два неуклюжих грузовичка, виляющих задом на обледенелой дороге. Они рвутся с цепей, энергично стряхивая снег с лохматых боков, а пасти извергают клубы горячего пара. Каждого из них полковник зовет Ральфом. Ральф-первый и Ральф-второй. Был еще Ральф-третий, но он умер прошлой весной, бедняга. Остались эти двое... Старые вояки.

Он приносит псам консервы, тщательно отмерив дневные порции, и, пока они пожирают принесенную еду, всматривается в бледную пелену неба, откуда сно-

ва начинает падать снег, чей нескончаемый поток сводит с ума. Полковник чует его запах в малейшем дуновении сквозняка, а когда спит, ему снится снег. И еще он будит неясные желания, почти неуловимые, желания-сожаления, потому что в них нет ни капли надежды. На этот раз снег заставил его подумать о рождественском пироге, о том, как он пахнет, когда горячий, и в нем много душистых орехов и изюма, как тает во рту его зернистая мякоть, чтобы потом разлиться внутри тела приятным и сладким теплом.

Нужно попросить Стефана в следующий раз, когда тот привезет еду, захватить немного муки и орехов. Полковник знает, как это трудно — и мука, и орехи стоят целое состояние, а про сахар уж и думать нечего, но готов заплатить. У него есть две бутылки отличного вина, они перепали от парня из соседней палаты — полковник был с ним дружен. За каждую можно получить не только муку и орехи, но даже, если повезет и найдется человек, знающий, где их достать, пачку восхитительных ароматных сигарет, вкус которых полковник помнит еще со времен войны. Полковник вздыхает и, прежде чем закрыть дверь, еще раз окидывает взглядом заснеженный горизонт. Наверное, вертолет не прилетит. Не сегодня.

Прихрамывая и придерживаясь за стены, он бредет по коридорам больницы обратно в мастерскую. По зданию разносится надтреснутый звук патефона. Нежный, едва различимый лепет музыки — то громче, то тише — помогает хранить память о прежней жизни. Он не стремится думать о ней. Только помнить. Война, чей исход решался одним ударом, отняла у него все, превратив жизнь в чистый белый лист. Если бы полковник мог выбирать, то предпочел бы участвовать в тех сражениях, где время для принятия решений не сжимается до считанных секунд. В какой-то степени он чувствовал себя обделенным, потому что не имел права на ошибку. Когда отказала навигация, когда компьютеры вышли

из строя и стало очевидно, что международная коммуникационная система дала сбой, он собрался выйти на поле боя и повести за собой остальных, как в старые добрые времена. Но все началось и кончилось за несколько мгновений. Вопрос был только в том, кто раньше повернул ключ на старт. Некому стало идти на поле. Не с кем сражаться. Да что там полк! Сразу несколько держав уничтожили друг друга одним поворотом проклятых ключей. Правда, полковник узнал об этом спустя много месяцев, уже в больнице, далеко от того хаоса, в который превратился мир после войны. Ногу удалось спасти, а вот крошечный осколок, застрявший под ребрами после взрыва, извлечь так и не удалось. Полковник был так плох, что не мог передвигаться, поэтому остался здесь. Сначала на время, потом навсегда.

Лиза и дети слали ему письма, полные печали и страха, обещали приехать, когда все уляжется. Полковник молчал и даже злился, оттого что не мог отыскать в сердце ни капли любви, способной заставить его скучать по семье. Все, что было до войны, утратило смысл — и когда письма иссякли, ему стало легче. Зато от каких-то, казалось бы, мелочей, он испытывал почти ребяческую радость. Когда нога зажила, осколок в нижнем подреберье сросся с организмом, и полковник перестал просыпаться среди ночи от изнуряющей боли, он начал бродить по больнице и общаться с другими. В подвале он обнаружил целые залежи хлама и различных инструментов и, чтобы скоротать время, стал придумывать новые механизмы и конструкции, которые про себя называл «штуковинами». Занятие постепенно захватило его: полковник оборудовал собственную мастерскую, и даже наладил работу дизельного генератора, способного обеспечить питанием все устройства больницы на годы вперед. В то время ночи тянулись бесконечно долго — дни, недели и даже месяцы протекали в темноте, и тогда полковник решил создать что-то вроде прожектора. Он назвал свой проект «Звездой»

и с помощью обитателей больницы за несколько месяцев выстроил на крыше подобие вывернутого наизнанку телескопа-рефлектора. Расположение линз и зеркал было таково, что при подаче напряжения свет, разделяясь на несколько пучков, рассеивал тьму вокруг здания. Правда, при первом же запуске полковник понял, что не учел мощности «Звезды». Четверть часа работы «волшебного изобретения» обесточили всю больницу. Потребовалось много часов на восстановление жизнеспособности всех систем, а полковнику пришлось признать, что план провалился. Работа над «Звездой» была сродни заботе о собственном ребенке, и когда ожидания не оправдались, он впал в тоску и даже слег. Его мучили разные чувства. Когда наступала ночь, он тосковал по остывшей «Звезде» — холодной, одинокой, смотрящей пустым выпуклым глазом в заснеженный горизонт. И в то же время ему снились кошмары о том, что генератор сломался и в больницу вползает ядовитая наледь, превращая здание в замороженный склеп. Оправившись от удара, он заставил себя не думать о «Звезде», довольствуясь работой над теми «штуковинами», которые не вредили жизнеобеспечению. Постепенно полковник потерял счет времени. Однажды проснулся и понял, что не помнит, какой сейчас год. Только старый календарь, в котором он скрупулезно отмечает дни и недели своей жизни, напоминает ему о том, что время все еще течет.

Во второй половине дня снег прекращается, и полковник слышит звук вертушки. Вертолет, покачиваясь, опускается вниз, кругами раздувая сухой снег. Приятель полковника, Стефан, спрыгивает на землю и выволакивает из кабины ящик с провизией. Полковнику не терпится заглянуть внутрь, хотя он и так знает, что там одни консервы. Стефан заглушает двигатель и, достав из-за пазухи пузатую бутылку дешевого портвейна, машет ею в воздухе, словно трофейным кубком. Он выглядит весьма довольным собой, хотя и немного усталым. Его покрасневшие глаза, окруженные сетью мел-

ких морщин, смотрят на полковника живо и весело, а густая черная борода скрывает ухмылку.

— Ты бы не пил, брат... — начинает полковник, хватаясь за края ящика с консервами.

Его попытка поднять груз приводит к мучительной, почти забытой боли под ребрами. Он охает и, закашлявшись, присаживается на корточки, стараясь отдышаться.

Стефан молча подхватывает ящик, одновременно удерживая бутылку, и широкими шагами направляется к больнице.

— ... а то ведь, — переведя дух и направляясь вслед за другом, продолжает полковник, — кто же летать сюда будет? Ну мало ли чего...

Но тот уже исчез в дверном проеме, и полковник слышит дробь его шагов на лестнице, ведущей в кухню. Полковник вздыхает и хромает следом. На кухне Стефан уже разливает портвейн по кружкам, открывает банку консервов и деловито раскладывает ее склизкое содержимое по двум тарелкам.

— Какие новости, приятель? — Тяжело опираясь руками о стол, полковник опускается на шаткий стул. Он чувствует себя больным и старым.

Приятель устало машет рукой и одним глотком опустошает кружку.

Дальше они молчат. Оба понимают, что это значит.

Стефан засыпает прямо за столом. Полковник гасит свет и относит остатки консервов собакам.

Наутро Стефан уходит. Когда он садится в вертушку, полковник испытывает неясное чувство тревоги. Ему хочется что-то сказать, но ничего не приходит в голову.

— Жаль, писем больше нет, — замечает он.

Писем нет уже года два, и фраза кажется ему глупой, но он все равно ее произносит, просто так, чтобы прервать затянувшееся молчание.

Стефан хлопает себя по лбу и извлекает из кармана мятый конверт.

Полковник берет конверт, опасаясь, что приятель увидит, как дрожат пальцы, и хрипло произносит.

— Ты, это... Береги себя.

А потом, борясь с растущим внутри нетерпением и словно бы наслаждаясь им, провожает взглядом вертолет, похожий на неуклюжего шмеля, пока тот не превращается в точку над выбеленным снегом горизонтом. Полковник спешит обратно в больницу. Ральф-первый и Ральф-второй смотрят ему вслед, помахивая хвостами.

Он садится за стол, распечатывает конверт и, развернув письмо, невольно пробегает его взглядом, словно пытаясь за мгновение охватить весь смысл написанного.

«Дорогой Тарсен!

Я — Лара, дочь Вашего друга. Простите, что долго не писала. Все из-за болезни. Я провела в больнице целый год и почему-то до сих пор жива... Знаю, что, скорее всего, Вы едва ли можете меня вспомнить. Мы не виделись так давно, и сейчас, наверное, я изменилась. Тем более что в больнице у меня, как у всех, выпали волосы. Папа смеялся и называл меня лысой принцессой. Жаль, он так и не дождался, когда они хоть чуть-чуть отрасли. Он умер намного раньше.

Теперь, когда я не сплю, то обычно сижу у окна и смотрю на город, вернее, на то, что от него осталось. Это чудо какое-то, но небоскребы еще уцелели, хотя территория вокруг огорожена, потому что им давно пора бы упасть. Но они стоят, похожие на три гвоздя, и не падают. Если наступает утро и небо становится алым, то можно разглядеть на фоне этого неба, как из них еще выходит черный дым. Вообще-то он везде, даже в здании, где я живу. Он стелется везде: по земле, по полу... Наверное, оттого, что земля так и продолжает тлеть. Когда погода сухая и снега нет, дыма становится больше, и тогда утро не наступает...

Я скучаю по Вам, Тарсен...

Представляете, у меня сохранилось то пальто с погонами, которое Вы отдали отцу, когда он чуть не замерз. Это было в самом начале войны, как раз под Рождество, помните? Тогда упали первые бомбы, и вы вдвоем были в штабе, а мама с тетей Лизой очень боялись, что вы не вернетесь. Но папа вернулся, а Вы — нет. Так вот, это пальто, оно такое теплое, и я под ним сплю, потому что в доме холод. Я могла бы погреться на сборных пунктах, но там живут люди, которые все отбирают. Однажды они меня побили, поэтому я стараюсь там не появляться. В последний раз они украли мой кораблик. Помните? С настоящим мотором, который Вы для меня смастерили. Конечно, ему больше негде плавать, но все равно жалко. Людей становится все меньше, они продолжают умирать. Надеюсь, Вы все еще живы? Потому что больше никого нет — ни у меня, ни у тех, кто остался в живых. И я счастлива, что есть человек, кому я могу задать этот вопрос. Отец говорил, если я буду в беде, то смогу к Вам обратиться. Он рассказывал мне и брату, что Вы никогда не сдавались и никогда не унывали. Надеюсь, Вы до сих пор не сдаетесь и не унываете, хотя, насколько я знаю, долго болели и никого не хотели видеть после всего, что случилось. Но не беспокойтесь, я уже совсем взрослая, меня не надо кормить и одевать, и я живу сама, мне никто не помогает. Сказать по правде, раньше папа ругал меня, просил ничего не писать, говорил, что Вам до сих пор кажется, будто не я, а жена и дети пишут эти письма. Вы и вправду не верите, что никого больше нет? Простите, что спрашиваю об этом. Наверное, просто хочу заставить Вас наконец-то написать мне хоть несколько слов. Может быть, я просто жду, что произойдет чудо, и Вы ответите. Потому что понимаете, каково это — одному. Знаете, о чем я мечтаю? О словах, обращенных именно ко мне, предназначенных именно мне и никому другому, и неважно, что в них будет, любовь или ненависть — вообще неважно! Важно — знать, что я не одна в этом мире.

Можно Вас навестить? Ведь скоро Рождество! Я бы уговорила Стефана взять меня в свой вертолет, если Вы согласитесь. Пожалуйста, напишите...»

Письмо выпадает из рук. Полковник вскакивает и торопливо спускается вниз, придерживаясь за стены. Он не помнит ни Лару, ни ее папу. Правда, кораблик он и в самом деле мастерил. Для кого? Сейчас не имеет значения. Он распахивает дверь и выбегает наружу, будто все еще надеясь задержать вертолет. Потом поворачивается и, ссутулив плечи, ковыляет обратно в больницу. Он снова кормит собак, спускается в мастерскую и острой болью ощущает свое одиночество, когда слышит шорохи шагов, разносящиеся по коридорам. Потом, лежа в кровати, долго ворочается, кашляет и вздыхает. Ему мешают уснуть полоса света под дверью, голоса и смех. Но он продолжает смотреть, продолжает слушать. Самое время сунуть в рот холодный ствол пистолета, но он все еще чего-то ждет.

II

Всю следующую неделю за окном гудит ветер. По ночам, в полусне, полковнику кажется, что снаружи великаны играют в снежки, стараясь попасть прямо в стекла. Время замедлилось, и минуты напоминают вяло ползущих гусениц. Он надеется, что произойдет чудо, вертолет прилетит раньше, и он успеет передать письмо Ларе. Он даже готовится к празднику — ему захотелось поставить елку, но, куда ни глянь, вокруг только километры искристого снега, поэтому, чтобы к тому же убить время, он решил смастерить ее сам. Елка выглядит кривоватой, похожей на космического монстра. Он конструирует ее всю неделю из катетеров и капельниц, красит в зеленый цвет и украшает пузырьками из-под лекарств. В перерывах пытается написать Ларе. Ответ выходит сухим и бессвязным. Чем дальше текут мину-

ты, тем яснее ему становится, что Рождество придется встретить одному, письмо не успеет, поэтому ответ не выходит. Он рвет каждый черновик, начинает новый — и снова рвет. Каждый день ему хочется написать что-то другое. Ему хочется бежать прочь из больницы, которая кажется тюрьмой, преодолеть расстояние, ледяной нескончаемый поток снега, и кричать в распростертое над ним небо: «Лара! Приезжай! Приезжай, пожалуйста!»

Но когда он открывает входную дверь, чтобы покормить собак или постоять на крыльце, высматривая вертолет, а снег режет лицо и слепит глаза, к нему приходит осознание, что настоящая тюрьма — его собственное тело.

Полковник размышляет о Стефане. Он ругает себя за то, что не спросил про письмо раньше. Написав десятый вариант ответа, совсем безнадежный, он понимает, что вертолет не прилетит. Он старается не думать о том, что у Стефана кончилось топливо, то самое, которым верный друг запасся неизвестно как и неизвестно где, и берег специально для того, чтобы навещать полковника в этой глуши. Хотя, быть может, дело вовсе не в топливе... Перед мысленным взором ясно предстает ухмыляющийся приятель, размахивающий бутылкой портвейна. Но полковник не привык никого винить, кроме себя.

Когда до Рождества остаются считанные дни, он заглядывает в подвал, где под брезентом стоит полуразобраный снегоход. Воодушевленный новой идеей, полковник бежит наверх, чтобы принести инструменты, но по дороге его охватывает страх, что вертолет, возможно, уже в пути. Нет, он будет ждать. Перед Рождеством он откупоривает одну из припрятанных бутылок вина и почти полностью осушает ее, пытаясь унять ноющую боль под сердцем.

Ночью он просыпается от хлопка. В ушах все еще звучит отголосок громкого эха, прозвучавшего между сном и явью. Внизу отрывисто лают собаки. Полковник

отрывается от стола, за которым уснул, и, преодолевая боль в груди, спускается вниз. С трудом отодвинув занесенную снегом дверь, он долго вглядывается в темноту. Он видит зарево у края горизонта, чей отсвет бросает бледные, дрожащие блики на стены больницы. Резкий порыв ветра швыряет на крыльцо беспорядочное крошево снега вперемешку с черными хлопьями, похожими на пепел. Полковник вздрагивает и медленно закрывает дверь. Следующий час, прижимаясь лбом к заиндевелому оконному стеклу, он пытается собраться с мыслями, но они больше похожи на разорванные куски газеты — слово тут, слово там. Он думает о Стефане. Он думает о Ларе. Он думает о пепле на крыльце, о бесконечной зиме и ночи, и о зареве на горизонте. И еще он понимает, что если каким-то чудом Стефан все-таки жив, то надо срочно чинить снегоход, срочно ехать, срочно искать то, что осталось от вертолета. Стефан никогда не доберется до больницы сам, слишком темно, слишком холодно, — ему нужен свет. Но на то, чтобы починить снегоход, потребуется не менее двух дней, а может, и больше. Многих деталей не хватает. Разве только частично разобрать «Звезду»...

При мысли о «Звезде» полковник чувствует, как замирает и дрожит сердце, а память, словно электрический луч, пытается объять весь мир, распростертый вокруг одинокого здания. И никого не находит. Только Лару, встречающую рассвет в напрасном ожидании письма, и Стефана у разбитого вертолета, застрявшего на полпути между жизнью и смертью. А коли так, то больше незачем ждать. Если Стефану нужен свет — он его получит, даже если больнице придется стать непригодной для жизни.

Полковник отходит от окна, и, прихватив в мастерской инструменты, поднимается на крышу, где не был с тех пор, как погасла «Звезда». Ему приходится повозиться, прежде чем открыть раздвижную дверь, ведущую наверх. Порывы ледяного ветра так сильны, что в пер-

вую минуту он стоит, ухватившись обеими руками за края дверного проема, не в силах сдвинуться с места. Когда ветер стихает и ему удается немного разлепить слезящиеся глаза, он чувствует радость, как при встрече со старым, давно позабытым другом. Дрожащий свет фонаря в его руках выхватывает из темноты гладкий бок устройства, похожего на спящего кита.

— Привет, детка, — шепчет полковник, обнимая заledenый корпус «Звезды». — Жаль, что жили мы с тобой недолго, да и не очень счастливо. Зато умрем в один день.

Он долго и скрупулезно проверяет цельность корпуса, инспектирует каждую деталь механизма и протирает линзу, очищая от наледи, хотя знает, что когда «Звезда» разгорится, она согреет себя сама.

Перед тем как нажать пуск и повернуть рычаг, он медлит несколько минут, напрягшись всем телом, оттягивая тот момент, когда пути назад уже не будет. Что-то похожее полковник испытывал тогда, в том далеком году, когда стоял и держал палец на кнопке. Только здесь все иначе, здесь нет ни устава, ни приказа. Рычаг поддается с трудом, и чем труднее его поворачивать, тем сильнее уверенность полковника, что он прав. Он давит на рычаг, почти теряя сознание, оглушенный порывами ветра и страхом — таким же сильным, как ветер. В заледенелом нутре «Звезды» зарождается тепло, и яркие, похожие на золотистое пламя лучи открывают перед ним огромные поля снегов. Словно кто-то включил проектор в гигантском кинозале, где экран — весь мир. И вот он стоит, замерзший, одинокий, и смотрит фильм, который, как ему кажется, он сам же и создал. Он мечтает о теплых руках, обнимающих его измученное тело, о человеческом голосе, произносящем любые слова, но обращенные именно к нему, предназначенные именно ему и никому другому, и неважно, что в них будет, любовь ли, ненависть — все это совершенно неважно. Он просто мечтает, зная, что до его мечты

простираются километры снегов, понимая, что не может простить себе участия в войне. Он укоряет себя за долгие годы бездействия, за то, что старался не вспоминать о семье, за то, что ни разу не ответил Ларе, за то, что он — полковник. От корпуса «Звезды», рассеивающей подвижные прямые лучи, исходит тепло, похожее на прикосновение, и обладай машина чувствами, он мог бы подумать, что она его утешает.

Внизу, взбудораженные ярким светом, хрипло и отрывисто лают Ральф-первый и Ральф-второй. Вернувшись к действительности, полковник спешит вниз, чтобы их покормить, а потом идет в комнату и достает пистолет. Вернувшись к собакам, он, немного поколебавшись, освобождает их от ошейников. Они смотрят на него, вопросительно поваливая хвостами. Полковник прокашливается и, выпрямившись, как на плацу, отдает им честь. Ему хочется произнести торжественную речь, сказать им что-нибудь важное. Но он понимает, что не может найти слов, потому что эти двое были для него неизмеримо важнее, чем все слова, вместе взятые.

— Ну, братцы, мне пора, — наконец произносит он. — А вы, давайте-ка, идите. Пока светло, куда-нибудь доберетесь.

Но собаки не торопятся уходить.

— Ну же, валите отсюда! — кричит полковник. — Бегом марш!

Сквозь пелену, так некстати заволакивающую глаза, он видит, как они пятятся, все еще не понимая, чего он от них хочет. И только когда он поднимает руку с зажатым в ней пистолетом и стреляет в черное небо, рассеченное лучами «Звезды», Ральфы срываются с места и бегут прочь, утопая лапами в глубоком снегу. Полковник поворачивается и, поспешно поднявшись на крыльцо, захлопывает за собой дверь. Он не может смотреть им вслед.

Затем он отправляется в мастерскую и медленно, один за другим, поворачивает рычаги и жмет кнопки,

запускающие всю систему звукозаписей, созданную его руками, результат долгого многолетнего труда, благодаря которому он годами мог чувствовать, что где-то рядом есть люди. Эти записи он успел создать еще до того, как радиация уничтожила всех обитателей больницы. Уже тогда он понимал, что придет день, когда никого не будет. Он сделал это, потому что больше всего на свете боялся остаться один. Возвращаться к тем, кто все еще старался выжить там, на сборных пунктах и в опустевших городах, ему не хотелось. Он не мог расстаться с воспоминаниями о тех, кто был ему дорог здесь. Но всемогда-нибудь приходит конец, и полковник знал это, как никто другой.

Сначала стихает запись, работавшая на верхнем этаже. Там всегда звучали шаги. Она срабатывала раз в полчаса, создавая иллюзию, будто кто-то спускается по лестнице. Затем смолкают установки в двух противоположных концах второго этажа. Полковник любил их, потому что там слышен смех. Они дались ему труднее всего, ведь когда он их создавал, проявление человеческой радости уже стало редкостью. Затем настал черед многочисленных записей разговоров в палатах, стука дверей в коридорах, перезвона посуды в кухне... Он выключил все, сэкономив для «Звезды» еще немного энергии. Оставил только одну, свою любимую — старинную мелодию патефона. Последним он гасит свет в здании. Ему достаточно лучей «Звезды», что пробегают по стенам, как свет в вагоне мчащегося поезда. Поднявшись в свою комнату, он смотрит на часы. Скоро рассвет. Двадцать пятое декабря. От Рождества осталось одно название. Больше никто не рождается.

Полковник достает из шкафа завернутую в газетную бумагу, тщательно сложенную форму. Переодевшись, садится за пустой стол. В груди снова начинает ныть, и он долго думает, подперев щеку рукой и слушая музыку, наполняющую каждый погруженный во мрак угол больницы. Только в этот день, единственный раз, он

дает волю воспоминаниям, и они сменяют друг друга, кадр за кадром, словно отрывки из старого, давно позабытого фильма. Он думает о дорогих ему людях. Днем он даже не может вспомнить их имен, но когда приходит ночь и он закрывает глаза, их лица встают перед мысленным взором, бледные и припорошенные снегом. Потом он берет обрывок бумаги и пишет: «Старость наступает тогда, когда вдруг осознаешь, что ты был молод слишком долго...»

Сверху кладет пистолет. Рукоятка закрывает большую часть того, что он написал. Остаются только два слова: «...слишком долго». За окном тихо падает снег.

Ему снится смерть. Шахты ракет, алая полоса заката и вечерняя звезда над ними — именно таким он запомнил этот мир до того, как случилась война. И снова смерть, закутанная в серую шаль, теплыми руками обнимающая его измученное тело, а рядом с ней, по обе стороны, стоят Ральф-первый и Ральф-второй. И машут хвостами.

— Уходи, смерть, — бормочет он сквозь сон. — Знаешь, сколько я тебя ждал? Слишком долго... Ты опоздала.

Но смерть не уходит. Она пахнет снегом и гарью, у нее голубые глаза, и еще она стащила и спрятала его пистолет — в этом он точно уверен.

Он просыпается и вскакивает, роняя стул, и смотрит на нее, не понимая, почему она не исчезает. А она крепко обнимает его за шею и что-то рассказывает, долго и сбивчиво. Полковник пытается вспомнить то, о чем она говорит — что-то смутно знакомое, откуда-то из прошлой жизни. Он слышит о том, что людей больше нет, и про разбившийся вертолет, и про смерть Стефана, и про письмо. Она рассказывает про собак, которые не дали замерзнуть, и о прожекторе на крыше, когда было темно, ведь если бы не этот свет, она никогда бы не дошла... И что никого! Никого больше нет в этом мире — только он, она и две собаки... И этот по-

★

ток слов обращен именно к нему, а он молчит, и смотрит на нее, как будто видит впервые, но не потому, что ему нечего ответить. На самом деле его мысли ясны и понятны. В его голове зреет целый стратегический план. Нужно проверить генератор. Если повезет, то его ресурсов хватит на старую гирлянду, которую можно повесить на самодельную елку, и на обогрев одной комнаты. Консервы... Можно обойтись и консервами. И еще у него есть немного кофе и вторая бутылка вина. А когда они отпразднуют последнее Рождество на Земле, он разберет «Звезду» и использует детали, чтобы исправить снегоход... Полковник еще не знает, как он со всем этим справится, он не совсем представляет, что делать дальше и можно ли вообще что-то сделать...

Но знает: она смотрит на него и верит — он никогда не сдастся.

КАЖДЫЙ ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

 ир состоит из Центра, того, что внутри Центра, и того, что снаружи.

Внутри живут люди и железяки. Людей двое: Кир и я, остальные очоурились. Железяк четверо. Перво-наперво, Рухлядь, она шумная, веселая и добрая. Кроме Рухляди, есть еще Умник, Тупица и Стрелок. Умника мы ненавидим, Тупицу терпим, а на Стрелка не обращаем внимания, потому что он едва говорит и не умеет ходить.

Снаружи живут вражины. Умник что ни день про них распинается, видно, чтобы на нас страху шибче нагнать. Вчера про трупоедов день напролет талдычил, сегодня про крысобак заладил. Правда, в чем между трупоедами и крысобаками разница, он, похоже, и сам не знает.

Умник твердит, что если вражины проникнут в Центр, то мы с Киrom сразу очоуримся. Поэтому у нас есть Стрелок, который ничего не делает, а лишь стоит, врытый в землю по пояс, между внутренней входной дверью и наружной. Что Стрелка ни спроси, он отвечает «никак нет» или «так точно», других слов он не знает вовсе. Вражины Стрелка боятся, Умник говорит, что научились, дескать, бояться, и это хорошо, потому что с боеприпасами у нас беда. Что такое боеприпасы, мы не знаем, зато знает Тупица, который таскал их в Центр из места названием склад, пока эти припасы там не закончились. Но спрашивать Тупицу дело дохлое, я лучше Стрелка спрашивать буду: тот хотя че-

тыре слова всего знает, зато не горюдит всего того, что Тупица несет.

— Сто восемнадцать детей, — бубнит Тупица. — Все умерли. Я — убийца детей. Не имею права существовать. Прошу меня демонтировать.

Он расхаживает по Центру, угловатый, скособоченный, и ко всем пристаёт, чтоб демонтировали. Иногда, правда, что-то щелкает в железном Тупицыном нутре, и тогда он вдруг останавливается, со скрежетом распрямляется и начинает нести совсем уж несусветную околесицу.

— Массированная ядерная атака, — разглагольствует Тупица. — Всему населению срочно укрыться в убежищах. Повторяю: массированная ядерная атака. Всему населению срочно... Бактериологическая атака. Повторяю: бактериологическая...

Умник раньше на Тупицу шипел, лязгал и занудно уговаривал заткнуться, но потом, видать, привык. На самого Умника шипеть и лязгать некому, а заткнуться его никакими уговорами не заставишь. Есть у него два любимых слова — «запрещено» да «необходимо», вот их мы с утра до вечера и слышим.

— Запрещено, — нудит скрипучим голосом Умник. — Ковыряться в носу запрещено. Драться и возиться запрещено. Ругаться плохими словами запрещено. Спать по ночам необходимо. Принимать пищу необходимо. Разучивать буквы и цифры необходимо. Слушаться необходимо, а не слушаться запрещено.

От разучивания букв и цифр мне часто хочется окочуриться. Зачем их разучивать, никто не знает, включая самого Умника. Цифры еще куда ни шло, мы хотя бы знаем, что у нас по пять пальцев на руках, а день длится двадцать четыре часа. Но буквы...

— Знать грамоту необходимо каждому цивилизованному человеку, — поучает Умник. — Так же необходимо, как владеть счетом.

— Что такое «цивилизованный»? — спросил как-то Кир после того, как мы с ним десять раз кряду хором повторили алфавит от «а» до «я» и столько же раз в обратном порядке.

Не будь Умник железякой, можно было подумать, что он растерялся. С минуту сидел дурак дураком, потом позвал Рухлядь.

— Цивилизованный значит клевый, деточка, — объяснила Рухлядь сквозь добрую улыбку до ушей, которая никогда не сходит с ее круглого и плоского, как тарелка, лица.

Совсем другое дело. Что такое клевый, мы понимаем, хотя никто нам и не объяснял. И вообще Рухлядь умеет находить слова. Не заумные, которые пока выговоришь, язык сломаешь, а простые и веселые. Имена железякам тоже Рухлядь придумала. А нам с Киrom — Умник, поэтому имена у нас такие куцые и не означают ничего.

Кир выше меня на полладони и сильнее, зато я смысленее. У Кира рыжие волосы и голубые глаза, а я черноволосый и кареглазый. Еще у Кира есть шишка на лбу, в том месте, где он приложился, свалившись однажды с ведущей в Банк лестницы. Банком называется подвал, где мы жили, пока были мелюзгой. Именно там и очурились сто восемнадцать детей, про которых Тупица по глупости бубнит, что он их убил. Почему не очурились мы с Киrom, неизвестно. Рухлядь говорит, что вытянули счастливый билет. Откуда вытянули и что за билет, она не знает сама. В общем, из Банка наверх выбрались только мы двое, в тот день, когда Умник сказал, что уровень радиации упал, и теперь наверху безопасно, если оставаться внутри. На следующее утро мы перебрались в Центр, а Тупица приволок невесть откуда Стрелка и закопал его по пояс между входными дверями. С тех пор каждое утро Тупица вокруг Стрелка хлопочет, нянчится с ним, поит вонючей жидкостью, называемой маслом, и протирает ветошью, чтобы тот блестел.

Наружная входная дверь закрыта на засов. Ее отпирает только Тупица, когда убирается из Центра на разведку. Что такое разведка и зачем она нужна, Тупица объяснить не может, потому что дурак.

Наверху имеются четыре комнаты, которые все вместе называются этажом. Умник говорит, что раньше комнат было намного больше, и этажей тоже больше, но потом Тупица навел порядок, расчистил помещение, выволок обломки и мусор наружу, так что в Центре можно стало жить. В самой маленькой комнате стоят кровати, на которых мы спим, и висит на вешалке одежда. Рухлядь шьет нам ее из простыней, их в Центре великое множество. В каждой комнате есть стены, и на некоторых из них — нашлепки, словно заплаты на штанах. Умник говорит, что заплаты поставил Тупица, чтобы в дырки под названием окна не проникли вражины. Еще в комнатах есть потолки, а на них отличные штуковины — лампы, которые днем ярко горят, а не тускло светят, как в Банке. Когда лампы выключаются, наступает ночь. Рухлядь говорит, что за стены, потолки, лампы и все остальное нам следует благодарить Тупицу, у которого золотые руки, хотя и называются они манипуляторами.

А вообще нам с Киrom по девять лет. Каждому.

* * *

Сегодня Умник сказал, что буквы мы знаем, и нам пора учиться читать книги. Зачем, как обычно, не сообщил. Книг в Центре оказалось две, обе старые, потертые, с ветхими блеклыми страницами. Толстая и пухлая книга называлась «Справочник акушера». Другая, растрепанная и тощая, была без обложки и поэтому вообще никак не называлась, но Умник сказал, что книга отличная, потому что принадлежала Самому Главврачу. Кто такой Сам Главврач и когда он окочурился, нам неизвестно, но читать его книгу оказалось мучительно.

День за днем мы с Киром продирались через составленные вместе буквы. Иногда удавалось распознать знакомые слова, чаще нет, и вскоре мы стали ненавидеть чтение больше, чем самого Умника.

— Читать необходимо уметь каждому цивилизованному человеку, — знай, скрипел свое Умник. — Портить и рвать страницы запрещено.

— Надо, деточки, — улыбалась до ушей, укладывая нас спать, Рухлядь. — Я бы очень хотела уметь читать, правда-правда.

— Так пускай тебя Умник и учит, — с надеждой в голосе предложил Кир. — Ты прочитаешь и расскажешь нам.

— Не могу, — Рухлядь громынула ножищами по полу и отвернулась. Мне вдруг показалось, что она сейчас заплачет, хотя всякий знает, что железяки плакать не умеют. — У меня примитивная функциональность. У нас у всех примитивная, поэтому так все и вышло.

Что такое примитивная и что именно вышло, объяснить Рухлядь отказалась. Видимо, потому, что не знала толком сама.

С книгой Самого Главврача мы промучились от девятого-первого нашего дня рождения до десятого-второго. Дни рождения бывают два раза в году, Умник говорит, это потому, что железяки рождаются один раз, а люди дважды. Называются дни рождения праздниками. Нам с Киром дают на праздники лакомство — сладкую кашу конфитюр. Этот конфитюр — объединение, но вдоволь им не наешься, потому что запас слишком мал. Конфитюр в Центр приволок Тупица, только в отличие от тушенки, которую он таскал целыми ящиками, конфитюра оказалась всего одна упаковка. Тушенка, конфитюр, а еще пузатые мешки с макаронами и крупами были раньше в каком-то супермаркете. Тупица каждый день шастал в этот супермаркет до тех пор, пока не появились крысобаки, которые его оттуда отвಾದили. Ум-

ник говорит, что было все это очень давно, еще до самого первого нашего дня рождения.

Он, Умник, этот первый день рождения и затеял. Зачем затеял, он не говорит, да мы с Киrom и не слишком этим интересовались. А в особенности перестали интересоваться теперь, когда неожиданно увлеклись тем, что написано в книге Самого Главврача.

Ни с того ни с сего нам понравилось разгадывать, что означают неизвестные слова. Земля, солнце, небо, море, город, дом, дорога, дерево... Однажды я даже подпрыгнул от радости, когда понял, что дом это место, где живут люди — такое же, как наш Центр. Солнце оказалось большой лампой, подвешенной в небе. Дорога — лестницей, только не ведущей вниз в Банк, а стелющейся по земле.

Преодолевая строчку за строчкой, страницу за страницей, мы поняли, что в книге написано про вражину по имени Маньяк, который слонялся ночами по городу и убивал живущих в домах людей.

— Ты вражина, — сказал я Тупице, в который раз залавдившему, что он убийца. — Маньяк ты.

— Маньяк, — согласился Тупица. — Убийца. Но не вражина.

— А улики ты оставлял? — требовательно спросил Кир. — Когда убивал этих, как их... Сто восемнадцать детей.

— Не знаю, — развел манипуляторами Тупица. — Наверное, оставлял. Прошу меня демонтировать.

Закончился разговор появлением Умника, который сходу разорался на нас не пойми за что и пригрозил отнять книгу Самого Главврача, потому что хотя читать и необходимо, но глупости говорить запрещено.

— Не переживайте, деточки, — утешила, укладывая нас спать, Рухлядь. — Не бойтесь, ничего он не отнимет. И вообще он добрый, добрее нас всех.

Мы с Киrom расхохотались. Рухлядь была веселая и часто рассказывала смешные истории, которые назы-

вала анекдотами. Мы всюду хихикали над анекдотами про мальчика Вовочку, который любил говорить плохие слова. И над анекдотами про Чапаева и Петьку, которые были такие же люди, как мы, только глупые, как Тупица. И над анекдотами про чукчей, которые были глупее Чапаева и Петьки, вместе взятых. Но последний анекдот Рухляди оказался смешнее всех остальных. Зануда и злюка Умник добрый — ну чем не умора.

* * *

Плохую весть принес Тупица. Мы тогда еще не знали, что весть плохая, потому что, как обычно, ни слова из Тупицыных речей не поняли.

— Аккумулятор, — прокряхтел Тупица, скособочившись и глядя на Умника круглыми желтыми глазами с квадратной башки. — Ресурс.

— Что ресурс? — Умник поднялся, тощий, невзрачный, похожий на макаронину, и мне вдруг показалось, что он испугался, хотя всякий знает, что железяки бояться не умеют.

— Плановая проверка оборудования, — загудел свою тарабарщину Тупица. — Аккумулятор выработал девяносто процентов ресурса. Генератор...

На следующее утро Умник сказал, что мы переходим на режим экономии. Что это такое, он не объяснил, но вскорости мы поняли сами. В тот день, когда погас свет.

— Необходимо экономить, — залязгал в темноте Умник. — Свет будет два часа в день, только для чтения.

Неделю спустя Умник, которого мы окончательно возненавидели, отобрал у нас книгу Самого Главврача. Теперь в те редкие часы, когда в Центре включался свет, мы читали «Справочник акушера», и никакой охоты разгадывать новые слова ни у меня, ни у Кира не было. Скользкие то были слова, противные, неприятные: женщина, зачатие, утроба, зародыш, выкидыш, аборт...

Время шло, и я все сильнее чувствовал, как изменилась жизнь в Центре с того дня, когда впервые погас свет. Перестала шутить и рассказывать анекдоты Рухлядь. Больше не выходил наружу кособокий Тупица, а Умник будто съежился, ссутулился и стал меньше ростом. Он по-прежнему походил на макаронину, только теперь на вареную. И лишь Стрелок ничуть не изменился и, как обычно, недвижно стоял на своем месте между входными дверями, помигивая зеленой лампочкой.

— Не надоело стоять? — спрашивал Стрелка Кир.

— Никак нет.

— Ну и дурак.

— Так точно.

На второй день рождения в одиннадцатом году нам не досталось конфитюра.

— Кончился, — объяснил Умник, понурившись. — Остальные запасы тоже не безграничны. Необходимо экономить.

С этого дня мы стали недоедать. Рухлядь пыталась Умника уговорить, чтобы не урезал порции. Она даже на колени перед ним плюхнулась, загремев так, что задребезжали заплаты на окнах, которые нашлепал по стенам Тупица. Умник, конечно, на грохот с дребезгом никакого внимания не обратил. Теперь нам с Киром доставалось по банке тушенки в день вместо обычных трех банок на двоих, и, укладываясь спать, мы мечтали, чтобы Умник окочурился.

Он не окочурился. Вместо него окочурилась Рухлядь.

— Вы уже почти взрослые, деточки, — однажды сказала она. — Вам больше не нужна нянька.

— Нянька? — переспросил я.

— Да, больничная нянька, сиделка и санитарка. Мои функции закончились, деточки, и это хорошо, потому что я теперь могу уйти на покой.

— Как это на покой? — до меня вдруг дошло, что она сказала, я вскинулся на кровати. — Почему? Ты что же... ты... уходишь от нас?

— Ухожу, — грустно сказала, улыбаясь до ушей, Рухлядь. — Ночью Тупица меня отключит. У меня слабые батареи, деточки. У нас у всех слабые, но на какое-то время Умнику их еще хватит, когда у него выйдут из строя свои.

Мне стало плохо. Так плохо, как только бывает. Я разревелся, а на соседней кровати захлюпал носом Кир.

— Не уходи! Пожалуйста! Не бросай нас! — взмолился я и вдруг добавил вычитанное в книге Самого Главврача и так и не понятое до конца слово: — Мама...

Рухлядь охнула, затем, гремя по полу железными ножищами, попятилась. Повернулась и грузно, косолапо заковыляла прочь.

* * *

— Садитесь, дети.

Мы с Киrom переглянулись. Умник был на себя не похож. Он вообще сильно сдал с тех пор, как демонтировал Тупицу. Теперь он передвигался по Центру медленно, с натугой, будто собирался сделать шаг-другой и очокуриться.

Мы уселись напротив него на обшарпанные кривые стулья, которые Тупица сделал для нас когда-то, изничтожив две свободных кровати.

— Слушайте меня внимательно, дети, и не перебивайте, я долго готовил для вас слова, — сказал Умник.

Меня пробрала дрожь: он говорил не своим, скрипучим и лязгающим, а другим, сочным и звучным голосом. Это словно был не он, не Умник, который сказал бы «перебивать запрещено».

— Не бойтесь, дети, Тупица перед тем, как я его демонтировал, установил мне речевой блок Рухляди, — успокоил нас Умник. — Я попросил его, специально для этого разговора. Итак, вам по тринадцать с половиной лет. Мы не успели вырастить вас. Ресурсы закончились, прежде чем вы стали взрослыми. Теперь запоминайте.

★

Вы останетесь здесь, пока жив Стрелок. Он — ваша последняя опора, и он подключен к генератору напрямую. Берегите его: пока жив Стрелок, с вами ничего не случится. Его надо каждый день смазывать и протирать ветошью, очень тщательно, так, как это делал Тупица. Когда же Стрелок умрет...

— А ты? — требовательно прервал Кир. — Ты тоже умрешь?

— Я обесточу себя сегодня ночью.

Мы с Киrom вновь переглянулись. Наконец-то произойдет то, о чем мы мечтали: ненавистный Умник собрался очоуричься. Меня вдруг заколотило, мне вовсе не было радостно, мне... мне стало страшно, отчаянно страшно, словно это не Умник ночью очоуричься, а Кир или я. Или мы вместе.

— Постарайтесь меня не перебивать, — снова попросил Умник. — Так вот, когда Стрелок перестанет функционировать, но не раньше, вы заберете пищу, столько, сколько сможете унести, и выйдете из Центра наружу, в город. Чем позже это случится, тем лучше, дети. Потому что чем старше вы будете, тем больше у вас шансов.

— Каких шансов? — заорал на Умника я. — О чем ты говоришь?

— О шансах выжить. Для этого вам надо найти место, подобное нашему Центру. Уцелевшее при ядерной бомбардировке, с автономным источником энергии внутри. Я не знаю, что будет потом. Я, по сути, вообще ничего не знаю. Возможно, остались еще на Земле люди, выжившие в Третьей мировой. А вероятнее всего, что людей уже нет. Тупица не видел никаких следов человеческой деятельности. Он уходил далеко от Центра, когда еще у него были сильные батареи. Так или иначе, вы должны выжить. Найти укрытие и дожидаться, когда станете взрослыми. Тогда вам, возможно, удастся решить, что делать дальше.

— Я ничего не понял, — ошарашенно пролепетал Кир. — Почему мы должны ждать? Почему ты не скажешь нам все прямо сейчас?

— Потому что вы не поймете, — голосом Рухляди ответил Умник. — А я не смогу объяснить. Я — робот. Простой лаборант, мой интеллект и раньше никуда не годился, а сейчас износился вовсе. Мне нечего больше сказать вам, дети. Я даже не могу научить вас стрелять, потому что не умею сам. И Стрелок не может, потому что не умеет учить. Я лишь надеюсь, что вам повезет. Тогда пройдут годы, и вы поймете все сами. Я очень надеюсь на это. Потому что если вам не повезет... — он внезапно осекся и замолчал.

— Тогда что? — выдохнул Кир.

— Тогда получится, что прав был Тупица, и мы с ним и с Рухлядью преступники. Убийцы, не сохранившие сто восемнадцать человеческих жизней и не уберегшие последние две.

* * *

Однажды утром Стрелок не ответил на вопрос, не надоело ли ему стоять. Зеленая лампочка на его острой, утопленной в плечи башке мигала еще пару дней, потом потухла.

Мы с Киrom затолкали в простыню с ляжками, которую Рухлядь пошила для нас и которую называла рюкзаком, двадцать банок тушенки. Последние дни мы почти не разговаривали друг с другом. Нам обоим было отчаянно страшно, и почему-то признаваться в этом вслух не хотелось.

— Пора, — сказал Кир, затянув на рюкзаке тесьму.

— Постой, — я медлил, мне почему-то казалось, что мы забыли что-то очень важное, хотя забывать нам было и нечего. Минуту спустя я понял, что именно. — Простимся, — предложил я. — Они прощались с нами, теперь наша очередь.

Мы спустились в Банк. В темноте, к которой привыкли, пробрались по узкому коридору в заставленную всяким ненужным хламом комнату, которую Тупица называл генераторной. Железяки сидели рядом, оба неподвижные, неживые. Голова Умника покоилась у Рухляди на коленях.

— Если нам повезет, — сказал я, давясь перехватившим горло спазмом, — мы вернемся. Прощайте.

Мы поднялись по лестнице наверх, и Кир отжал тяжелый черный засов, запирающий наружную дверь, так, как это делал Тупица, выбираясь на разведку. Дверь лязгнула, я надавил плечом, и она — отворилась.

* * *

Все, все оказалось не таким, как мы воображали, когда читали книгу Самого Главврача. Не было никакого неба и лампы-солнца на нем. А было над головами что-то сплошное, темно-серое, бугристое и неживое. Оно двигалось, серые кляксы напозлали друг на друга, сминались, сдавливались, а потом вдруг сверху упали водяные капли, и что-то засверкало вдали, загрохотало, а капли превратились в струи, и они обрушились на нас, нещадно колотя по лицам, по спинам, по плечам...

— Дождь, — вспомнил я, когда струи иссякли. — Вот он, значит, какой.

Насквозь промокшие и перепуганные, мы двинулись от Центра прочь. Города тоже не было. Не было ни домов, ни дорог, ни деревьев, а были вокруг нас уродливые, искореженные развалины, и тянулись эти развалины, куда хватал глаз.

Мы пробирались по ним и удивлялись, как здесь мог передвигаться нескладный неуклюжий Тупица. Мы шли и шли, перелезая, огибая, проползая, карабкаясь. Центр быстро исчез из виду, и стало особенно тоскливо оттого, что возвращаться уже некуда. Мы продолжали идти, пока не стемнело. Тогда мы забились между двумя

вывороченными из земли стенами и, прижавшись друг к другу, попытались уснуть. Нам это почти удалось: я уже начал задремывать, когда издали донесся протяжный и жуткий вой.

Никогда мне не было так страшно, как в эту ночь. Вой то приближался, то удалялся, усиливался, потом стихал и нарастал вновь. А когда начало светать, взвыли совсем рядом, злобно, отчаянно. Секунду спустя вой сменился на визг, пронзительный и истошный. Еще через мгновение визг оборвался, и мы услышали фырканье и чавканье, словно кто-то, давясь, жадно запихивал в рот пищу.

— Крысобаки, — прошептал Кир, когда стало светло и чавканье, наконец, прекратилось. — Или трупеды.

Мы выбрались из ночного убежища и вскоре увидели то, что осталось от вражины. Не знаю, была ли то крысобака или трупед, но меня мгновенно стошнило, ничего более отвратительного и гадкого я не видал.

Мы кружили в развалинах еще три дня, не зная, куда идем и не соображая зачем. Едва начинало темнеть, мы забирались в самую гущу искореженных, гнутых обломков и, прижимаясь друг к другу, коротали ночь. Вой не смолкал, он проникал в нас, терзал нас, преследовал, он становился частью нас, и мы понимали, что будет, если вражины нас найдут.

Ничего даже отдаленно похожего на наш Центр мы не нашли, но на четвертое утро небо вместо уже привычного серого стало вдруг синим. Прямо по ходу, слепя глаза, медленно выползло из-за развалин солнце. Оно оказалось больше, ярче и жарче любой лампы, оно высушило на нас одежду, и под его ласковыми лучами страх впервые нас отпустил.

Когда солнце оказалось прямо над нами, мы заметили, что по левую руку развалины стали выше. Мы бросились туда, и вскоре развалины поредели, а пробираться между выворотнями стало легче и быстрее. На следующее утро мы увидели первый дом. Он был приземистым и кривым, но это был именно дом, такой,

каким мы представляли его: двухэтажный, с настезь распахнутой входной дверью и темными провалами окон. За ним стоял другой, а дальше еще и еще.

Мы принялись заходить в двери и забираться в окна. Внутри домов оказались те же самые развалины. Разбитые, в трещинах стены, обвалившиеся потолки, сгнившие полы и множество неживых и незнакомых предметов.

В одном из домов, сохранившемся лучше других, мы решили заночевать. Мы совершили ошибку. Ночью вражины настигли нас.

* * *

Много лет прошло, прежде чем пережитое перестало мучить меня в ночных кошмарах. И прежде чем я прекратил навязчиво думать над тем, почему погиб растерзанный вражинами Кир, а уцелел я. Сотни, тысячи раз я бросался во сне из окна второго этажа, провожаемый отчаянным предсмертным криком моего брата, который выпрыгнуть не успел. Я, живой, мчался по залитой мертвенным лунным светом дороге между домами, а за моей спиной умирал растерзанный крысobaками Кир.

Стая уже настигала меня, головной крысopes был уже в двадцати шагах, когда за спиной вдруг грохнуло, и полыхнул огонь. Я обернулся на бегу, споткнулся и полетел на дорогу лицом вниз, но успел увидеть, как вздыбился и исчез в пламени вожак и как с визгом рассыпались по сторонам остальные.

— Хозяин, — услышал я надтреснутый отрывистый голос. — Хозяин.

Его звали Том, этого здоровенного, как два Тупицы, железного дурня. Том нес меня на плечах, без усталости причитая «Хозяин, ты в порядке, Хозяин?», и так без конца. Он был роботом-обходчиком в подземельях, которые назывались шахтами метро, а стал охотником на вражин при упрятанном глубоко под городом убежище.

В это убежище Том меня и принес. Там было все: автономные генераторы и оружие, провиант и водопровод, библиотека и компьютерный зал. Еще там были роботы, множество роботов, наладчиков и обходчиков, грузчиков и кладовщиков, строителей и ремонтников. Там был даже очень умный робот-менеджер, который распоряжался остальными. Там не было только людей, погибших в одночасье вскоре после бактериологической атаки.

Я провел в убежище без малого пять лет. Новые железяки называли меня Хозяином, ухаживали за мной, кормили лакомствами и учили. А потом я учился сам — всему, что должен знать каждый цивилизованный человек. Пускай этот цивилизованный человек и последний из людей на Земле.

Я узнал, что такое ядерная и бактериологическая атаки. Я уразумел, что означают слова «женщина», «зачатие», «зародыш», «выкидыш» и «аборт». Я понял, что такое день рождения и почему у меня оно дважды в году. Я повзрослел. И повзрослев, осознал, что мне теперь делать.

Мы нашли его, когда мне шел девятнадцатый год. Полуразрушенное кособокое здание, которое когда-то называлось Медицинским центром. Такое же, как то, в котором рос я.

* * *

У меня двести шестнадцать детей. Сто три мальчика, остальные девочки. У них, у каждого, два дня рождения в году. Первый мы празднуем в тот день, когда я инициировал генетический сейф — инкубатор, в котором хранились оплодотворенные яйцеклетки. И второй — когда моих детей извлекли из этого инкубатора на свет.

Я проделал то, до чего девятнадцать лет назад додумался примитивный робот-лаборант с пренебрежительным именем Умник. Но в отличие от него, ремонтника

Тупицы и больничной сиделки Рухляди я знал, как следует кормить, лечить и выхаживать человеческих детей.

Мои железяки отремонтировали и запустили гидроэлектростанцию. Изгнали из города трупоедов, истребили крысобак и приручили щенков. Когда мои дети подрастут, мы отстроим дома, в которых пристало жить цивилизованным людям. Мы восстановим технику и начнем жизнь по новой.

* * *

Я вернулся, когда моим детям сравнялось четырнадцать. Осторожно ступая, спустился по лестнице вниз, туда, где тридцать три года назад находился уцелевший в бомбардировке генетический банк. По узкому коридору пробрался в генераторную. Долго молча смотрел на то, что осталось от давших мне жизнь механических существ. Затем опустился перед ними на колени.

— Это Рэм, — сказал я. — Здравствуй, мама. Здравствуй, отец.

НОЧЬ НАКАНУЕ ДНЯ ДУРАКОВ (Хроника кошмара)

29 марта, 11.29, квартира Немчинова

 ольшой кошмар начался незаметно. В тот самый момент, когда закончился кошмарик маленький — на полторы где-то тысячи печатных знаков. «...навсегда канули в архивах ОГПУ-НКВД-КГБ. Судьба потомства от этого чудовищного брака неизвестна...»

Дима поставил многоточие и усомнился: «потомства от этого брака» или «потомства этого брака»? Ай, да какая разница... Пуристы все равно такие опусы не читают. И пустил файл на сохранение.

Не шедевр, конечно. Но вполне продаваемо. Не «Бульварь» купит, так «Сплетница», не «Сплетница», так... — да разве мало в Питере еженедельников на шестнадцать страниц, о которых продавцы в электричках зазывающе кричат на весь вагон: «Семь сканвордов! Пятьдесят свежих анекдотов!! Эр-ротический рассказ!!! И многое, многое другое!» Димино творение — как раз то многое-многое... И подписи под ним не будет. Будет только в самом конце, над выходными данными, предупреждение нонпарелью: «Номер содержит фальсифицированные материалы». Ну и ладно. Что слава? — Дым! А деньги платят вполне реальные...

Дима Немчинов был хохмачом профессиональным и наследственным — по линии отца. У того, правда, шутки были грубы и незамысловаты — но готовил отец их тщательно и результатов дожидался с незаурядным терпением. Мог, например, раскалить на конфорке ме-

таллический рубль, выложить на лестницу и ждать, прильнув к дверному глазку, жертву — не знающую еще, что напротив квартиры Немчиновых за оброненными деньгами наклоняться опасно...

Дима относился к отцу с легкой снисходительностью и его шутки считал низкопробными. Недостойными культурного человека. Нет, нет и нет — такое не для него, с первых опытов на тернистой наследственной стезе хохмы Димы отличались некоей интеллигентной изысканностью. Скажем, во время перерыва на обед Дима извлекал пару крутых яиц и, счищая с одного скорлупу, заводил с умным видом про то, какая удивительная штука обыденное яйцо: в пресной воде тонет, а в морской — всплывает; скорлупа разрушается от легонького удара цыплячьего клюва изнутри, а снаружи выдерживает несколько килограммов на квадратный сантиметр — и самому сильному человеку рукой яйца не раздавить, потому и разбивают скорлупу каким-нибудь твердым предметом; а химический состав белка... Здесь Диму перебивали, в любой компании найдется Фома неверующий и тут же заявит: а я вот раздавлю! На, попробуй — и по жертве собственного упрямства и глупости стекала липкая смесь желтка и белка, а Немчинов виновато говорил: «Ну надо же, забыл сварить...» Юмор тут был, по убеждению Димы, на порядок выше, чем в шутках папаша. И никто всерьез не обижался (ростом и силой, надо сказать, сынок удался в Немчинова-папу, мужика на редкость здорового).

Сейчас эти первые дилетантские розыгрыши даже смешно вспоминать — Дима вспоминал, смеялся — и порой пускал в ход хорошо забытое старое.

Но чтобы шутить над людьми с надлежащим размахом, надо или работать в правительстве (желательно в Министерстве финансов), или пристраиваться в средства массовой информации. В правительство Диму не приглашали — на его визитной карточке скромно значилось: литератор. Любопытствующим, какими творениями осчастливил он отечественную литературу, Дима

отвечал попросту: многими; пишу для газет, журналов, сценарии для телевидения...

Почти и не врал. Так, слегка преувеличивал, особенно насчет телевидения — оттуда обращались к Диме редко: сочинял пять-шесть сюжетов в год для кочующих с канала на канал дебиловатых программ типа «Скрытой камеры». Но был один день в году, когда услуги Немчинова требовались и вполне серьезным информационным программам — и этот день близился... Дима ждал его во всеоружии — готовил большой прикол.

Он и сам не подозревал, насколько большой.

29 марта, 11.30, там же

Большой кошмар начался банально. С обычного телефонного звонка.

— Хорошо что застал, Серега, я убежать собрался, а мобильник у меня отключен сегодня, — соврал Дима, не желая показывать собеседнику, что уже третий день безвылазно сидит дома, ожидая звонков — в том числе именно этого. Впрочем, тот, надо думать, догадывался о чем-то подобном — в последнее время дела у Димы шли не блестяще.

— Ну и отлично, — Залуцкий вечно куда-то спешил, разводить долгие политесы ему было некогда и он с ходу взял быка за рога. — Слушай, старик, может возникнуть потреба в твоих бесценных услугах. Ничего не обещаю, но для Юльки мы тут отсняли первоапрельскую пенку — а ей сюжет чем-то не нравится. Если не доведем до ума — придется переснимать. У тебя там нет мыслей светлых в заглазнике?

Тоже врал, понятное дело. Ничего они для Юлечки Вишневецкой, восходящей телезвездочки, еще не сняли — просто загодя сбивал цену.

— Не знаю, Серега, не знаю... — протянул Дима. — Что-то вы поздно спохватились. Почти все путнее раздал... Есть, правда, классный сюжетец — уже обещал на

шестерку. Но если успеете перехватить и не пожмотничаете...

— Изложи коротенько, — попросил Залуцкий, ни на секунду не поверивший в интерес со стороны шестого канала. По большому счету, взаимной ложью тут и не пахло — обычный, входящий в правила игры, блеф.

Дима изложил. Залуцкий притворно засомневался:

— Да вроде было что-то похожее на первой кнопке в прошлом году...

— Во-первых, не в прошлом, а три года назад. Во-вторых, после овечки Долли и генетических продуктов тема пройдет как по вазелину, схавают как миленькие... И нервы публике пощекочем, и в духе времени — прославим родную науку.

— И что ты хочешь с этого поиметь? — перешел наконец к главному Залуцкий.

Дима ответил.

— Ну-у, старик, ты дал... — зашелся Серега в притворно-возмущенном удивлении. — Да Посовец за вдвое дешевле клевый сюжет предложил: Моника-минетчица к нам на презентацию своей книги прилетает. А ее у «Невского Паласа» сгребает милиция, приняв за шлюшку... И телка у него на примете есть задастая, в парике и темных очках — вылитая Левинская.

Посовец был коллега по цеху и злейший Димин конкурент — личность жалкая и ничтожная, с самым низкопробным, для дебилов, юмором. Но Дима не стал поливать грязью засранца, сказал только:

— Смотрите сами, баба склочная, по судам ведь потом затаскает... Да и хорошая хохма должна пугнуть как следует, а кого ты бюстом Моника напугаешь?

Потом немного поспорили на математические темы — в каких разумных пределах можно корректировать названную Димой цифру. Боезапас аргументов у Немчинова оказался значительно больше.

— Смотри дальше, — гвоздил он, как из ротного миномета. — Аксессуары потребные я привожу с собой,

уже все готово. Кореш мой, тоже Димка, Одинцов — помнишь, пили как-то вместе в «Царскоселке»? — так вот, он завтра и послезавтра у себя в лаборатории дежурит, ночью — все договорено, только подскочить надо попозже, после шести, когда народ порасползется. Ну и захватить с собой, что положено. Опять же и вид у него, пока не выпьет, совсем не лаборантский — вылитый молодой ученый, раздвигатель горизонтов познания. А Юльку вашу вы потом доснимете с вводным словом на фоне билдинга ихнего — классно выйдет, если подходящую точку выбрать: устремленный в небеса храм, блин, науки... Да тебе все ж на халяву в руки валится, а ты еще торгуешься? Несолидно...

Похоже, убедил.

— Ну ладно, старик, я еще немного подумаю... Если что — брякну завтра с утра. Ты пропуска на всякий случай закажи... Кстати, какой билдинг?.. не догнал я что-то...

— Если по Гагарина от центра ехать, знаешь высокое такое серое здание слева? Вокруг домишки маленькие, оно на вид совсем небоскребом смотрится...

— А-а-а... Вот это где... Я-то думал, там таможня...

— Да там теперь и таможня, и банк, и куча фирм разных — чего только нет, все в аренду посдавали. Но и за НИИ еще кое-что числится...

Они распрощались и Дима довольно прищелкнул пальцами — дело выгорело, а насчет «подумать» Серега так, по инерции форсу подпускает...

30 марта, 15.49, редакция «Царскосельского листка»

Большой кошмар разворачивался неторопливо. Ведь быстро только кирпичи падают на голову — но это, по большому счету, не кошмар. Несчастный случай.

...Готовить «аксессуары» для праздничного прикола пришлось в редакции, где Дима три последних дня не появлялся, провоцируя служебные неприятности. Те-

перь пришлось отрабатывать — и к лучшему, народу в выходные меньше обычного, можно без помех подготовиться к телехохме.

Готовили (точнее говоря — варили) на редакционной плитке, смахнув с нее кучу бумажного хлама. Добровольным помощником в нелегком деле вызвался Левушка Райзер, большой энтузиаст заниматься чем угодно, кроме своих прямых обязанностей.

— Вроде остыло... — потряс Левушка небольшую миску, куда они залили экспериментальную порцию варева.

— Жидкое слишком, — безрадостно констатировал Дима, брезгливо тыкнув пальцем в студенистую массу.

— Может, желатина мало? — предположил Левушка.

Может, конечно, и мало. Только больше все равно нет, и взять сейчас негде, точнее некогда — через три часа съемка. Черт побери! Надо было плюнуть совсем на службу, соврал бы уж потом что-нибудь — и двинуть прямо к Наташке, у нее работа надомная... Уж бабы в варке всяких желе да пудингов наверняка лучше разбираются...

— Что, если крахмал добавить? — пришла в кудрявую голову Левушки свежая мысль.

— А где его взять сейчас в темпе? — тоскливо посмотрел на часы Дима. Гениальную идею на корню губило неумелое техническое воплощение.

— У Петровны вроде валялся. Еще с осени. Она у нас экономная, скотчем окна не заклеивает, клейстер варит... Сейчас схожу быстренько.

Вернулся он минут через десять, с бумажным пакетом, украшенным надписями явно на заграничном языке. В языках они оба сильны не были.

— Точно крахмал? — подозрительно спросил Дима, рассматривая принесенную порошкообразную субстанцию. — Станный какой-то...

Честно говоря, о внешнем виде крахмала он имел довольно смутное представление. И едва ли отличил бы,

к примеру, от муки. Обмакнул палец в порошок, но лизнуть не решился.

— Не знаю, — отнюдь не рассеял сомнений Левушка. — Петровны не было, я у нее в столе пошарился. Вроде на крахмал похоже... Сыпь, не отравишься, все равно не для еды.

И Дима высыпал весь подозрительный порошок. Без остатка.

Райзер долго будет потом видеть один и тот же кошмарный сон — пакет медленно, тягуче наклоняется, белая струйка едва ползет вниз, он пытается крикнуть, помешать, гортань парализована, руки тоже, Немчинов ничего не видит и не слышит — и Левушка раз за разом будет просыпаться с бешеным криком: «Останови-и-и-ись!!!»

30 марта, 16.18, там же

— Варите что-то? Какой нынче праздник? — в дверь проник чуткий породистый нос Люськи Синявской, большой любительницы угоститься на халяву. Вслед за носом в их комнатушке очутилась и его законная обладательница.

Чтоб ты раньше пришла, неприязненно подумал Дима, глядишь, надпись бы на пакете перетолмачила... Про Синявскую ходили слухи, что она великая полиглотка, окончила филфак и владеет не то пятью, не то даже шестью языками — впрочем, никому в редакции проверить это не удавалось ввиду отсутствия знатоков латыни, греческого и португальского. Приходилось верить на слово, но французскую и английскую мову Люська знала точно. Но их трудам это никак помочь не могло — разорванный в клочки пакет-улика был уже выброшен в мусорный бачок в мужском туалете.

— Так что готовите, мальчики? — застывшая лет десять назад на тридцати с хвостиком Синявская звала

мальчиками абсолютно всех представителей противоположного пола.

— Любовный напиток варим, — мрачно ответил Дима, не терпевший Люську. — Приворотное зелье. Тебе для работы не надо, как первой свахе? Нальем по сходной цене...

Еще в последние времена Союза, когда брачные объявления печатались лишь в плюющих на все прибалтийских газетах, Люська Синявская выступила в роли застрельщика и новатора — открыла в районной газете еженедельную рубрику «Знакомства», угодив в телесюжет как «первая сваха города Пушкина» — и прозвище приклеилось.

Он надеялся, что после таких слов Люська отвалит, позволив без помех продолжить эксперимент с крахмалом. Ан нет, настырная стерва с охотой включилась в пикировку:

— Я вообще-то с этим делом завязала, но для вас, мальчики, готова вспомнить юность золотую и расстаться. Больно смотреть, как вы холостыми на корню сохнете. Особенно Левушка... совсем иссох... как былинка, от ветра клонится...

Райзер, с трудом втискивающийся в пятьдесят четвертый размер, смущенно попытался втянуть живот. Дима, перейдя на «вы», начал откровенно хамить:

— Да какие наши годы, мы еще слевой покажем... А вот вам, Людмила Федоровна, пора бы наконец о семейной жизни задуматься...

Похоже, проняло. О скрипуче-ледяной голос Синявской можно было уколоться и обрезать:

— Я вообще-то замужем, Димочка...

— Да-а-а?... — недоверчиво протянул Дима, сжигая все корабли и переходя все Рубиконы. — Еще замужем? А глаза какие-то неудовлетворенные... Костика, наверное, плохо кормите — не справляется мальчик?

Удар ниже пояса. У Костика, не то четвертого, не то пятого мужа Синявской (лет на семь ее младше), сейчас

действительно голодные времена. Гонконгские «мельницы», понакупленные весьма далекими когда-то от фотододела гражданами, подорвали доходы вольного фотографа. Люськина писанина кормила обоих.

Синявская яростно фыркнула и вышла, не прощаясь.

— Зря ты так, — сказал миролюбивый Левушка. — Нагадить она может ох как не слабо...

— Да и черт с ней! И на листке этом свет клином не сошелся, давно тут все опостылело... — зло парировал Дима и, немного успокоившись, добавил:

— Ну все, пора разливать. Придерживай формы...

Большой кошмар вступил в новую фазу.

30 марта, 19.02, лаборатория НПО «Гранат»

Коридоры были пустынные, даже самые записные субботние трудоголики к семи часам вечера давно разбежались. Одинцов, Димин приятель и тезка, сразу провел их в лабораторию, и тут же куда-то поспешил — не иначе как за стаканами и закуской, очертания литровки сквозь полиэтиленовый пакет он углядел мгновенно.

— Ну, старик, давай в темпе, — Залуцкий возился с камерой, — распаковывай свои аксессуары. По-быстрее надо уложиться, Гера вон домой торопится... У него жена там молодая одна скучает. Ну а мы посидим потом по-холостяцки, вспомним дни былые...

Гера, на редкость молчаливый паренек, настраивал осветитель. Дима, проникнувшись сочувствием к нему и к молодой жене, быстро распаковался.

— Ну как? Красотища?!

— М-да... — неопределенно протянул Залуцкий и почесал затылок.

— Погоди, Серега, посмотришь в движении — как живая будет... Куда бы ее плюхнуть-то...

— А вон тара подходящая... — Залуцкий подставил найденную на соседнем лабораторном столе посудину.

— Это называется чашка Петри, — поделился научными познаниями Дима, хотя использовал сии чашки лишь в качестве пепельниц на пьянках с Одинцовым. — Да грязная она какая-то...

— Вываливай, старик, вываливай, время дорого...

Дима вывалил. Продукт их с Левушкой творчества (самый маленький, залитый в качестве формы в небольшую миску) теперь слизисто поблескивал боками в чашке Петри. Получилось на самом деле удачно — темная тряпка, скомканная и залитая желе, неопределенно и размыто просвечивала сквозь студенистую массу, а когда Дима тянул за привязанную к ней прозрачную, совсем незаметную рыболовную леску — псевдомедуза действительно колыхалась и дергалась, как живая. Тряпка казалась неведомым внутренним органом.

Подошел Дима Одинцов — с четырьмя свежевывмытыми стаканами и кое-какой закуской.

— Отложи пока, — строго сказал ему Серега. — Сначала съемка.

Начали снимать. Одинцов, в чистом халате и вправду похожий на молодого, подающего большие надежды ученого, нес квазинаучную ахиною. О воздействии фазомодулированным лазерным лучом на клетку в парафазе митоза, позволившем после многолетних опытов добиться фактически беспредельного роста клетки без ее деления — и о необозримых прикладных перспективах, сулимых этим открытием.

Вся его речь была написана Димой после получасового изучения научно-популярной книжонки по цитологии. Глаза «молодого ученого» блестели, в голосе звучал неподдельный энтузиазм — то ли от гордости за великое изобретение, то ли от перспективы близкого знакомства с принесенной Залуцким бутылью.

Камера снимала то восходящее светило науки, то гигантскую суперклетку, шевелящуюся весьма даже зло-

вещим образом. Потом Одинцов включил так называемый «лазер». Нелепая эта конструкция была слеплена им на скорую руку из нескольких разнородных приборов, а источником луча служил обычный эндоскопический осветитель. Включил и стал демонстрировать воздействие «фазомодулированного излучения» на клетку-великаншу.

Клетка дрыгала боками сильнее прежнего под действием невидимой глазу лески, светодиода на конструкции мигали, стрелки на циферблатах подергивались, генераторы радостно гудели и индукторы исправно наводили магнитные поля — засняли и это.

Одинцов намекнул было на перерыв с перекусом, но Залуцкий был неумолим. Заставил готовиться ко второй ударной сцене — выросшие до совсем уж баснословных размеров клетки-мутанты совершенно самостоятельно ползают по полу лаборатории (этих двух персонажей Дима отливал в большом и глубоком тазу).

С одной мутанткой, правда, вышла накладка — развалилась на части, когда Дима слишком сильно потянул за леску. Зато другая оказалась выше всяких похвал, ползла по пластиковым плитам совсем как живая. След за ней оставаясь широкий, липкий и слизистый, неприятный даже на вид...

— Снято! — объявил наконец Залуцкий. — Достаточно. Общие планы и сцены с сексапильными длинноногими лаборантками я и в архиве найду. А Юльку на фоне любого подходящего института в центре сниму, незачем сюда на окраину тащиться... Выключай свет, Гера, и собирай технику...

Уцелевшую амебу-переростка и осколки разрушившейся скинули в большой эмалированный бак для лабораторных отходов, забив его почти полностью — и оставили тут же, у стола с «лазером», постановив захватить и вынести уходя (само собой, потом забыли). Про первую, умеренных размеров мутантку, так

и оставшуюся в запачканной результатами какого-то опыта чашке Петри, тоже никто не вспомнил: Гера спешил к жене, Одинцов к бутылки, а Залуцкий и Дима переругивались по поводу написанных последним для обаятельной Юлечки Вишневской слов, якобы никуда не годящихся...

Репетиция Большого кошмара закончилась.

30 марта, 20.58, там же

— Н-ну, старики, за науку! — и три лабораторных стакана с энтузиазмом звякнули друг о друга. Тосты разнообразием не блистали: за журналистику, за простую и за телевизионную, уже успели принять — теперь за науку, ну как же за нее, кормилицу, не выпить?

Пили в соседнем помещении, в лаборантской — здесь было поуютней, о чем-то надрывно пел магнитофон (который, впрочем, никто не слушал), стены украшали постеры с полуголыми красотками и плакатики с псевдоуказами псевдо-Петра о лихом и придурковатом виде для подчиненных и с лягушками, злобно душащими жующих их цапель.

Разговор шел оживленный, но довольно бессвязный. Залуцкий рассказывал байки из жизни телезвезд (порой сбиваясь на собственные амурные похождения), Одинцов налегал на водку и предавался благостным воспоминаниям о былых пьянках и сопутствующих им приключениях, Дима безуспешно пытался ознакомить приятелей с очередной, свежепридуманной хохмой.

— Вот спорим, я твои шнурки от ботинок... съем! За тридцать секунд. Оба. Спорим? — приставал он к тезке-Одинцову.

— Ищи дураков, — не поддавался на провокации тот. И назидательно говорил Залуцкому:

— Никогда с Немцем не спорь! Ни о чем и ни на что! Я раз в кафешке поспорил на пиво, что он мне все пуговицы на штанах за минуту отпорет и пришьет — он пиво проставил и ушел. А я как мудака последний потом домой шел, за ширинку держась — у него и нитки-то с иголкой при себе не было!

Дима хихикал воспоминаниям о давнишней хохме и грозился подложить «подарочек» в стол к сучке-Синявской, Серега торжественно клялся, что в жизни ни на какие пари с Немчиновым не подпишется, а Одинцов вдруг решил, что показавшая дно литровка настоятельно требует добавки — и полез в какой-то тайник, где держал заначку медицинского спирта...

...Слабо донесшийся из соседнего помещения звук, в котором слились воедино звон упавшего стекла и сырой шлепок — этот звук никто из троих не услышал...

Последний шанс остановить Большой кошмар был упущен.

31 марта, 03.12, там же

Проснулся Одинцов от дикой жажды. И от боли в затекшем и скрюченном теле — валялся в позе эмбриона на коротеньком диванчике в лаборантской. Свет не выключен, на столе бутылки, стаканы, остатки закуски. Приятелей не видно — смутно вспомнилось, что вроде провожал их до выхода... Или только до лестницы? Да какая разница, не маленькие, доберутся...

Казалось, напильник языка сейчас до мяса раздерет наждачно-шершавое небо — Одинцов заставил себя встать и отправиться на поиски спасительной влаги. Лучше всего, конечно, помогла бы сейчас бутылочка холодного светлого пива, но по беде сойдет и обычная вода из-под крана... И он, пошатываясь, побрел к ближайшему крану...

31 марта, 03.23, там же

Ну хохмач, подумал Одинцов злобно. Литру проставили, большую часть сами выжрали, а мне тут за вашими хохмами прибираться?

Наискось через всю лабораторию тянулся липкий слизистый след. Пять минут назад, ковыляя к раковине, Одинцов переступил его, просто не заметив. Но теперь полегчало — желудок всосал огромное количество воды и тут же изверг обратно вместе с не успевшим уйти в кровь спиртным и жалкими остатками закуски. Спазмы были болезненными, зато голова немного прояснилась, в движения вернулась некоторая уверенность, а предметы перестали расплываться перед глазами. И тут же он увидел след от немчиновской хохмы. От новой хохмы — Одинцов прекрасно помнил, что следы от использованных на съемках амёб он вытер еще до начала гулянки.

Ну Немец, ну жучара... Собирался, значит, пугалку какой-то сучке подложить. А тут с пьяных глаз решил потренироваться... А кто крайним окажется? Да я и окажусь... Найдет Василий Никитич утром в понедельник под столом такую гадость — и прощай непыльная работа. Ну точно, не смогли они уйти так просто, не наигрались в свои бирюльки — вон бак валяется на боку, пустой — надо понимать, вернулись потихоньку и решили еще пошутить маленько...

Он двинулся по следу. Поблескивающая дорожка постепенно расширялась, а потом... ну козел Немец! — а потом Одинцов увидел серый бетон пола, кое-где просвечивающий сквозь разъеденные пластиковые квадраты. Еще несколько шагов — и пластика под сломом слизи вообще не оказалось, а сама дорожка уперлась в оббитую жостью дверь — за ней, знал Одинцов, не то большая каптерка, не то кладовая, сверху донизу забитая всякой деревянной рухлядью, в основном приращенной со всего НПО старой и ломаной мебелью. Там

же громоздился в углу штабель мешков с давно просроченными питательными средами. А еще из-за двери доносилось совершенно неуместное журчание.

Там где-то была раковина с краном, в самом дальнем углу, подумал Одинцов. От мысли, что пьяные хохмы Немца еще не закончились, ему стало зябко. Не задумываясь, как зловредный хохмач смог добраться до крана сквозь непроходимые деревянные завалы, как вообще смог проникнуть за запертую дверь, Одинцов машинально потянул за дверную ручку.

Дверь легко и совершенно неожиданно распахнулась. Собственно, ее как таковой и не было, то есть отсутствовала сама деревянная панель — и видимость двери составлял лишь жестяной лист, которым дверь была обшита. Замок звякнул об пол. Ломаной мебели Одинцов не увидел — убивать надо за такие мудацкие шутки! — перед ним стояла высокая, метра два, студенистая и подрагивающая, полупрозрачная стена желе. Внешним контуром она точно повторяла жестяную обложку двери — присутствовали даже выемки от дверной ручки и выпавшего замка. Козел...

Трепещущая стенка оставалась в неподвижности секунды две-три. А потом обрушилась, подмяв Одинцова. Последней его мыслью было: Сука!!! Морду набью, шутник хре-е-э-э-о-о...

31 марта, 13.25, 33 отдел милиции

— Медуза-а-а!!! Помоги-и-и-те!!! Здоровенна-я-я-я!!! Во весь коридор!!! Ноги ж... а-а-а-а! Скорей!!! Медуза... медуза... О-о-у-а-а! Скорее-е-е-ей!!!!!!

Рвущиеся из трубки звуки сверлили барабанные перепонки, и после второго вопля Летунов переключил звонок на громкую — пусть случайно заскочивший в воскресенье дознаватель Егоршин тоже послушает. Но потом что-то в криках ему не понравилось, и он неуверенно спросил коллегу:

— Может, психушку вызовем? Еще замочит кого-нибудь с такой белки-то...

Дознаватель ответил сурово:

— Ну его в...у, пусть соседи вызывают. Не наше дело... — Егоршин очень не любил алкоголиков.

Но Летунов уже решил по-своему.

— Адрес, адрес скажи!!! — орал он, переключив разговор обратно на трубку, — адрес скажи, сейчас выезжаем...

Трубка коротко запиликала.

— Каждый выходной так звонят... — пожаловался Летунов. — По шесть-семь раз... Как с утра начнут лимонить... Прошлый раз просили убрать со своего балкона грузовик, «ЗИЛ», — дескать, свалился сверху, все банки с огурцами передал...

— Уроды... — меланхолично подтвердил дознаватель.

*31 марта, 13.25, здание НПО «Гранат»,
коридор второго этажа*

Сидорук — пожилой, одышливый охранник — кричал и кричал в трубку, сползая по стене — хотя желеобразная масса уже покрыла его ноги до колен.

Нет, не так! — там, где положено быть коленям, сквозь туманно-прозрачное желе виднелись большие и мутные кровавые кляксы — густые в середине и все более прозрачные к краям. Из алых кляксы быстро превращались в розовые, а из розовых — все в ту же студенистую желтоватую массу, выплеснувшуюся в коридор и перекрывшую его от стены до стены. А ниже колен ничего не было. Вообще ничего. Боли тоже не было, и Сидорук кричал еще долго — но на другом конце линии его не слышали — желтый студень добрался до провода, пластиковая изоляция исчезла мгновенно, медные жилы блеснули и медленно поплыли к полу сквозь густой бульон, выпав из превратившейся в ничто пластмассовой розетки...

*31 марта, 15.02, здание НПО «Гранат»,
офис АКБ «СевЗапРегионБанк»*

За Мариной Михайловной (или, как ее чаще звали — за Михаловной) никто и никогда не замечал скрытых богатств интеллекта. Да и то сказать: разве работают интеллектуальные дамы пятидесяти семи лет на малопочтенной должности уборщицы? Даже в весьма уважаемом и респектабельном банке? Конечно же не работают. Еще меньше могли окружающие заподозрить Михаловну в способности адекватно реагировать на самые экстремальные ситуации. Смешно даже: какие еще экстремальные ситуации в жизни банковской уборщицы? Разве что ведро с грязной водой опрокинет на брюки вице-президента банка...

...Михаловна была четвертым, включая лаборанта Одинцова, человеком, столкнувшимся лицом к лицу (верней, лицом к мутной гладкой поверхности) с Большим Первоапрельским Кошмаром. И первым, не допустившим при этом роковых для себя ошибок.

Для начала она не стала трогать подозрительную грудку желе руками, как это сделал час назад дежурный электрик (тот решил выяснить, отчего вылетают и обесточиваются одна за одной проходящие по второму этажу линии электропроводки) — нет, Михаловна осторожно ткнула в высящийся и колыхающийся в коридоре студень ручкой швабры.

От небрежного электрика теперь осталась лишь разная металлическая мелочь, валяющаяся под раскрытой дверцей электрощитка и смутно угадываемая сквозь слой слизи: монетки, связка ключей, металлические детали зажигалки, обручальное кольцо и несколько пуговиц.

Михаловна же, увидев, как ушедшая в глубину желе палка распалась на продольные волокна, тающие и растворяющиеся, — Михаловна мгновенно свернула эксперименты по изучению неизвестной субстанции и бук-

вально влетела в небольшой уютный операционный зал СЗРБ — куда, собственно, и направлялась с ведром и шваброй в видах еженедельной генеральной уборки...

Звонить «02», или «01», или «03» она не стала (да и что могла сказать Михаловна абонентам этих номеров?) — подбежала к стойке, глубоко просунула руку в полукруглое окошечко, цепко ухватила и перетащила к себе телефонный аппарат со стола операционистки. Ничего не набирала — просто нажала неприметную среди других клавишу на панели. Выкрикнула всего три слова после почти мгновенного соединения: «Пулковский филиал!! Скорее!!!». Швырнула трубку и бросилась бежать — как раз вовремя, чтобы рискованным прыжком перескочить через ввалившийся в оперзал длинный колыхающийся язык студня...

И только сбегая по аварийной лестнице к запасному выходу, Михаловна завопила наконец во весь голос.

31 марта, 16.27, редакция «Царскосельского листка»

— Ну как, старичок, головка не бо-бо? — судя по голосу в трубке, у самого Залуцкого ничего не «бо-бо»; матерый телевизионный волк, сколько вчера не выпито, должен быть как всепогодный истребитель — постоянно готов к вылету на задание.

— В порядке головка, — мрачно откликнулся Дима. — И голова тоже.

Не соврал, вчера налегал на это дело в основном Одинец, у Димы больше было куражу в голове, чем реальных градусов в крови. Залуцкий коротко хохотнул, затем сразу посерьезнел:

— У нас с тобой проблемка, старик. Ни хрена лазер ваш не получился — луча совсем не видно. Почти все смонтировано, голос Юльки наложили — смотрится все вместе неплохо, но луча нет как нет. А это вся завязка сюжета. Короче, надо доснять буквально секунд тридцать...

— По-моему, Сергуня, это у тебя проблема... — осторожно предположил Дима.

— Не-е-ет, старик — у нас. Это ты по договору обещал всю технику обеспечить... Но ты не дрейфь, есть идея! Я у племяшки лазерную указку позаимствовал — знаешь, продаются как сувениры? Попробовали снять — отличный луч, жирный такой... Примастрячим к вашему лазеру снаружи, скотчем, с тыльной стороны — и всех делов. Вот только тезке твоему дозвониться не могу с утра, не иначе отсыпается конкретно...

Дима понял, что Залуцкий взялся за дело всерьез и так просто от него не отвертишься. И спросил понуро:

— От меня-то что надо?

— Ну, я тебе на голову не сажусь и не погоняю... Но за леску тебе подергать придется. Закругляйся там со своим севом разумного, доброго, вечного и садись в электричку. Без четверти семь мы тебя на Купчино подберем и сразу к Одинцову, на этот раз без всяких посиделок. — мне еще тот кусок вмонтировать надо. Успеваешь?

Дима посмотрел в угол, где занимался подготовкой к встрече Дня Дураков в редакции (особо радостным будет праздник для сучки-Синявской, недаром он тащил тяжелую сумку обратно из «Граната»), прикинул время на охлаждение варева и сказал:

— Успеваю.

*31 марта, 18.21, здание НПО «Гранат»,
второй этаж*

Пластиковое покрытие пола и стен исчезало со скоростью кусочка сахара, брошенного в горячий чай.

Заодно исчезали деревянные плинтуса и двери — тогда наползающий слизистый вал приостанавливался, выбрасывая метастазы в открывшиеся боковые по-

мещения. Судя по всему, там пищи (или строительного материала?) было куда больше, чем в коридоре. Тусклое аварийное освещение добавляло сюрреализма.

— Блядюга хренова... — выдохнул старший лейтенант Дерин, известный среди коллег под прозвищем Мино-тавр.

Кравец (он же Муха) отщелкнул опустевший магазин и в сердцах швырнул в медленно, но неумолимо наползающее желе. Магазин шлепнулся на заколыхавшуюся поверхность — она тут же пропустила чужеродное и несъедобное тело. Видно было, как магазин медленно исчезает из виду, опускаясь, проваливаясь в желто-мутную глубь. Точно так же полупрозрачная гадость пропускала пули, немедленно смыкаясь за ними. Кравец это уже хорошо понял и расстрелял последний рожок исключительно из бессильной ненависти.

— Попробуй еще раз из подствольника, — скомандовал Дерин. — Не сейчас, попозже, когда за угол завернет — чтобы стенка за ней оказалась.

Муха оглянулся — угол был совсем рядом. Они отступали по длинному и запутанному коридору от не то ползущей, не то медленно текущей на них массы и понятия не имели, как еще попробовать ее остановить. Близко не подходили, оставаясь на безопасной дистанции метров в шесть-семь — чертов студень порой замедлял движение, рос вверх, как будто его сдерживала невидимая плотина — а потом резко обрушивался, словно плотину убрали, и мгновенно покрывал мутной колышущейся волной несколько метров пола. За это чисто эмпирическое знание отряд «Торнадо» заплатил сегодня жизнями троих бойцов.

Или, говоря совсем уж официально, отряд специального назначения «Торнадо» при Федеральной службе исполнения наказаний (ФСИН) Министерства юстиции Российской Федерации. Какое отношение имеет юстиция вообще и ФСИН в частности к разбушевавшемуся желе, неизвестно. Такое в уставные задачи ни-

какой спецслужбы не входит. «Торнадо» оказалось под рукой — их и послали.

— Вверх пошла, сейчас прыгнет! — Дерин упорно называл это в женском роде и относился как к разумному и смертельно опасному существу.

Желе добралось до очередного пожарного гидранта. Красный деревянный ящик и сплюснутый матерчатый шланг исчезли очень быстро, резиновая прокладка в кране сопротивлялась чуть дольше, потом вода пошла, — и Минотавр готов был поклясться, что по всей гигантской массе, вплоть до самой дальней части, видимой в конце коридора, волной прокатилась радостная дрожь. Передний фронт быстро набухал вверх, дойдя почти до потолка — а потолки здесь, на втором этаже, были метра четыре, не ниже. Они завернули за угол и торопливо отбежали подальше, Кравец (маленький, юркий, опасный) встал на одно колено и приготовил гранатомет-подствольник. На «Никонове» Дерина этого полезного приспособления не имелось, он вжался боком в дверную нишу, выставил ствол вперед, прикрывая — рефлекс чистой воды, совершенно сейчас не нужный.

Из разнобоя голосов в коробочке рации, болтавшейся на груди Минотавра, можно было сделать вывод, что у остальных разрозненных двоек и троек дела не лучше — так же отступают перед тупым и бессмысленным напором по коридорам и лестницам, не найдя действенных способов борьбы. Две группы, очутившиеся в тупиках-ловушках, были эвакуированы через окна. Еще одна не откликнулась, и Дерин от души надеялся, что эта гнусь загнала парней в дебри металлических конструкций технического подэтажа, экранизирующих любые радиоволны... Прочесывание верхних этажей и эвакуация немногих найденных людей завершилась минут двадцать назад...

Наконец-то! Слегка запоздавший против их расчетов вал высунулся из-за угла. Муха подождал, пока в их из-

гибе коридора скопится достаточно студня — и выстрелил. Эффект был мизерный. Взрыв расшвырял во все стороны ошметки проклятого пудинга — и только. Отброшенные части шлепались с потолка, сползали гигантскими тягучими соплями со стен и сливались с основной массой, бесследно в ней растворяясь.

— Гнида-а!!! — завопил Кравец и завертелся как уж, политый скипидаром.

Дерин сначала ничего не понял, потом увидел — на разгрузке напарника быстро расползлась неровная дыра, прочный серый камуфляж испарялся, как снежинка на ладони, демонстрируя всем окружающим в лице Дерина содержимое карманов запасливого Мухи. Тот выпрастался из разгрузки почти мгновенно, побив все существующие в этом деле нормативы, отшвырнул подальше и обалдело протянул:

— Вот гнида... Ведь с орешек всего капля долетела...

— Отходим! — рявкнул Минотавр. — Аккуратно! Под ноги смотри, могут еще валяться!

Отходили осторожно, словно пол был усеян невидимыми глазу растяжками. Студень полз как ни в чем ни бывало.

— Огнеметы нужны, — злобно предложил Муха, очень жалеющий о новенькой разгрузке и ее содержимом. — Выжечь на хер...

— Не выйдет, эта гадина на три четверти из воды... Видел, что с фосфорной гранатой было?

— Тогда направленным взрывом. Вода там или... да, кумуляшка все испарит... — Кравец, похоже, серьезно настроился поквитаться с тварью.

— Все восемнадцать этажей рухнут, — выдвинул последний довод Дерин. Похоже, не Мухе первому пришла в голову идея взрыва — в треске рации все чаще различалось слово «заряды».

— Не рухнут. Первый и второй этажи гораздо шире... опорные в стороне... боковые стенки только вынесет...

ну, давай, свяжись с майором, ползет ведь, ползет, проклятая...

Кравец знал толк во взрывах, сказал — значит не рухнет, и все равно что-то в его идее было не так, что-то он упустил важное, чего-то не учел, но Дерин так и не успел понять и сообразить — чего. Нажал кнопку вызова:

— Клещ, Клещ, я Минотавр...

*31 марта, 18.59, пересечение улицы Орджоникидзе
и проспекта Гагарина*

Едва свернули на Орджоникидзе, пришлось остановиться. Улицу перекрывали два поставленных поперек грузовика, за ними мерцала синюшная милицейская мигалка и вообще что-то такое происходило совсем непонятное, в разрываемой вспышками фонарей темноте было не разобрать.

— Авария, — зло процедил Залуцкий. — Жми с тылу, через Московскую площадь.

Гера послушно вывернул руль.

С другой стороны движение упиралось в пластиковые, заполненные водой барьеры и гибедешник яростно махал полосатой палкой: «В объезде, в объезде!»

— Черт! Что там у них стряслось?! Пошли пешком, дворами...

Пешком дворами они продвинулись тоже не слишком далеко. Путь преградила полосатая лента, растянутая на временных опорах — и уже бежали вдоль нее два лба в камуфляже и брониках, со злыми напряженными лицами:

— Назад!! Назад, мать твою! Оцепление!

Дима потянул за рукав Залуцкого, тыкавшего под нос омовцу камеру, качавшего права насчет свободы прессы и чуть не схлопотавшего по почкам:

— Пошли, пошли, — и зашептал жарко в ухо: — Есть тут лазейка, Одинец показывал. Прорвемся!

31 марта, 19.17, там же

Казавшаяся целой и прочной металлическая сетка ограды в известном Диме месте приподнялась, открыв узкий лаз. Они с Серегой поднырнули легко, а Гера застрял со своими громоздкими причиндалами.

— Догоняй, как пролезешь! — бросил Залуцкий через плечо, не оборачиваясь. Похоже, съемка недостающих кадров волновала его сейчас гораздо меньше, чем творившееся у «Граната» столпотворение. — Куда теперь? Веди, Сусанин...

Низко пригибаясь, они пересекли австоянку — на вид этот путь вел в сторону, совершенно противоположную нужной им; протиснулись в еще одну дырку (Залуцкий безбожно матерился, располосовав рукав новой кожаной куртки); свернули в казавшийся глухим тупик — в конце этого аппендикса стояли ящики, заботливо приставленные лесенкой к бетонному забору — перевалили и эту преграду; и, выскочив с глухих задов Южного рынка, оказались совсем рядом с «Гранатом», проскочив и внешнее, и внутреннее кольца оцепления.

— Классно, старик! — голос Залуцкого даже дрожал от восхищения — не талантами Димы-Сусанина, но открывшимся им у «Граната» зрелищем.

Внутри серой громады здания творилось нечто непонятное, но захватывающее: с треском что-то рушилось, порой вылетали оконные стекла — вылетали тихо, без бьющегося звона, словно мягко выдавленные изнутри — падали и только внизу взрывались ливнем осколков; кое-где мерцали яркие вспышки и слышался характерный треск коротких замыканий; из одного окна жидко тянуло удушливым дымом. Главным средоточием всех непонятностей казался огромный периметр второго этажа. Третий этаж занимал гораздо меньшую площадь (здание напоминало высокую башню, с силой воткнутую в широкое двухэтажное ос-

нование) — и там, на третьем этаже, такое творилось только с одной стороны.

— Что это? — вопрос Димы звучал чисто риторически, он и сам не ждал ответа.

На пожар не похоже, хотя пожарных машин вокруг хватает — лестницы вытянуты к окнам, по ним торопливыми муравьями ползут фигурки людей — и все вниз, только вниз... Бах! бах! Бах-бах-бах-бах! — стреляют в здании? террористы? Дима не знал, что и думать, растерянно присел, скорчился у бетонного бордюра циклопической клумбы, подавленный и оглушенный. Он не любил и боялся слишком масштабных событий.

Залуцкий решил и побежал, на ходу доставая журналистское удостоверение, в сторону главного входа — туда, где в безопасном отдалении от здания виднелось самое большое скопление людей и машин. Дима остался.

31 марта, 19.32, там же

Радиоуправляемые заряды сработали синхронно — накрывшее большую часть из них желе сигнал не экранировало. «Гранат» словно превратился в старинный парусный линейный корабль, давший залп всем бортом: из ровного ряда окон рванулись наружу бешеные вулканы, громада башни содрогнулась от основания, от самых глубоких подвалов, — и до венчающей крышу огромной антенны. Стены выдержали. На ходу, впопыхах, экспромтом, но минировали мастера своего дела...

...Обломки металла, стекла и бетона, избыточно летевшие из оконных проемов, Диму не задели. Не долетели — главная ударная волна была направлена внутрь. До него долетело другое...

— Ну и прикол... — ошалело пробормотал он. — Мой тазик...

Ударившийся с чавкающим шлепком о покрытый прошлогодней мокрой травой газон в шаге от Димы изряд-

ный кусок этого медленно принимал свою естественную форму, не искаженную сейчас сжимающими и давящими со всех сторон бетонными стенами. И она повторяла Димин тазик — даже с характерной круглой вмятиной наверху, оставленной при отливке слегка выпирающим дном... Потянувшееся из здания вслед за взрывом пламя достаточно освещало окрестности, чтобы никаких сомнений не осталось — перед Димой точная копия клеток-мутантов, скользивших вчера по полу лаборатории вслед за рыболовной леской — дубликат, увеличенный в три с лишним раза по каждому измерению.

Оттуда, куда убежал Залуцкий, от штаба и центра всей операции, совершенно неожиданно донеслась беспорядочная пальба, и, что было еще неожиданней, — истошные, дикие вопли. Дима не повернул головы, глядя, как подрагивающий и колыхающийся холмик медленно приближается к нему, оставляя за собой покрытую слизью полосу черной земли — словно кто-то невидимый за спиной Димы тянет это на леске...

— Ну, бля, и приколы... — казалось, все другие слова он позабыл. Ровный круглый край медузы коснулся ранта его ботинка.

— Ну, бля, и... — он твердил и твердил, как заведенный, эту дурную фразу, когда увидел, нагнувшись и напряженно глядя в желтую муть, — увидел вместо исчезнувшей кожи ботинка и мелькнувшего на мгновение грязного носка собственные пальцы — трупно-белые, искаженные мутью, с неровно обстриженными ногтями. Он даже пошевелил ими, удивляясь, что не ощущает ничего: ни тепла, ни холода, ни липкой влаги. И только потом, когда внутри студня развеялась непонятно откуда взявшаяся муть и он разглядел белые костяшки фаланг, продолжающие начатое шевеление — только тогда Дима закричал. Крик был высоким, пронзительным, терзающим уши — и долгим, очень долгим.

Никто не услышал — воплей вокруг хватало.

*01 апреля, День дураков, 10.20,
редакция «Царскосельского листка»*

Люся Синявская пришла на работу в настроении отнюдь не праздничном, совсем не подходящем для шуток и безобидных розыгрышей.

Проблемы последнее время навалились кучей, как свора лаек на стронутого с берлоги медведя. Муж, Костик, нашел какую-то фотохалтуру за городом — и несколько раз возвращался поздно, приносил деньги — а заодно и запах недешевого алкоголя, который, однако, не мог до конца перебить тонкий аромат женской косметики... Единственная дочь от первого брака не в первый раз замечена с каким-то сокурсником из нынешних, с типичным моветоном, — ничего серьезного, мама, мы просто друзья! Родители совсем сдают, болеют все чаще, — а в область, за сто сорок километров, к ним каждую неделю не поездишь... Короче, не до шуток.

Она и про праздник-то этот дурацкий вспомнила, только придя на работу и подумав про Немчинова, — надо с ним что-то делать, достал окончательно.

В редакции было на удивление пустынно, она тут же поняла почему — почти все толпились у телевизора в приемной, с жаром обсуждая какую-то первоапрельскую шутку, запущенную в эфир с утра пораньше. Она глянула мельком: на экране что-то горело и рушилось, метались испуганные статисты, тархтел прямо в камеру репортер, удачно изображая крайнюю степень взволнованности. Повторяются — все прямо как в том рекламном ролике, что насчет захвативших город орехов... А вот и злобный пришелец — ползет-колышется гигантская медуза чуть меньше цирка шапито размером... Люся пошла к себе, отметив, что задумана и смонтирована хохма с размахом, куда там их штатному шуту Немчинову с его плоскими приколами...

Устроившись за столом, первым делом взялась за выдвижной ящик (зная простой и не признающий частной собственности характер коллег, все нужное для работы на виду не оставляла, прятала в стол); выдвинула — и замерла. Вот и первый привет от козла-Немчинова, но наверняка на сегодня не последний... С первым апреля!

Вместо исписанных и чистых блокнотов, стакана с ручками и карандашами, коробки с дискетами, степлера и кучи других необходимых мелочей на дне глубокого ящика красовалось нечто вроде пудинга гнусно-несъедобного вида. Нечто колыхалось и подергивалось, как живое — но это, конечно, затухали в студенистой массе колебания от резко выдвинутого ящика. С чего ему, в самом деле, еще дергаться?

... он и в Африке... цензурно подумала про Диму разъяренная Синявская. Еще и все дно, гаденыш, какой-то слизью заляпал...

Люся обернула руку чистым платком и брезгливо протянула к продолжающей колыхаться массе.

31 октября, 17.38 (по Гринвичу). Орбита

— Стен, ты не читал, часом, фантастический роман одного поляка? Про разумный студенистый океан Соляриса?

Стенли Ковальчук, командир смешанного экипажа, долго молчал.

Но ответил:

— Какого поляка? У нас их много писало... Азимова? Зилазни?

Камаев махнул рукой. Какая, в самом деле разница, какого?

Бортинженер Паша Мельниченко, третий член экипажа, в разговоре не участвовал. Он замолк восемь дней назад и не сказал с тех пор ни слова. Восемь дней назад полтора десятка студенистых валов вспучили океан у берегов Флориды и обрушились на полуостров

с разных направлений. Мыса Канаверал больше нет. Точнее, мыс-то присутствует, но старушка «Дискавери», призванная доставить их обратно — не стартует с него никогда. Запасная площадка на острове Уоллопс канула еще раньше — когда стало ясно, что средство профессора Каунца ничему и никому не поможет и препарат, на который извели почти весь мировой запас иода — распылен над океаном впустую... И про Байконур тоже можно не вспоминать — над степями Казахстана колышется сейчас отнюдь не ковыль.

Паша молчал. Ни на что не реагировал. Смотрел в никуда. Слабый интерес проявлял, лишь когда внизу проплывало выжженное ядерными взрывами ожерелье, окружившее по дальнему периметру несокрушимые башни под рубиновыми звездами... Под одним из эпицентров осталась родная Пашина Вязьма.

Ковальчук не хотел обсуждать варианты разумности студня. Его волновал другой вопрос:

— Все-таки интересно: это едят? Мне кажется, если проварить хорошенько...

Тема была актуальная. Вчера они опять урезали рационы. Запасов продовольствия на борту МКС оставалось на пятнадцать дней...

ПОСЛЕДНИЙ УРАГАН

нас много.

За два месяца я встретил сто семь выживших.

Многие из них, как и я, обошли пешком десятки километров.

Почти все куда-то идут: на юг, на восток, или просто — куда глаза глядят. Но есть и такие, кто осел на одном месте, на «пищевых полянах».

То есть люди уцелели — как биологический вид. Поэтому сейчас я повторяю с гордостью: нас много! Человечество не погибло.

В старой жизни — до урагана — я был совсем другим человеком. Тетка оставила мне квартиру в прочном старом доме, в центре города... неважно, какого города, какая разница, если городов больше нет? Повторюсь, дом был прочный, старый, кирпичный; я сидел в прочной старой квартире и писал то ли романы, то ли пьесы. Возможно, и то, и другое. Точнее не помню. Почти все выжившие получили контузии разной степени. Я тоже два раза бился затылком и один раз — верхней частью лба. Судя по стилю моих записок, если я и был писателем, то писателем «очень третьего ряда», как выразился другой писатель, имя которого я тоже запомнил...

Чтобы не запутаться, начну еще раз. Мне тридцать лет. До урагана я вел уединенный образ жизни, много работал и много пил. В середине осени жена ушла от меня. Ночи стали длинными и холодными. За окнами ветер гнул голые серые деревья. Дожди не прекра-

щались. Я поздно просыпался и видел все время одну и ту же картину: отчаянно раскачивается ветка кле-на, и капли дождя текут по стеклу не вниз, а — вниз и вбок; так сильны были порывы ветра.

Я слыл передовым человеком и не держал в доме теле-визора; все, что надо, получал из Интернета. Но в ок-тябре забыл заплатить — и меня отключили. Я отпра-вился пешком, всего сотня шагов, через переулок до магазина, где рядом со стеклянной дверью стоит терми-нал; но из упомянутой сотни шагов не сделал и десят-ка. Вокруг бушевала настоящая буря. Ливень оказался неожиданно теплым, и я, пока боролся с ветром, даже вспотел, в своем свитере и плотной брезентовой курт-ке — она до сих пор мне служит; вот — можете ее по-трогать. Брезент в те дни многим спас жизнь.

Вернувшись домой, поспешил выпить еще стакан — в те дни я пил по стакану крепкого трижды в день — и уснул.

Рано утром слышались сирены и грубые, усилен-ные электричеством голоса. Я лежал, любуясь рубино-выми и лиловыми отсветами огней полицейских маяков на черном оконном стекле, покрытом волнистой водя-ной пленкой: то были уже не капли, стекающие причуд-ливо — но плотные водяные струи. Я завернулся в оде-яло и опять впал в забытье.

Спустя время меня разбудил шум. За окнами ревел ветер, и сквозь него пробивался звук тоном выше, не природный — индустриальный, звук автомобильных сигналов. Из моего окна была видна часть широкой улицы: автомобили стояли — бампер в бампер. Хор из сотен клаксонов показался мне отвратительным. Воз-можно, в одной из машин находилась моя жена, но при мысли о ней я только усмехнулся. Она сказала, что ух-одит не потому что я пью, а потому что я обещал бро-сить пить — и не выполнил обещание. Звонить ей не

★ стал: батарея в телефоне издохла, зарядное устройство исчезло; вместо того, чтобы думать о причинах происходящего — а происходила, судя по всему, глобальная катастрофа — я выпил еще стакан крепкого, но на этот раз уснуть не удалось.

Последний день перед ураганом помнят все, и я помню. Разумеется, все пьяные в тот день протрезвели; я не стал исключением. Дрожа от страха, я сидел возле окна, прижавшись к стене, и слушал свист ветра: низкий, дичайшего тембра свист, как если бы десяток реактивных самолетов прогревали свои турбины в нескольких шагах от моей форточки. Отопление не работало, — чтобы согреться, я натянул свитер и куртку.

Я видел, как одно за другим во дворе повалились деревья, как выворачивались из земли изогнутые черные корни. Это был не сам ураган, а его начало, увертюра, первые несмелые выдохи из адских мехов. Настоящий ураган пришел позже.

Думаю, что все мы не раз переживали конец света, вселенскую катастрофу. Когда я, восьмилетний, впервые вышел из дома в новых брюках и спустя час разорвал эти великолепные брюки о гвоздь — для меня наступил конец света; как вернуться домой, как показать матери? Когда я, восемнадцатилетний, впервые сел за руль отцовского автомобиля и выехал на дорогу, и спустя три минуты попал в аварию, разбив и машину отца, и машину постороннего человека — то был эпический, мировой катаклизм, Армагеддон. Средний человек — даже если он живет в мирные, спокойные времена в мирной, спокойной стране — несколько раз в жизни переживает вселенский ужас. Не страх смерти — а именно ужас всеобщей гибели. Тартарары. И вот — я сидел возле окна, наблюдая, как рушится мир, и содро-

гался от ужаса — но одновременно и надеялся, что все обойдется. Опыт подсказывал мне, что катастрофу можно пережить. Мать накричит на меня, отругает, но зашьет штаны. Помятый автомобиль отремонтируют.

Увы, надежды не оправдались.

Сначала вылетели стекла, с громким коротким звуком. Из комнаты высосало мелкие предметы, главным образом мои рукописи, бумажные листы, стопками покрывавшие весь пол. «Туда им и дорога», — мстительно подумал я. Затем исчезли пепельницы, стаканы и чашки, штаны и фуфайки, и телефон, и зарядное устройство, — оно внезапно нашлось, чтобы черной молнией просвистеть мимо моего лица, хлестнуть по щеке и кануть в ревущей бездне. Высосало хлебные корки, ботинки, кофейные зерна, книги, фотографии. Затем и мои ноги оторвались от пола. Какое-то время я держался за холодную трубу отопительной батареи, затем пальцы устали и разжались, и меня вынесло прочь.

Я знаю, что спустя время — может быть, полчаса или час — весь мой дом распался на части и взлетел. Крыша, затем стены, перекрытия, — вплоть до подвала, до фундамента. Но я до сих пор вспоминаю его с любовью, — дом спас мне жизнь. Повторяю, он был старый. Я сам видел, как новые высотные дома из монолитного железобетона ломались у корня, на уровне первого этажа, и катились по земле до тех пор, пока не лопались. А мой дом сам собой разобрался по кирпичам, — но этого я уже не видел.

Когда движешься со скоростью воздушного потока — ты не слышишь ни свиста, ни рева. Вокруг тебя — безмолвие. Как описать это? Как поверят мне люди, которые будут жить после меня и захотят прочесть мои

записи, и разузнать, что такое последний ураган и как спаслись те, кто спасся? Я летел, вращаясь то медленно, то быстро, в абсолютной тишине, а вокруг меня парили куски, обломки, осколки старого мира, асфальт и гранит, стальные балки, строительные леса, кухонные столы и стиральные машины, — и такие же несчастные, как я сам.

Впоследствии кто-то из выживших объяснил мне, что предметы разной массы летели на разной высоте, чем тяжелее — тем ближе к земле. Крупные фрагменты железобетонных строений не летели — катились; над ними — менее крупные; выше — мельче; наконец, люди летели вместе с предметами примерно схожей массы.

Когда меня подняло и стало вращать, я немедленно исторг из желудка все, что в нем было, после чего потерял сознание. Когда очнулся — рассудок отказался верить в происходящее. Я продолжал лететь и вращаться. Сквозь пелену — то ярко-багровую, но нежно-розовую — я различал вокруг мертвых и полумертвых людей, с неподвижными, искаженными ужасом лицами, с раскинутыми руками и ногами, с пальцами, судорожно пытающимися отыскать опору. Летели мертвые, летели разрезанные пополам, летели сломанные и скрученные в узлы. Целые тела летели чуть ниже, фрагменты тел — чуть выше. Еще выше и быстрее летели предметы размером с собаку, дальше — размером с баскетбольный мяч, затем — размером с сигаретную пачку и так далее.

Летели дамские туфли, лопаты и пакеты, гаечные ключи и гайки, компьютерные клавиатуры, одеяла и колодезные цепи, золотые слитки и флаконы собачьего шампуня, радиоприемники и хоккейные шлемы, расчески и церковные свечи, молотки и гвозди, машинки

для стрижки овец и патронташи, и электрические провода любой толщины и всех цветов радуги, скрученные и спутанные в клубки, узлы и гирлянды.

Люди гибли на моих глазах по одному и тому же сценарию: один в панике хватал другого, затем вцеплялся третий, — и эта гроздь из трех тел мгновенно теряла скорость и опускалась ниже: туда, где неслись разорванные на части железнодорожные вагоны, глыбы бетона и асфальта.

Нет, я не отталкивал тех, кто пытался поймать меня. Но и сам не ловил других.

Выше всего прочего — и быстрее — летел мельчайший прах, листья и трава, водяная пыль.

Бесшумно вращался вокруг меня вещный мир цивилизации. Взорванный скарб.

Какие-то крупные штуки — мотороллеры или измощенные куски древесных стволов, неожиданно подброшенные сильной воздушной струей, поднимались мимо меня или, наоборот, опускались вниз, по пути ударяясь друг о друга — или ударяя людей, убивая и калеча.

Беспомощный, я вращался во всех трех плоскостях, умоляя Бога послать мне быструю смерть, но в процессе мольбы почему то закрывал руками голову. Если Бог создал нас, то создал и наши рефлексy. Я желал смерти — а мое тело упрямо пыталось спастись. Не сам я спасся — меня спасло мое тело, брeнная плоть сберегла мою душу.

Это продолжалось долго. Одни выжившие говорят о двух неделях, другие заявляют, что ураган длился не более суток. Я не думаю, что меня носило две недели; за такой срок я бы умер от жажды. Или, может быть, ужас парализовал все телесные процессы?

Ураган ослабевал постепенно, и все, что несло над землей, упало в том же порядке: сначала большое и тяжелое, затем — меньше и мельче. Сначала упали камни, затем автомобили, затем люди. Все упавшие были погребены под толстым слоем более мелких предметов. Этим объясняется отсутствие трупного запаха: ураган сам заботливо похоронил человечество, укрыл мертвых многометровым одеялом из вещей, служивших им при жизни. Но были аномалии, необъяснимые феномены. Каждый выживший и был таким феноменом. Очевидно, внутри мощного воздушного потока существовали свои течения, восходящие и нисходящие струи, и одна из таких струй подняла меня вверх, когда вокруг уже опускались камешки, авторучки, сотовые телефоны, тарелки, мертвые птицы, собаки, коты и мыши, деревянные щепки и зажигалки, зубные щетки и шнурки, цветочные горшки и осколки цветочных горшков, брючные ремни и мусорные корзины, монеты и мыльницы, и еще тысячи тысяч обломков, кусков и обрывков.

Я довольно легко выбрался из-под слоя мелких частиц. Вокруг висели серые сумерки: оседала пыль. Подавляющее большинство из нас до сих пор выкашливают из легких серую слизь. Мы все дышали пылью в первые дни новой жизни.

Наверное, мы все умрем скоро. Но сегодня я — и мои собратья — еще можем передвигаться, еще можем думать и разговаривать. Я еще могу корябать бумагу, и у меня даже есть нож, я чиню им карандаш и пишу.

Солнце выглянуло на второй день. С третьей попытки я сел, с пятой попытки — воздвигся вертикально. Вокруг меня простиралась плоская серо-коричневая равнина. От слабости я не мог идти, но надо было двигаться, и я пополз, думая о том, как найти еду и воду.

Мне снова повезло.

Прежде чем продолжить, я объясню, что такое «пищевая поляна». Предположим, что ураган разрушает большой продуктовый магазин, или склад, или что-то в этом роде. В воздух поднимаются консервы, упаковки с хлебом, бутылки с питьевой водой. Ураган несет облако из банок и бутылок. Все упаковки — примерно одинакового веса и объема. Меньшая часть рассеивается, большая — падает, покрывая пространство в несколько сотен квадратных метров. Если вы в первые дни новой истории оказались поблизости от такого места — вы и есть выживший.

Все мы были обессилены и измучены. Никто не мог ходить. Полуслепые, оглохшие, изломанные и ободранные, мы были способны только ползти, подобно червям, погружая руки по локоть в остатки, обломки, обрывки и осколки. Те, кто попал на «пищевую поляну», кто откопал уцелевшую пластиковую флягу с водой, пакет с сушеной рыбой, или замороженными овощами — тот сумел в конце концов восстановить силы.

Утолив жажду и насытившись, я получил энергию и всю ее потратил на то, чтоб выкопать новую воду и пищу.

Впоследствии «пищевые поляны» мы угадывали по запаху гниющего мяса и по огромным роям мух, — сначала черных, маленьких, а потом огромных, навозных.

Понятно, что день ото дня субстанция под моими ногами — назвать ее «землей», или «почвой», было бы наивной глупостью — постепенно превращалась именно в навоз.

Однако я забегаю вперед.

Вечером второго дня я откопал зажигалку, зажег свой первый костер, и на огонь ко мне из мрака вышел человек. Я не испугался. Незнакомец не мог причинить мне вреда. Мы оба едва двигались. Я протянул ему бу-

тылку алкоголя. До урагана, как помнят многие, алкоголь часто продавался в бутылках прочного стекла; я нашел несколько целых емкостей и одну даже вылил на себя, обтерся, чтоб избежать попадания заразы в мелкие раны, ссадины и царапины. Человек сказал, что ничего не помнит. Своего имени не назвал. Выпил ровно половину бутылки и уснул. Утром я обнаружил его мертвым. Впоследствии я встретил еще несколько таких же несчастных: внешне крепкие, они имели разнообразные внутренние ушибы, кровоизлияния; нервный шок придавал им сил, они могли ходить, разговаривать и даже шутить — а потом внезапно умирали. Когда тот, первый незнакомец умер, я ощутил раздражение. Мне хотелось поговорить с ним, обсудить произошедшее. Выкапывая могилу, я ругал его. И с тех пор взял за правило сразу же, после первой приветственной фразы, подробно расспрашивать каждого выжившего обо всем, что он помнит, а главное — о возможных причинах урагана.

Могила получилась мелкая, я рыл руками, осторожно откидывая прочь тряпки; микросхемы, теннисные мячики, наручные часы, обрывки глянцевых журнальных страниц, снова электрические провода — и затем кое-как присыпал погибшего.

Я бы не назвал это «преданием земле». Я был назвал это «прах к праху».

Второй выживший был безумцем. Я не сразу это понял. Он сообщил свое имя: Адам. В отличие от первого он говорил не переставая. Шепелявя разбитым ртом и глядя на меня единственным глазом (на месте второго зияла дыра), он сказал, что ураганы рождаются над океанами, когда из-за разности температур воздух приходит в движение и начинает закручиваться в гигантские воронки. Таким образом, если ураган был достаточно силен, чтоб сровнять с землей города — значит,

он должен был вытянуть из океанов невообразимые массы воды, поднять эту воду в верхние слои атмосферы и затем обрушить нам на головы. Если этого не произошло — значит, океаны уцелели. И тогда, продолжал Адам, надо подготовить запасы пресной воды и пищи — и идти к океанам, как бы ни был далек путь. Океан — это рыба, ею можно питаться. Оставаться в глубине материка нельзя. Когда солнце нагреет землю, начнется гниение. Миллионы погибших людей и животных, сотни тысяч тонн органики станут разлагаться, все вокруг нас обратится в смрадный гумус, и выжившие умрут от болезней. Надо идти к океану.

— А что потом? — спросил я.

Адам захихикал и поднял вверх палец.

— Жизнь вышла из воды и должна вернуться назад! Если твердь умерла, надо искать спасения в воде. Надо создать новое, перерожденное человечество, умеющее жить в воде, как живут киты! Если мы так не сделаем, мы умрем.

— Не умрем, — сказал я. — Мы выжили, потому что так надо. Если я теперь умру — это не станет для меня событием.

Адам посмотрел на меня дикими желтыми глазами и вдруг достал из под одежды пистолет. Швырнул мне под ноги.

— Тогда убей себя, — предложил он. — Выстрели себе в голову.

Я взял оружие и от слабости едва не выронил его. Адам усмехнулся и продолжил:

— Вчера я встретил двоих. И обоим предложил покончить с собой. Оба согласились. Ты — третий.

— Нет, — ответил я. — Не для того я выжил в урагане, чтоб теперь убить себя.

После чего встал, размахнулся и выбросил пистолет в темноту. Адам тоже встал — надо сказать, гораздо бы-

стрее меня — и убежал, грязно ругаясь, в том же направлении. Больше я его не видел. Конечно, он не был Адамом, наверняка присвоил себе это имя, для красоты. Может быть, он мечтал склонить к самоубийству всех встречных выживших и остаться единственным? Не знаю.

Следующий день я целиком потратил на то, чтоб насыпать холм. Работая от рассвета до заката, выкапывая подходящие обломки, куски дерева и металла, мятые кастрюли, седла для верховой езды, смартфоны, объективы для фотоаппаратов, дамские сумочки, бумажные стаканчики, я едва сумел поднять жалкую кучу до высоты собственной груди, но поскольку местность вокруг была ровной, как стол, мой сигнальный холм можно было увидеть издалека. Верх его я увенчал удачно найденной табличкой: «машины не парковать». Табличка была обильно измазана кровью, но это меня не смутило. Перевернув плоский кусок металла обратной стороной, я нацарапал одно слово: «ЕДА».

Отметив свою первую пищевую поляну, я упал, измученный, но довольный. Усталость меня не пугала: физическая работа отнимала силы, но укрепляла тело. Кроме того, я нашел почти целую тетрадь и несколько карандашей. находка встряхнула меня: я вдруг вспомнил прошлую, безвозвратно утраченную жизнь. Кем я был, зачем жил? О чем писал? Может быть, все написанное мною тогда, до урагана, ничего не значит? И главный мой текст будет написан именно теперь, посреди безмолвной пустыни, в которую по воле природы обратился мир, некогда цветущий и сверкающий?

Ночью я видел сон: кровавый полет, вращение, тишина, ужас осуществляемой гибели. Подо мною — все, что тяжелее; надо мною — все, что легче. Смертная сортировка.

Утром я уже знал, что буду делать. Положил в пластмассовый мешок несколько фляг с водой, несколько бутылок водки и хлеб. Затем пошел на восток. Если все равно, куда идти, то лучше идти на восток, навстречу солнцу, не так ли?

С тех пор прошло шестьдесят дней. Каждый день я отмечаю записью в тетради. Встречу с каждым выжившим — тоже излагаю, по возможности подробно.

Никто не знает, где мы находимся. Никто не знает, сколько сотен или тысяч миль пронес ураган каждого из нас.

Мы все говорим на разных языках.

Возможно, мы в Африке. Или в Австралии. Мы не знаем, сколько тысяч километров ураган нес нас по небу.

Мы объясняемся знаками или на простейшем английском, подмешивая испанские, немецкие, французские, русские, итальянские слова. Поэтому все истории, мною записанные, — очень простые.

Все как один ничего не знали об урагане, ибо жили уединенно, имея минимальную связь с внешним миром. Небогатые фермеры, целыми днями пропадающие на своем поле. Безработные городские алкоголики из нижних общественных слоев. Творческие личности или те, кто считал себя таковыми. Никто неделями не включал телевизор или вообще не имел его в доме. Никто не пользовался Интернетом. Никто не имел семьи и близких товарищей. Все выжившие были — каждый на свой лад — чудаками, одиночками, полумаргиналами.

Объяснения этих простых, иногда вовсе невежественных людей сводились к словам «война» «метеорит», «пришельцы». Никто не знал ничего конкретного.

Из ста семи восемьдесят имели сильные контузии и на многие вопросы отвечали «не помню».

Некоторые говорили совсем мало. Другие, наоборот, не могли остановиться по нескольку часов — но я слышал мало интересного.

Один сказал, что видел, как мимо него летел длинный черный лимузин, — его разорвало пополам, и изнутри вылетели шесть или семь голых женщин, каждую из которых тоже, в свою очередь, разорвало пополам.

Другой выживший, наполовину темнокожий, наполовину азиат, кратко заявил, что ураган — это был «биг шейк», большая встряска. Я подождал объяснений, но смуглый малый отчего-то разозлился и закричал по-испански: «*Vamos, vamos!*» Я убрал свою тетрадь и ушел.

Идти следовало от поляны к поляне, все время возобновляя запасы воды, — вокруг теперь нет ни ручьев, ни рек, ни озер, все засыпало прахом цивилизации, принадлежностью к который мы, уцелевшие, недавно так гордились.

Нет ни лесов, ни кустарников, но на тридцатый день появились первые, то тут, то там лезущие к небу, зеленые всходы: семена растений не может уничтожить даже самый сильный ураган. Это знал даже я.

Трижды за два месяца шел дождь, но только один раз я сумел отыскать железную миску и набрал в нее дождевой воды: ее хватило на один глоток.

Лишь однажды за все время я встретил вполне социального человека, шведского рабочего, который любил адреналин и в день урагана поехал кататься по улицам на гоночном мотоцикле; парень утверждал, что выжил благодаря шлему и защитному комбинезону. Швед сказал, что ураган произошел от резкого нагрева атмосферы, вызванного кратким, однако необъяснимо мощным выбросом солнечной энергии; что ура-

гана ждали, что люди были заранее оповещены, что многие заблаговременно бежали из городов в деревни, рыли подвалы, пытались спастись в подземельях метро, в угольных шахтах; военная и политическая верхушка в каждой стране имела свои собственные надежно оборудованные убежища; так или иначе, по рассказам шведского байкера, выживших могло быть много, — не жалкие сотни, которых встретил лично я, — но многие тысячи. И теперь каждому следовало только придумать — в каком направлении двигаться, как искать и где искать помощи, руководства к действию или просто доброго слова.

За шестьдесят дней я нашел четыре «пищевые поляны» и каждую отметил знаком, и обо всех знаках рассказал всем, кого встретил. Повторяю: почти все выжившие, как и я, не сидят на одном месте. Кто-то боится наступления холодов и движется на юг. Другие, как и я, идут на восток.

Бывает, что мы собираемся группой — трое, четверо — и шагаем вместе несколько дней, но потом те, кто слабее, предлагают более сильным не ждать, не терять хода. Слабые отстают, сильные идут дальше. Сильные не хотят возглавлять слабых, никто не желает никого никуда вести, а тоска по прошлому столь велика, что ее лучше переживать в одиночестве.

По ночам холодно, но у всех есть зажигалки и спички, а под ногами достаточно бумаги и кусков дерева.

Почти все больны, но у каждого есть медикаменты. Мы умеем искать под ногами. Мы находим аспирин и йод. Мы быстро научились выживать.

Многие сказали, что в первые дни после урагана искали и находили оружие — ножи, револьверы, винтовки — но затем, после одного или двух дней пешей ходьбы, выбрасывали стальные машинки, они были слишком тяжелыми, в встречаемые на пути люди все

были слишком слабы, чтобы суметь напасть на другого. Сил хватало только на разговор.

Пейзаж вокруг — один и тот же. Равнина, покрытая остатками старого мира. Под моими подошвами хрустит пластмасса, стекло и бумага. Металла и камня почти нет: металл и камень тяжелее пластика; все каменное и металлическое упало в первую очередь.

Равнина не имеет цвета. Наклонившись, можно увидеть под ногами кусочки, детальки, остатки, мелкие фрагменты, все они разных цветов, но если выпрямиться и оглядеться — цвета сливаются в один, серый.

В моей тетради сейчас сто семь историй, и моя собственная — сто восьмая.

Вы — сто девятый.

Как ваше имя? Расскажите, кем вы были в прошлой жизни. Объясните на любом языке или жестами. Я пойму. Расскажите, почему ураган разрушил наш мир — ведь он был не самый плохой?

ВТОРОЙ ВСАДНИК

Конец света,
который мы не ждали

И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем было дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч.

Откровение святого Иоанна Богослова, 6—4

И ВСЕ ДЕРЕВЬЯ В САДАХ

то, — спросила она, — никого не осталось?

Он покачал головой.

— Ну ты же знаешь, как оно бывает...

Над поселком стояло сизое марево — процессы распада и синтеза шли стремительно, нагревая и мертвую органику, и вьюнок. Вьюнок уже перевесился через глинобитные стены, один усик, трепеща, обвил Яну щиколотку и тот брезгливо отдернул ногу.

— Понятия не имею, как оно бывает, — пробормотала Фей.

Она охватила ладонями плечи и вздрагивала будто от озноба — на таком-то солнце.

— Ну как же, — пробормотал он, — просто приходят, и все...

Водонапорная башня уже обрушилась под весом оплетшего ее вьюнка. Усики жадно пили воду.

— Они же недавно отделились, — не сдавалась Фей.

— Значит, поздно отделились. Или скудно. Мало кому хочется — на новом месте.

— Раньше так не было, — упорствовала Фей.

— Ну да, ну да, — устало согласился он. Спорить не было сил.

С другой стороны, Фей-то права. Сначала — города. Потом крупные поселки. Чем больше людей, тем больше шансов, думал он, это как бабочки летят на свет... Чем ярче свет...

Огораживающая поселок стена была цела, понятное дело. Он сплюнул в пыль.

— Пойдем отсюда, — Фей расплакалась, — скорее пойдем!

— Погоди, только воды наберу.

Он выстрелил в зеленую массу, оплетавшую бак — усики отдернулись. В железных обломках еще сохранилось немного воды — она отдавала ржавчиной, но он погрузил в нее флягу и держал, пока последние пузырьки воздуха не лопнули на поверхности, подернутой радужной пленкой. Фей продолжала плакать у него за спиной. Это раздражало, но он на нее даже не прикрикнул — хотя бы ясно, где она и что делает.

Наконец, он обернулся, держа флягу в руке. Она продолжала плакать. Слезы прочертили светлые дорожки по щекам, по пыльной шее, теперь стало видно, что кожа у нее светлее, чем покрывавший ее слой грязи.

Он подошел, отстегнул от пояса ее флягу. Она даже не заметила. Продолжала плакать.

— Ну перестань, — неловко сказал он, цепляя флягу обратно ей на пояс, — ну что поделаешь...

Вода им досталась на обратный путь, вот и все. Остальное — швейные иглы, сменные пластины для солнечных батарей, все, за чем они шли, было погребено под этой зеленой опарой.

— Ладно, — сказал он, — пошли. Цикл у них короткий.

Она опустила голову, рассматривая сбитые башмаки.

— Они же одиночек не трогают.

— Ну, просто противно...

Башмаки ей так и не справили, подумал он огорченно.

— Может, это... Дойдем до Овражков?

Она отчаянно затрясла головой.

— Домой! Домой хочу!

«Почему они открыли? — думал он. — Почему впустили?» Впрочем, в общих чертах понятно — почему. В общих чертах все знали, как это происходит. Точно не знал никто.

Наверное, все дело в запахе.

Оглядываться он не стал. Отлично знал, что там, под этой зеленой, вздымающейся и опадающей опарой.

— Ладно.

Они отошли еще на несколько шагов, когда Фей снова вцепилась ему в руку.

— Ну что там еще? — устало спросил он.

— Давай... Ян, пожалуйста... свяжись с ними... как они там...

— Да никак. Хочешь их совсем напугать?

— Мы не скажем. Просто спросим, как они там — и все... Скажем, что идем домой.

— Может, все-таки... до Овражков? Они вроде поменьше.

— Еще меньше? — она с горечью оглядела глинобитный забор. Отсюда уже было видно, как тот загибается, огораживая поселение, — но, Ян... еще меньше, это ж почти как наш хутор!

Он непроизвольно стиснул зубы, потом бросил на землю вещмешок, вытащил рацию.

Какое-то время в наушнике раздавался лишь треск атмосферных разрядов. Потом, долгое время спустя, ломающийся голос неуверенно спросил:

— Папа?

— Да, командир. У вас там все в порядке?

— Да, папа. Закончили полив.

— Сейчас?

— Да что ты, папа. Еще утром.

— Ладно, — пробурчал он. — Как плакса?

— Плачет, — хихикнул сын.

— Ладно. Скажи ей... мы скоро будем. Воды подкачай еще. Только это... Вручную, ладно?

— Ну, — недовольно пробурчал мальчик.

— Сказано же!

— Да ладно, сделаю. Вы там как? Все успели?

— Ну...

Он помолчал.

— Не открывай ворота, слышишь. Сидите за оградой и ни шагу.

— Да я знаю. А что...

Треск...

Он выключил рацию. Пожалуй, он был рад, что связь прервалась.

— Ну как? — Фей вцепилась за грубелой рукой ему в плечо. Ногти обломаны, с черной каймой.

— Да в порядке все. Я ж говорил.

И чего зря беспокоиться? Хутора они не трогают.

— Ты велел ему накачать воды вручную? — она успокоилась и теперь завела привычную песню.

— Да что с ним станется? Здоровый же малый. Отделиться ему пора, вот что!

— Да ты что, Ян! Он же еще маленький! Совсем ребенок!

— Ему пятнадцать, Фей. Я в четырнадцать отделился.

А то, можно подумать, она не помнит, когда он отделился. Она ж на десять лет старше его. В округе не было девушек на выданье его возраста, а у родителей Фей хутор совсем крохотный. То-се, так получилось, что засиделась она в девках. А другой не нашлось. Сначала ему как-то не по себе было. Потом притерпелся.

— Эта, с хутора у Косой скалы. Младшенькая. Марика вроде. Так надо с ее отцом поговорить...

Фей всхлипнула, утерла нос рукавом, но ничего не сказала.

— Овражки надо бы предупредить, — пробормотал он, крутя колесико.

Разряды.

— Ну? — выдохнула Фей.

— Ионизация. Опять разыгралось, похоже.

— Вспышка?

Он надвинул щиток на глаза, искоса взглянул вверх. Солнце корчилось в раскаленном мареве, выбрасывая в стороны мутноватые щупальца. Одно было совсем уж поганым.

— Не то слово...

Он покачал головой.

— Может, и уцелеют...

Спрятал рацию, закинул вещмешок на плечо. В последний раз обернулся. Скрипнув горячей пылью на зубах.

— Совсем же маленькая деревушка была, — пробормотал он.

Поправил лямку мешка. Перекинул на грудь карабин.

— Пошли...

— Назад? — с робкой надеждой взглянула она на него.

— А то...

Это все излучение, думал он. Раньше они были спокойней. И нападали на города, только на города. Даже крупные поселки обходили стороной...

Впрочем, сам он городов не помнил. А вот поселки числом до полутыщи душ еще застал. В детстве. У него осталось смутное впечатление чего-то огромного...

А все потому, что этой твари просто-напросто жрать хочется, уныло думал он, ощущая как песок обжигает ноги даже через подошвы и несколько слоев намотанной на ступни ткани. Пить хочется. Воду-то хрен добудешь. Органика, опять же. Минеральные соли. Кальций.

Он вновь пошевелил карабином, ощутив под ладонью раскаленный металл ствола.

— Придем, батарею попробую починить.

— Чем, Ян?

Он погрел рифлеными пластинами в кармане.

— Отколупал от их СБ. Им-то оно без надобности. Погоди.

Она покорно остановилась. Он отстегнул флягу, стащил с головы повязку и аккуратно промочил ее из узкого горлышка. Потом снова надел на голову. Сразу стало легче.

Солнце корчилось в небе, как раздавленная медуза.

— На твоём месте, — сказал он, — я сделал бы так же.

— Воду жалко.

— Придем, я почию насос. Элементы вот в СБ замению и почию.

По такыру пробежала многоножка. Небольшая, в две ладони. Он было пошевелил карабином, но передумал.

Далеко в пронзительной синеве неба парили черные точки, но ему ни на миг не пришло в голову, что это птицы. Он и слова-то такого не знал. Просто мелкие кровоизлияния на сетчатке. Жара...

Проклятое солнце! Будь все как всегда, они бы переждали самую жару под саманными крышами поселка, а к закату вышли бы в путь. Не получилось.

Он вдруг понял, что почти и не думает о тех, погребенных под вьющимся зеленым покровом. А ведь он же их знал. Смеялся с ними, окликал по имени, пиво пил. Я вроде должен горевать, удивлялся он сам себе. Точно — должен. Но — не горюю. Почему? Мы все разучились... чувствовать... Так, что ли?

Он остановился.

Фей, семящая сзади, ткнулась ему в спину.

— Ты что? — спросила она горячим шепотом.

— Да все путем. Повязку еще намочу.

Не будет больше поселков. Одни хутора.

Я ничего не чувствую, потому что они чувствуют чувства. Ищут их. Чем больше народу, тем больше совокупного чувства. Надо научиться ничего не чувствовать. Тогда они нас не поймут. Они приспособляются. Мы приспособляемся. Так оно и идет.

Она вновь схватила его за плечо — все время за одно и то же место, где сустав упирается в ключицу. Там уже скоро синяк будет.

— Гляди!

На грани марева и плотной кромки такыра плелась какая-то фигура.

— Еще кто-то.

— Хуторянин?

Свет резал глаза, отчего контуры выглядели размытыми.

Он, не отводя взгляда от темного силуэта, похлопал по груди, нащупал бинокль на потертом ремешке, поднес к глазам.

— Не пойму.

Линзы исцарапаны песком, все в мельчайших мутных искрах.

— Уцелевший? — спросила она неуверенно, — тоже ходил куда-то? На хутор? Теперь возвращается?

Он снял с головы повязку, которая уже успела просохнуть, помахал ей в воздухе.

— Эй!

Человек вдалеке тоже помахал рукой.

— Эй! — вновь крикнул он, приложив свободную руку рупором ко рту

Человек вдалеке повторил его движение.

Бинокль оттягивал шею. Он вновь поднес его к глазам. Что-то не то.

— Ян!

— Вижу, — сказал он сквозь зубы.

Сам он махал правой рукой. Человек — левой. Как в зеркале. Правая поднесена к губам. Рупором.

— Стреляй! — взвизгнула Фей. Плечо его она не выпустила.

Он процедил:

— Уйди, дура.

Поднял карабин. Оптический прицел давно сбит. Сделал поправку. Выстрелил.

Человек за холмом подпрыгнул, словно вдруг оказался босыми пятками на пламени. Даже, кажется, на миг завис в воздухе. Потом понял — его поддерживает нечто, ударившее в землю из разверстой груди. Упругий зеленый стебель. Стрелка.

— Мандрагор! — пробормотал он, скрипя песком на зубах. — Вот сволочь! Когда только он успел?

— Может, он откуда-то еще? Куда ты, Ян? Пускай осядут.

Стрелка рассыпалась прахом — на такыр медленно опадало зеленоватое облачко спор.

Он еще подождал, потом осторожно приблизился. То, что лежало на растрескавшейся бурой земле, уже ничем не напоминало человека. Огромный корень лежит, весь в волосках. И отростки — руки, ноги... Голова... Что-то в этом роде.

Как это у них получается? Он же видел одежду, головную косынку видел.

Запах? Запах...

— Пойдем, Ян, — Фей отбросила с лица пыльную прядку, робко посмотрела на него.

— Первое время, говорят, они были еще уродливей, — он пнул ногой пустую, сразу как-то высохшую оболочку, — совсем были на людей не похожи. Три ноги бывало, все такое...

Наверняка запах. Люди подпускали их к себе как раз, чтобы дать возможность спорам... укорениться.

— Но они обычно... никогда не подманивали путников. Только тех, кто на месте.

— Это да. Нас для них слишком мало. Они нас не чувствуют.

— Как же этот нас нашел, Ян?

Он молчал, чувствуя, как его заливают волна озноба. Похолодало, что ли?

— Пойдем, Ян. Пойдем скорее... Я хочу домой.

— Да, да — поспешно согласился он.

Он еще раз пнул ногой лежащего мандрагора. Тот не пошевелился. Будто так и надо.

Отстегнул от пояса флягу, протянул ей.

— На. Глотни.

Песок из бурого сделался багряным. А с неба действительно потянуло холодом.

Она задыхалась, хватая остывающий воздух ртом.

Он ей хотел сказать, чтоб она прекратила паниковать — приманит ведь мандрагора. Но не сказал — хуже будет.

* * *

... Уже когда они подошли к глинобитной ограде своего хутора, он знал... Уж очень было тихо. И калитка открыта.

Он отодвинул Фей плечом, но она все равно билась у него за спиной, о его спину, слепо и больно хватаясь руками.

Калитка открыта...

Он обернулся к ней.

— Это потому, что ты не давала ему отделиться, старая дура, — горько выкрикнул он, — если бы он отделился!

Она прижалась к нему, дрожа всем телом.

— Но, Ян... — пробормотала она, — мы же... нас же... все равно... не было... Их же осталось так мало... так мало...

Она сползла на песок и застыла, изредка вздрагивая. Он осторожно глянул за калитку. Под отсветом багровой, распухшей, огромной луны было видно, как шевелится за оградой плотная зеленая масса.

Скоро она пустит цветочные побеги, подумал он. И отрастит мандрагоров...

Он провел рукой по лицу.

— Командир, — пробормотал он.

Острая боль резанула грудь и так же быстро ушла. Я опять ничего не чувствую, подумал он, так же нельзя. Наверное, позже. Потом...

У него за спиной тоненько скулила Фей.

Темная, почти черная в свете луны, опара зашевелилась.

— Смотри, смотри!

— Там кто-то есть!

— Мандрагор!

— Нет! — вытолкнула она вместе с горячим воздухом. — Это он! Наш мальчик!

Мандрагор, думал он, надо же, как они теперь быстро...

Он подхватил карабин. Человеческая фигура поднималась из зеленого савана.

— Наш мальчик!

— Не думай! — крикнул он не оборачиваясь. — Не смотри!

— Но это же наш мальчик! Наш сыночек!

— Мандрагор!

Темная фигура пошевелилась. Зеленые плети, обвинявшие ее руки, задрожав, опали.

— Мама!

Боже мой, он говорит! Мандрагоры не говорят! Вроде...

Фей приникла к нему, слепо шарила по его плечам, груди.

— Он зовет меня! Зовет меня!

Потом она оттолкнула его и бросилась вперед, к калитке. Он успел ухватить ее подмышки и оттого никак не мог перехватить карабин.

— Мама!

Она обернулась, тянулась к его лицу скрюченными пальцами, пыталась достать глаза.

— Мама!

Там никого не может быть. Он это точно знал. Никого. Они стали пищей для вьюнка, перегноем, порождающим мандрагоры.

Но ведь мандрагоры никогда не разговаривали!

Имитировали жесты, походку, вернее, нет, не имитировали, заставляли людей самих приписывать родные черты грубому человеческому подобию. Впрочем... если так... почему бы им не заставлять людей не только видеть, но и слышать?

В самом деле, почему?

Он ударил ее коленом в живот, она скрючилась и тогда он ударил ее еще раз, так, что она перестала, наконец, хватать его за руки, отлетела на несколько шагов, упала на песок, замерла. Не дожидаясь, пока она вновь попытается выцарапать ему глаза, он схватил карабин и ударил разрывной пулей в темную фигуру, которая уже освободилась от зеленых побегов и теперь шагала, шагала, шагала к нему.

В небо выбросился трепещущий зеленый столб спор. Выбросился и повис, вращаясь в лунном свете.

Он отпрыгнул, успев в падении отшвырнуть Фей еще дальше, навалившись на нее, она дрожала так, что его руки, удерживающие ее, ходили ходуном.

Споры на миг зависли в воздухе и опали. Сколько там они живут? Краткий миг? Им нужно внедряться сразу...

Он переждал еще немного, потом встал на колени. Подал ей руку.

Она все еще всхлипывала.

— Мальчик мой...

Горло у него болело. Саднили царапины, оставленные ее ногтями.

— Мандрагор, — хрипло сказал он.

— Но он же... разговаривал!

— Просто запах, — вздохнул он, — просто запах. Пойдем.

Они поднялись, поддерживая друг друга, и побрели прочь, оставляя позади одну на двоих цепочку темных следов. Нельзя думать, думал он. Они уже нападают на хутора... мой мальчик... Нет, не надо думать. Они это чувствуют. Не надо горевать. Но если я думаю, что не надо думать, значит, я думаю... так и так погибель. Мой мальчик... девочка моя... Надо было пойти туда к ним... У нас нет воды. Мы все равно погибнем... мы не доживем до заката... Правда, если выйдем к берегу, можно поставить ловушки. Можно попробовать дойти

к тому хутору — у Косой скалы. Там как раз эта Марика. Зачем она теперь? Да и есть ли он — тот хутор? Раньше они охотились за городами. Теперь — за одиночками...

...Над такыром вновь поднималось марево, призраки вставали в зыбком свете раскаленного утра. Или это у него мутилось в глазах?

Фей семенила за ним, механически переставляя ноги. За ночь она совсем поседела.

— Куда мы идем? — пробормотала она.

Вытолкнул сквозь спекшиеся губы:

— Никуда.

Они охотятся на нас, думал он. Раньше каждый отдельный человек для них ничего не значил. Только сообщество. Только биомасса. Теперь они ползут на любой запах жизни. Органика. Влага. Кальций. Значит, больших городов больше не осталось, думал он. Нигде.

Море вставало у горизонта, точно синяя стена. В левом углу глаза он увидело вздымающиеся бурые скалы. Кивнул.

— Там...

Сморщив губы, Фей всматривалась в глинобитные стены прилепившегося к скалам крохотного поселения. Фотоэлементы развернули над ним огромные черные лепестки.

— Там кто-то есть?

Он остановил ее рукой.

— Погоди...

В бинокль было видно, что стебель гигантского цветка и впрямь зеленый. Выюнок оплел его.

— Уже никого.

Она жалобно, порывисто вздохнула, обхватив руками плечи. Все еще не осознала до конца, подумал он. Не то, чтобы совсем не понимает, а так... Мандрагоры чуют запах мысли, эмоциональный всплеск, гормональную бурю... Что ж, мы научились меньше чувствовать. Поколение за поколением....

Не плачь, дитятко,
Не плачь, милое,
Мандрагор придет,
За собой уведет...

Все дело в этих солнечных вспышках, они порождают новые формы. Мандрагоры меняются. И изменяют нас.

Он вытащил из вещмешка легкие складные опоры и установил их, расправив сверху защитное полотнище. Теперь больше некому такие делать, подумал он.

— Посиди здесь.

— А... ты?

Он покосился на солнце. Оно уже начинало клониться к закату — скоро потянет с такыра холодным ветром, воздух над кромкой воды загустеет полосой тумана....

— Поставлю росяные ловушки, — пояснил он.

— Я с тобой! — тут же сказала она.

Он поглядел на ее глаза, обведенные темными кругами, на спекшиеся губы. Она уже не молода, Фей.

— Не нужно. Посиди тут. Ты же знаешь, одному безопасней.

— Ты так думаешь? — горько спросила она.

Он пожал плечами и, загребая ногами, спустился с каменной осыпи. У побережья кипел прибор.

Шел отлив.

Нужно будет успеть убрать ловушки до того, как их захлестнет приливом, подумал он, следуя вдоль береговой линии и закапывая в песок пластиковые конусы, затянутые сверху полупроницаемой мембраной. Повернулся, оглядывая свою работу — раструбы ловушек торчали из мокрого песка, как диковинные прозрачные цветы, — и вновь побрел к скалам, теперь, ближе к закату, окрашенным в цвета крови и ржавчины.

Ночью надо будет вернуться, собрать их, подумал он, а на рассвете поставить опять.

Полотнище тента переливалась волнами на ветру, но Фей под ним не было.

Он машинально схватил висящий на груди карабин и вновь выпустил так, что тот ударил его по ребрам.

— Фей!

В скалах следов не найдешь.

Красный свет лился с неба, в глазах плескались черные точки.

— Фей!

Откуда-то сверху в лощину между камнями посыпалась струйка песка.

Он вновь подхватил карабин и, держа его наперевес, осторожно ступил на камень, потом на следующий, предварительно покачав его ногой. Камень держался прочно.

Оказавшись на гребне, он увидел облитый зно-ем женский силуэт — воздух колебался вокруг него и оттого казалось, что фигура обведена дрожащим контуром.

— Фей! — он так и не выпустил из рук карабин.

Она обернулась, увидев его, поднесла палец к растрескавшимся губам.

— Ты — что? — вытолкнул он пересохшим горлом.

— Тсс!

— Ты что? — повторил он шепотом.

Сошла с ума? Или...

Она была все в том же выгоревшем платье, а мандрагор в одежде не нуждается. Понятное дело. Но показать одежду он может... И черты лица...

Это все запах...

— Фей?

— Потеше, Ян.

Может ли мандрагор говорить? Раньше он думал — нет. Но все меняется.

Ее тень висела на камнях — синяя, изломанная.

— Фей...

— Да помолчи же, — выдохнула она, — слушай!

Не сводя с нее глаз и не убирая ладони с раскаленного приклада, он прислушался.

Свистел, пересыпаясь, песок.

Потом...

Он услышал детский плач. Тонкий, залиvistый.

— Вот... Опять.

Плач. Тихий, захлебывающийся. Словно плачущий устал.

— Кто-то выжил!

Он покачал головой, но понял, что Фей не увидела — она напряженно вглядывалась в дрожащее марево.

Тогда он разлепил пересохшие губы.

— Мандрагор!

— Но... Ян, они же не умеют плакать!

— Им и не нужно. Это мы. Слышим то, чего нет. Запах...

— Не может быть! Слишком далеко!

— Ветер в нашу сторону.

— Я посмотрю!

— Не смей!

— Посмотрю. Ты же сам говорил — мандрагоры не охотятся за одиночками.

— Значит, уже охотятся.

Плач раздался снова. Он плыл над горячим маревом, над желтыми скалами, над пенными бурунами, набегаящими на берег, над сетями, сохнувшими на распялках...

— Кто-то выжил! — повторила Фей. Позабыв про свои страхи, он попробовал задержать ее, но она с неожиданной силой оттолкнула его и бросилась в скалы. Он побежал за ней, придерживая ладонью хлопающий по груди карабин. Солнце било наотмашь и пот просыхал на рубахе, оставляя соленые разводы.

— Фе-ей! Погоди!

Но она, резко вильнув вбок, скрылась за изъеденным ветрами скальным столбом.

Оттуда доносился плач, трепеща на ветру.

И все стихло. Плач смолк.

Свистел песок, пересыпаясь через скальные гребни.

Он насторожил карабин и заглянул за уступ скалы.

Фей присела на корточки перед кем-то совсем маленьким. Девочка? — гадал он, разглядывая хрупкое тельце в ободранной рубаше — мальчик? Скорее, девочка. Черт, да что он гадает такое? Это вообще не ребенок. Не человек.

— Фей! Отойди!

Он прицелился в смутное пятно белой рубашки, маячившее за плечами Фей.

Сейчас призрачная ткань взорвется зеленой стрелой спор, ударит в Фей, обовьет ее, внедрится под кожу, прорастет зелеными побегами...

Та только покачала головой.

Девочку она прижимала к себе, вжимая, втискивая в тело, так, что он не мог разглядеть ее лица.

— Отойди!

— Нет!

— Фей, — сказал он, — это мандрагор.

— Нет!

— Это мандрагор...

Почему оно не взрывается? Не созрел еще? Тогда надо торопиться...

— Это девочка, Ян, она заблудилась в скалах, наверное, собирала ракушки при отливе, ты же знаешь, одной всегда было безопасно, вот ее и отправили, она и пошла себе, а потом вернулась, а их нет, она так плакала... — на одном дыхании выпалила Фей.

Над ее головой кривились и содрогались щупальца солнца.

— Это она тебе сказала?

— Нет, но... как иначе?

— Она молчит, Фей. Это мандрагор.

— Но ведь мандрагоры теперь разговаривают, Ян, — тихо вздохнула она.

— Верно. Теперь уже ничего не поймешь. И все-таки, Фей, отойди.

Теперь он отчетливо различал крохотную белую ручку, цеплявшуюся за огрубевшие, распухшие пальцы Фей.

— Нет! Ян, послушай, если бы это была мандрагора, она бы давно меня убила, верно?

— Ну... может, она просто очень маленькая....

— Маленьких мандрагоров не бывает, Ян.

Да, подумал он, они отрываются от материнского стебля уже зрелыми. И сразу отправляются на поиски.

— Если ты ее убьешь, — сдавленным голосом произнесла Фей, — я убью себя.

Он молчал. Надо как-то отманить Фей подальше. Ну, поплачет, увидев, как бессильно хлещет в небо зеленая стрела спор. Руки на себя не наложит. Если впрямь...

А если от разрывной пули на рубашку толчком выплеснется красная кровь? Что тогда?

— Раковины собирала, говоришь? — Он окинул недоверчивым взглядом босые исцарапанные ноги, — а корзинка где?

— Но Ян, она же... вернулась в поселок, увидела... что увидела, убежала, потеряла корзину...

— Почему ты говоришь за нее? — недовольно спросил он.

— Но она же молчит...

Она вновь втянула в себя воздух и замолчала.

Солнце, разбухшее, красное, уже висело над горизонтом, щупальца тянулись вниз, вверх, во все стороны.

Может и впрямь, думал он, может — уцелела. А если нет?

— Ладно, — сказал он, — идем.

И добавил сквозь зубы:

— Только держись от меня подальше.

Если девка и впрямь поддельная, то с Фей можно попрощаться, думал он, по-прежнему сжимая карабин и глядя на темную от пота спину Фей, и что тогда? Зачем жить? А может... Она уже постарела, — подумал он, — а я еще молод. У меня могут быть еще дети.

Если бы найти хоть какое поселение... Он сам устыдился этих мыслей, но они засели в голове, точно ржавый гвоздь.

В скалах уже затаилась тень. Тент все так же ходил волнами на ветру.

Он огляделся. Подходящая расселина нашлась быстро — достаточно большая, чтобы укрыться там даже втроем, и с достаточно узким входом — привалить камень, и все.

Но...

Нужно окончательно сойти с ума, чтобы запереться в такой пещере с мандрагором.

Ночевать все равно придется здесь, думал он, а завтра надо идти на поиски, сразу перед рассветом, хорошо бы собрать воду и пойти, пока солнце не добралось до зенита, поселений на берегу не так уж мало, хоть кто-то да уцелел. Вот только...

Кто осмелится теперь впустить чужаков?

Девочка отчаянно цеплялась за руку Фей — он видел крохотные ногти, белые от напряжения на загорелых пальцах.

Он вздохнул.

— Она хочет пить, Ян, — тут же сказала Фей.

«Откуда ты знаешь?», хотел спросить он, но, в общем, что тут спрашивать — все хотят пить. И люди и мандрагоры.

— Ну так напои ее. У тебя вроде оставалась вода.

Она отчаянно затрясла головой.

— Там был всего глоток, Ян. Всего глоток.

— Ты, — он изумленно поглядел на нее, — отдала ей всю свою воду? Всю?

Фей молчала, оставив взгляд в песок. Он попытался сплюнуть, но рот пересох.

— Тогда с нее хватит.

— Но...

Фей наверняка сама хочет пить, подумал он, но отдала всю свою воду.

— Ладно, — сказал он, — но сначала — ты.

Он отстегнул флягу и бросил ей. К девочке он по-прежнему старался не подходить. Фей поймала флягу на лету. Вода звонко булькнула, потому что ее было мало.

— Сначала ты, — повторил он. Девочка, было, протянула полупрозрачную ручку к фляге, но он повел в ее сторону стволом карабина и она испуганно отпрянула. Фей поднесла флягу к губам и осторожно глотнула, стараясь, чтобы глоток был маленьким. — Еще, — сказал он. Она покорно глотнула еще и передала флягу девочке. Та вцепилась в нее обеими руками и вопросительно взглянула на Фей, которая улыбалась и кивала.

Привалившись к скальному уступу, он наблюдал за ними.

По мере того как рушилось за горизонт багровое, разбухшее солнце, полоса тумана, клубившаяся вдалеке, подошла ближе, она шла, как сплошная стена; вода под ней вскипала невидимыми бурунами.

* * *

...Он пошевелился. Камни вдавились в спину, теперь, когда они остывали, даже сквозь рубашку чувствовалась оседающая на них влага.

Нужно собрать воду.

Фей спала, уткнувшись лицом в колени, обнимая руку прикорнувшую к ней девочку.

Он подобрал мелкий камешек и бросил. Камешек попал Фей в плечо. Она вздрогнула и проснулась.

— Что?

— Нужно собрать ловушки, — сказал он, — иначе их затопит.

— Она заснула, Ян, — укоризненно проговорила Фей.

— Ну так разбуди. Пойдете со мной. Впереди. И держись от меня подальше, слышишь?

— Как ты можешь, Ян? Как ты можешь?

— Хочешь остаться без воды?

Она вздохнула и тяжело поднялась. Девочка тоже вскочила, стоило лишь Фей пошевелиться, и теперь стояла, выглядывая из-за ее спины.

Полоса тумана подползла ближе и теперь кипела над кромкой воды. Скорее по звуку, чем по слабому свечению пенных гребешков, пробивающемуся сквозь туман, он понял, что идет прилив.

Он сделал неопределенное движение стволом карабина, и Фей, взяв девочку за руку, послушно прошла вперед.

Хотя и с трудом, он различал вкопанные в песок конусы росяных ловушек: насыщенный электричеством воздух испускал бледный колеблющийся свет: светилось небо, светился туман над водой, фосфоресцировали клочья пены, и сквозь это мерцание двигались две смутные тени — Фей и девочки.

Он остановился у первой ловушки и осторожно извлек ее из влажного песка. На дне плескалась вода — немного, на несколько глотков... Осторожно, стараясь не потерять ни капли, он перелил ее во флягу, осторожно завинтил крышку, очистил стенки ловушки от налипшего песка, и убрал ее в вещмешок. И только потом, подняв глаза, увидел, что девочка присела на корточки у следующей росяной ловушки, торопливо разрыхляя песок согнутыми ладонями.

— Убери ее, — сказал он сквозь зубы.

— Но, Ян...

Фей нерешительно топталась на месте, да и сам он замер, поскольку предпринимать что либо было бесполезно. Если попытаться отобрать у нее воду, она ее просто прольет, подумал он, а если все-таки выстрелить...

Я все равно потеряю воду.

А заодно и Фей.

Может, — вновь шевельнулась застарелая мысль, — оно и к лучшему... В росяных ловушках воды как раз на одного.

Он потряс головой, отгоняя эту мысль, девочка тем временем изумленно разглядывала конус, в котором плескалась вода, осторожно заглянула внутрь, окунула в воду палец, вытащила, облизала...

— Она что, никогда не видела росяных ловушек? — спросил он.

— Забыла, наверное, — неуверенно ответила Фей.

— Этого не может быть.

Он на миг потерял бдительность, и, когда спохватился, отскочил, но девочка уже вприпрыжку подбежала к нему, держа в ладонях ловушку с плещущейся внутри водой.

— Отойди, — хрипло сказал он, а она тем временем протягивала, протягивала ему воду, искательно и осторожно заглядывая в глаза.

— Ян!!! — умоляюще крикнула Фей, но девочка даже не обернулась, а продолжала глядеть на него с робкой, чуть виноватой улыбкой, почему-то так напомнившей ему улыбку юной еще Фей.

Пересилив себя, стиснув зубы, он осторожно вытянул руку и взял у нее из некрепко сомкнутых ладоней водяной конус. Он видел нанесенные на его внутреннюю поверхность риски — воды там оставалось ровно столько, сколько и было. Она не отпила ни капли.

— Хорошо, — сказал он, с трудом выталкивая слова, — хорошо. Иди.

И, отступив на шаг, начал сосредоточенно переливать воду из конуса во флягу, тем временем как девочка все той же радостной пробежкой бросилась к следующей ловушке, видимой издали потому, что песок, окружавший ее, был чуть светлее остального.

Он вновь аккуратно потряхнул пластиковый конус, вложил его в тот, первый, и убрал в вещмешок.

— Ладно, — вздохнул он, обращаясь к Фей, которая, сложив руки под грудью, беспокойно переводила взгляд с него на смутно мелькающий в тумане детский силуэт, — последи за ней. Еще оступится ненароком...

...Нужно будет перед рассветом вновь поставить ловушки, думал он, возвращаясь к скалам и видя перед собой две удаляющиеся спины — одну большую, другую маленькую, — на трех человек этого не хватит, а завтра надо решать, что делать дальше, с Фей что возьмешь, она стала совсем слаба на голову, значит, придется ему... Можно, конечно, остаться тут, на побережье, хотя эта пакость уже и сюда добралась, но если все время оставаться втроем, друг у друга на виду, ни на миг не выпустить из поля зрения, тогда, может, и удастся уберечься. Опять же, во время отлива можно собирать раковины, а значит, с голоду они не помрут. Хотя нет, оставаться нельзя, там, у Кривой скалы, уже наверняка отделились мандрагоры и скоро выйдут на охоту. По крайней мере это значит, что никого нельзя подпускать ближе, чем на выстрел, потому что, кто бы ни появился, это наверняка будет не человек... А кто-то еще уцелел и будет думать точно так же? Так мы скоро сами перебьем друг друга, думал он, никому нельзя доверять, они уже слишком многому от нас научились... Как теперь отличишь мандрагор от человека? Только по тому, как он умирает под пулями...

Это было совсем маленькое поселение, думал он, наверняка и мандрагор вылупились единицы. Если переждать несколько дней... Может, они разбредутся на поиски в разные стороны, а нас оставят в покое?

Он споткнулся о крохотный камень, некстати подвернувшийся под ноги, в глазах была резь, сначала он решил, что это вездесущий песок, но потом понял, что просто-напросто хочет спать. Всего пару часов, уговаривал он себя, а на рассвете снова придется вставать, чтобы расставить ловушки, тогда у нас будет вода на целый день, немного, правда, но ничего, продержимся, я попрошу Фей подежурить, ради безопасности этой сопливки она глаз не сомкнет, а потом я ее сменю. Только надо заставить их все-таки рассестись подальше друг от друга, ничего с девкой не случится, потерпит,

да и Фей тоже, это даже лучше, она с девчонки глаз не сведет... как спать-то хочется, наверное, это реакция... никогда про такое раньше не слышал, но, наверное, это реакция...

* * *

...Иstoшный крик выбросил его из забытья. Какой-то миг понадобился ему на то, чтобы осознать — он сидит, привалившись к камню у входа в пещерку, спину ломит от неудобной позы, шея затекла от веса карабина, который он так и не решился отложить в сторону. Как он умудрился заснуть? Он даже не помнил, как они добрались до скал...

Девочка сидела совсем рядом, привалившись к боку Фей — тьфу ты, пакость! И орала. Так орала, что у него занули зубы. Фей, тоже, было, прикорнувшая — оба хороши! — теперь хлопала глазами, пытаюсь сообразить, что происходит.

— Уйми ты ее! — сказал он сквозь зубы, вставая и осторожно поворачивая голову из стороны в сторону, чтобы размять затекшую спину.

Фей наклонилась к уху девочки, что-то забормотала, но та продолжала орать, тем временем, как он, подхватив карабин, отбежал на безопасное расстояние.

Что это на нее нашло? Они что, всегда так?

Девчонка не унималась. Ему казалось, что на бледном личике остался один лишь распыленный рот.

— Да заткни же ей пасть!

Вопль сверлил уши.

— Ян, — понял он по губам Фей.

И в свете мерцающего ночного неба увидел — крохотная ручка вытянута в направлении соседней гряды, растопыренные пальцы дрожат.

Там что, кто-то есть?

Он тер глаза, саднящие песком, который на самом деле не был песком, а всего лишь застарелой устало-

стью и пытался разглядеть что-то сквозь алые и черные пятна, плавающие перед глазами яблоками. Казалось ему, или нет, что там, около гряды, шевелятся черные смутные силуэты?

Трое... Три мандрагора. По одному на каждого.

Или... быть может, это люди, подумал он, такие же бедолаги, как мы — натолкнулись, вот, на нас, и теперь гадают, что делать — хочется и колется.

Как теперь различить?

— Эй! — нерешительно крикнул он, сжимая карабин.

— Э-эй, — откликнулось эхо.

— Э-эй, — крикнул в ответ чужой голос.

Мандрагоры не разговаривают? Уже разговаривают, печально подумал он, может, раз они научились, нам надо перестать? Как вот эта девчонка. Ну и орет же она!

Он машинально погладил ладонью приклад карабина.

— Стоять на месте! — крикнул он, — иначе — стреляю.

— Да ты что, мужик, — донеслось из тьмы, — с ума сошел?

Это не люди, думал он, не может быть. Тут кроме нас нет людей. Только мандрагоры...

— Не подходи!

— Да мы пришли сети проверить, дурень, — сказал голос из тьмы, — прилив-то сходит.

А вдруг все-таки люди, думал он, вот было бы хорошо... Нет, теперь нельзя вместе, нужно поодиночке, вместе никто не выживет, пятеро, шестеро — уже много.

— Откуда вы? — крикнул он в колеблющийся воздух.

— Да тут неподалеку. А вы?

— Тоже.

Он помолчал, раздумывая, потом сказал:

— Все равно. Не подходи. И не кричи так — прима-нишь. Пойдешь обратно — иди выше кромки прилива. Мы, если что, выйдем по следам.

— А если ты — мандрагор? Пойдешь за нами, а мы выведем тебя прямо к поселку, так получается?

— Ну так какого тогда ты вообще со мной разговаривал? Иди себе откуда пришел...

— Да я...

Девочка вновь завизжала, голос из тьмы потонул в этом крике.

Он почувствовал, что теряет остатки рассудка.

И тут увидел темный силуэт совсем близко. За камнями. Он вырос внезапно и теперь покачивался в слабо светящемся воздухе.

Значит, подумал он, пока один меня отвлекал... Что же это делается!

— Ян! — к воплю девочки прибавился пронзительный крик Фей.

Он обернулся и навскидку, не целясь, выстрелил, ощущая, как бьет в плечо приклад. Темная фигура вздрогнула, заколебалась, ее окутало облачко тумана — он угодил в спорангий. Он упал за обломок скалы, недостижимый для оседающих спор, потом, уже оттуда, лежа, выстрелил вновь — на голос. И еще раз — на слабый шорох в камнях. Едкий, пронзительный вой оборвался почти сразу, но ему казалось, что он все еще звенит в ушах.

Потому, что наступила тишина.

Он поднялся, выплевывая песок, и осторожно выглянул из-за скалы.

Поднимался ветер. Слышно было, как тоненько свистит песок, пересыпаясь в расщелинах.

Он откашлялся.

— Мандрагоры, — хрипло сказал он, — всего-навсего мандрагоры...

— Ян... — всхлипнула Фей.

— Ты как?

Она не ответила, но он видел, как она поднимается на колени, все еще прижимая к себе девочку — падая, Фей закрыла ее своим телом.

Глупость, подумал он, упади на нее споры, это не помогло бы.

Он вздохнул.

— Вот оно, значит, как, — сказал он в темноту. Он чувствовал, что у него трясется нижняя губа, прикусил ее, попытался поправить ремень карабина и понял, что руки тоже трясутся.

— Как мы ее назовем, Ян?

— Что?

— Ну, как-то же надо...

— Да как хочешь...

— Если бы не она...

— Да.

Он неопределенно повел плечом, потом понял, что Фей его не видит.

— Идите... Идите в пещеру. Если завалить камнем... тогда до нас никто не доберется. Никто.

— А... утром?

— Утром посмотрим.

Он сидел, привалившись к стене расщелины, глядя во мрак. Нужно посмотреть те сети, думал он, наверняка что-то занесло туда при отливе. И наладить коптильню. Вон, сколько водорослей вдоль кромки. Если их высушить... Горят они паршиво, но все же горят, а из самых мягких можно сделать что-то вроде матраса. И выпарить соль из морской воды, и поставить росяные ловушки, а там, дальше... там посмотрим...

Он закрыл глаза и впервые с прошлой ночи почувствовал, как текут по щекам слезы, смывая жжение под веками, как тупая боль, засевшая в груди, становится сначала острой, почти невыносимой, а потом ослабевает, растворяется, растворяется, уходит...

Теплая ручка скользнула ему в руку. Он сжал ее отчаянным, судорожным движением, порывисто вздохнул и провалился в небытие.

* * *

Я еще маленькая. Я нашла своих маму и папу. Они меня любят. И дают мне воды. И я буду жить с ними и не умру от жажды. Воды ведь совсем нету. Я искала...

Так одиноко скитаться по берегу одной. А папа умный. Он умеет добывать воду из таких штук, которые он закапывает в песок. Они сначала пустые, а потом там появляется вода. Я не знаю, как это получается. Я буду жить с ними, и они будут давать мне воду, и я буду расти.

А потом, совсем скоро, когда я стану большая, я спою маме песню, и она сделает что-то такое, от чего мы останемся совсем одни, но зато у меня появится еда. Потому что я расту. Мне нужно есть. А потом я совсем вырасту и останусь совсем одна, но это уже неважно, потому что я буду меняться, я оплечу маму нежно-нежно, и она станет частью меня. Но я думаю, она не будет против. Потому что я ее люблю.

Никто чужой не отберет у меня мою воду.

Интересно, как это так получается, что воды в этих штуках сначала совсем нет, а потом она появляется? Надо об этом хорошенько подумать...

* * *

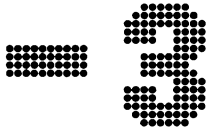
Самое страшное не в том, что они меняются. Самое страшное в том, что не меняемся мы.

Вот в этом-то все и дело.

МОЖАРОВО

Памяти Валерия Фрида

начит, повторяю в последний раз, — сказал Кошмин, высокий сухой человек, больше похожий на следователя-важняка, чем на инспектора гуманитарки. — В Можарове стоянка пять минут. Этого им достаточно, чтобы отцепить вагон с гуппомощью. При первой же вашей попытке открыть двери или окна я буду действовать по инструкции. Потом не обижайтесь.

Васильеву и так было страшно, да еще и за окном сгущалась июльская гроза: набухали лиловые тучи, чуть не касавшиеся густого сплошного ельника. Безлюдные серые деревеньки по сторонам дороги глядели мрачно: ни живности, ни людей, только на одном крыльце сидел бледный большоголовый мальчик и провожал поезд недобрый внимательным взглядом, в котором не было ничего детского. Иногда Васильев замечал такой взгляд у безнадежных сумасшедших, словно со знающих свое печальное состояние, но бессильных его изменить.

— Да не буду я, — сказал Васильев с досадой. — Вы же еще в Москве пять раз предупреждали.

— Всех предупреждали, — буркнул Кошмин, — а некоторые открывали...

— Да у нас вон и окно не открывается.

— А Горшенин, который перед вами ездил, бутылкой разбил окно, — мрачно напомнил Кошмин.

— Ну, у нас и бутылки нет... И решетки вон снаружи...

— В эту решетку свободно можно руку просунуть. Хлеба дать или что. И некоторые просовывали. Вы не видели, а я видел.

Васильева бесило, что Кошмин столько всего видел, но ни о чем не рассказывал толком. Он терпеть не мог неясностей.

— Вы лучше заранее скажите, Георгий Валентинович, — Васильеву было всего двадцать пять, и он обращался к инспектору уважительно. — Что это за сирены такие, перед которыми невозможно устоять? Честное слово, проще будет. Кто предупрежден, тот вооружен.

— А чего вы такого не знаете? — настороженно глянул Кошмин. — Вам все сказано: на станции подойдут люди, будут проситься, чтоб впустили или там открыть окно, принять письмо для передачи, дать хлеба. Принимать ничего нельзя, открывать окна и двери не разрешается ни в коем случае. Можарово входит в перечень населенных пунктов, где выходить из поезда запрещается, что непонятного?

— Да я знаю. Но вы хоть скажите, что там случилось. Зона зараженная или что.

— Вас когда отправляли, лекцию читали? — спросил Кошмин.

— Ну читали.

— Перечень пунктов доводили?

— Доводили.

— И что вам непонятно? Какая зараженная зона? Обычная зона гуманитарной помощи в рамках национального проекта поддержки русской провинции. Все нормалдык. Но есть определенные правила, вы понимаете? Мы же не просто так, как баба на возу. Мы действуем в рамках госпроекта. Надо соблюдать. Если не будете соблюдать, я довожу о последствиях.

— Понял, понял, — сказал Васильев. Он терпеть не мог, когда ему что-либо доводили. Это его доводило. Также он терпеть не мог слов «йок» и «нормалдык». — А почему тогда вообще не закрыть окна на это время?

Жалюзи какие-нибудь спустить железные, ставни, я не знаю...

— Ну как это, — поморщился Кошмин. — Едет же пресса вроде вас. Иностранцы наблюдатели вон едут. Что, в глухом вагоне везти, как скотину? Вон в седьмом едет представитель фонда этого детского, Майерсон или как его. Он и так уже приставал, почему решетки. Ему не нравится из-за решетки глядеть. Он не знает, а я знаю. Он Бога должен молить, что решетки.

Люди вроде Кошмина всегда были убеждены, что за их решетки все должны кланяться им в пояс, потому что иначе было бы еще хуже.

— И потом, это же не везде так, — добавил он успокоительно. — Это одна такая зона у нас на пути, их и всего-то шесть, ну, семь... Проедем, а дальше до Урала нормально. Можно выходить, картошки там купить отварной, с укропом... Пообщаетесь с населением, если хотите... Заповедник, природа... Все нормалдык! Зачем же ставни? Всего в двух пунктах надо соблюдать, Можарово и Крошино, а в остальное время ходите, пожалуйте, ничего не говорю...

Васильев попытался вообразить, что делается в Можарове. Еще когда их группу — три телевизионщика в соседнем вагоне и он от «Ведомостей» — инструктировали перед отправкой первого гуманитарного поезда, пересекающего Россию по случаю нацпроекта, инструктор явно чего-то недоговаривал. К каждому журналисту был прикреплен человек от Минсельхоза с внешностью и манерами профессионального охранника — что за предосторожности во время обычной поездки? Оно конечно, в последнее время ездить между городами стало опасно: всюю потрошили электрички, нападали на товарняки... Ничего не поделаешь, тоже был нацпроект — приоритетное развитие семи мегаполисов, а между ними более или менее дикое поле, не надо нам столько земли... Кто мог — перебрался в города, а что делалось с остальными на огромном рос-

сийском пространстве — Васильев представлял смутно. Но он был репортер, вдобавок с армейским опытом, и его отправили с первым гуманитарным — писать репортаж о том, как мегаполисы делятся от своих избытков с прочим пространством, где, по слухам, и с электричеством-то уже были перебои. Правда, о том, что на отдельных станциях нельзя будет даже носу высунуть на перрон, в Москве никто не предупреждал. Тогда симпатичная из «Вестей» точно бы не поехала — она и так все жаловалась, что в вагоне не предусмотрена ванна. Ванна была только в спецвагоне Майерсона, потому что он был филантроп и бог знает какой миллиардер, Гейтс курит.

За окном плыл безлюдный и ничем не примечательный, но именно поэтому особенно страшный пейзаж: все те же пустые серые деревни, иногда одинокая коза с красной тряпкой на шее, иногда тихий косарь, в одиночку выкашивавший овраг, — косарь тоже смотрел вслед поезду, нечасто он теперь видел поезда, и лица его Васильев не успевал разглядеть; мелькало поле с одиноко ржавевшим трактором — и опять тянулся угрюмый ельник, над которым клубилась лиловая туча. Быстро мелькнули остатки завода за полуразвалившимся бетонным забором, ржавые трубы, козловой кран; потянулось мелкоколесье, среди которого Васильев успел разглядеть бывшую воинскую часть за ржавой колючей проволокой, на которой так и остался висеть чей-то ватник — небось мальчишки лазали за техникой... Поезд замедлял ход.

— Что там хоть раньше-то было, в Можарове? — спросил Васильев, чтобы отвлечься от исподволь нараставшего ужаса. Он знал, что Минсельхоз просто так охранников не приставляет — там работали теперь люди серьезные, покруче силовиков. — Может, промыслы какие?

— Кирпичный завод, — нехотя ответил Кошмин после паузы. — Давно разорился, лет тридцать. Ну и по

мелочи, обувная, мебельная фабрика... Театр кукол, что ли... Я тогда не был тут.

— А сейчас есть что-то?

— Если живут люди — значит, есть, — сказал Кошмин с таким раздражением, что Васильев почел за лучшее умолкнуть.

— В общем, я вас предупредил, — проговорил Кошмин после паузы. — К окну лучше вообще не соваться. Если нервы слабые, давайте занавеску спусти. Но вообще-то вам как журналисту надо посмотреть. Только не рыпайтесь.

— Ладно, ладно, — машинально сказал Васильев и уставился на медленно плывущую за окном станцию Можарово.

Сначала ничего не было. Он ожидал чего угодно — монстров, уродов, бросающихся на решетку вагона, — но по перрону одиноко брела старуха с ведром и просительно заглядывала в окна.

— Раков! — покрякивала она. — Вот раков кому! Свежие, кому раки!

Васильев очень любил раков и остро их захотел, но не шелохнулся. Старуха подошла и к их вагону, приблизилась к стеклу доброе изможденное лицо, на котором Васильев, как ни вглядывался, не мог разглядеть ничего ужасного.

— Раков! — повторила она ласково. — Ай кому надо раков?

— Молчите, — сквозь зубы сказал Кошмин. Лицо его исказилось страданием — тем более ужасным, что, на взгляд Васильева, совершенно беспричинным. Не может быть, чтобы ему так сильно хотелось раков и теперь его раздирала борьба аппетита с инструкцией.

Старуха отвернулась и тоскливо побрела дальше. Станция постепенно заполнялась людьми — вялыми, явно истощенными, двигавшимися замедленно, как в рапиде. К окну подошла молодая мать с ребенком на

руках; ребенок был желтый, сморщенный, вялый, как тряпичная кукла.

— Подайте чего-нибудь ради Христа, — сказала она тихо и жалобно. Несмотря на толстое стекло, Васильев слышал каждое ее слово. — Работы нет, мужа нет. Христа ради, чего-нибудь.

Васильев со стыдом посмотрел на дорожную снедь, которую не успел убрать. В гуманитарных поездах кормили прекрасно, Минсельхоз не жалел средств. На купейном столике разложены были колбаса двух сортов, голландский сыр, что называется, со слезой, и паштет из гусиной печени с грецким орехом, так называемый страсбургский. Прятать еду было поздно — нищенка все видела. Васильев сидел весь красный.

Вдоль поезда шла девочка с трогательным и ясным личиком, словно сошедшая с рождественской олеографии, на которых замерзающие девочки со спичками обязательно были ангелоподобны, розовы, словно до попадания на промерзшую улицу жили в благополучнейшей семье с сытными обедами и ежеутренними ваннами. Васильеву казалось даже, что он видел эту девочку на открытке, сохранившейся в семье с дореволюционных времен, — в этой открытке прапрапрадедушка поздравлял прапрапрабабушку с новым 1914 годом. Девочка подошла к окну, подняла глаза и доверчиво произнесла:

— Мама болеет. Совсем болеет, не встать. Дяденьки, хоть чего-нибудь, а?

Она просила не канюча, улыбаясь, словно не хотела давить на жалость и стыдилась своего положения.

— А я песенку знаю, — сказала она. — Вот, песенку спую. Не прошла-а-а зима, снег еще-е-е лежит, но уже домо-о-ой ласточка спешит-и-ит... На ее пути горы и моря, ты лети, лети, ласточка моя-а-а...

Васильев знал эту песню с детского сада и ребенком всегда плакал, когда ее слышал. Он посмотрел на Кошмина. Тот не сводил с него глаз, ловил каждое движе-

ние — не было никакой надежды обмануть его и хоть украдкой выбросить в окно деньги или упаковку колбасы...

— Ну вот скажите мне, — ненавидя себя за робкую, заискивающую интонацию, выговорил Васильев, — вот объясните, что был бы за вред, если бы мы сейчас ей подали кусок хлеба или три рубля?

— Кому — ей? — жестко переспросил Кошмин.

— Ну вот этой, девочке...

— Девочке? — снова переспросил Кошмин.

Что он, оглох, что ли, подумал Васильев. Может, он вообще сумасшедший, псих проклятый, придали мне урода, а я теперь из-за него не могу ребенку дать еды.

— Вы не видите, что ли?!

— Вижу, — медленно сказал Кошмин. — Сидите смирно, или я не отвечаю.

К окну между тем подошла еще одна старуха, маленькая, согбенная, очкастенькая, с личиком провинциальной учительницы. Дрожащей скрюченной лапкой она протянула к самому лицу Васильева маленькие вязаные тапочки, такие еще называют пинетками, собственные его пинетки до сих пор хранились дома, покойная бабушка связала их крючком. Если бы не дедушкина пенсия да не проживание в Москве, покойная бабушка на старости лет могла бы стоять точно так же.

— Купите тапочки, — умоляюще сказала старушка. — Хорошие тапочки, чистая шерсть. Пожалуйста. Дитенку там или кому... Купите тапочки...

Вот они, сирены Можарова. Вот к кому нам нельзя теперь выходить. От собственного народа мы отгородились стальными решетками, сидим, жрем страсбургский паштет. Васильев встал, но Кошмин как-то так ткнул его стальным пальцем в подреберье, что журналист согнулся и тут же рухнул на полку.

— Предупреждал, — с отвратительным злорадством сказал Кошмин.

— Предупреждал он, — сквозь зубы просипел Васильев. — Суки вы все, суки позорные... Что вы сделали...

— Мы? — спросил Кошмин. — Мы ничего не сделали. Это вас надо спрашивать, что вы сделали.

Парад несчастных за окном в это время продолжался: к самым решеткам приник пожилой, болезненно полноватый мужчина с добрым и растерянным лицом.

— Господа, — лепетал он срывающимся голосом, — господа, ради бога... Я не местный, я не как они... Поймите, я здесь случайно. Я случайно здесь, я не предполагал. Третий месяц не могу выбраться, господа, умоляю. Откройте на секунду, никого не впуским. Господа, ведь нельзя же здесь оставлять... поймите... я интеллигентный человек, я такой же человек, как вы. Ведь невыносимо...

Голос его становился все тише, перешел в шепот и наконец сорвался. Мужчина рыдал, Васильев мог бы поклясться, что он плакал беспомощно и безнадежно, как младенец, забытый в детском саду.

— Я все понимаю, — снова начал он. — Я вас понимаю прекрасно. Но я вас умоляю, умоляю... я клянусь чем хотите... Вот! — внезапно осенило его, и из кармана мягкого серого плаща он извлек какую-то обтерханную справку. — Тут все написано! Командировка, господа, командировка... умоляю... умоляю...

Тут он посмотрел влево, и на лице его отобразился ужас. Кто-то страшный в водолазном костюме неумолимо подходил к нему, отцеплял от решетки вагона его судорожно сжатые пальцы и уводил, утаскивал за собой — то ли местный монстр, то ли страж порядка.

— Ааа! — пронзительным заячьим криком заверещал пожилой, все еще оглядываясь в надежде, что из вагона придет помощь. — Спасите! Нет!

— Это кто? — одними губами спросил Васильев.

— Кто именно?

— Этот... в водолазном костюме...

— В каком костюме?

— Ну тот... который увел этого...

— Милиция, наверное, — пожал плечами Кошмин. — Почему водолазный, обычная защита... Тут без защиты не очень погуляешь...

Станция заполнялась народом. Прошло лишь пять минут, а вдоль всего перрона тащились, влачили, ползли убогие и увечные. В них не было ничего ужасного, ничего из дурного фантастического фильма — это были обычные старики, женщины и дети из советского фильма про войну, толпа, провожающая солдат и не надеющаяся дожидаться их возвращения. Уйдут солдаты, придут немцы, никто не спасет. В каждом взгляде читалась беспокойная, робкая беспомощность больного, который живет в чужом доме на птичьих правах и боится быть в тягость. Такие люди страшатся обеспокоить чужого любой просьбой, потому что в ответ могут отнять последнее. На всех лицах читалось привычное кроткое унижение, во всех глазах светилась робкая мольба о милости, в которую никто толком не верил. Больше всего поразила Васильева одна девушка, совсем девчонка лет пятнадцати — она подошла к вагону ближе других, опираясь на два грубо сработанных костыля. Эта ни о чем не просила, только смотрела с такой болью, что Васильев отшатнулся от окна — ее взгляд словно ударил его в лицо.

— Что ж мне делать-то, а! — провыла она не с вопросительной, а с повелительной, надрывной интонацией, словно после этих ее слов Васильев должен был вскочить и мчаться на перрон, спасти всю эту измученную толпу. — Что ж делать-то, о господи! Неужели ничего нельзя сделать, неужели так и будет все! Не может же быть, чтобы никакой пощады нигде! Что ж мы всем сделали?! Нельзя же, чтобы так с живыми людьми...

Этого Васильев не мог выдержать. Он все-таки отслужил, вдобавок занимался альпинизмом, так что успел повалить Кошмина резким хуком слева, своим фирменным, — и выбежал в коридор, но там его уже караулил

проводник. Проводник оказался очень профессиональный — в РЖД, как и в Минсельхозе, не зря ели свой страсбургский пащтет. Васильев еще два дня потом не мог пошевелить правой рукой.

— Нельзя, — шепотом сказал проводник, скрутив его и запихнув обратно в купе. — Нельзя, сказано. Это ж как на подводной лодке. Сами знать должны. Знаете, как на подводной лодке? — Странно было слышать этот увещевающий шепот от человека, который только что заломал Васильева с профессионализмом истинного спецназовца. — На подводной лодке, когда авария, все отсеки задраиваются. Представляете, стучат люди из соседнего отсека, ваши товарищи. И вы не можете их впустить, потому что устав. В уставе морском записано, что нельзя во время аварии открывать отсеки. Там люди гибнут, а вам не открыть. Вот и здесь так, только здесь не товарищи.

— Мрази! — заорал Васильев, чумея от бессильной ненависти. — Мрази вы все! Кто вам не товарищи?! Старики и дети больные вам не товарищи?! Это что вы за страну сделали, стабилизаторы долбаные, что вы натворили, что боитесь к собственному народу выйти! Это же ваш, ваш народ, что ж вы попрятались от него за решетки! Хлеба кусок ему жалеете?! Рубль драный жалеете?! Ненавижу, ненавижу вас, ублюдков!

— Покричи, покричи, — не то угрожающе, не то одобрительно сказал проводник. — Легче будет. Чего он нервный такой? — обратился он к Кошмину.

— Журналист, — усмехнулся Кошмин.

— А... Ну, пусть посмотрит, полезно. Тут, в Можарове, журналистов-то давно не было...

— Что они там возьятся с вагоном? — неодобрительно спросил Кошмин у проводника. Они разговаривали запросто, словно коллеги. — Давно отцепили бы, да мы бы дальше поехали...

— Не могут они быстро-то, — сказал проводник. — Меньше двадцати минут не возьятся.

— Ослабели, — снова усмехнулся Кошмин.

В этот момент поезд дрогнул и тронулся. Несколько девочек в выцветшем тряпье побежали за вагоном — впрочем, какое побежали, скорей поползли, шатаясь и сразу выдыхаясь; Васильев отвел взгляд.

— Ну извиняй, журналист, — сказал проводник, переводя дух. — Сам нам будешь благодарен.

— Ага, — сказал Васильев, потирая плечо. — За все вам благодарны, всю жизнь. Скажи спасибо, что не до смерти, что не в глаз, что не в рот... Спасибо, век не забуду. Есть такой рассказ — вы-то не читали, но я вам своими словами, для общего развития... Называется «Ушедшие из Омеласа». Имя автора вам все равно ничего не скажет, так что пропустим. Короче, есть процветающий город Омелас. И все в нем счастливы. И сплошная благодать с народными гуляниями...

— А в жалком подвале за вечно запертой дверью, — невозмутимо вступил Кошмин, — сидит мальчик-олигофрен, обгаженный и голодный. Он лепечет: выпустите, выпустите меня. И если его выпустить, весь город Омелас с его процветанием полетит к чертям собачьим. Правильно? Причем ребенок даже не сознает своего положения, и вдобавок он недоразвитый. Даун он, можно сказать. Слезинка ребенка. Читали. Урсула Ле Гуин. Наше ведомство начитанное.

— Какое ведомство? — спросил оторопевший Васильев.

— Минсельхоз, — сказал Кошмин и подмигнул проводнику. Тот жизнерадостно оскалился в ответ.

— Но если вы все это читали... — упавшим голосом начал Васильев.

— Слушай, журналист, — Кошмин наклонился к нему через столик. — Ты думать можешь мало-мало или вообще уже все мозги отшибло? Ты хорошо их слышал?

— Кого — их?

— Ну голоса их, я не знаю, кого там ты слышал. Хорошо слышал?

— Ну, — кивнул Васильев, не понимая, куда клонит инструктор.

— А ведь стекло толстое. Очень толстое стекло, журналист. А ты их слышал, как будто они рядом стояли, — нет? И видел ровно то, что могло на тебя сильнее всего надавить, так? зуб даю, что-нибудь из детства.

— А вы? — пролепетал потрясенный Васильев. — Вы что видели?

— Что я видел, того тебе знать не надо! — рявкнул Кошмин. — Мало ли что я видел! Тут каждый видит свое, умеют они так! Интересно послушать потом, да только рассказывать чаще всего некому. Тут щелку в вагоне приоткроешь — и такое...

— Ладно, — устало сказал Васильев. Он все понял. — Кому другому вкручивайте. Ведомство ваше, Минсельхоз, Минпсихоз или как вы там называетесь, — вы хорошо мозги парите, это я в курсе. И фантастику читали, вижу. Но дураков нет вам верить, понятно? Уже и телевизор ваш никто не смотрит, про шпионов в школах и вредителей в шахтах. И про призраков в Можарове, которых я один вижу, — не надо мне тут, ладно? Не надо! Я и так ничего не напишу, да если б и написал — не пропустите.

— Вот клоун, а? — усмехнулся проводник, но тут же схватился за рацию. — Восьмой слушает!

Лицо его посерело, он обмяк и тяжело сел на полку.

— В двенадцатом открыли, — еле слышно сказал он Кошмину.

— Корреспонденты? — спросил Кошмин, вскакивая.

— Телевизиончики. Кретины.

— И что, все? С концами?

— Ну а ты как думал? Бывает не все?

— Вот дура! — яростно прошептал Кошмин. — Я по роже ее видел, что дура. Никогда таких брать нельзя.

— Ладно, о покойнице-то, — укоризненно сказал проводник.

Васильев еще не понимал, что покойницей называют симпатичную из «Вестей». До него все доходило как сквозь вату.

— Нечего тут бабам делать, — повторял Кошмин. — В жизни больше не возьму. Что теперь с начпоездом в Москве сделают, это ужас...

— Ладно, пошли, — сказал проводник. — Оформить надо, убрать там...

Они вышли из купе, Васильев увязался за ними.

— Сиди! — обернулся Кошмин.

— Да ладно, пусть посмотрит. Может, поймет чего, — заступился проводник.

— Ну иди, — пожал плечом инструктор.

Они прошли через салон-вагон перепуганного Майерсона. «Sorry, a little incident», — на безукоризненном английском бросил Кошмин. Майерсон что-то лепетал про оговоренные условия личной безопасности. Пять вагонов, которые предстояло насквозь пройти до двенадцатого, показались Васильеву бесконечно длинным экспрессом. Мельком он взглядывал в окно, за которым тянулись все те же серые деревни; лиловая туча, так и не проливаясь, висела над ними.

В тамбуре двенадцатого вагона уже стояли три других проводника. Они расступились перед Кошминым. Васильев заглянул в коридор.

Половина окон была выбита, дверцы купе проломаны, перегородки смяты, словно в вагоне резвился, насытившись, неумолимый и страшно сильный великан. Крыша вагона слегка выгнулась вверх, словно его надували изнутри. Уцелевшие стекла были залиты кровью, клочья одежды валялись по всему коридору, обглоданная берцовая кость виднелась в ближайшем купе. Странный запах стоял в вагоне, примешиваясь к отвратительному запаху крови, — гнилостный, застарелый: так пахнет

в пустой избе, где давным-давно гниют сальные тряпки да хозяйничают мыши.

— Три минуты, — сказал один из проводников. — Три минуты всего.

— Чем же они ее так... купили? — произнес второй, помладше.

— Не узнаешь теперь, — пожал плечами первый. — Не расскажет.

— Иди к себе, — обернулся Кошмин к Васильеву. — Покури пойдя, а то лица на тебе нет. Ничего, теперь только Крошино проехать, а потом все нормалдык.

ОКТЯБРЬ В КУПАВНЕ

Все персонажи этого рассказа вымышлены и являются плодом фантазии автора. Совпадения с реальными историческими событиями — не более, чем случайность.

1

Сень выдалась теплой и сырой.

В дымчатом низком небе кружили черные птицы. Они во множестве слетались на огромную свалку, оставшуюся на месте старого фармацевтического завода, бродили по грудам мусора и выклевывали из дурно пахнущего месива съедобные крохи. Когда начинался дождь, птицы нехотя поднимались в воздух — над свалкой словно взмывало рваное черное покрывало — и находили приют в кронах раскидистых лип, росших вдоль насыпи узкоколейки. Старик наблюдал за птицами с чердака. Он часами просиживал у полукруглого окна, разглядывая свалку и аллею через голубоватые линзы мощного морского бинокля. На подоконнике расстилал газету, на нее клал толсто порезанный пористый хлеб, перышки лука, три-четыре куска твердой, как камень, колбасы. Так себе еда, конечно, но до вечера дотянуть можно. Вечером приходила со смены Дарья, и старик, кряхтя, спускался вниз. Кряхтел он больше для порядка — ни суставы, ни поясница его по-настоящему не беспокоили. Вот на что грех жаловаться, так это на здоровье. Доктора пугали лучевой болезнью — и действительно, восемь матросов, которые были вместе с ним в шестьдесят первом на «Хиросиме», облысели и умерли — а ему хоть бы хны. До сих пор пятаки скручивает в трубочку.

И все же, спускаясь по приставной лестнице, он старательно кряхтел. Дарья молча ставила на стол бутылку молока, кружку и уходила на кухню чистить картошку. Сколько старик помнил, на ужин у них всегда была картошка — иногда вареная, со сметаной, иногда жареная со шкварками, реже — запеченная с сыром. Вообще-то он очень любил картошку с грибами, но при Дарье о грибах лучше было не заикаться.

Он пил молоко, принюхиваясь к плывущим из кухни запахам. В соседней комнате (Дарья называла ее «залом») вызывающе громко тикали ходики. Старик думал о том, что это самый неприятный звук в мире, и еще о том, что все старики так думают. Старики делают вид, что живут прошлым, а на самом деле их мысли постоянно прикованы к будущему. Но ведь в будущем для них нет ничего, кроме смерти, более или менее близкой. Поганая вещь — старость; нечего хотеть, ничто не радует, простата не подвела — счастье, удачный поход в сортир может поднять настроение на весь день. Порой старик вспоминал своего деда, Николая Николаевича, — совершенно бесплотный уже, с опушенной белым, одуванчиковым пухом головой, дед целыми днями сидел на завалинке, подставив иконописное лицо солнцу. «А что это дедушка все сидит и сидит? — спрашивал маленький Вася у матери, и мать отвечала, мельком взглянув на свекра: — Отдыхает дедушка, не мешай ему, Васенька».

Отдыхает, удивлялся несмышленный Вася, от чего же он устал? Он ведь ничего не делает.

Прошло шестьдесят пять лет, и Вася, сам ставший стариком, понял: устают от жизни. Чем она длиннее, тем больше усталости накапливается в мышцах, нервах, в уголках глаз и кончиках пальцев. И если в молодости ты можешь, вымотавшись, как черт, лечь и проспать сутки, а потом вскочить бодрым и полным сил, то старые люди такой возможности лишены. Поэтому и придумывают себе занятия, позволяющие балансировать на тонкой грани между явью и забытьем. Ни-

★

колай Николаевич грелся себе на солнышке, ну а внук его Васенька, Василий Архипович, сидит у окна и разглядывает в морской бинокль руины фармацевтического завода. И не то чтобы он надеялся увидеть там что-то интересное — свалка она свалка и есть — просто с чердака смотреть больше не на что.

А потом, ожидая, пока Дарья покормит его вечной своей картошкой, вспоминает увиденное, перебирает застрявшие в памяти картинки, словно фотокарточки. Дождь; серые плети воды секут расплывшиеся груды отбросов; худая облезлая собака бредет вдоль полуразвалившейся кирпичной стены; птицы дерутся из-за куска тухлятины, раздирая ее крепкими лакированными клювами; человек в черном плаще с накинутым на голову капюшоном едет на старом, дребезжащем велосипеде по липовой аллее, петляя между лужами под косыми струями ливня.

Человека этого старик запомнил очень хорошо, хотя лица его под капюшоном разглядеть не сумел. Но фигура, посадка, да и сам велосипед говорили о том, что это чужак. Скорее всего, из Обираловки — узкоколейка ведет именно туда. Еще пару лет назад по ней ходил товарняк, возивший уголь для Обираловского МПЗ, но потом завод встал, а паровоз, по слухам, отдали китайцам за долги. Должны, как водится, все равно остались, а вот узкоколейка окончательно умерла.

Старик медленно размышлял о том, кем мог быть этот чужак из Обираловки, и что ему понадобилось в Купавне, почти опустевшей, всеми забытой, не представляющей интереса ни для властей (а кто теперь власть?), ни для предпринимателей (завод лежал в руинах, а к прудам рыбхоза ни один человек в здравом уме приближаться бы не стал), ни для обленившегося криминалитета. Турист? Но турист должен иметь рюкзак, а у чужака никакой поклажи не было. Спортсмен? Для спортсмена слишком сутул и неуклюж, да и средство передвижения у него не из тех, на которых со-

вершают велопробеги. Кто ж тогда? Старик вспомнил учителя из поселковой школы, большого любителя гербариев, совершавшего рискованные прогулки по купавинским торфяникам в поисках трофеев для «Атласа новейшей флоры Восточного Подмосковья». Тот тоже, бывало, садился на грустно поскрипывающий рыдван и отправлялся на свою тихую охоту. Из очередной такой вылазки он закономерно не вернулся; велосипед со странно покореженной рамой нашли у подернутого зеленой ряской болотного «окна», рядом лежал один (правый) ботинок учителя. За безумного натуралиста чужак еще мог сойти — во всяком случае, только безумец может покинуть дом (какое-никакое, а убежище) в такую мерзкую, слякотную, волглую погоду. Но что делать на болотах под дождем? Или же предполагаемый натуралист направлялся вовсе не на болота?

Когда раздался робкий стук в дверь, старик даже не очень удивился.

2

— Вы кто такой? — спросил старик брезгливо. Человек топтался на пороге, с ужасом глядя на все увеличивающуюся лужу у себя под ногами. Он был высок, худ, нескладен; длинный плащ, порванный в нескольких местах, делал его похожим на огородное пугало.

— Я... э... Борис, — пробормотал гость. — Из Москвы. Журналист.

Из кухни выглянула Дарья, хлестнула пришельца недружелюбным взглядом суровых серых глаз.

— Дарьюшка, — сказал старик, — к нам журналист пожаловал...

Он постарался вложить в свои слова как можно больше неодобрения, и, как выразился бы умный доктор Занцев, сарказма. Но Борис никакого сарказма не по-

чувствовал, а может, просто был слишком поглощен созерцанием потоков льющейся с него на пол воды.

— Извините меня, — запинаясь, проговорил он, — я все уберу... вытру... вы только тряпку мне дайте... пожалуйста...

Дарья вытерла руки вафельным полотенцем, решительно пересекла комнату и встала перед гостем.

— Плащ снимай, журналист, — велела она. Борис послушался — еще бы не послушаться, голос у Дарьи хриплый, низкий, с особыми, чуть угрожающими, вибрациями. Старик, отдавший полжизни флоту и дослужившийся до вице-адмирала, командный голос тренировал лет пять, а у Дарьи ее дар был врожденным. Когда Сенечка привел семнадцатилетнюю пигалицу Дашеньку в дом, старик с первого же разговора почувствовал в ней скрытую силу; предупредил сына: девка с характером, будет тебя ломать, берегись. Сенечка посмеялся: у тебя, батя, врожденное моряцкое недоверие к женщинам, она не такая. Сын оказался прав — Дарья, как хорошо тренированная сторожевая собака, своих не трогала. Сенечку любила преданно, когда случилось несчастье, и его забрали, осталась со свекром, хотя могла уехать к себе в Рязань, там, вдали от столицы, было спокойнее. Так и прожила двадцать лет, ожидая мужа, как в те благословенные дни, когда он возвращался из командировки ни свет ни заря, грохал об пол чемодан и орал на весь дом: «Эй, вы, сонные тетери! Отворяйте Сене двери!» Старик любил ее: за эту молчаливую преданность, за то, что она вела себя так, словно ее Сеня все еще жив, просто командировка немного затянулась.

— Тряпка в ведре, — сказала Дарья, забирая у Бориса его обноски. — Ведро в углу.

Журналист, оказавшийся без плаща очень тощим и костлявым, покорно взял тряпку и ведро и принялся убирать следы преступления. Старик смотрел на то, как он возится, и думал, что правильнее всего было бы выставить гостя за порог. Но Дарья уже унесла его плащ

сушиться у печки, тем самым как бы выдав санкцию на пребывание журналиста Бориса в доме. Ничего не подделаешь, подумал старик хмуро, придется терпеть его за ужином.

— Василий Архипович, — говорил, между тем, Борис, обращаясь к уменьшающейся в размерах луже, — я собираю материалы для журналистского расследования... под условным названием «Рыцари холодной войны». Хотел взять у вас интервью... вы же были непосредственным участником событий шестьдесят второго года...

Старик молчал. Борис с ожесточением выжал набухшую тряпку в ведро и повернулся к нему.

— Ну вы же легенда! Я, когда узнал, что вы живы... что командир «Хиросимы», герой Карибского кризиса, человек, предотвративший Третью мировую, живет совсем рядом, в Старой Купавне... я даже не поверил сначала!

— Я никогда не командовал «Хиросимой», — сказал старик, скривившись. — В шестьдесят втором я был помощником командира, не более.

— Да, конечно, — торопливо поправился Борис. — Я знаю, это капитан Зверев хотел ответить запуском ядерных ракет на атаку американцев. А вы не позволили ему... и спасли мир.

Старик крикнул. Провел ладонью по лысому черепу.

— Борис, ты в армии-то служил?

— Я? Нет... у меня невралгия... я, правда, хотел... медкомиссия...

— Значит, что такое субординация, ты не знаешь. Почему же тебе такую серьезную статью писать поручили, если ты в элементарных вещах не разбираешься?

Борис неожиданно обиделся, кровь прилила к его впалым щекам.

— Никто не поручал... я сам... Я фрилансер, продаю сенсационные материалы крупным агентствам...

— Большие деньги, небось, заколачиваешь, — с издевкой сказал старик.

— Нормальные, — журналист обвел комнату скептическим взглядом. — На квартиру на Соколе хватает.

— На Соколе? Знатно устроился... Так вот, фрилансер, — старик с трудом выговорил незнакомое слово, — чтоб ты знал: помощник командира не может не позволить командиру сделать что-то, если только речь не идет о государственной измене. Я просто убедил капитана Зверева подождать, пока Москва по дипломатическим каналам свяжется с Вашингтоном.

— Но вас же бомбили глубинными бомбами! — воскликнул Борис. — И вы все это время просто ждали, пока Хрущев позвонит Кеннеди?

«А он все-таки меня разговорил, — с неудовольствием понял старик. — Хитер гусь, ничего не скажешь...»

— Непосредственной опасности для экипажа на тот момент не было, — нехотя сказал он. — У капитана Зверева был приказ, позволявший ему использовать ядерное оружие, это факт. Но если бы мы выпустили ракеты по Восточному побережью Штатов, ответный удар американцев стер бы с лица Земли весь Советский Союз. Ты хоть знаешь, сколько у них было тогда ядерных зарядов?

— Полторы тысячи, — не задумываясь, ответил Борис.

— Смотри-ка, знаешь... А у нас было триста пятьдесят. Чуешь разницу?

— А как вы... уговорили капитана Зверева подождать? Старик хмыкнул.

— Очень просто. Объяснил ему, что пятикратный перевес означает победу американцев, и никакое учение Маркса-Энгельса тут не поможет.

— Не понял... при чем тут Маркс и Энгельс?

— А это замполит наш любил повторять, что если случится ядерная война, и девяносто процентов человечества погибнет, то оставшиеся десять обязательно построят коммунизм.

— Шутил?

— Да какие тут шутки... Капитан, в отличие от замполита, был мужик умный, и все понял. Согласился подождать... А через час из Москвы пришла радиogramма — отбой, мол, американцы извиняются, отходят в территориальные воды, бомбить больше не будут.

— И все? — удивился Борис. Тряпку он по-прежнему держал в руках.

— А чего тебе еще надо? Поцелуев Никиты Сергеевича? Так ему тогда не до нас было...

Борис выглядел разочарованным. «Может, все-таки уйдет?» — с надеждой подумал старик.

— Я читал ваше интервью журналу «Огонек», — сказал Борис, — вы его в восемьдесят восьмом году давали, помните?

— Помню, — ответил старик. Тогда к нему приезжал холеный господин в дорогом пальто и шляпе, какие носили чикагские гангстеры. Он привез старику подарок от главного редактора — банку черной икры — и письмо, где Коротич слезно просил вице-адмирала «рассказать, наконец, правду о тех трагических и великих днях».

— Вы там говорили почти то же самое. Только про замполита не упоминали.

— А по-твоему, я должен каждый раз новую историю сочинять? — насмешливо спросил старик. — Как охотник на привале?

Борис, наконец, бросил тряпку (в ведре тяжело плюхнуло) и вытер мокрые руки о мокрые джинсы.

— Василий Архипович, — сказал он решительно, — дело в том, что я встречался с Маккормиком.

Старик вздрогнул, будто получив удар током. И гость (незванный, незванный, хуже татарина!) это, конечно же, заметил.

— Теперь вы понимаете, — голос Бориса звучал заговорщически, — почему я пришел к вам. И что я хочу от вас услышать.

«Пошел вон отсюда, — хотел рывкнуть старик, — ступай прочь, щенок! Маккормик не мог тебе ничего рассказать, да и как бы ты добрался до него, он двадцать лет безвылазно сидит в своем Колорадо и отстреливает репортеров, как зайцев...»

Но в глубине души он понимал, что парень не врет — ему каким-то чудом удалось разговорить Маккормика, и он услышал то, что должно было показаться ему бредом сумасшедшего... а проверить, так это или нет, можно было только одним способом — найти второго оставшегося в живых участника тех давних событий.

— Маккормик — выживший из ума старик. У подводников это, — он выразительно покрутил пальцем у виска, — часто бывает. Посидишь полгода в стальной коробке — поймешь...

— Я видел фотографии, — сказал Борис. — Он много снимал, Маккормик. Подводные крепости. Развороченные глубинными бомбами туши. Сеть, которой вы ловили этого... ну, их главного осьминога. И особенно город... Это невероятно! Как такое могло быть построено на глубине пяти километров? Уму непостижимо.

Он наморщил лоб, пытаясь что-то вспомнить.

— Как же он назывался? Все время из головы вылетает. Такое слово... нечеловеческое...

— Р'льех, — сказал старик.

Для московского журналиста Дарья расстаралась — накрыла стол свежей скатертью, открыла закатанную с прошлой осени банку с солеными помидорами и выставила графин термоядерной самогонки желтоватого цвета, которую в народе называли «ипривовка». Борис сначала отказывался, но под жареную картошку с лучком все-таки опрокинул стопку, а дальше пошло, как по

маслу. Вице-адмирал решил, что и ему пара-другая рюмок не повредит, тем более что на трезвую голову разговаривать о таких материях было сложно.

— Маккормик был парень отчаянный, — говорил он, смачно закусывая зеленым помидором. — То, что называется «сорвиголова». Когда наши локаторы засекли движение в Разломе, он сразу жажнул туда глубинными бомбами. Никто же не предполагал, что это сам Биг Си.

— Ктулху? — подмигнул раскрасневшийся от «ипритовки» Борис.

— Трепло ты, — нахмурился старик. — Их нельзя называть по именам. Неужели Мак тебя не предупредал?

Борис виновато потупился.

— Предупреждал. Но, знаете, в это так трудно поверить... Мы же еще в школе проходили, что Холодная война была противостоянием США и СССР... что во время Карибского кризиса мир стоял на пороге Третьей мировой войны... фильмов про это сколько снято... а потом вдруг оказывается, что все это неправда...

— Тебе никто и не поверит, — усмехнулся вице-адмирал. — Решат, что ты псих.

— Но ведь есть же доказательства! Фотографии...

— Их легко подделать. Вон, Лох-Несское чудовище сколько раз фотографировали — и каждый раз снимки объявляли подделкой.

— А оно тоже... одно из этих?

Старик пожал плечами.

— Я слышал, это их домашняя зверушка. Что-то вроде щенка.

— И все равно я не понимаю, — Борис упрямо затряс головой. — Столько лет шла война... столько лет... и до сих пор никто не знает, что на Землю напали чудовища?

Вице-адмирал налил ему (и себе) еще по пятьдесят грамм.

— Историю пишут победители — не помню, кто сказал, но человек был умный.

— Вы имеете в виду... — побледнел журналист.

— Когда Маккормик сбросил в Разлом бомбы, Биг Си поднялся на поверхность. При этом он уничтожил два американских линкора и наш сухогруз, который вез на Кубу партию оружия и два взвода боевых пловцов. Операция «Анадырь» — слышал о такой?

— Конечно, — кивнул Борис, — ее так называли, чтобы запутать американцев... они думали, что мы перебрасываем войска на Чукотку, а мы размещали ядерное оружие на Кубе.

— Армянское радио спрашивают: правда ли, что Рабинович выиграл в лотерею «Волгу»? Армянское радио отвечает — правда, но не Рабинович, а Иванов, не в лотерею, а в карты, не «Волгу», а «Запорожец», и не выиграл, а проиграл... Так и здесь. Мы путали не американцев — какой смысл вводить в заблуждение союзников? Кастро умолял нас защитить Кубу от атак морских дьяволов, как он их называл — и было принято решение окружить остров цепью военно-морских баз. Американцы в эту игру влезать не хотели — Биг Си пригрозил, что если они помогут кубинцам, он сотрет с лица земли Майами. Ну, а нам терять было нечего, в Черное море мы бы его не пропустили, а во Владике стояли на дежурстве наши атомные ракетноносцы... Но переброска войск на Кубу должна была осуществляться скрытно. А когда Мак сбросил свои бомбы и разозлил Биг Си, вся конспирация полетела псу под хвост.

— И тогда капитан Зверев решил ударить по нему ракетами с ядерным зарядом?

Вице-адмирал кивнул. Сок соленого помидора стекал по жесткой седой щетине на его подбородке.

— А я убедил его этого не делать.

— Но почему? — глаза Бориса блестели — то ли от самогона, то ли от возбуждения. — Вы же сами говорили, что взрыв атомной бомбы может их уничтожить!

— Не уничтожить, — педантично поправил старик. — Нанести ущерб. Это не одно и то же. Когда они неожиданно появились на Новой Земле, мы сбросили на них две водородные бомбы, и этого хватило, чтобы они больше никогда не тревожили наш Север. Но тут... тебе, наверное, непросто понять. Если бы мы ударили по Большой Суке... так у нас называли Биг Си... он, возможно, на какое-то время выбыл бы из игры. Но, залив раны и вернувшись, отомстил бы так, что живые позавидовали бы мертвым.

— То есть вы просто струсили? — пьяновато прищурился журналист. — Могли уничтожить этого самого Кту... ладно, Биг Си... но не стали этого делать, потому что испугались его мести?

— Сопляк, — сказал вице-адмирал беззлобно, — ничего ты не понимаешь... Да, американцы были нашими союзниками, но если бы чудовища нас обескровили, они не стали бы проливать слезы. Как и мы, кстати, не особо переживали, когда Большая Сука все-таки сожрала Новый Орлеан. Это была очень странная война, парень — война, в которой каждый боялся сделать лишний ход, одержать ненужную победу, подставиться под удар чересчур сильного противника... В общем, я не жалею о том, что убедил капитана подождать с возмездием. А потом... потом Хрущев и Кеннеди обзавелись «красной линией» — прямой телефонной связью между Кремлем и Белым домом. Как ты понимаешь, кабель с телефонными проводами был протянут по дну Атлантики, так что переговоры, по сути, велись между тремя собеседниками.

— И мы заключили перемирие?

— Ну, не сразу... Сначала была разрядка — всем объявили, что СССР и США договорились о взаимном сокращении вооружений. На самом деле лидеры обеих сверхдержав постепенно сдавали свои позиции врагу... А когда чудовища победили окончательно, Холодная война завершилась.

Борис пытался нацепить на вилку убегающий от него по тарелке помидор. После нескольких безуспешных попыток он плюнул и отправил его в рот пальцами.

— Но почему мы в таком дерьме, а Штаты процветают?

— Потому что они выбрали правильную сторону, — ответил старик грустно. — Ими правят монстры, имеющие склонность питаться в заповедных угодьях. Поэтому они все время развязывают войны где-нибудь на периферии — в Ираке или в Афганистане, сейчас вот подбираются к Сирии... Американская армия превратилась в загонщиков дичи, понимаешь? А наши... — он запнулся, — то есть чудовища, захватившие СССР... они жрут прямо у себя дома. Жрут и срут.

Он вспомнил раскинувшуюся за окном свалку и помрачнел. Разлил по рюмкам остатки «ипритовки».

— Можешь об этом написать, Боря, — сказал он, нехорошо усмехаясь. — Только тебе все равно никто не поверит. А если прочтут те, кто знает, как все обстоит на самом деле... скорее всего, тебя просто уберут. Я, честно говоря, удивляюсь, как тебя после визита к Маку где-нибудь в Гудзоне не утопили.

— А я умный, — хмыкнул Борис, — и осторожный.

— Ах, мальчик, — сказала вдруг Дарья своим хриловатым голосом. И журналист, и вице-адмирал удивленно к ней повернулись — она сидела так тихо, что они забыли о ее присутствии. — Ах, мальчик, если бы ум и осторожность хоть кому-то помогали...

4

В три часа ночи Бориса, окончательно осоловевшего от «ипритовки», совместными усилиями уложили на печи. «Ох, как тепло-то, — бормотал он, не раскрывая глаз, — вот наслаждение какое... благодать...»

— Дурачок, — сказала Дарья сурово, накрыла его солдатским одеялом и пошла спать на свою половину.

Старик лежал на узкой и жесткой койке, смотрел в потолок и никак не мог заснуть. Перед глазами его проплывали видения далекого прошлого: ступенчатые багровые пирамиды Р'льеха, покрытые бурой подводной растительностью террасы, изломанные, изогнутые под невозможным углом колонны его храмов, хлещущая из Разлома черная пузырящаяся протоплазма, поглотившая «Щуку» вместе со всем ее экипажем, палец капитана, дрожащий в сантиметре от красной кнопки, гигантские неподвижные глаза, чей взгляд проникал через бронированное стекло иллюминатора прямо в мозг, отвратительное ощущение присутствия чуждого, нечеловеческого сознания, шипящие слова иного языка, непонятные, и в то же время кристально ясные... Потом он все-таки провалился в сон, и это было избавлением.

Наутро снова шел дождь. Вице-адмирал и журналист позавтракали в молчании — говорить им, по сути, было уже не о чем. Дарья, которой сегодня было идти в ночную смену, отсыпалась, поэтому старик хозяйничал, как умел: заварил крепкий чай, нарезал толстыми ломтями хлеб и достал из погреба кусок черного от перца сала.

— Спасибо, Василий Архипович, — вежливо сказал Борис, допив чай. — Вы мне очень помогли. Маккормик... он был не такой открытый. Все время старался себя выгородить. Ну и потом, у него на них личная обида, как я понял.

— Да? — равнодушно спросил старик. — И какая?

— Ну, он не слишком-то распространялся. Но я так понял, они у него лошадь сожрали. У него же ранчо свое, у Маккормика.

— Лошадь? — переспросил вице-адмирал.

— Да, — пожал плечами Борис. — Если бы не это, он вряд ли стал откровенничать.

Старик промолчал, только зубами скрипнул.

— Ну, я пойду, — сказал Борис, поднимаясь. — Вы дочку свою поблагодарите от меня, ладно? Я посмотрел — она, оказывается, мне вчера плащ зашила...

— Поблагодарю, — сухо сказал старик. — Всего хорошего, Борис.

Когда журналист, взгромоздившись на свой расхлябанный велосипед, выехал со двора, вице-адмирал поднялся по лестнице на чердак. На газете, расстеленной на подоконнике, не осталось ни единой хлебной крошки, зато лежали маленькие черные катышки — ночью на его наблюдательный пункт приходили мыши.

Старик брезгливо свернул газету в комок и выбросил за окно. Ветер подхватил ее и швырнул на голые ветви кустов сирени.

Вице-адмирал снял с окуляров бинокля резиновые накладки. Поднес бинокль к глазам, подкрутил барабан, настраивая фокусировку. Резкость никак не хотела наводиться, глаза словно заволокло какой-то пленкой, по-видимому, у него повысилось внутричерепное давление.

Наконец, он справился — картинка приобрела четкость и цвет. Он увидел велосипед Бориса, скачущий по неровной кочковатой тропинке вдоль края свалки. Свалки, которая с годами образовалась на месте разрушенного ими фармацевтического завода.

Он знал, что сейчас произойдет, но все равно вздрогнул, когда птицы, выискивавшие себе пропитание среди куч гниющего мусора, взмыли в небо, закрыв его своими крыльями.

Посреди свалки вздувался огромный грязный пузырь. К серым низким облакам взметнулись три толстенных — с сосновый ствол — мохнатых щупальца, извивающихся в непристойном танце.

Послышался громкий звук «ух» — как будто зарытый в землю великан с силой втянул в себя воздух.

Тощая черная фигура, оседлавшая велосипед, на мгновение замерла, а потом принялась отчаянно крутить педали, пытаясь уйти от шарящих вслепую щупалец. Спасительная аллея, за деревьями которой рассчитывал укрыться журналист, была уже совсем близко,

когда на конце каждого щупальца раскрылся большой мутноватый глаз, и чудовище увидело свою жертву.

Стремительный бросок мускулистого щупальца выбил Бориса из седла и сбросил в раскисшую мокрую грязь. Серая мохнатая змея обвилась вокруг туловища журналиста — старику почудилось, что он слышит, как трещат ребра — и, подняв в воздух, потащило обратно на свалку.

Вице-адмирал заставил себя досмотреть все до конца. Борис изо всех сил старался освободиться из стальных объятий — его длинные ноги дергались, словно выплясывая безумную джигу. Потом щупальце втянуло его в свое подземное логово, и волны мусорного моря сомкнулись над ним.

«Лошадь, — подумал старик. — У Мака сожрали лошадь, и он, разобидевшись, растрепал все дурачку-журналисту... А когда они забрали моего Сенечку, я молчал. Молчал, потому что уговаривал себя — наступит день, когда они ответят за все. Люди поднимут восстание и сметут их обратно в преисподнюю, из которой они явились. Но день этот все не наступал и не наступал... и вот теперь вместо партизан, которые станут уничтожать их жестоко и беспощадно... вместо подпольных организаций боевых офицеров... вместо героев-одиночек, наконец... явился этот сопляк, этот хлыщ... этот фрилансер...»

В то же мгновение он почувствовал, что тяжесть, давившая на его глазные яблоки, исчезла. И мутноватая, мешавшая видеть, пленка — тоже.

Словно кто-то, смотревший на мир его глазами, используя их, как сам он использовал цейссовскую оптику, наконец-то убрался из его головы.

Вице-адмирал вздохнул и отложил бинокль.

ПОКА МИР НЕ РАССЫПЛЕТСЯ В ПРАХ...

Н а ухабе проигрыватель запнулся и начал новый трек, заикаясь, словно новичок на музыкальном конкурсе. Потом дорога пошла ровнее, звуки набрали силу, окрепли.

Вышел из комы ночью там, где храм на крови без крова,
Капельницы — в клочья, жить начинаю снова.
Разлетелась вода снегом, белой ваты жую мясо,
Волчьим вещим живу бегом, небо красное — будет ясно.

Новая жизнь разбежалась весенним ручьем,
Новая жизнь разлилась по ларькам, по вокзалам.
Новая жизнь, посидим, помолчим ни о чем,
Новая жизнь никогда не дается даром...

Федор почти не воспринимал слов. Хриплый голос ложился на мелодию, и вместе они вплетались в надрывное гудение мостов, раздатки, двигателя. Сознание мерцало, глаза слипались. Машина раскачивалась в колее, козлила в рытвинах. Голова Федора моталась из стороны в сторону. Деревья по обочинам стояли зеленой стеной. Плотно стояли. Синяя лента неба над верхушками время от времени пачкалась полупрозрачными полосками облаков.

А потом он снова клевал носом, засыпал на несколько секунд и тут же выдергивал себя из сна, с усилием выворачивая руль и возвращая «УАЗ» на дорогу. Автомат, прислоненный к пассажирскому сиденью, заваливался и бил стволom по бедру, заглядывая вороненым

глазом в лицо. Федор машинально поправлял оружие, выпрастывая ремень из рычагов на тоннеле; бросал быстрые взгляды в стекло на разбитые глинистые колеи и лужи, непересыхающие в густой тени ельника — не угодить бы. В пятнах солнечного света над лужами роилась мошкара. Влажный, душный воздух с запахами земли, глины и мятой травы сочился внутрь машины через пробоины. Иногда ему казалось, что среди всех этих обычных ароматов он слышит сладковатый трупный запах, и Федор недовольно тряс головой, разгоняя и наваждение, и сон.

Блестящая паутинка полетела навстречу, сверкая, словно серебряная проволока. Зацепилась за крышу, легла на правую сторону стекла, выгнувшись под напором воздуха, а потом потерялась среди десятков, сотен мелких трещин вокруг двух пулевых отверстий. Машину качнуло, две РГДшки на сидении перекатились, легко постукивая друг о друга гладкими корпусами, и сиротливо приткнулись к стопке из трех снаряженных магазинов — весь его боезапас.

Кожа на лице стянуло в маску из пота, пыли и ветра. Руки заскорузли от грязи и машинного масла. Он не умывался несколько дней. И почти не спал. Ныли плечи и спина. Правый голеностоп ломило, словно в пятку вставили стальной штифт до самого колена. Левую ногу он еще пока ощущал как нечто свое, хотя с тех пор как съехал с шоссе, сцеплением работать приходилось не меньше.

Дорога качнулась вправо, солнце поползло за макушками елей и вынырнуло над просекой, снайперски пушкая лучи в глаза. Федор прищурился и заметил их...

При жизни женщина была беременной, на сносях. Сейчас ее ребенок полз рядом на поводке из пуповины, словно охотничья собака, родовая отечность давно превратилась в раздувшиеся трупные пятна. Над головкой кружились крупные мухи, словно нимб, мерцающий изумрудным хитином. За женщиной, подтягиваясь на

руках, полз мужик в джинсовой рубаше с раздавленными ногами. Голова расплющена и болталась перед грудью как грязно-бумажный лист с рельефным отпечатком автомобильного протектора.

«Новая жизнь, — хрипел Шевчук, — разбежалась весенним ручьем...»

Не показался, значит, трупный запах.

Федор аккуратно принял левее, на противоположную обочину. Руль норовил вырваться из рук. Жесткий кустарник царапал борт машины.

Мертвяки остановились. Он понятия не имел, слышат ли они? видят? каким неведомым локатором безголовые определяют, где находится живое? Как до него добраться? Какая разница? Могут. Его опыт, вскормленный сказками зомби-ужасов, почти отказал, оказавшись вдруг не полезнее CD-дисков в мире, лишенном электричества. Например, мертвяки не пытались с утробным рычанием и хрипами броситься сейчас на машину, чтобы выковырять его изнутри, словно улитку из раковины; размозжить голову, высосать мозг; вцепиться зубами в шею, рвать и жрать, жрать, жрать...

Мертвые — не голодают. Он уяснил.

И далеко не все способны выбраться из могилы самостоятельно.

Женщина провожала «УАЗ» мутными бельмами.

Давить троицу бесполезно, но Федор пожалел, что не разметал мертвяков по проселку, поймав слепой взгляд в зеркале. Мимолетная, почти незаметная досада быстро растворилась в усталости, подмешав в его сонное безразличие автомата слабый привкус давнишней утраты или полустертого воспоминания о Федоре Стукове, восемнадцатилетнем парне в армейском камуфляже, солдате, каким он являлся еще три недели назад, до того как выстрелил в затылок своему сержанту. Да, странный поступок (хотя, как посмотреть) для человека, который привязывал веревку с петлей к оконной решетке ротного умывальника в казарме, твердо намереваясь

повеситься, но конец света для Федора наступил именно с этого момента.

После него прошлое утратило смысл, хотя и существовало в памяти как последовательность событий во времени и пространстве. Первое детское воспоминание: ему четыре, он сидит у деда на коленях и читает по складам праздничную передовицу «Правды»; кумачовая шапка газеты; жирные буквы заголовков, транспаранты на фотографиях; красное и черное. «Горизонт» в углу, словно горизонт событий происходящего в маленькой жарко натопленной комнате и большой жизни, там, на другой стороне земного шара. Детский сад. Рыбалка с отцом и теплые руки матери — она стряпает фирменное печенье. Школа, класс за классом. Неуверенная попытка поступления в институт. Все, как картинка в диаскопе с эффектом Доплера, он — зритель и, среди прочего, смотрит, как мозги Смелякова брызгают на броню.

Да, еще книги. До армии — были книги.

«Ты не переживай, — говорит отец на перроне перед отправкой. — Я в армию пошел очкариком. На призывном пункте в тот день отобрали пятерых. Все после первого курса института, да в роту охраны дисциплинарного батальона. Напугался я очень сперва. Потом понял. Там, где есть боевая служба и толковый, неравнодушный офицер — никакой «дедовщины» не бывает. И, когда у самого башка варит — только на пользу. «Прогнуться» можно, ломаться нельзя — затопчут. В крайнем случае — отключай «башню». Страх не уйдет, он никогда не уходит, — зато будет не так больно»...

Смешной он, батя-то. Реальность, она другая.

Первый пинок по копчику. Боль бьет снизу вверх как разряд и застревает тошнотворным комочком у темени, навсегда. Он ходит, словно у него в заднице застрял сапог командира отделения сержанта Смелякова. Бегают. Ест. Спит... Попробуйте угадать с трех раз — какая кличка у Федора Стукова? Ротного чмыря Иргин-

ской мотострелковой бригады? Если вам понадобилось больше одной попытки, то вероятнее всего вы никогда не служили в армии. Шесть месяцев в аду. Невозможность понимания. Уголовные «по-понятиям», помноженные на выкладки Уставов. Десятки нарядов по роте. Бесконечное «дрочево»: строевая, тактика, физподготовка. Непреходящие желания — спать и есть, порядок любой, на выбор. «Фанера» желтая, воскового цвета от беспрестанных выговоров с «занесением в грудную клетку». Толчковые миазмы навсегда вьелись в ткань обмундирования, пальцы изрезаны бритвами, словно он не «очко» скоблил, а пытался срезать отпечатки пальцев и превратиться в невидимку. Синяки по всему телу, каждый прыщик норовит превратиться в «сибирскую розочку» — безболезненно гниющую язву, глубокую, как Марианская впадина. Еженощные скачки по «взлетке» ротного расположения под седлом командира отделения: кажется, он уже доскакал до канадской границы — ни дюймом меньше. Его сторонятся даже вновьприбывшие «духи». Письма родителей — весточки с обратной стороны луны. Он с трудом понимает, о чем они пишут, спрашивают...

Отец ошибался. Страх уходит, а боль остается. Всегда.

Она сломала его сопротивление, превысив порог и все, наконец, затянулось в скользящий узел на петле, но и здесь ему не повезло. Он же не знал тогда, что весь мир оказался в неудачниках.

Дежурный по роте офицер истерично кроет матом отсутствующего на тумбочке дневального. Это он — дневальный. Рядовой Коп... Ой! Стуков.

Тревога!!! Блять! Коня тебе в дышло, боец! Вешайся, сука (ха-ха)! Живей поршнями, живей!!! Всем получить личное оружие!

Батальон выгоняют на плац, до последнего человека, включая наряды по ротам, столовой, кухне... Ночь холодная. Ветер тугими струями уносит в сторону ше-

потки и злое ворчание. От парка слышится непонятное, там что-то многогласно взрыкивает и тяжело ворочается, сотрясая землю. Редкие столбы света изредка пятнают ночное небо, да тянет густым, как сметана, дзельным выхлопом. Неужели всю бригаду поднимают? Не два пальца обоссать. Солдаты нервно подсмывают ремни автоматов. Стволы раскачиваются за плечами, словно редкая трава. Жилетные основы и ранцы УМТБС уродуют фигуры дряблыми наростами. Магазины в подсумках пустые, как и фляги. У бедра — противогаз. На Копчике сбруя под снарягу сидит, как на корове седло. Ему все равно. Он испытывает только досаду от ненужной отсрочки, едва замечая команды офицеров, которых, наконец, привезли из городка; зычной ор «батяни»; топот кирзачей; толчки локтями и безостановочное движение. Становится жарко. «Снаряга» набирает вес и давит на плечи: три полностью снаряженных магазина и еще триста патронов; две РГД, одна «фенька», аптечка, сухпай, противотанковая (ептать?!) мина. За голову, поверх ранца — валик ОЗК, завязки царапают кадык: он так и не научился обращаться с этим гандоном из резины для супердолгого траха. Еще Копчику достается трехкилограммовая труба «Аглени» и напутственные матюги прапорщика — осколками, в каску.

А вот и она — тоненькая и назойливая, как комариный писк, мыслишка. Ясная и различимая идеяка, рожденная коротким замыканием синапсов, среди рева двигателей тяжелой техники, командных окриков и грохота сапог по асфальту: «Я убью его». Черт, как просто! И весомо, словно снаряженный магазин; медноцветное, разбавленное охрой, острие патрона 5,45 выглядит как обещание. «Я убью его», — стучит в виски. Страх вдруг приобретает новую окраску: Копчик боится, что его сейчас разлучат с командиром отделения.

Он думает только об убийстве. Он думает, что если не убьет Смелякова, то навсегда останется Копчиком и никогда не вернется домой, чтобы сказать отцу, что

боль остается. Это страх уходит, силы. А боль остается. Веревка с петлей на решетке умывальника кажется теперь «ошибкой молодости», вроде глупых и малодушных переживаний по поводу юношеских угрей. Копчик испытывает смутное удовлетворение (впервые за полгода!) от осознания превратностей воинской службы.

Он так «заточен» на новое желание, что ему совершенно насрать, почему их третья мотострелковая рота второго батальона Иргинской бригады выдвигается на марш первой. Первой из многотонной, многоногой массы людей, техники и орудий убийства. Почему не разведрота ДШБ к примеру? Или первая рота? Куда? Зачем? Почему? Сейчас важно не оторваться от Смелякова, словно от мамы в переполненном универмаге среди шелестящих юбок и пыльных брючин.

«Не бзди, Копчик, не потеряешься!» — говорит сержант, отпихивая Федора локтем, но усмешечка на лице кривенькая, неуверенная. А того то забирает колотье, то швыряет в горячий обильный пот. Команды «замка» он слушает вполуха и просто делает то же, что и остальные, приклеившись к Смелякову, словно банный лист к заднице.

Ротный выкрикивает задачу рыкающей скороговоркой. Как обычно смысл ее в том, что она проста до зубовного скрежета. У капитана Нагурного по-другому не бывает: выдвинуться, занять, блокировать. «И чтобы ни одна блять не выскочила!» До Стукова едва доходит, что никакими учениями и не пахнет. Все по-честному. В областном центре заварушка вроде войны: не то террористы, не то пиндосы высадились, не то эпидемия. Серьезно все. Вот и взвод «самоварщиков» с «Подносами» придают их роте.

Нагурный исчезает. БМП с разведотделением, фыркнув выхлопами, катит в густой сумрак. Через пятнадцать минут и сама рота пошла. Ревут двигатели, Копчик корчится за спиной Смелякова, судорожно цепляясь за железку на броне. Плотный воздух хлещет по лицу,

словно березовым веничком. От Ирги до Сочмарово меньше ста километров, а, значит, идти им часа полтора. Только вот как момент выбрать? Или сейчас?! Почему не сейчас? Магазин пристегнут, спина Смелякова — вот она. Снять с предохранителя, передернуть затвор — за шумом и грохотом, лязгом гусениц, выкрашивающих дряблый асфальт, никто не услышит, — качнуть стволом и надавить спуск...

Или все сделать, когда начнется?

Знать бы — что?

Акварельно-черное небо на востоке начинает светлеть, словно его размывают водой. Из темноты отчетливей проступают детали пейзажа. Дорожные знаки сверкают в свете фар, отливая фосфоресцирующей краской, как глаза голодных псов. Белый указатель, Малые Топи. Слева от дороги косогор, справа зубчатый контур крыш. Воздух наполняется запахами навоза, скошенной травы, прошлогоднего сена, а еще сладковатым и незнакомым ароматом. Ни огонька...

В следующую секунду Копчик едва не слетает с брони от резкого торможения. Колонна, лязгнув траками и фыркнув, замирает, и сразу становится слышными впереди раздельный перестук: «тах-тах-тах-тах-тах-тах» и частое обрывистое стрекотание. На пустой дороге, у тихой деревеньки звуки кажутся невозможными: залпы автоматической пушки БМП-2 и автоматная стрельба. «К машине!» — орет Смеляков мимо эбонитовой таблетки у рта. Ему виднее, он на связи с комвзвода. Голова лейтенанта Мухина торчит из люка головной машины, голос далеко разносится в прохладном влажном воздухе:

«Ветер-два, повторите, прием. Ветер-два не понял, повторите, прием».

Федор скатывается с брони, как мешок с говном: ноги затекли, пальцы не гнутся. Вокруг бряцают оружием, возня, шепот: «Че за муйня-то?» Из деревни доносится собачий вой.

«Ветер-два, повторяю. Направление ориентир один, силами одного эмэсвэ. Уточните данные о противнике, прием. Не понял Ветер-два, Михалыч? Михалыч?!»

Взводный ныряет в люк.

От хвоста колонны — окрик:

«Эй, стой! Стой, мужик, ептать! Ты кто такой?! Отвечай... Ты кто такой бля-а-а-ать!!!!»

Крик срывается на визг. Звук, от которого кишки завязывает в узел и, кажется, зубы проворачиваются в деснах. Оглушительная тишина повисает над дорогой — один, два, три, закипает в легких, — и обрывается гранатным разрывом: хлопок, осколочная дробь по броне, еще крики (а-а-а-а-а-а-а-а-а-а! на одной захлебывающейся ноте), вспышки беспорядочных выстрелов в темноте. Воздух стремительно густеет, наполняясь сладковато-гнилостной патокой. Кто-то надсадно кашляет, словно старается выbleвать внутренности.

— На склоне! На склоне, мать их!

БМП взводного дергается, сотрясаемая запущенным двигателем, и скребет асфальт неподвижными траками, разворачиваясь. Солдаты с матами отшатываются от борта. Над головой у Копчика» гудят сервоприводы башни, разворачивающей ствол и сноп света в сторону обрывистого склона. Смеляков вытягивает шею, заглядывая в темноту через груды воняющего соляной железой. «Вот оно», — думает Стуков. Пальцы сдвигают предохранитель.

— К бою! — кричат слева-сверху.

Копчик дергает затвор. Частое клацанье сменяется беспорядочной стрельбой. «Тах-тах-тах-тах» рвет перепонки. Смеляков отворачивается, заглядывая в огонек, посылающий в сторону склона тридцатимиллиметровые трассеры. Стуков стреляет одиночным. Голова сержанта лопается, как воздушный шарик, расплескивая на броню черно-белые сгустки. Тело валится вперед. Носки ботинок царапают асфальт, пороховая гарь скребет Копчику горло...

...Он таки уснул за рулем. Уснул, тяжело уронив голову на жесткий обод, и не почувствовал удара о переносицу. Правая рука упала на бедро. Ступня надавила на педаль газа. «Уазик» рыкнул, вильнул, словно освободившийся от пут жеребец, вскидывая задом; резво перескочил через канаву и, сломав передним мостом ощеп на толстом пне, плотно сел брюхом. Двигатель взвыл и захлебнулся. Машина дернулась, замерла. Федор спал. Из носа мерно капало. Автомат вновь привалился стволом к бедру спящего, словно прикорнул уютно, покойно. Проигрыватель пережевывал очередной трек:

Черные сказки белой зимы
На ночь поют нам большие деревья,
Черные сказки про розовый снег,
Розовый снег даже во сне.

А ночью по лесу идет сатана
И собирает свежие души —
Новую кровь получила зима.
И тебя она получит.
И тебя она получит...

Глаза под веками задвигались...

...Плотный воздух бьет его тугими волнами в бока, по спине, словно огромными подушками. Земля под ногами сотрясается. Косогор обкладывают с «Подносов», в отдалении слышится характерный кашель, земляные кусты вырастают на склоне и выше, разбрасывая окрест комья земли. Пыль забивает ноздри, рот, земля скрипит на зубах. Перед глазами рубчатая подошва ботинок Смелякова. Вот сейчас! Вот сейчас его схватят за шиворот, потрянут хорошенько так, что клацнут зубы, отберут автомат и... а, может, просто застрелят.

С плеча рвут «Аглень», и тянут за шиворот. Завязки ОЗК больно врезаются в горло. Вот так, наверно, его шею сдавила бы веревка...

— Ты чего, мудака, по роже захотел?! Стреляй!

Привычка повиноваться и сильный рывок вверх срываются безотказно. Мысль о своем преступлении испуганно прячется, а ее место занимает другая: «У меня шок. Я никого не убивал».

— Жопу прикрывай! Из деревни идут! — еще крик, на который он не обращает внимания.

Он выставляет автомат перед собой, как поле-но. На броне комочки земли, гильзы и распухшая синюшная кисть руки с черными ногтями. Справа ухает «Аглень», словно гигантский филин. Дымно-огненный след гранаты пролетает мимо сознания и лопается на близком склоне, как огненный гриб-дождевик под сапогом.

Оторванная кисть ощупывает пальцами броню и подтягивается ближе к стволу его оружия. Мысли исчезают, подскочивший вверх тошнотворный ком вышибает мозг под каску как бильярдный шар: свояка — в середину!

— Ложись!!!

Федор упал бы и сам. Его скрючивает у катка, а над головой по броне многократно шаркает, грохочет, и в склон кювета нераззорвавшимся снарядом вонзается крашеный конус на прямоугольном основании. На конусе овальный портрет с размытыми чертами лица и надпись: 12.07. 1997 — 25.12.20... Последние цифры не видны. Он щурится, словно прицеливаясь, словно от того, разберет он эти цифры или нет — зависит его жизнь.

В светлеющем небе возникает ревущий гул. Он нарастает и снижается.

— Очнись, придурок!...

Его тащат в кювет и дальше, к поваленному забору. Автомат волочится на ремне, скребет по асфальту прикладом. Вокруг крики, стрельба, разрывы — голову рвет вопреки физическим законам: в пустоте звуки ведь не должны распространяться. Перед глазами все пляшет и плывет под ноги, пока земля не ударяет в лицо. Горя-

чие волны звука катятся по спине давящим катком, темнота над дорогой с чмоканьем лопается и вдруг расцветает оранжевым жаром. Струи пламени хлещут во все стороны...

Все правильно. Безопасен только пепел. Жирный пепел с запахом горелого мяса. Когда их рота выдвигалась на Сочмарово, кто-то уже знал об этом...

* * *

— ...Не приближайтесь к останкам!.. Повторяю, не приближайтесь к любым останкам, фрагментам тел, как бы медленно они ни двигались! Остерегайтесь любых животных, особенно птиц! Это опасно! Если вы передвигаетесь по открытой местности, найдите автомобиль! Если такой возможности нет — находитесь в помещении. Забаррикадируйтесь! Если у вас есть рация, выходите на связь на частоте... Сборные пункты... работа над вакциной....

Волна плывет, сигнал уходит, белый шум из динамиков дорогой аудиосистемы звучит едва ли не понятнее человеческой речи: миру, каким вы его знали, пришел конец. Не важно, впрочем. Радиостанции у него нет, а все остальное он уже знает. Поэтому сейчас он и один. И сборные пункты искать не собирается. Его задача проста... хе-хе... до зубовного скрежета. Он хочет добраться домой, чтобы рассказать отцу, что боль остается.

На трассе М16 грандиозный затор из брошенных автомобилей, напоминающий кладбище динозавров: распахнутые двери, изуродованный металл. В сырых кюветах — развороченные колеи. Пробку объезжали на внедорожниках. Вот Х5-й сидит в грязи по самое брюхо, его водитель думал, что у него под задницей грязеход. Зато Федору достается обрывок передачи из прошлого мира и шикарный навигатор. Спутники еще летают. Вероятно, местами еще есть электричество...

Ему нужна машина. Пальцы сводит от напряжения, глаза слезятся от пристального всматривания, и все же он их прозевал.

Фонтанчики из дерна распускаются в кювете раньше, чем звуки выстрелов долетают до него. По Х5-му хлещет, словно плетью...

* * *

...В окне заправки картонка с большими буквами: «FUCK FUEL SAVINGS». Очень интересно. Вряд ли мертвяки малюют плакаты. Заправка выглядит пустой. За будкой заправщика стоит бензовоз. Колонки под навесом повалены. Оторванные шланги с пистолетами валяются рядом, словно дохлые змеи. Ветер гоняет газетный ком по потрескавшемуся бетону. Он думает, есть ли внутри магазинчик. Курить он не курит, но вот пожевать чего-нибудь и попить — не помешает. Ну и бензин... само собой. Навигатор подсказывает, что следующая заправка только на М5 и до нее 123 километра, а у него почти сухой бак, и канистры гремят, как пустые кастрюли. Бензин придется сливать или из бензовоза, или доставать из заправочных емкостей. Бензовоз предпочтительнее. Но Федор не двигается с места. Есть ли там топливо — неизвестно. С такими-то лозунгами. К заправке пристроен гараж с подъемными воротами. На воротах вывеска — «Шиномонтаж». Ворота закрыты. В лесополосе за заправкой — дощатый сортир, ветер качает полуоткрытую дверь, скрип сюда не доносится.

Зато становится слышен слабый жужжащий звук. Он становится громче, и из-за поворота выезжает «Крузер», заляпанный по самую крышу грязью. Федор чуть пригибается, но не более. Свою машину он загнал в лесополосу, на самом — камуфляж. Разглядеть его в пыльной траве можно, если только знать, что он тут залег. Или почуять...

Круизер замедляет ход, не доезжая заправки. Вероятно, те, что внутри, тоже читают оригинальную вывеску. Колеса выворачиваются, и машина заезжает прямо на бетон между поваленных колонок. Двигатель глохнет. Сколько людей в машине — не видно. Довольно долго ничего не происходит. Поднятая машиной пыль закручивается фонтанчиками. Наконец передние двери автомобиля открываются. Водитель — низкорослый плотный парень в кожанке, помповое ружье с пистолетной рукояткой он держит наизготовку. С ним худенькая женщина в синих джинсах и короткой курточке. Спутанные грязные волосы скрывают лицо, в опущенной руке пистолет. ПМ, похоже...

Они перебрасываются парой слов (парень на секунду поворачивается к ней, губы шевелятся), он приближается к пыльному окну, заглядывает внутрь. Потом «кожанка» трогает дверь — незаперто. Он открывает ее шире. Женщина прячется за машину, руки с пистолетом лежат на капоте, ей даже не приходится сгибать ноги в коленях. Парень скрывается внутри. Секунды тикают: тик-так, тик-так... Женщина вдруг расслабляется и тоже направляется к двери.

Внутри бахает выстрел. Женщина подпрыгивает на месте. Федор снимает автомат с предохранителя. Расстояние метров двести, для прицельной стрельбы не так чтобы очень здорово, но — нормально. Женщина кричит. Судя по тому, что она вновь нацелилась стволом в двери, ей либо не отвечают, либо то, что она слышит, ей не нравится. «Прячься, дура, прячься!» — шепчет Федор, но она бестолково топчется перед заправкой и кричит. Пистолет в руке заметно трясется.

Он тоже нервничает. Слишком долго на одном месте, на открытом воздухе. Один шальной ворон и через пять минут их будет сотня. Дранный тент его «УАЗа» — важная защита. Он отвлекается, бросая взгляд в небо, и тут же от заправки слышится выстрел помповухи.

Женщину отбрасывает к машине, она сползает по колесу на землю, руки безвольно вытянулись вдоль бедер, голова свесилась на грудь. Из заправки выходит небритый мужик с ружьем ее парня в руках, на нем спортивные штаны с лампасами и линялая майка. Бросив взгляд на тело, он осматривает машину. Людей больше нет, и сам он, похоже, один. Мужик возвращается к женщине. Подбирает пистолет и забрасывает его в машину. Долго смотрит сверху вниз, потом стволом дробовика распахивает куртку у нее на груди. Присаживается на корточки, шарит там руками, потом запускает окровавленную пятерню ей в пах. Опять смотрит, подхватывает ее за ногу и волочит к двери. Затейник, однако. «FUCK FUEL SAVINGS».

Федор дает две коротких — патронов на пять, шесть, — очереди. Не попал! Мужик бросает ногу и пригибается. Следующая очередь, длинная, швыряет его о стену.

Ну вот и все! Около часа у него есть, но он все равно торопится, это всегда по-разному. И перспектива пересечь в «Крузер» подгоняет. Урча двигателем, «УАЗ» выбирается на дорожное полотно...

Впрочем, на «японце» кататься ему не светит — под радиатором лужа антифриза.

* * *

...На воротах деревенской церквушки распят священник. Кому-то этого показалось мало, и батюшке вспороти живот. Вывалившиеся внутренности свисают, словно щупальца гигантского осьминога. Глаз нет, их давно выклевали птицы, и лицо в оспинах от клювов, лоскуты кожи трепещут на ветру. В звоннице дребезжаще брякает надтреснутый колокол.

Он подходит ближе. Картина отталкивает и завораживает одновременно. Метрах в двух он останавлива-

ется, зажимая нос. В пустых глазницах священника — вся правда о его армейской жизни.

Брякает колокол.

Внутренности взмываются зловонными плетями, оплетают ноги, тисками сдавливают кисти. Он отшатывается, но не падает, потому что осклизлая петля захлестывает шею и вдруг сжимается с неистовой силой. Безгубый рот священника открывается. Ему в лицо вылетает шелест и шорох электронных помех, и далекий усталый голос:

— ...не приближайтесь к останкам! Повторяю, не приближайтесь к любым останкам, фрагментам тел, как бы медленно они ни двигались!..

В глазах темнеет...

* * *

...Федор просыпается.

Сдавленное дыхание рвется сквозь зубы свистящими выдохами. Липкая темнота наваливается на грудь. Лицо мокрое. Он ночует в придорожном ангаре ДРСУ-5, как гласит табличка на воротах. Техники в нем нет. Под вечер, он загнал «УАЗ» внутрь, предварительно сбив навесной замок с калитки. Гулкое и пустое, как бочка, помещение. Каждый шорох звучит громовым эхом. Он заперся изнутри и вырубился прямо на сиденье, словно выключили лампочку. Но поспать не удалось...

Он вытирает холодный пот со лба. Дышать все еще трудно, подробности сна клочками всплывают на поверхность сознания.

Так погиб рядовой, с которым они выбрали из «Малых Топей». Федор не успел ему помочь. То есть он отсек вонючие ленты штык-ножом, но вот срезать затягивающиеся кишки с шеи можно было, только перепилив несчастному горло. Как же его звали?

★ Легкие с трудом качают пыльный воздух. Кровь стучит в висках все громче. Он хочет поднять руку и потереть шею, но не может. Мгновенный испуг останавливает сердце...

* * *

Словно нежный вампир...

Словно нежный вампир...

Динамики в дверях машины перебрасывались фразой на разные голоса, словно шариком для пинг-понга. Федор с трудом разлепил опухшие, тяжелые веки. Мозг вяло реагировал на сигналы извне: зловоние, набившееся в ноздри, словно комки ваты; тяжелое жужжание; слабые, крохотные пальцы мнут кадык; беззубые десны щиплют огрубевшую кожу шеи.

Через мгновение Федор пришел в себя.

Он остановился и уснул. Мертвяки нагнали его и уже внутри.

Федор вскинулся. Ударил правым локтем в мягкое, оторвал от себя, сшиб на соседнее сиденье. Рука выхватила автомат из ниши за ствол. Младенец барахтался рядом, как жук. Федор столкнул его вниз прикладом. Пуповина натянулась, истончаясь. Конец ее скрывался в прорехе брезентового верха. Женщина сумела расширить пулевую пробоину, но плотные швы одолеть не смогла и теперь заглядывала внутрь бельмами. Справа о борт машины скребся безногий. Мухи барражировали по салону, как шмели. Динамики затянули новую мелодию...

Стрелять бесполезно.

Федор бросил автомат на колени, повернул ключ в замке. Стартер скрежетнул, машина дернулась вперед. Передача! Пуповина лопнула, мазнув кончиком по щеке, зацепилась за рычаг переключения передач, обвила змейкой. Федор выжал сцепление, поставил на нейтраль...

Ты открывал ночь,
Все, что могли позволить...

Проигрыватель запнулся, когда он включил зажигание. Двигатель взревел. Младенец в нише перевернулся на четвереньки. Пальцы его матери заскребли подголовник над ухом.

Пусть на щеке кровь,
Ты свалишь на помаду...

Он включил заднюю, надал, сцепление отпуская внатяг, прибавляя обороты. «УАЗ» обиженно ревел, прополз с полметра. Колеса взрыли дерн, ошметки полетели во все стороны. Младенец уцепился за край сидения. Федор почувствовал, как его пытаются схватить за короткие волосы. Он выжал сцепление и воткнул первую. В салоне остро запахло палеными фрикционными накладками. Двигатель взревел. Машина поползла, рванулась. Под днищем заскрежетало. Кузов завибрировал. «УАЗ» дернулся вперед и словно натолкнулся на стену.

Младенец скатился на пол. Рука отпустила волосы. Двигатель заглох.

Все!

А мы не ангелы, парень,
Нет, мы не ангелы,
Темные твари и сорваны планки нам.
Если нас спросят,
Чего бы хотели мы?..
Мы бы...

Брезент на крыше треснул, словно сломали сухую палку. Между рядами тяжело упало. Зловоние усилилось. Федор схватил с сиденья гранату и выдернул чеку, прижав скобу. Брать остальное — не хватало рук.

И времени.

Он дернул дверную ручку, ухватил покрепче автомат. Напрягся. Выпустил гранату из пальцев, толкая дверь

наружу плечом. Выпрыгнул. Одна. Мгновенная вспышка боли в голени — кажется, ободрал о закраину или замок, — и он оказался снаружи, метрах в двух от машины. Две. Он побежал прямо, не оглядываясь. Три. Ветви хлестали по груди, царапали шею, когда он прятал лицо. Четыре. Два длинных шага, и он вытянулся в прыжке, нацелившись в противоположный от дороги кювет.

Пальцы уже коснулись земли, он начал группироваться, когда за спиной сдвоенно ахнуло.

Его оглушило, конечно же. Показалось, на секунду голову сдавило двумя многотонными подушками. Он скорее чувствовал, чем слышал, как разлетаются осколки, вспарывая воздух, листву, кору елей. На спину упала срезанная ветка. Тонкий звон повис между ушей, словно без конца теребили туго натянутую внутри черепа струну. Виски ломило, к горлу подкатил тошнотворный комок.

От дороги тянуло жаром.

Федор в три приема поднялся на ноги. Его шатало.

«УАЗ» горел. Столб черного дыма лизал верхушки елей. Огненное пятно растеклось вокруг быстро чернеющего остова машины.

— Безопасен только пепел, — пробормотал Федор потрескавшимися губами.

* * *

Этой деревни на карте навигатора не значилось. Кажется. Впрочем, он не помнил и никак не мог сосредоточиться. Без машины он чувствовал себя голым. Черепухой без панциря. Немилосердно саднило голень. Содранная кожа, едва ли не до кости. Рана шириной около сантиметра, от голенища ботинка, до самого колена. Штанина почернела от крови. Нога горячо пульсировала, но еще слушалась его. В единственном магазине остался двадцать один патрон. Он посчитал. На откры-

том месте он обречен и никогда не доберется домой. Разум подсказывал, что родителей, скорее всего, уже нет в живых. Они...

Он заставил себя замолчать. Чтобы делать хоть что-нибудь, он залез на дерево. Не слишком высоко, но достаточно, чтобы обзор на деревню стал лучше.

И сразу увидел буквы.

Дорога поднималась по склону холма и переходила в улицу. Два ряда неказистых бревенчатых домов лепились к ней, как ягоды к виноградной грозди. Огороды, расчерченные грядками, причудливыми штампами пятнали землю. Дальше и выше порядок, казалось, рушился, и на макушке холма дома выглядели, словно на картинке про рыбу-кита из сказки Ершова. Кроме одной детали. На крыше одного из них белой краской и громадными буквами выведено: «SOS».

Так!

Он едва не свалился с ветки. Живые? Чего же они тут сидят? Деревня выглядела брошенной. В спешке брошенной. Распахнутые ворота, калитки, незапертые дома, битые окна. Утварь, в беспорядке разбросанная по дворам, зарастающие сором огороды, ни единого дымка, звука, шевеления. Еще один затейник? Нет, не похоже. Сигнал явно для вертолетов-самолетов. Но шансов, что там кто-нибудь еще есть — пятьдесят на пятьдесят.

До дома около километра. По прямой, через огороды. Интересно, что случилось с деревенскими собаками, скотиной? Федор вновь и вновь всматривался в крыши, окна, дворы. Голова закружилась, и тошнотворный звон стоял в ней болотной водицей, внешние звуки доносились с другой стороны вселенной. Он крепче уцепился за ветку. Ему надо поспать. Да не вполглаза — от души. Ну и пожевать чего. Того, кто написал на крыше «SOS», Федор не боялся. Он уже давно ничего не боялся...

Километр — ерунда! Несколько заборов не сравнить с полосой препятствий на бригадном полигоне. Вот только нога...

Он выбрал ориентир и спустился. Пошел, шурша травой, предохранительную планку поставил на одиночный огонь, проверил, есть ли патрон в стволе. Под горку перешел на бег, валкий ускоренный шаг пьяного человека, взгляд с тревогой шарил окрест.

Через триста метров он выбежал на окраину. Первый забор перевалил с ходу, упал в укроп, вскочил. Нашел взглядом ориентир, побежал, оступаясь между грядок. Остро запахло мятой зеленью и землей. Еще забор. Над деревьями показалась крыша с полукружьями белых букв, Федор взял левее, в гору, клонясь вперед. Еще забор, картофельные ряды. Сердце колотилось у горла, в глазах темные точки. Полпути позади. Он пересек пустой двор, выглянул из калитки на улицу — пусто. Отдышался. Один, два, три. Пошел!

Взметнув желтую пыль, он выскочил на улицу. Ворота напротив открыты, в глубине двора — просвет, открытое пространство, грядки, кусты.

Он добежал до середины улицы, когда боковым зрением уловил слева движение.

Из проулка деревянной походкой вышел пес: опущенная голова болталась, сваявшаяся шерсть в репьях. На секунду он замер, потом развернулся и чудовищным, прыгающим шагом засеменял к нему. Федор надал и только у ворот сообразил, что времени закрывать створки нет. Черт! Но ничего. Один, передвигается медленно. Федор проскочил двор, пригнулся, пробежал вдоль дома и выскочил на огород. Он не оглядывался, до цели ему оставалось еще два открытых участка и улица — метров триста.

Опа!

Справа и впереди, через смородиновые кусты, ему наперерез двигались еще две собаки. Помельче, одна на трех лапах, но бежали они быстрее. Федор сблизился и выстрелил на бегу два раза подряд. Одну сшиб наземь, задняя часть туловища теперь волочилась по ботве, второй выстрелил в голову.

В упор.

Брызнуло кашицей. В спину летело сухое щелканье челюстей ее товарки с перебитым хребтом.

Дыхание срывалось. Правая нога онемела. Он приближался к дому, словно на протезе, взгляд блуждал: под водостоком на углу — две ржавые бочки; бухта поливочного шланга завалилась набок; занавески на окнах в пыльных, линялых цветочках; трещины в бревнах сруба глубоки, как борозды на пашне; впереди, над крышами, километрах в трех небо вдруг потемнело множеством темных точек...

Птицы!

Федор едва не выронил автомат, ноги заплелись, он почти упал и мимо дома, через двор к калитке бежал, словно стартовавший спринтер. Ботинки стучали по бетонной отмостке. Он задышался. Слева, метрах в тридцати по штакетнику скользили приземистые тени. Да сколько же их здесь?! Крыша с надписью «SOS» манила обманчивой — через улицу — близостью.

На секунду мелькнула мысль, что за ограду выбегать не надо, а надо прятаться здесь, в доме, мимо которого он так стремительно несея, но он не успел очень уж задуматься.

— Быстрее! Давай сюда!

Федор врезался в калитку правым плечом.

Он выскочил на улицу боком и увидел все сразу: длинный оштукатуренный дом, приоткрытую железную дверь, окна, закрытые ставнями, вывеску с неразборчивой надписью и красным крестом; кавказскую овчарку с мордой, траченной картечью и вытекшими глазами; огромного кота с торчащим вверх обрубок хвоста; черную, словно обугленную, человеческую фигуру в начале улочки и шевелящийся ковер грязно-серых спин, мутных бусинок и длинных голых хвостов.

— Скорее! — торопили его.

Палец дергал спусковую скобу. Бездумно он сосредоточил огонь на «кавказце», блеклая шерсть летела кло-

чьями, грузное тело отбрасывало: два шага вперед, шаг назад.

Федор ввалился за порог дома с красным крестом, металлическая дверь с грохотом отсекала свет и сокрушительную волну зловония. Снаружи ударилось грузно, заскребло когтями, плеснуло мелким царапающим шелестом и раскатилось по стенам едва слышными крысиными шорохами.

В горле клокотало. Федор сделал попытку подняться, но лишь перевалился набок. Чужая рука тряхнула его за плечо.

— Ты из спасательного отряда?! Где остальные?

Он не хотел, правда, но сухие губы поползли, лопааясь до крови, легкие сжались, вытолкнув через воспаленное горло звук, похожий на карканье ворона.

Вот только вороны теперь летают молча...

* * *

— Солдат, очнись! Что с тобой?!

Федор с трудом разлепил веки, коридор качался перед глазами: узкий, полутемный; кушетки с дерматинovým верхом; заколоченные по фасаду окна; крашенные двери, одна приоткрыта, и желтая полоска трепещущего света перечеркнула широкие половицы. В носу стало щекотно, воздух, как в больнице.

— Не спал... давно...

Взгляд остановился на мужской фигуре, сфокусировался. Над плечами в клетчатой ковбойке изможденное, морщинистое лицо. Брови сошлись на переносице, запавшие синие глаза, тонкий хрящеватый нос, волосы — перец с солью, бесцветные губы подрагивали.

— Где твое... подразделение? Войска где?

— Сгорели под Малыми Топями...

— Что?!

— Безопасен только пепел...

Язык у Федора заплетался, в голове гудело.

— О чем ты говоришь?! — сильно трянуло за плечо. — Очнись! За нами придут?!

В голосе мужика слышались отчаяние и истерика. Федор нащупал автомат, и только потом попытался пожать плечами. Он не почувствовал — вышло у него или нет, но человек вдруг закрыл глаза, лоб собрался глубокими морщинами. «Старик», — подумал Федор.

Протяжно скрипнула дверь.

— Пап?

Стуков приподнял автомат.

— Оставь, — попросил старик. — Здесь дети... тебе ничего не угрожает.

— Сколько вас? — Федор облизнул сухие кровотокающие губы. Соленое...

— Трое... Я, моя дочь и сын... Неужели наш сигнал никто не видит?! Ведь летают же самолеты!

— Не видел, — Федор покачал головой. Он посмотрел в сторону, из-за приоткрытой двери выглядывал мальчишка лет десяти: большелобый, большеглазый; с маленьким скорбным ртом и скошенным подбородком. Костыли приподнимали плечи, как у взъерошенного галчонка. Птицы...

— Что здесь за зоопарк? — спросил Федор. — Еще не видел столько... сразу... и крысы...

За стенами еще шелестело, шаркало, но уже не так сильно.

Старик вздохнул, глаза его влажно блеснули.

— За деревней — костный заводик и скотобойня, — отмахнулся он. — Может, могильник, не знаю... Слетаются, сбегаются на запах. Постоянно появляются новые, прежние — уходят, улетают, возвращаются. Много. Уже мертвые. Я буквы на крыше рисовал четыре дня. Без транспорта отсюда не выбраться...

Федор закрыл глаза. Спать. Они что-нибудь придумают. Потом. Сейчас спать...

— Ты что, ранен? — голос не отпускал его, звал обратно в полумрак и шуршание за стеной.

— Царапина, ерунда... не мертвяки... сам, о железяку... Слова скребли сухое горло. Его опять замутило, на секунду он выключился.

Холодная влага коснулась губ, Федор открыл глаза.

— Пей...

Он выпил кружку воды, не отрываясь. Зубы ломило, тоненькие струйки лились по подбородку, он едва не поперхнулся, но все равно натужно закашлялся. Голова гудела, словно колокол.

— Пойдем, — старик помог ему подняться, придержал за локоть. — Ты откуда здесь взялся?

— Иргинская мотострелковая бригада, — ноги у Федора подгибались, в правой горячо пульсировало на каждом шаге.

— Где это?

— Под Сочмарово...

На мгновение предплечье сдавило как в тисках.

— Так далеко, — пробормотал старик. — Машина?

— Нет. Уже нет. — Федор качнул головой.

Они прошли в полумраке мимо очередной двери.

— Что за место? — Федору хотелось вытянуть руки вперед.

— ФАП, деревенский медпункт, — ответил старик, казалось, он думал о другом, но говорил быстро, оживленно, — Здание добротное, перекрытия и те бетонные, но крысы грызут и бетон. Надеюсь, выдержит, — он открыл следующую дверь и мягко подтолкнул Федора внутрь. — Здесь есть почти все: кое-какие лекарства, бинты, спирт, эфир, инструменты — все как в справочнике фельдшера, полный набор. Признаться, я таких пунктов никогда не видел. Своя скважина, насос, радио и дизель-генератор в подсобке. Соляры только маловато... Ложись, я посмотрю твою ногу...

Комната казалась светлее коридора. Дневной свет сочился в щели между ставнями. Белые стены, потолок отражали свет. У стен стояли две кровати, умывальник с раковиной в углу. В тени маячили стойки похожие на вешалки, шкаф...

Федор завалился на постель, не разуваясь, автомат сунул под кровать, под руку. От белья пахло затхлостью и карболкой.

— Сейчас принесу лампу и...

Стуков не дослушал. Он спал.

* * *

Ему приснилось, как родители провожают его на вокзале. Слякотная осень, с неба сыплет крошевом: не то снег, не то дождь. Мать кутается в платок и беспрестанно трогает его за рукав, словно хочет удержать. Отец поднял воротник пальто. Он зябнет, уши под кепкой покраснели. Сам Федор, уже в камуфляже и ботинках, при полной выкладке, форменную кепку держит в руке. Голове холодно, на коротких волосах оседают снежинки и тают.

— Ты запомни, — говорит отец. Он улыбается, но глаза тревожны и грустны. — «Прогнуться» можно, ломаться нельзя — затопчут. В крайнем случае — отключай «башню». Страх не уйдет, он никогда не уходит, зато будет не так больно...

Он протягивает ладонь, морщинки собираются у глаз.

— Пап, — говорит Федор, пожимая холодную руку, — боль не уходит. Слышишь? Боль не уходит!

Отец кивает.

— Да, — повторяет он и улыбается, но теперь так, словно просит прощения за свою беспомощную ложь, — будет не так больно...

— Боль не уходит!!! — кричит Федор прямо ему в лицо...

* * *

Конечно, она не ушла.

Вот она — ослепительный раскаленный шар крутит-ся в кипящей, искрящейся массе, разбрызгивая ослепительные искры. Вращение все быстрее, быстрее. Центробежные силы растягивают, сплющивают огненную сферу, она раскачивается, смещается из стороны в сторону и вдруг вытягивается в дрожащий язычок плазмы — огонек за стеклом «летучей мыши». Влага дрожит на ресницах, и огонек вновь расплывается в сферическое нечто с янтарными наплывами.

Влажные цветные пятна плавают под веками. Они сливаются, вытягиваются и отрываются друг от друга, словно делящиеся клетки под микроскопом, а потом испаряются, истончаясь до невидимости, уступая место ослепительному, раскаленному шару...

Внутри него грохочет: бу-бу-бу-бу....

— Очнулся?

Федор застонал. Он почувствовал свое тело, от макушки до пяток, словно сбитую в кровь ногу с неумело намотанными портянками втиснули в заскорузлый сапог. Он попытался шевельнуться, но у него ничего не вышло. От ничтожного усилия возникло ощущение, что пламя из лампы запустили ему под кожу. Горло распухло. Федор попытался сглотнуть, но, кажется, забыл, как это делается. В ушах стоял грохот, за белым потолком били в невидимый барабан.

Легкая тень скользнула в толще извести. Федор попытался не выпустить ее из поля зрения, но взгляд наткнулся на перевернутую бутылку в штативе, легкие пузырьки всплывали за стеклом в толще прозрачной жидкости. Пластиковая трубка тянулась вниз. Он следил за ней, опуская взгляд, казалось, в глазницы насыпали толченое стекло. Трубка оказалась приклеенной пластырем к его локтевому сгибу. За ней маячило лицо старика. Он сидел на низком стуле в ногах кровати. Ба-

гровые тени играли в прятки в сетке морщин. Слезающиеся веки воспалены. Белки глаз иссечены кровавыми прожилками.

— Пить хочешь? Не тошнит? Дышать не тяжело?

Кажется, он выпил кружку воды пять минут назад. Слова едва доносились до него сквозь грохот барабана за потолком. Он таки сделал глотательное движение, в голове оглушительно щелкнуло, словно выстрелили из гаубицы. Саднило гортань, сердце колотилось.

— Ты извини, местный фельдшер, похоже, баловался наркотой. С морфием здесь туго...

— Что со мной?

Слова так и остались во рту сухими бумажными комками.

— Ничего. Все худшее уже случилось до того, как ты пришел сюда...

Федор закрыл глаза, переживая волну дурноты и стискивая зубы.

— Ты пьян? — спросил он.

В полумраке сухо зашелестело. Старик смеялся. Радужные пятна под веками пришли в беспокойное движение.

— Теперь это непозволительная роскошь, хе-хе...

Воздух тек в легкие как расплавленное олово, скапливался на доньшке и просачивался через диафрагму, заполняя обжигающей тяжестью ноги, словно пустые бутылки. Нестерпимо чесались ступни. Особенно правая. Поврежденную голень саднило.

— Мне пришлось ампутировать тебе ногу, — услышал Федор. — Для одного лишь хирурга при здешнем оснащении шаг более чем рискованный, но выбора у меня нет. Странно, что ты вообще выжил, хотя, что теперь говорить о странностях...

Старик сбился и замолчал.

Слова поднимались к потолку, радужно переливаясь, словно мыльные пузыри, и лопались там беззвучно, бессмысленно. Федор напрягся. Он хотел сесть на

постели, но сумел только приподнять голову. Вены на шее вздулись. Он увидел широкий ремень, обхватывающий грудь и сразу же ощутил запястья прикрученные к... Нет, не к кровати. Он лежал на каталке высоко над полом, а старик сидел на обычном стуле. Голова его торчала рядом...

Взгляд заметался по складкам простыни. Глаза вылезли из орбит. Свинцовая кровь бросилась в лицо. Федор видел белый холмик ткани, натягивающий простыню слева, и... ничего не находил с правой стороны. Он упрямо попытался пошевелить ступней, хотя глаза говорили ему, что правая нога под простыней заканчивается безобразным утолщением чуть выше середины бедра. В пустоте нестерпимо чесалось и пульсировало.

Голова упала на подушку. Крик ветвился в бронхах, теряя силу, и лишь слабый выдох сочился через стиснутые зубы.

— Ты что сделал, а?! Ты что натворил, сука?!

Пальцы сжались в кулаки. Ремни заскрипели.

— Тихо, тихо...

— Ты же меня убил, тварь!

В глазах потемнело. Комната закружилась, верх стал низом и обратно. Кровь стучала в висках. Он задышался, словно только что пробежал от подножия холма, через огороды до проклятого дома с призывом о помощи на крыше. В темноте металлически звякнуло. Запахло спиртом. В плечо ужалило. По виску тихонько скатилась невидимая бусина, оставляя влажный след.

— Как по-твоему, сколько мне лет?

Федор стиснул зубы. Он думал, что если сейчас сможет высвободить руки, то...

— Тридцать семь... А свое отражение ты когда в последний раз видел?

— Иди ты на хер!

— Тебе ведь лет восемнадцать-девятнадцать? Верно?

Послышался шорох, старик зашевелился в стороне от каталки.

— Открой глаза, — велел его надтреснутый голос.

Федор не хотел, но подчинился. Злость истаяла, сошла на нет. Он открыл глаза и увидел перед собой на подушке лицо отца, может быть, чуть моложе, каким он помнил его: «гусиные лапки» у воспаленных глаз, глубокие носогубные складки, заострившийся нос и скулы, туго обтянутые обветренной кожей; вот только вместо виноватой улыбки — оскал, зубы и десны в крови. Слеза набухла, повисела на мокрых ресницах и скатилась на висок. Федор моргнул. Лицо отца исчезло. Старик опустил зеркало...

— Что происходит? — спросил Федор, казалось, его голос тоже состарился.

Старик сел, тяжело опираясь о край каталки.

— Мы мертвы, — сказал он. — Мертвы с той самой минуты, когда случилось ЭТО...

Он махнул рукой в сторону заколоченного окна. Помолчал...

— Я не знаю тонкостей, я просто хирург районной больницы заштатного городишки, не генетик, понимаешь?

— Нет...

— Человеческий организм состоит из многих типов клеток. Разные ткани — разные клетки. Они постоянно обновляются и тоже с разной скоростью. Время жизни — неодинаково. Клетки умирают и повреждаются от внешних воздействий: ионизирующего излучения, питания, условий жизни, токсинов и так далее. Организм отторгает мертвые клетки либо частично поглощает их фагоцитами и использует как строительный материал для замены и заполнения пробелов, понимаешь? Мы стареем потому, что организм теряет способности к возобновлению: код ДНК в ядре клетки с каждым повреждением и восстановлением перезаписывается, но с ошибкой...

Он замолчал. Язычок пламени в лампе затрещал...

— Теперь мертвые клетки ведут себя несколько активнее, — он вновь засмеялся скрипучим смехом, и внезапно оборвал его, глядя на Федора затуманенными глазами. — Они вообще себя странно ведут, и можно только гадать, на что и как это влияет. Совершенно иная биохимия... М-да. Очевидно, фагоцитоз ускоряет процесс. Лейкоциты крови, что боролись с бактериями в твоей ерундовой ране, погибали и тут же переходили на сторону врага, понимаешь? Возможно, ты этого не чувствовал. Возможно, побочная реакция процесса — анестетический эффект. Возможно все! Понимаешь?! По радио все еще говорят, ЭТО — вирус. Вакцину вот-вот найдут... Жалкая, беспомощная ложь!

Он закашлялся. В легких сипело и свистело.

— А что тогда? — спросил Федор.

Старик перевел дух и пожал плечами.

— Не знаю, — сказал он. — Какая разница? Что-то сдвинулось в фундаменте. Изменился основополагающий закон Вселенной, может быть. А на белковых формах он «выспался» именно так. Там, — он снова махнул рукой в стену, — не ходячие мертвецы. Миллиарды колоний новой клеточной жизни. Да, ограниченной сроками распада и тления, но жизни, чья единственная программа — превращение всего вокруг в свое подобие: без злобы, ненависти, жажды убийства, голода. Без мысли и оправданий... До конца времен, пока весь мир не рассыплется в прах...

— Ну и топай к ним, теоретик... или удавись, — сказал Федор, ему стало противно до тошноты, но он верил человеку, который так безжалостно его искалечил. — Чего ты тут прячешься? Один бывший сержант говорил: «Если не можешь изменить правила — прими их»...

Старик посмотрел на Федора с интересом.

— Да, да, — кивнул он. — Именно так. Но я не могу, у меня близнецы на руках...

Федор вспомнил маленькое личико, скорбный рот, когти...

— Убей их сам, — посоветовал он, закрывая глаза. Он больше не чувствовал правую ногу, боль вспучилась на конце культи, как гигантский нарыв. — Избавишь от... всего.

— Нет, — услышал Федор. — Нельзя. У них есть шанс, и... я не могу предать память жены. Она собой пожертвовала, чтобы они жили...

Федор рассмеялся. Неожиданно для себя рассмеялся, может, боль заставила его.

— Глупо, — сказал он и посмотрел старику в глаза.

— А вот и нет! — тот слюняво заулыбался, у него не хватало половины зубов.

— Что?

Старик качал головой, словно китайский болванчик. Потом принялся раскачиваться на стуле всем телом, мечтательно прикрыв глаза.

— Нет, нет, нет, — бормотал он. Тощая, морщинистая шея в распахнутом воротнике ковбойки вызывала непреодолимое желание сдавить ее пальцами.

— Заткнись!

Старик замер и выпрямил спину. Тонкие полупрозрачные веки опустились и поднялись, улыбка сделалась шире.

— Ты просто не знаешь, — сказал он. — Они наши единственные дети. В восемь месяцев от роду у них обнаружили симптомы прогерии. Знаешь что это? Синдром преждевременного старения, редкое генетическое ненаследственное заболевание, — он пошевелил тонкими птичьими пальцами. — Во всем мире не больше сотни случаев.

Он выглядел так, словно рассказывал анекдот.

— За один год они старели лет на десять-пятнадцать. Жуткое, невыносимое зрелище. И ничего нельзя сделать. И никто не виноват. К восьми годам у них уже имелся полный букет старческих болезней: от катаракты до полиартрита; морщинистая кожа; волосы выпадали. Когда случилось ЭТО, они уже не могли са-

мостоятельно передвигаться, слишком больно. Не могли обходиться без постоянной врачебной помощи. Я не мог смотреть им в глаза...

Он замолчал, повернул голову и прислушался. Тишина поползла из углов робкими тенями. Барабан за потолком начал выбивать ритм. Боль выкручивала руки, ломала уцелевшие суставы, она подсказывала Федору, что будет дальше.

— Хочешь сказать, что... сдвиг все в них исправил? Вылечил...

Улыбка старика увяла. Федор обрадовался, его мозг купался в лужице боли и плевать хотел на сантименты.

— Да. Представь себе... — сказал старик просто и поднялся. — Они выздоравливают. Они будут жить...

Он подрегулировал капельницу.

— Как долго? — усмехнулся Федор, во рту вновь стало солоно. — Они обречены, ты знаешь.

Старик молча пошел к выходу. В дверях он остановился, взялся за дверную ручку.

— Может быть, но я хочу, чтобы они жили. Я все сделаю. Все, что угодно, как и моя жена.

— А что она сделала?

— Ты узнаешь со временем... — он открыл дверь, но не уходил. Стоял и смотрел в угол. — Что бы ты ни думал, я благодарен тебе за помощь...

Из коридора в комнату проник странный аромат. Сердце Федора забилось чаще, он нахмурился, ноздри жадно раздувались. Запах будоражил, вызывал знакомое, но подзабытое ощущение. Рот наполнился слюной. Взгляд Федора встретился с глазами старика. Он держал лампу в руке, дрожащие отсветы плавали в черных зрачках. Потом старик кивнул.

— Безопасен не только пепел, — он усмехнулся. — Термическая обработка при соблюдении определенных условий тоже помогает.

Он вышел в коридор.

— Я варю его в автоклаве, — сказал старик из полумрака. — На вкус — не так уж и плохо...

Дверь закрылась.

Темнота прильнула к Федору, накрыла лицо удушливой ладонью. Барабанный ритм рвал голову, как минометный огонь. Он задергался, каталка опасно закачалась, покатила на невидимых колесиках, но устояла. Ремни тоже выдержали. Федор бешено вращал запястьями и тянул, кисти намокли горячим, боль грызла огрубевшую кожу, но вяло — нехотя. Запах забил ноздри, слюна наполняла рот, словно открыли кран. Он выталкивал ее языком прямо на подбородок, плевался, словно юродивый. Мысль о том, чтобы проглотить ее, казалась отвратительной. Кровь ухала в голове, сердце бесновалось. Рот вновь наполнялся влагой. Копчик вдруг всеми силами возненавидел то, что заставляло тело истекать слюной по самому себе, лишь бы только жить. Жить в мире, в котором само понятие жизни утратило прежний смысл...

Закричала ворона белой,
Бессознательной злой клятвой.
Эх, убитое мое тело,
Все родимые мои пятна.

Новая жизнь разбежалась весенним ручьем,
Новая жизнь разлилась по ларькам, по вокзалам.
Новая жизнь, посидим, помолчим ни о чем,
Новая жизнь никогда не дается даром...

Под грохот барабана и хриплый голос в голове Федор открыл рот и высунул язык. Темнота помогла ему, ухватила плоть невидимыми пальцами. Он с хрустом сомкнул челюсти. Рот мгновенно заполнился горячим, бурлящим. Губы разошлись. Кровавый фонтан выбросил ошметок на кафельный пол.

ДА ПРЕБУДЕТ С НАМИ СИЛА

 таш, рослый караульщик в серой, неприметной в мохнышовых зарослях рубаше втолкнул в дверь закутанного в плащ незнакомца. Самострел стражника при этом мирно висел за спиной, стало быть, опасности чужак, по его мнению, не представлял.

— Вот, хранитель, сам на кордон вышел, — потупив глаза, словно стыдясь того, что это не он поймал пришлеца, пояснил Шташ. — Говорит, ты его видеть хотел.

Хранитель очага Вазил грозно сдвинул к переносице голые, как и у всех обитателей Белогорья, надбровные валики. Никаких гостей из Заочажья он вроде бы не ждал, никому из чужаков встречи не назначал. Кроме, разве что, одного торговца, но тот давно и упорно отказывается от приглашения.

— Эй, приятель, ну-ка, скинь капюшон, покажись, кто таков?

Незнакомец послушно обнажил голову. Изможденное, морщинистое лицо, усталые, тусклые глаза, редкие, спутанные седые волосы.

Вот оно, значит, как! Да, сильно сдал Микал-Легконог. А ведь всего лет на пять старше Вазила. Но долгие скитания в Пустошах даром не проходят. Пожалуй, только по волосам и можно его признать. Ни у одного человека, ни в одном из близлежащих очагов нет таких волос, как у Микала. Вообще никаких нет. Да и у самого торговца они раньше были другие — черные, длинные, необъяснимо притягивающие взгляды незамужних девушек. Не только взгляды, да и не только незамужних, если уж на то пошло. Но об этом сейчас лучше не ду-

мать. Слишком многое зависит от этого разговора, чтобы ворошить старые обиды. Нужно улыбаться, словно и в самом деле встретил старинного друга.

— Здравствуй, Микал-торговец! Долго же тебя в гости зазывать приходится!

— И ты будь здоров, Вазил-Неслух! — припомнил старик юношеское прозвище хранителя. — Пригласил бы по-человечески, я уже давно бы пришел. Но как же, дождешься от тебя! Неслух и есть, вечно у тебя все наперекосяк.

А вот это уже караульщику слушать не обязательно. Если что, Вазил с чужаком сам разберется. И раньше справлялся, а уж теперь, с этакой-то развалиной...

— Сташ, будь добр, прогуляйся по деревне, — хранитель как ни в чем не бывало улыбнулся парню. — Здесь ты мне больше не нужен. А там... Сам знаешь, что на кордоне творится. Зверье совсем взбесилось, так и норовит за ограду проскочить. А в крепі только старики и детишки остались, взрослые все в поле, мшеницу убирают. Случись что — защитить малышей будет некому. На тебя вся надежда.

Детина, гордый новым поручением, скрылся за дверь, а Вазил укоризненно взглянул на гостя. Вообще-то старик был не так уж и не прав. С ним все действительно вышло наперекосяк. В конце концов, пришлось распустить по Заочажью слух, что хранитель Белогорского очага хочет поговорить с Микалом-Легконогом. И он пришел. Сам. До этого Вазил неоднократно посылал в соседние очаги доверенных людей с приказом любой ценой изловить торговца и доставить в Белогорье. Но того каждый раз не оказывалось там, где его недавно видели, а гоняться за бродягой по Пустошам — занятие бессмысленное. И смертельно опасное. Надолго уходить из дома не способен нынче даже самый выносливый мужчина.

Раньше — да, могли. Вазил еще застал время, когда Сила широко разливалась по всему Заочажью. А теперь за полдня пути от дома ее уже не почти не ощущаешь. А без нее люди быстро слабеют, иначе бы ее и не называли Силой. И посыльные возвращались назад едва живыми, а потом ни под какими угрозами не соглашались снова отправиться в дальний поход. Что ж, их можно понять. Даже крысы и жабаны стараются держаться поближе к источникам Силы, не говоря уже о мелкой живности — ящелицах, выскользнях, кольцунах. Гаснет Сила, и зверье это чувствует не хуже людей. Так что Вазил не сильно и приврал, выпроваживая из хижины караульщика. Хотя сам больше опасался двуногих хищников.

— А ты, Микал, все такой же балабол, — вернул хранитель должок гостю. — Готов болтать обо всем, кроме того, о чем тебя спрашивают.

— Ремесло у меня такое, — довольно усмехнулся старик. — Не задуришь голову покупателю — сам в убытке окажешься.

— И что, получается? — поинтересовался Вазил.

Хоть и не терпелось ему перейти к главному, болтливый старик опять подсказал умную мысль. Вот пусть сам и разговорится, расслабитесь, проще будет выбить из него нужные сведения.

— Как идет торговля, Микал?

— Ой, да какая теперь торговля?! — гость скривился, будто лизнул сырого щипеля. — А то ты сам не знаешь? Люди боятся будущего и не хотят ничего покупать. Разве что железо для оружия. Обмененных продуктов едва хватает на то, чтобы добраться до следующего очага. Дурные времена настали, Вазил.

Хранитель, конечно же, знал, но для поддержания разговора спросил:

— Это почему же?

— Так ведь уходит Сила-то! — вздохнул Микал. — А там, где нет Силы, не могут жить и люди. Некоторые мелкие очаги уже опустели. В других подумывают, куда бы перебраться. А если соседи не захотят их пустить, многие готовы прорываться с боем. Только после нескольких дней в Пустошах какие из них будут бойцы?

Старик сокрушенно покачал седой головой. А Вазил отвернулся, чтобы гость не видел, что и он расстроен не меньше. Везде одно и то же, и гораздо хуже, чем предполагалось. Даже если Сила еще не скоро оставит Белогорье, все равно придется отбиваться от соседей. Всех желающих очаг прокормить не сможет, а если начнешь отбирать, только озлобишь и без того отчаявшихся людей. Тогда уж точно не миновать жестокой драки. Кто в ней победит, и каково придется потом победителям? Да, вовремя он позвал Микала. Дальше откладывать нельзя...

— А у тебя как дела, Вазил? — запоздало вспомнил о приличиях гость и заставил хозяина вздрогнуть от неожиданного вопроса: — Здорова ли жена, сын?

— Жена? — переспросил хранитель внезапно охрипшим голосом. — Вальга умерла два года назад. Неужели не слышал?

— Откуда? — удивился старик. — В очагах сейчас не интересуются чужими новостями. То есть я хотел сказать, что горюю вместе с тобой.

Вазил внимательно всматривался в морщинистое лицо торговца. Но так и не заметил ничего подозрительного: невольного движения губ, дрожания надглазной перепонки. Обычное вежливо-огорченное выражение, не более того. Похоже, все-таки зря тогда болтали по всему очагу, будто бы Вальга путалась с чужаком. Вазил тогда не поверил слухам, порочащим молодую жену,

стоит ли сомневаться сейчас? Да и мальчишку, от кого бы тот ни родился, хранитель всегда считал своим сыном и наследником. И если он хоть что-нибудь понимает в людях, Кирин оправдает его надежды.

— А сын вырос настоящим мужчиной, — продолжил Вазил. — Он даже ходил пару раз на охоту в Пустоши.

Тут хранитель не удержался и все-таки уколол соперника:

— И знаешь, Кирин чувствует себя там, как дома, хотя на его голове не растет ни единого волоса.

Микал то ли не понял намека, то ли очень умело сделал вид, будто не понимает.

— Что ж тут такого особенного? Многие бродяги были безволосыми.

Хранитель резко поднялся с табурета. Сейчас самый удобный момент, чтобы перейти к делу. И так уже, вместо того чтобы заболтать старика, сам принялся вспоминать прошлое. Вернее, воспоминания ему еще понадобятся, но совсем другие.

— Да, — согласился он самым невинным тоном, на который был способен. — Например, Стип-Выдумщик.

— Не только Стип, а еще и...

Старик начал было перечислять героев своей юности, но вдруг сообразил, к чему клонит хозяин, и сразу напрыгся:

— А при чем здесь Выдумщик?

— А при том, — жестко ответил Вазил, — что ты единственный остался в живых из всех, кто ходил вместе с ним к Заброшенному Храму. И только ты можешь показать мне дорогу туда.

Торговец на секунду опустил голову, а когда снова поднял ее, в нем уже трудно было узнать утомленного скитаниями старика.

— А если я не хочу показывать ее тебе? — звонким, но все-таки чуть дребезжащим голосом произнес он, особо выделяя последнее слово.

Но и Вазил впервые с начала разговора сбросил маску и превратился в настоящего хранителя Белогорского очага — властного, решительного, сознающего собственное превосходство. Такого, каким бедняга Легконог его прежде никогда не видел.

— А у тебя нет другого выхода, Микал. Я заставляю тебя рассказать все, что ты знаешь.

Старик засопел, сжал кулаки и, казалось, готов был броситься в драку. Однако даже в таком состоянии не мог не понимать, что не справится с противником.

— И ты не боишься нарушить обычай? — задыхаясь от ярости, спросил он. — Посмеешь поднять руку на тор...

Издвательский хохот помешал ему договорить.

Нет, все-таки эти бродяги до старости остаются наивными мальчишками. Наверное, оттого никто и не поверил в свое время рассказам Стипа. Никто, кроме Вазила-Неслуха.

— Чудак! — хранитель с трудом сдерживал смех. — Кого сейчас волнуют старые обычаи? Ты же сам только что говорил, что люди теперь беспокоятся только за себя. Никто и не заметит твоего исчезновения. Но ведь до этого не дойдет, не правда ли? Настоящий торговец не упустит возможности заключить выгодную сделку. Так что называй свою цену и отдавай товар, пока я не раздумал за него платить.

Он уже знал, что победил, и видел, что Микал тоже это понимает. Оставалось лишь дождаться, когда мысль о поражении дозреет в голове упрямого старика и склонит ее к земле. Но тот сопротивлялся из последних сил.

— А если цена окажется слишком высокой?

— Не окажется, — уверенно возразил Вазил. — Ты ведь наверняка хочешь уйти отсюда живым и здоровым, и поэтому не станешь просить лишнего.

Торговец обреченно вздохнул.

— Нет, не хочу. Куда мне идти, Вазил? И зачем? Даже старому бродяге, вроде меня, теперь трудно прожить в Пустошах. Уж лучше я останусь в твоём очаге. Поклянись, что не прогонишь меня и позволишь умереть своей смертью — от старости, а не от изнурительной работы или голода — и я, так уж и быть, открою тебе тайну. Но поклянись такой клятвой, которую даже ты не решишься нарушить. Клянись Силой, пока ещё не покинувшей твой очаг.

В другое время хранитель, может быть, и пораздовался бы унижению давнего соперника. Но сейчас даже это не было важно. Только бы узнать дорогу к Храму, а уж потом... Потом случится ещё много важного. Или не случится, и тогда Вазилу станет безразлично, кто это там умирает на соседней койке. Потому что ему самому не для чего будет жить.

— Хорошо, Микал, — слова с трудом отлипали от языка хранителя. — Я клянусь. Силой. Пусть она оставит меня в то же мгновение, как только я нарушу своё обещание.

Он помолчал немного, надеясь, что Сила откликнется, как это нередко случалось раньше в подобных случаях, подтвердит, что слышала и приняла договор. Но она молчала. Похоже, и у неё теперь не было сил на такие глупости. Или она просто понимала, как понимал и Вазил, что долго блюсти клятву не понадобится.

— Все, торговец, сделка состоялась. А теперь — говори!

— Но зачем тебе нужен Храм? Когда-то вы все лишь потешались над нашими рассказами, а теперь вдруг одумались. Почему?

Микал цеплялся за любые отговорки, и хранитель вдруг отчетливо понял, что эта тайна — единственное, что осталось важного в жизни бродяги, что придавало

ей какую-то ценность, смысл, просто поддерживала эту жизнь. Жестоко отбирать у старика последнее. Но ведь Вазил не для себя старается! Не может он из-за жалости к одному погубить всех.

— Не твоего ума дело, — отрезал хранитель. — Рассказывай!

— Да ты ведь все равно не дойдешь!

— С таким проводником, как ты — дойду. Или пошлю кого-нибудь вместо себя. Хотя бы сына.

— Но ты хотя бы объясни, что собираешься делать в Храме.

Что ж, пожалуй, об этом ему можно рассказать. Крохотное утешение за утрату великой тайны. Ладно, пусть слушает:

— Я хочу вернуть людям надежду, — торжественно заявил хранитель. — Хочу, чтобы Сила оставалась в мире всегда. И я знаю, как этого добиться.

Теперь уже рассмеялся торговец. Но совсем не так, как ранее сам Вазил. В голосе старика не было ни мощи, ни уверенности. Надежды в нем не было. Только усталость и горечь.

— Как добиться? Помолиться Создателю, чтобы он вернул Силу? Ты думаешь, Стип не пробовал? Он, может, потому и помер так рано, что убедился: Создатель, даже если он и существовал когда-то, если это он даровал нам Силу и помог прогнать тех, кто жил здесь до нас, давно уже ушел из этого мира. А теперь и Сила отправляется за ним следом. И ты думаешь, что твоя молитва ее остановит? Мы ведь даже не знаем, какими словами следует обращаться к Создателю!

— Это ты не знаешь, а я знаю! — хранитель не смог удержаться от хвастовства. Должен же хоть кто-нибудь оценить проделанный им труд. — Пока ты бесцельно бродил по Пустошам, я готовился к разговору с Создателем. Иногда даже пренебрегая повседневными заботами очага. Напрасно ты думаешь, что я не поверил

Стипу. Поверил и запомнил его рассказ слово в слово. И про загадочные надписи на стенах Храма — тоже запомнил. Даже попросил Выдумщика начертить на песке несколько таких знаков. А потом долгие годы выискивал или выменивал у торговцев старые черепки и таблички с этими значками. Немного их сохранилось среди руин, и почти все они перебрались в мои руки. И теперь я могу прочесть их. Могу даже говорить на их языке.

— Но это же язык Бывших! — удивленно прошептал старик. — Разве можно на нем обращаться к Создателю?

— А ты думаешь, Бывшие не поклонялись Создателю? — насмешливо поинтересовался Вазил. — Кто же тогда, по-твоему, построил Храм? Он сам? Нет, те, кто жили здесь до нас, чтили Создателя ничуть не меньше нашего. И он их до поры до времени защищал. Ты ведь видел руины и можешь представить, какими они были до того, как стали руинами. Скажи, разве построишь такое за одну человеческую жизнь? Или даже за десять жизней. Но потом Бывшие все-таки чем-то провинились перед Создателем. И он своим дыханием сдул их из этого мира. А на освободившееся место пришли мы. Разве не так?

Старик потрясенно молчал. Похоже, такие соображения никогда прежде не приходили ему в голову. Ну и пусть себе думает, может, хоть теперь до чего-нибудь додумается. Ведь эти глупые мальчишки — даже Стип, у которого, в отличие от спутников, хватило дерзости на то, чтобы облазить весь Храм — так и не поняли тогда, что именно они нашли. Догадывались, что это очень важно, но объяснить — даже самим себе — не могли. И повзрослев, все одно не поумнели. А Вазил сразу понял. И не успокоился, пока не вытянул из Выдумщика

все, что тот видел, запомнил, подумал или просто почувствовал, находясь в Храме. А потом точно так же выпытывал у стариков древние легенды, тщательно отделял правду от вымысла, пока, наконец, все эти обрывки не сложились в единое целое.

Да, хранитель знает теперь, для чего Бывшим понадобился этот Храм. Знает даже, что за странный металлический предмет, похожий на огромное яйцо, хранится в дальней комнате Храма. Если с правильной стороны подойти к загадке, она окажется очень простой, почти детской. Из любого яйца должен кто-то родиться — либо маленький кольцун, либо ящелица, либо жабаненок. А если на яйце нарисован священный знак Силы — круг, поделенный на шесть равных частей, три желтых и три черных — то кто, спрашивается, из него может появиться?

Положим, самому Вазилу действительно до Храма уже не дойти. Зато его сын сможет. Хранитель научил Кирина всему, что знал, и мальчик справится с этим трудным, небывалым делом. Он отыщет на стенах Храма те заклинания, которые помогут разбить яйцо и разбудить спящую в нем Силу.

И тогда в воздухе вспыхнет огненный шар, такой же яркий, как солнце. Потом на его месте вырастет огромный дымный гриб, из которого, как споры из настоящего гриба, на землю упадут крохотные, не видимые глазу частички Силы. Эта Сила останется с людьми навсегда, во всяком случае, на много человеческих жизней вперед. И когда Вазил издали увидит сияние шара и медленное опадание гриба, он сможет, наконец, вздохнуть спокойно. Значит, он жил не зря. Он спас этот мир и вернул людям надежду.

Дорого придется заплатить за спасение, но Создатель — не какой-нибудь бродяга, с ним не поторгуешься. Огненный шар выжжет все на тысячи шагов вокруг. И Кирин, конечно же, не сможет отбежать так дале-

ко, чтобы уцелеть. А Вазил не имеет права даже предупредить мальчика. Вдруг тот в последнее мгновение засомневается, смалодушничает. Нет, он должен довести дело до конца, как ни больно хранителю думать об этом. Не утешает даже то, что вместе с сыном погибнет и ненавистный торговец, а также все те сомнения, которые он разбудил своим появлением.

Но пусть хоть одна лягудра посмеет потом сказать, что настоящего, родного сына Вазил на верную смерть не послал бы...

ЦВЕТЫ ЗЛА, ТЕРНИИ ДОБРА

1. Тыл

Ночами Талка сбегала к ручью и руками рвала джи-крапиву, чтобы сплести рубашки для братьев. Козлоногий смотрел на нее с той стороны ручья, спрятавшись за корявым древесным стволом. Растик смотрел на козлоногого и думал, что придет его время — он выточит острые стрелы и пойдет на охоту, и перестреляет всех козлоногих в округе. А мамка не будет сердиться за отлучку. И батя вернется с войны. И все у них будет тип-топ, как говорил Рыжий Коста.

Джи-крапива — сильная трава, поднимающая мертвых. Братья Талки все умерли и лежали в земле. Мать Талки рожала одного за другим мертвых мальчиков. Талку считали сумасшедшей, потому что она хотела оживить умерших во чреве младенцев — а Растик думал, что не так уж это и глупо. Ведь сплести рубашку на младенца легче, чем на взрослого мужика.

В ручье плеснуло. Разбилась бликами лунная дорожка. Дерево, за которым прятался козлоногий, недовольно зафырчало, засопело и двинулось к воде — пить, полоскать корни. Козлоногий испуганно метнулся в лесную тень. Ему не хотелось, чтобы его застучали. В конце концов, перестрелять всех козлоногих в округе мечтал не только Растик.

Талка с полными руками крапивы покачивающейся утиной походкой двинулась по тропе. Девочка почти созрела, как говорил Рыжий Коста. Вон как сиськи

под рубахой оттопырились, даже в темноте видать. Недаром козлоногий за ней следил. Хотел девчонку в лес затащить. У лесовиков баб нет, одни дупла. А много ли радости с дуплом? Так, по крайней мере, считал Коста — сам Растик еще не пробовал никак, ни с дуплами, ни с бабами. И тем более не с этой придурочной.

Нет, если подумать — глупа была Талка, глупа. Ну, оживила бы она братьев, и что? Все равно им не вырасти. Век с ними возись, век рубахи плети — одна сносилась, подавай другую. Правильно Талкина мамка ее хворостиной охаживала. А сама гуляла с Рыжим Костой. Приживала от него мертвых младеней. Живых от Косты не больно-то родишь. Он на войне побывал. Еще давно, еще до того, как стали всем бойцам плести рубахи. Одна нога у него была мертвая и скрюченная — дендродид зацепил ядовитой лианой-хлыстом. На щеке корежился зеленый лишайник, если присмотреться, можно увидеть отдельные веточки-мшинки. Но главное — страх. Рыжий Коста теперь за ограду села не выходил. Боялся леса. Хотя лес у них был мирный. Точней — замиренный. А что козлоногие и деревья ходили, так это пустышки. Можно было даже по бруснику пойти, и никто бы тебя не отравил, не сожрал, лишайником не заразил, в симбионта не превратил. Так, разве что веткой приластал бы пониже спины. Играючи. Мать больнее хворостиной секла. Главное — не быть дураком, костров не разводить, не жечь лесного — и вернешься живым. Вот такой он, замиренный лес. А на войне совсем другой колленкор, как говорил Рыжий Коста.

2. Фронт

Опорный пункт («замок») Дунсинейн, предполагаемый противник — лес Бирнамский, скорость сближения — ноль целых три десятых дендрологи в час. Гарнизон пятнадцать человек. Вооружение включает

две батареи лава-пушек, тяжелые флеймеры, зажигательные гранаты, «стратегический запас» (контейнеры с пыльцеспорами), личное оружие солдат гарнизона. Запас нефти ограничен. Запас питьевой воды ограничен. Запас продовольствия на две недели. Предположительный срок подхода подкрепления — один месяц.

Старший лейтенант Януш Жаботинский вошел в караулку пригнувшись, и все же стукнулся выбритой макушкой о низкую притолоку. Недовольно зашипев, потер ушиб. Сержант Горуш и два рядовых, Милко и Казанцев, вскочили, вскинув руки к фуражкам. Судя по жалким физиономиям Милко и Казанцева и рассыпанным по столу картам и мелким купюрам, унтер-офицерский состав проводил время не без пользы. Про Горуша давно было известно, что он шулер и обыгрывает рядовых в карты. Жаботинский, после смерти майора Фирса повышенный до коменданта замка, Горуша бы давно погнал в шею — но людей жестоко не хватало. Даже таких скверных, как Горуш.

— И как мы дошли до жизни такой? — вслух произнес лейтенант.

— То есть так точно! — гаркнул в ответ сержант, тараща пустые латунные зенки.

Кроме нечистой игры, Горуш славился такими вот нелепыми выкриками. Майор Фирс, мир его праху, считал это признаком усердия к службе. Жаботинский считал это признаком хитрости и глупости. «Глупцы вообще часто бывают хитры, а хитрецы — глупы», — не к месту подумал он и тут же обругал себя. Не время сейчас впадать в философское умонастроение. Надо дело делать.

— Почему без рубах? — сердито спросил он.

Рядовые потупились, а взгляд Горуша вильнул куда-то вбок и под скамью, где валялись две форменные рубахи из джи-волокна.

— Та-ак, — тихо и зло протянул Жаботинский. — Вы, Горуш, окончательно совесть потеряли? Последнюю рубашу с рядовых снимаете?

Горуш молчал. Видимо, подходящего выкрика в его наборе не нашлось.

— Немедленно, слышите, немедленно верните Милко и Казанцеву то, что они проиграли, и марш на стену! И больше чтобы я этого не видел, если не хотите поработать живой бомбой.

Живой бомбой Горуш работать явно не хотел. Толкнул к рядовым денежную горку — так, что бумажки разлетелись, а мелочь со звоном раскатилась по полу — одернул собственную рубашу и ринулся к двери. Но даже на полном ходу не задел притолоку головой, хотя ростом был почти с Жаботинского. Верткий, гад. Скользкий, как масло. Такого дендроид проглотит, а он с другого конца выскочит, отряхнется и дальше пойдет. Только где настоящих людей взять? Нету их, настоящих. Вон майор Фирс был служака честный, а рубашу не хотел надевать. Его лишайник сожрал. Три недели в лазарете провалялся, позеленел весь, и ни в какую — не хочу живым покойником стать. И не стал. Живым. Стал мертвым. А Жаботинскому разгрести после него. Распустил гарнизон, скоро они за стенами без рубах шляться начнут.

Лейтенант покачал головой и взглянул на Милко с Казанцевым. Те смотрели виновато.

— Голову на плечах иметь надо! Голову, а не тыкву пустую! — в сердцах бросил командир.

Милко неуверенно улыбнулся. Казанцев переступил с ноги на ногу. Горе-солдаты, аники-воины. С такими навоюешься. Лейтенант плюнул, развернулся и пошел вон из караулки. До вечернего построения еще надо было встретиться и переговорить с интендантом.

3. Тыл

Если говорить о братьях, то у Растика тоже был брат, старший и вполне живой. Брат прятался в подполе. Прячась в подполе, он писал серьезный научный трактат «Как растения обрели разум». Брат пришел в село через три недели после того, как батю призвали на фронт, и сразу полез в подвал. Тогда Растик впервые услышал подлое словечко — «дезертир». Брат был дезертиром. Так кричала мать.

— Сын Януша Жаботинского — дезертир! Позор на всю семью! — кричала она и почему зря била посуду.

Мать отказывалась носить брату еду в подвал. Приходилось Растику. Брат, Семен, не был не похож ни на непонятого дезертира, ни на того, кто позорил семью. Семью всегда Растик позорил — то с мальчишками из Одинцов подерется, то залезет в сад к Егоровне за замиренными яблоками, то подглядывает за девочками, когда те голышом плещутся в ручье. Семен был не такой. Тощий, очкастый и серьезный, он с самого детства любил учиться. Мать им всегда гордилась и Растику в пример ставила, особенно когда Семен без всяких блата и «на лапу» поступил в университет. Гордилась тем, за что сейчас презирала! Ох уж эти бабы, как говорил Коста, не ум у них, а сплошной раскисший лишайник. Интересно, что бы сказал батя. Тоже презирал бы Семена? Или понял бы и простил? Иногда Растику казалось, что простил бы, но потом Растик вспоминал, что батя на войне, и сам начинал злиться на Семена. Лучше бы батя остался дома, а Семена со всеми остальными студентами угнали бы на фронт. И послужил бы, ничего бы с ним не сделалось. Тоже фифа нашлась!

Но умом Растик, конечно, понимал, что на фронте Семен и дня бы не протянул. Непременно попался бы на сук какой-нибудь гельвеции чешуелистой, или вообще мхом зарос. Глаза Семена за стеклами очков всегда смо-

трели как будто внутрь, не замечая того, что творилось вокруг. Брат рассеянно жевал картофляники из замиренной картошки — мать, хотя и злилась, не забывала положить на картофельные оладьи жирной сметанки — и продолжал строчить на своих листках при свете керосинки. Листками был усыпан в подвале весь пол, как в лесу осенью. И еще там валялись книги. Когда Семен пришел, у него рюкзак был под завязку набит книгами, на всех — лиловые библиотечные штампы. Книги были очень старые. Сейчас-то бумажных не делают, замиренные дендрониды эту статью договора не подписали. А в старину делали. Полный рюкзак старинных книг, наверное, очень дорогих!

— Ты их украл? — спросил Растик, осторожно трогая пальцем плотную шершавую обложку.

Семен дернул головой, словно его слепень укусил, и сердито, совсем как батя, ответил:

— Не украл. Одолжил. Или даже спас. Бирнамский лес идет на Дунсинейн, и замок не выдержит. А, значит, и город плакал. Дендрониды приходят в бешенство, когда видят «прах предков, над которым надругались гуманоиды». Это они о книгах так. Они там все уничтожат. Получается, я — спас.

Вторую часть его речи Растик почти пропустил, потому что слова «замок не выдержит» грянули в голове, словно удар колокола. От щек отхлынула кровь.

— Как «не выдержит»? Ты что, вообще?!

В замке был батя. Оттуда мамке приходили письма на свернутых листках тубуса — таких же, на каких писал сейчас Семен. Батя был комендантом замка. Если Дунсинейн не выдержит, значит, дендрониды уничтожат и батю. А этого случиться никак не могло.

— Ты! Ты! Дезертир проклятый! Трус! Что ты тут панику разводишь!

Брат поднял голову и глянул так недоуменно, так отстраненно, что Растик сжал кулаки и кинулся на него. Листки полетели во все стороны. Из перевернутой чер-

нильницы выплеснулись чернила. На вопли прибежала мамка и, вытащив Растика из подвала за ухо, здорово отделала хворостиной. Обидно было донельзя — получается, она защищала Семена, хотя он трус, дезертир и сказал, что батю убьют.

4. Фронт

— Все-все-все зависит от направления ветра, — сказал интендант и почесал щеку со стрелчатым шрамом — следом вырезанного лишайника.

Странная форма заикания у него осталась от злоупотребления соком дикого мака. Когда-то интендант был полковым фельдшером и имел свободный доступ к медикаментам. Сок дикого мака добавляли к соку заморенного в случае самых сложных операций, чтобы сон пациента был глубже. А чистый сок дикого мака вызывал не менее дикие галлюцинации. Теперь у бывшего фельдшера тряслись руки и дергался глаз, и он по нескольку раз повторял слова.

— Все-все-все...

— Я понял, — нетерпеливо перебил Жаботинский.

Они стояли в подвале, где в ящиках, плотно набитых войлоком, лежали стеклянные контейнеры с пыльцеспорами. Стекло — единственная тара, которая могла удержать пыльцеспоры внутри.

— Ничего-ничего вы не поняли, — нахмурился интендант. — Вы штатский. Штафирка. Запасник. Вы никогда не видели-видели-видели, как ветер меняет направление, и пыльце-пыльце-пыльце...

— Споры!

—... и пыльцеспоры несет на нас, — как ни в чем не бывало, продолжил бывший фельдшер, сворачивая самокрутку трясущимися пальцами.

Высунул длинный лиловый язык, облизнул кленовый листок, в который заворачивал сушеные полоски мшеча. Жаботинский смотрел на интенданта с отвра-

щением. Ну и контингент ему достался! Шулер. Торчок. И двенадцать овец, готовых с блянием разбежаться во все стороны, как только на горизонте затемнеют верхушки Бирнамского леса.

— А вы, что ли, видели? — насмешливо поинтересовался комендант. — Если бы видели, вряд ли бы мы сейчас тут с вами разговаривали.

— Я видел кинохронику, — парировал интендант. — Нам на курсах показывали. Чтобы таких вот, как вы, рьяных штафинок-штафинок-штафинок не допускали до стратегического запаса-запаса.

Жаботинский прищурился. «Пыльцеспоры» еще называли «оружием возмездия» или «последнего удара». Сам он, сельский учитель, никогда не видел их в действии. И не хотел бы увидеть, но факт тот, что нафты для флеймеров и лава-пушек им хватит максимум на два дня, а на гранатах и иглометах долго не продержишься.

— О чем вы думаете-думаете? — спросил интендант, устремив на командира подозрительный взгляд сквозь облачко синеватого дыма.

— О живой бомбе — живой бомбе, — передразнил Жаботинский.

Хотя, конечно, ничего смешного в этом не было.

— Нам нужны подкрепления, — тихо сказал интендант. — Пошлите-пошлите-пошлите за подкреплениями.

— Нам нужна вода для людей и нефть для орудий. И вода для орудий нам тоже нужна. И орудийные расчеты. Опытные артиллеристы. Вы думаете, в окрестных селах мы сможем набрать опытных артиллеристов?

Интендант пожал плечами и выдул из ноздрей две синих струи. Жаботинский, поперхнувшись от приторно-сладкой вони, закашлялся и замахал рукой перед лицом, отгоняя дым.

5. Тыл

Талка, сидя на крыльце избы и подслеповато щурясь, плела рубаху из высушенной джи-крапивы. При этом она тихонько напевала что-то простое, монотонное, сонное, как плеск ночного ручья. Рыжий Коста стоял во дворе перед мангалом и выпрямлял над углями древки стрел.

— Говорю, надо кончать этого козложопого, — сердито ворчал он.

Растик пристроился на корточках в замиренном малиннике так, чтобы слушать Косту и бросать в рот переспелые, раскисшие и полные сладости ягоды.

— В моей молодости как? — бубнил Коста, почесывая длинным желтым ногтем лишайник на щеке. — Брали сети и шли в лес облавой. Пускали загонщиков с другой стороны, чтоб двигались навстречь. Все четко, быстро, по-военному. Загонщики стучат палками по стволам, бьют кусты. Козложопы и прочая нечисть от них бегом и прямо к нам в сети. А мы уж их в деревню волочим и там судим судом скорым, но правым. А неча девок воровать!

Растик, облизывая сладкие и липкие от малины пальцы, одновременно и верил, и не верил Рыжему Косте. Нет, с козлоногими, конечно, так и надо. Он сам пойдет с Костой на охоту и подстрелит того козлоногого, что по ночам пялится на Талку. Талка, получается, Косте как дочь — все-то детишки Косты с Талкиной матерью мертвые родились, не о ком ему заботится, кроме Талки. Вот он и хочет ее защитить, это всякому понятно. Сомнения брали при мысли о загонщиках. По деревьям? Палками? И лес вот просто так возьмет да и позволит палками его лупцевать? Точно как мамка заголяет задницу Растика и хворостиной, хворостиной! Растик даже ухмыльнулся. Картина смешная получа-

лась. Это какая же мать должна быть, чтобы так отходить лес — пусть и замиренный?

Растик вздохнул и сорвал еще одну темно-бордовую, почти черную ягодку. Напоролся на колючку, охнул, сунул палец с выступившей капелькой крови в рот. Мамка злая, потому что батя долго не возвращается. При бате была добрее. А батя его вообще не бил — так, шутки ради иногда за ремень возьмется, но никогда не ударит.

— А вот еще, — говорил Коста, прямя стрелы, — есть доброе дерево — анчар. То есть дерево злое, самое злое на свете. Но если сок собрать и стрелы тем соком смазать, кого хочешь убьет такая стрела, симбионт он там, не симбионт. Иногда не только симбионта, но и целый лес, слышь, одной стрелой поразить можно. Деревья, они ж корнями связаны, сплетены, они там под землей шушукаются, соками обмениваются...

От околицы закричали. Растик подпрыгнул и зашипел — замиренная малина вцепилась шипами в рубашку, пропорола, да еще и обрызгала соком. Мамка ругаться будет... Но в следующий миг он уже забыл и о ругани, и о царапинах.

Над селом кружила жар-птица, сразу видать — из отлученных симбионтов, в сбруе и в оперении цветов замка Дунсинейн. В седле сидел всадник. Даже снизу было видно, что всадник длинный и нескладный, и что птице нести его тяжело. Заложив еще один корявый вираж, птица пошла вниз над деревенской площадью с колодцем. Растик ветром пронесся к калитке и побежал к площади, только пяточки засверкали. Срочный вестник из замка! От бати! Сзади закрихтели и заругались — колченогий Рыжий Коста, бросив свои дровки, тоже поспешал изо всех сил. Его костыль громко ударял в сухую землю, выбивая пыльные облачка. На крыльце осталась одна Талка. Она все так же старательно плела рубаху, гундося себе под нос песенку без слов.

6. Фронт

Комендант Януш Жаботинский стоял у стрельчатой бойницы донжона и смотрел, как работала интендантская команда. Коменданту было отчасти стыдно, что с бочками за стену он послал этого больного старика — но Горушу доверия не было, чуть что, и дернет через мост, ищи его потом, свищи. А сам он, согласно уставу, ни на минуту не должен был покидать охраняемый объект.

Река Мертвая Вода тяжело катила под мостом мертвые воды. Мост, древний, построенный еще до появления дендроидов — сталь и бетон — медленно разрушался от старости. Из трещин тянулись стебельки замирной, и все же опасной травы. Эта переправа, единственная на сотни дендролит вверх и вниз по течению, и была тем, ради чего воздвигли опорный пункт, а в просторечии, замок Дунсинейн. Проще всего было мост взорвать. Но дендройды все равно раньше или позже форсировали бы реку — перекинули бы споры, жертвуя братьями, соорудили бы плоты, крепко обматанные лишайником, стянутые тугими лианами. Лесу надо было дать бой здесь и сейчас. А для этого нужна была вода для систем охлаждения орудий. В замковом колодце воды оставалось на пол-локтя, едва-едва хватит на пару недель. Да и то если выделять каждому в гарнизоне только по две кружки на день, с утренним и вечерним рационом.

Пить воду из Мертвой Воды было нельзя, даже засыпав в нее хлорные таблетки. Дендройды постоянно сбрасывали туда споры, и химзаводы города, борясь со спорами, — синтетическую отраву. Но для охлаждения жидкость с грехом пополам годилась, главное, руки в ней не мочить. Солдаты в непрременных рубашках из джи-волокна резво наполняли ведра и сливали

в бочку, стараясь не обрызгать себя и товарищей. Интендант, прислонившись к бочке, смолил очередную самокрутку. Было видно, как ветер относит дымок. Нижние ворота стояли распахнутыми, у них дежурили Милко с Копыловым. Казанцева Жаботинский отослал за подкреплением. Но все это было бесполезно. Все: и бочка с водой, и заполненный едва ли на четверть резервуар с нефтью под замком, и обсидиановый склон замковой горы, блестящий на солнце, как черное стекло. Лес всегда найдет способ пробраться внутрь.

Отправляя Казанцева в тыл, Жаботинский думал о жене и сыне. Ему очень хотелось передать им с Казанцевым предупреждение. Сказать, чтобы отходили вглубь замиренной территории, потому что замок падет через несколько дней — а с ним падет и город на той стороне реки, и все остальное... Но это было подло: предупредить только своих. А если не только своих, значит, нагнетать панику. Это противоречило уставу, здравому смыслу и всей жизни, прожитой Янушем Жаботинским в твердой уверенности, что под защитой замка ничего плохого не случится. Что мир продлится вечно, или хотя бы до тех пор, пока правнуки его правнуков не найдут способ раз и навсегда разобраться с дендроидами. А пока он, Януш Жаботинский, должен исполнять свой долг: читать детям в школе историю, подчиняться приказам майора Фирса, а теперь, после его смерти, самому отдавать приказы и до последнего защищать тех, кто остался в тылу.

От реки донеслись вскрики и смех: один солдат в шутку сделал вид, что окатывает товарища водой. Тот отскочил, поскользнулся и плюхнулся на задницу. Интендант говорил что-то, широко разевая черную дыру рта — видно, отчитывал провинившихся. Ветерок, пронесшийся над рекой, щекотнул щеку — и показалось,

что в ветре брезжит кислый запах лесной клейковины. Неужели так близко? Жаботинский отвернулся от окна и в который раз задумался о живой бомбе.

7. Тыл

Вестовой, несмотря на то что спустился с неба, был весь покрыт пылью. Пыль взметнули с сухой земли крылья жар-птицы. Сама жар-птица, ныряя к баде головой с сине-красным хохолком, жадно глотала воду, словно обыкновенная курица.

— Артиллеристы, — хрипло говорил вестовой по фамилии Казанцев.

В руке он сжимал свиток тубуса с приказом.

— Кто-нибудь с артиллерийским опытом... с каким-нибудь военным опытом?

Голос вестового звучал жалко, просяще и был так же сух, как пропеченная солнцем земля. Сердобольная мамка Талки протянула ему кувшинчик с молоком. Вестовой пил жадно, дергая кадыком. Вокруг него собрались все жители села, и только тут Растик понял, что мужчин среди них совсем нет. Только старики и убогие, вроде Рыжего Косты. А так — бабы, старухи, девки и малышня вроде него.

Допив, вестовой обтер рот широкой ладонью и снова спросил:

— Кто-нибудь... е?

Он говорил «е» вместо «есть», как горожанин. И все-таки он был свой, из замка. Растика так и жгло изнутри — хотелось спросить, как там батя. Но нельзя. Он понимал, что нельзя, вон мамка стоит, спрятав руки под передник, и тоже не спрашивает.

Растик почти не удивился, когда Рыжий Коста, скособочившись, шагнул вперед и выдохнул угрюмо:

— Ну я воевал. Еще до замирения дело было. Батя твой тогда пешком под стол ходил. Но кое-что могу.

Вестовой уставился на лишайник на щеке Косты. Их в армии учат отличать злокачественный лишайник от остаточного, да что там, даже в школе на уроках гражданской обороны этому учат. Ясно же было, что зелень на щеке Косты остаточная. Вестовой сглотнул:

— Еще кто-нибудь?

Он завертел головой, и тут завывла, запричитала Талкина мамка, схватилась и кинулась к Косте. Бухнулась прямо в пыль, вцепилась в подол его крапивной рубахи и запричитала:

— Не пуцу! Ооооой, не пуцу!

Коста слабо отбивался.

— Встань, дура-баба. Встань, перед людьми не позорь.

Талкина мамка ловила руками костыль. Растик отвернулся — до того стыдно было на это смотреть. Талкин батька вот так и ушел десять лет тому как. Ушел и не вернулся. И его, Растика, батя тоже ушел. Ушел и... Растик закусил губу. Даже думать об этом сметь нельзя! Не при мамке. И не при этом вестовом Казанцеве, которому еще две дюжины деревень надо облететь с батькиным приказом.

Рыжий Коста уходил на рассвете. С ним еще три старика. Они двигались на восток, к замку, туда, где медленно разгоралась в небе багровая полоска — то ли встающее солнце, то ли дальний огонь. Их вышло проводить все село, но Растик попрощался еще раньше: во дворе Талкиного дома, в сырых предрассветных сумерках. Рыжий Коста вздохнул ему рукой волосы и протянул сверток с древками стрел.

— Вот, — сказал, — вернись, постреляем еще с тобой козложопых.

И ушел, только калитка хлопнула, да простучал по пыли костыль. Из дома не доносилось ни звука. Потом тихо, гундосо запела Талка. Мать ее на крыльце так и не показалаь.

8. Фронт

Хуже всего был «тополиный пух» — мелкие белые семена с пушинками, висящие в воздухе и забивающие нос, горло, глаза ядовитым войлоком. Когда пух попадал под струю флеймера, он вспыхивал и сгорал с громким хлопком. Почти так же опасны были коробочки бешеной акации, взрывающиеся с треском и рассеивающие острые семена. Семена, попадая в живое тело, мгновенно начинали прорастать, и через минуту человек превращался в зеленую шевелящуюся массу, покрытую побегами. Если бы не «бессмертные» рубахи, Жаботинский давно бы уже лишился половины состава.

И это была только артподготовка противника. Бирнамский лес колыхался, шумел, трещал и скрежетал изумрудным морем у подножия замковой горы. Земля, прожженная насквозь лава-пушками, запекавшаяся, подобно обсидиану, не давала дендроидам пустить корни. Однако полз уже от подножия кислый лишайник, полз, разъедая и размягчая каменно-твердую почву. Вслед за лишайником тянулись лианы... а в воздухе сплошной стеной шли симбионты. Сотни и тысячи птиц, крылатых рептилий и совсем непонятных летучих тварей, сплетенных с лесом в одну нервную сеть тонкими невидимыми волокнами...

Замок мог противопоставить им всего две батареи лава-пушек и несколько десятков флеймеров. Черно-красная густая лава ползла по склону вниз, навстречу лишайнику, выжигая все на своем пути. Огненные струи флеймеров проедали в зеленом ковре черные дымящиеся дыры. От дыма почти невозможно было дышать, и защитникам приходилось прятать лица под повязками из влажной марли. Марля быстро высыхала, кожа шла пузырями от жара. Казалось, посреди леса разложили гигантский костер. Флеймеры полосовали небо, кромсая птичьи стаи, с риском задеть своих: двое дозорных на жар-птицах кружили над замком. Вести были неу-

тешительные. Лес огромен, и даже с высоты их полета кажется бесконечным. Он запрудил берег вверх и вниз по течению, и отдельные отряды инженерных дендронидов уже сооружают плоты, пока их собратья пытаются прорвать оборону. Люди проиграли бой еще до его начала. Им оставалось лишь отступить — по подземному туннелю к нижним воротам, выводящим прямо к реке, оттуда на мост и в город, где поспешно организовывали эвакуацию гражданского населения.

Но комендант Януш Жаботинский не мог отступить. С севера шли подкрепления, а гражданские там, на другой стороне реки, были совершенно беззащитны. В отрядах милиции одни старики и юнцы. Значит, надо было выстоять. Продержаться. Еще день. Еще ночь. День и ночь спутались в клубах дыма, и вынырывающие из клубов черные лица стали совершенно неузнаваемы — лишь сверкали белым зубы и белки глаз. Горло сводил кашель. Жаботинскому, бегущему по стене, показалось на секунду, что он увидел Рыжего Косту, пришедшего с последним подкреплением. Старый солдат поливал водой раскаленный ствол лава-пушки. Но уже секунду спустя над стеной показалось новое облако «тополиного пуха», и все утонуло в криках и пляске огненных струй. Жаботинский сорвался с места и побежал дальше.

9. Тыл

Ночью Талка разговаривала с козлоногим.

Ручей шел лунными бликами. Замиранный лес тихо потрескивал. Растик сидел с самострелом в камышовых зарослях. А Талка разговаривала с козлоногим. Самым странным в этом было то, что Талка ни с кем не разговаривала. Никогда. Только плела рубашки и пела свои тихие протяжные песенки, в которых ни слова не разберешь. Растик и сейчас не мог разобрать ни сло-

ва, только «бе-бе-бе» — это девчоночий Талкин голос, и «бу-бу-бу» — низкий голос козлоногого.

В лунном свете их силуэты виднелись очень отчетливо, потому что козлоногий вышел наконец-то из леса и перебрался на их сторону ручья. И это тоже было странно, ведь уговор таков — замиренный лес и все его твари на том берегу, а люди на этом. Нет, люди иногда ходили в лес, по ягоды, по грибы. Но чтобы козлоногий пересек ручей... Очень ему, наверное, Талка нравилась.

Растик тихонько засопел и рычагом натянул тетиву. Самострел они делали вместе с Рыжим Костой. Это Коста выгладил ореховое ложе и приладил рычаг, и сплел тетиву из тройной рыбьей лески. Где-то теперь старик? «Там же, где и папа, — подумал Растик, недовольный сам собой за глупые мысли. — Защищает замок». А он, Растик, должен защитить неразумную Талку, пока Косты рядом нет. Вот сейчас, сейчас...

Он поднял самострел, целясь в широкую спину козлоногого. Девчонку бы не задеть... И тут лесовик обернулся и посмотрел прямо на заросли камыша, где прятался стрелок. Растик даже показалось, что прямо ему в глаза. Рука, уже занывшая от напряжения, не дрогнула — но Растик отчего-то вспомнил, как Семен с умным видом рассказывал, что козлоногие не симбионты никакие, а те же люди, только вступившие в союз с лесом. Что шерсть у них на ногах — это серый лишайник, а копыта — разросшаяся грибница... Это значит, убить козлоногого — все равно, что убить человека?

У лесовика были огромные, очень темные глаза, в которых плавали лунные искорки, и широкое человеческое лицо. Грубое, дикое, но человеческое. Талка, снова что-то сказав, взяла козлоногого за лапу... руку...

«Стреляй! — холодно произнес в голове голос Рыжего Косты. — Убей лесного козлина!»

Но Растик не выстрелил. Он убрал стрелу, тихо спустил тетиву и отполз подальше в камыши — а потом, развернувшись, что было духу дернул к околице. Всю до-

рогу, пока мальчик бежал, ему казалось, что он подсмотрел что-то запретное, чего нельзя было видеть. И еще он подумал, что Талка, может, не такая уж и глупая.

Дома Растик, как обычно, влез в кухонное окно. Окно в бывшей их с Семеном, а теперь только его комнате было разбито и заклеено бумагой. Батя все обещал починить, да так и не успел. Лишний раз за шпингалет лучше было не дергать — рама старая, разбухшая от сырости, рванешь, так, глядишь, и оставшееся стекло вывалится. Мать прибежит на грохот и даже спрашивать не станет, сразу отхлещет хворостиной. Поэтому Растик полез через кухню, и поэтому заметил, как под кухонными половицами мечется свет. Свет шел из подвала. Странно. Семен старался по ночам не жечь лампу, хотя все соседи знали, что он там прячется. Растик, схватив с тарелки замиренное яблоко, притаился в темном углу за столом.

Спустя несколько минут свет потух. Растик, подождав еще немного, уже совсем было собрался идти спать, но тут крышка люка в полу откинулась. Лунный свет отбрасывал на надраенные мамкой половицы бледные полосы. В этом свете показалась черная взлохмаченная голова Семена и его неширокие плечи. Старший брат выбрался из подвала. В руке у него был какой-то сверток, а за плечами — тот студенческий ранец, с которым он пришел из города. Задвинув крышку на место, Семен крадучись пробрался к двери и вышел в сени. Сверток он прижимал к груди. Дождавшись, пока дверь за братом закроется и ступеньки крыльца отскрипят, Растик скользнул следом.

На садовой дорожке и у калитки Семена не было. Улица за калиткой лежала белым нетронутым полотном. Уйти так быстро он не успел бы, значит... Растик быстро и неслышно обежал дом, стараясь держаться в тени замиренных мальв и шиповника. Так и есть. Се-

мен был в саду. Когда Растик выглянул из-за угла, брат как раз прикрывал дверь сарая. В руках он держал лопату. Отойдя на пять шагов и встав под сливой, которая уже давно не плодоносила, Семен принялся неумело, но быстро копать яму. Сверток и ранец лежали на земле неподалеку.

Растик неслышно подкрался сзади, переступая через грядки с огурцами и томатами, и негромко сказал:

— Ага!

Семен, подпрыгнув, развернулся и взмахнул лопатой — так, что если бы Растик не отскочил, не сносить бы ему головы.

— Ты что? — зашипел младший, потирая ушибленную о колышек лодыжку. — Совсем уже с глазду съехал? Ты чего дерешься? Чего по ночам шастаешь?

— А, это ты, — сказал Семен и протер стеклышки очков, будто ничего не случилось, и он вовсе не пытался только что убить родного брата лопатой.

— Я. А ты думал?

Семен, пожав плечами, продолжил копать. Лопата вгрызалась в землю с тихим скрипом, сыпались сухие комья и мелкие камешки. Низ штанов и сандалии Растика, подсохшие было на бегу от ручья, снова промочила ночная роса. Мальчик сунул руки в карманы и легонько пнул сверток ногой. Брат тут же окрысился:

— Эй, не трогай. Это ценные бумаги. Это моя работа.

— Если ценные, зачем их в землю зарывать?

— Чтобы люди потом нашли. Чтобы знали.

— Чтобы знали что? — спросил Растик.

Семен, не оборачиваясь, буркнул:

— Тише, мать разбудишь.

— Чтобы люди знали что? — упрямо, но уже потише повторил младший.

Семен выпрямился. Он встал, опираясь на черенок лопаты, подняв лицо к луне. Стекла его очков холодно блестели, как две слюдяные монетки.

— О том, откуда взялись дендроиды. Разумные леса. Симбионты. О тех опытах, что ставили наши предки. И о том, почему замиренная джи-крапива оживает, а семена дикой джи-крапивы — это пыльцеспоры, убивающие все живое. Я построил филогенетическое древо...

Семен опустил голову, впервые прямо взглянув на брата — и Растик подумал, то выражение у него как будто растерянное и даже обиженное. Растик тоже растерялся. Что такое «древу», понятно — старинное слово для «дерева». Но «фи-логенетическое»? Какой-нибудь дикий дендроид? Симбионт?

Не замечая недоумения брата, Семен продолжал:

— И знаешь, что во всем этом самое странное?

Растик пожал плечами, хотя брат и не ждал ответа.

— То, что пыльцеспоры появились раньше. Теперь я точно знаю — их сделали люди. Сделали с помощью генетических модификаций, для того, чтобы воевать. Для того, чтобы убивать других людей.

Слова «генетических модификаций» Растик не понял, а остальному не поверил. Всякому известно, что пыльцеспоры породили дендроиды, чтобы извести под корень род человеческий. Но вслух он этого не сказал — слишком отрешенный вид был у брата. Да Семен бы и не услышал.

— Ты понимаешь, почему это странно? — спросил старший. — Потому что замиренная джи-крапива не должна была появиться. Ведь дендроиды ведут войну. Даже замиренный лес только хранит нейтралитет. Зачем же делать то, что помогает людям? Зачем делать нам добро?

Растик растерянно молчал. Семен вздохнул и взъерошил его волосы, совсем как Рыжий Коста перед уходом.

— Сейчас не понимаешь — потом поймешь.

Растик уже почувствовал непоправимое, и все же спросил:

— А ты... ты куда? Ты разве уходишь?

Семен снова развернулся к яме и, присев на корточки, аккуратно положил в нее обернутый промасленной тряпкой сверток.

— Я должен. Понимаешь, я закончил свою работу. А отец там... и наши из университета в городской оброне... Я должен вернуться.

— Но ты же не хочешь воевать с лесом! — крикнул Растик и тут же прижал ладонь ко рту — мамка проснется!

Семен, не отвечая, быстро закапывал яму. Утрамбовав землю лопатой, он обернулся к младшему и протянул ему инструмент.

— Отнеси в сарай, Растислав.

Брат назвал его «Растиславом», так, как называли только учителя в школе, когда Растик вытворял очередную пакость. И в этом тоже чувствовалась неизбежность. Мальчишка, взяв лопату, побежал к сараю. Один раз оглянулся через плечо — Семен все так же стоял у бесплодной сливы и смотрел ему вслед. Но когда мальчик, быстро прислонив лопату к стене, выскочил из сарая, брата в саду уже не было. Только лунный свет и темное пятно вскопанной и снова примятой земли у корней замиренного дерева.

10. Фронт

Сверху замок напоминал очаг инфекции — язву, окруженную кольцом красной, опухшей и воспаленной плоти. Над стенами плясал огонь, а внутри ворочалось что-то желто-зеленое, гнойное — вероятно, хлынувшие во внутренний двор дендрониды первого звена. И надо всем этим, как смрад, поднимающийся от язвы, стоял плотный столб удушливого черного дыма. Ветер дул с запада, от реки, относя клубы дыма к карабкающемуся на замковый холм лесу. Там, в клубах, вихрились стаи крылатых симбионтов. Когда Жаботинский, оседлав последнюю уцелевшую жар-птицу, стартовал

с верхней площадки донжона, симбионты ринулись следом. Некоторое время казалось, что ему не оторваться от черной гомонящей тучи — он уже почти ощущал ветер от биения их крыльев на затылке, и тонкие волоски на шее вставали дыбом от страха. И все же симбионты отстали — когда комендант, покинувший замок, направил свою жар-птицу прямо в зенит, их орда с глухим карканьем и разочарованными криками провалилась вниз. Симбионтам мешала подняться выше их связь с лесом. Жаботинский усмехнулся, крепче сжимая луку седла левой рукой. В правой он держал контейнер с пыльцеспорами.

Пыльцеспоры обычно сбрасывает авиация. На это есть махолеты и воздушные шары. Сбросить и убраться подальше, верно рассчитав высоту и направление ветра. Но у Януша Жаботинского был другой план, хотя ветер тоже следовало учесть. Он дул от реки, следовательно, шанс, что споры понесет на город, был ничтожно мал. И все же он был. Значит, контейнер нельзя распечатывать на высоте — нет, только на земле, только в гуще Бирнамского леса, не ждущего такого подвоха.

Когда-то живыми бомбами назывались те, кто глотал споры в пластиковых капсулах. У бомбы был завод — толщина пластика. Спорам требовалось полчаса, час или больше, чтобы проесть стойкую пластмассу и приняться за живую плоть. За это время надо было как можно глубже проникнуть на территорию противника. Жаботинский, прикрыв слезящиеся от ветра и дыма глаза, представил, как такой человек шел, выкашливая из распадающихся легких облачка спор... да. Эта тактика была признана неэффективной еще во время войны с Арденским лесом, больше четверти века назад, но поговорка про «живые бомбы» осталась. Жар-птица, словно почувствовав мысли всадника, длинно и горестно крикнула. Отлученный симбионт нуждался в связи с кем-то, и за неимением породившего его леса пытался

наладить связь с человеком. Наверное, жар-птица уловила смертную тоску и страх коменданта.

Комендант должен покидать замок последним. Жаботинский снова усмехнулся. С самого момента взлета, когда серая площадка башни рухнула вниз, а с ней ухнул вниз желудок, и судорожно затрепыхалось сердце, Жаботинский продолжал считать. Он как раз дошел до ста, когда прогремели два взрыва: первый, и с небольшим опозданием — второй. Гноящаяся язва на зеленой шкуре леса вспухла и вскрылась, выплеснув шар огня. Еще секунду спустя на воздух взлетели бетонные перекрытия и железные фермы моста. Заряд под мост был заложен давно. А вот нефть в замке Жаботинский приказал взорвать перед самым отлетом. Значит, интендант все же успел. Хорошо. Теперь лес занят пожаром, и не заметит одинокого летуна, падающего в его бесформенную толщу.

Решив, что он пролетел достаточно, Жаботинский сжал пятками бока жар-птицы. Летун, сложив крылья, стрелой понесся вниз. Казанцев показал командиру этот маневр три недели назад. Казанцева с его птицей сбили еще днем. Только Казанцев умел выворачивать летуна над самой землей — а Жаботинский так и не научился, да и не собирался этого делать.

Он крепче стиснул скользкую стенку контейнера и вжался головой в шейное оперение жар-птицы. Вокруг свистел ветер. Земля приближалась размытым пятном. Летун закричал, напарываясь на ветки, и со страшным треском человек и птица обрушились на кинувшийся в стороны подлесок. Жаботинский успел сорвать печать за мгновение до того, как потемнело в глазах, и в затылок ударила страшная боль.

... Комендант очнулся несколько секунд — или минут — спустя. Вокруг было темно, словно наступила глубокая ночь. Жаботинский не осознавал, что от удара лишился зрения. Он вытянул руки вперед, оперся о распластанную тушу жар-птицы и с трудом сумел подняться на ноги. В легких плясал адский огонь.

Человек кашлянул. Кашлянул еще раз, и с воздухом изо рта полетели кровавые брызги. Он зашагал вперед, пошатываясь, нащупывая дорогу руками, с каждым выдохом выдувая маленькие облачка смертоносной пылицы.

11. Тыл

С той ночи, когда ушел Семен, мать все стояла-поставила у восточной околицы. Уже два дня стояла и все глядела туда, где скрылся сначала Рыжий Коста в предутреннем сером свете, а затем и Семен — в свете полной луны. Сейчас луна шла на убыль. Потянуло на осень, и луна с солнцем встречались в небе — жаркий круг, толстый белый ломоть.

Растик носил мамке еду и воду в кувшине, уговаривал вернуться в дом — бесполезно. Вот Талкина мамка в доме заперлась и вообще не выходила наружу. А Растикова не хотела зайти внутрь. Заговорила только один раз, когда Растик принялся неловко утешать. Он сказал что-то вроде: «Мамка, не надо, вернется Семен, и батя вернется, и Рыжий Коста». А мать, не глядя на него, а глядя сухими глазами на дорогу, ответила:

— Это я его прогнала.

С тех пор молчала.

Она-то первой и увидела спускавшийся с холмов Лес, и уж тогда зашлась криком.

Страшен был не сам Лес. Всякий в селе видел, как деревья спускаются попить к ручью, грузно вытягивая из земли корни. Страшно было то, что шло вместе с Лесом, в Лесу, вместо Леса. Вспухающие в зеленых кронах нарывы, разрастающиеся бурые язвы, опухоли, в одну секунду охватывающие полхолма, а уже в следующую распадающиеся серой трухой.

Собравшиеся у околицы бабы тоже кричали. Мамка Растика уже только сипела, впившись в горло руками, словно хотела задавить рвущийся наружу крик. А дед

Ольмерт, старый, как жабий дуб у ручья, выдавил, указывая трясущимся пальцем:

— Пыльцеспоры... ржа... через час все мертвые будем.

Растик, тоже повисший на поперечине ограды, отчаянно огляделся. Не было никого, кто мог защитить. В селе ввек не водилось ни знаменитых лава-пушек, превращающих землю в стекло, ни флеймеров, ни иглометов с сывороткой — ничего. Не было даже злого дерева анчар, одна капля яда которого могла сразить целый лес. Никакого оружия. Разве что его самострел... Лук у Димки... Арбалет у братьев Оржанцев.

— Эй! — во всю глотку заорал он. — Пацаны! У кого есть из чего стрелять — тащите. Через пять минут встречаемся здесь.

Мать обернула к нему бледное лицо, открыла рот, желая что-то сказать. Он не стал слушать и рванул вверх по улице к дому.

Они выстроились за изгородью — редкая цепь мальчишек с луками, самострелами, арбалетами. У Кирки было даже духовое ружье, сейчас бесполезное — но все равно он притащил. Наконечники стрел Растик велел всем смазать горючей смолой. И запалил огонь в большой железной бочке, где дозорные держали воду — в те времена, когда у восточной околицы еще стояли дозорные.

Пораженный болезнью Лес приливной волной катился с холмов. Растик никогда не видел моря, но батя рассказывал, и так он себе и воображал прилив. Только морской прилив голубой, чистый, а этот мутно-зеленый, как те древние стеклышки, что они с пацанами находили иногда на дне ручья. Мутно-зеленый в бурых и серых пятнах лишая... «Хорошо, что ветер дует в спину», — подумал Растик и сам удивился своей неизвестно откуда взявшейся мудрости. Нежно-зеленое облако спор, стоявшее над Лесом, сносило к востоку — иначе живых в селе бы уже не было.

Когда до первых деревьев осталось около сотни шагов, Растик крикнул:

— Поджигай!

И пацаны, один за другим, подожгли наконечники стрел. Медлить больше не имело смысла. Растик махнул рукой, а потом поспешно вскинул собственный самострел. В свете дня летящие стрелы казались бледно-рыжими точками в небе. Прочертив короткие дуги, они упали в Лес. Жалкая горсточка против невероятной громады. Растик так и не увидел, зажегся ли хоть один огонь, потому что сзади его окликнули. Он обернулся.

По улице шагала босая Талка под руку с козлоногим, а за ней — по палисадникам, по изгородям, по обочинам и по утоптанной ленте дороги — бежала встречная волна замиренной джи-крапивы. А следом стеной двигался лес. Их, замиренный лес.

12. Ничейная земля

Лес шумел за околицей — и восточной, и западной. В село деревья старались не забредать, хотя и любили повозиться с Талкиными братьями. Братья, все двенадцать, маленькие, юркие и рыжие, в сплетенных сестрой рубашонках, хвостом таскались за козлоногим. Козлоногого звали Боб. Он паршиво играл на свирели, зато отлично приманивал свистом рыбу в ручье. Талка стояла рядом и была прутиком по воде, распугивая всю рыбу, но козлоногий Боб совсем не обижался. Он радовался тому, что Талке больше не надо было плести рубахи, и ожоги от крапивы у нее на пальцах почти зажили. Двенадцать Талкиных братьев восторженно пищали и пихались маленькими кулачками, когда Бобу все же удавалось приманить рыбу и, насадив на острогу, швырнуть блестящую серебристую тушку на берег.

А Растик... А что Растик? Растик присматривал за ними из камышей, как и прежде, но близко не подходил. Зачем людям мешать?

ТРЕТЬЯ ПЕЧАТЬ

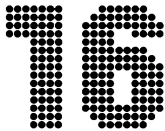
Конец света,
который нас не испугал

И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри.
Я взглянул, и вот, конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей.

Откровение святого Иоанна Богослова, 6—5

РАЗЛУЧИТЕЛЬ (Адьюнкт Петербургской де Сиянс академии Михайла Ломоносов)

июля 1742 года.

...Рихман лежал на дне карбаса, тяжело и хрипло дыша во сне. Небритое лицо его опухло от гнуса — мазаться дегтем, по совету Михайлы Васильевича, он так и не захотел. Тунгусские олешки, подгоняемые каюром Егоркой, еле-еле тащили карбас вверх по реке. Солнце палило немилосердно, и казалось невероятным, что уже в сентябре водную гладь начнет схватывать льдом и невольные ударят самые лютые морозы.

Егорка сказал, что впереди еще один порог, но не то беда, что порог, мало ли их, а то беда, что скалы, именуемые «щеками», здесь подойдут вплотную к воде, и олешкам придется плыть, и не смогут они вытянуть тяжелый карбас. Значит, придется загодя выволочь его на берег, выгрузить Разлучитель, надежно обернутый рогожей, взвалить многопудовую махину на спину и переть ее через тайгу в обход скал, туда, где будет поджидать их Егорка с пустым карбасом. От Рихмана помощи ждать не приходится, не помер бы — и то хлеб. От тунгусишек тоже проку мало.

Рихман опять примется ворчать, что не следовало переть эту махину в такую неслыханную даль, а поставить ее надлежало на Марсовом поле, не далее, и эффект был бы тот же. И снова в тысячный раз придется объяснять честной, но глупой немчуре, что политическое сердце России и географический ее центр, увы,

совершенно не совпадают, отчего и происходят все ее беды и напасти.

Карбас ткнулся в берег.

— Вставайте, Георг-Вильгельм, — сказал Ломоносов. Рихман с трудом разлепил глаза, вздохнул и поднялся. Потом с проклятием сорвал с головы пропотевший парик и хотел зашвырнуть его подальше в воду, но Ломоносов не дал — понеже куаферия сия от инсектов защищает изрядно, пояснил он.

Подошел Егорка, они вдвоем с Рихманом помогли взгромоздить Разлучитель на спину, и Михайла Васильевич, широко расставляя ноги в грубых поморских бахилах, двинулся вперед, глубоко впечатывая следы в мягкий мох. Рихман плелся сзади, волочил коробка с провизией.

— Вы погубите себя, Михель, — сказал он. — Не говорю уже о том, что вы погубите Универсум...

— Что русскому на здоровье, то немцу смерть, — привычно отозвался Ломоносов. — Мне же сие привычно, единственно токмо апоплексуса страшусь — тогда вам, сударь мой, затеянную мной комиссию исполнить надлежит...

— Чудовищную комиссию... — вздохнул Рихман.

— Я, чаю, сходен сейчас с некоторым негритосом либо арапом-невольником, — расхохотался Михайло Васильевич так, что едва не сронил со спины драгоценный груз. — Да я и есть вечный невольник и мученик науки российской...

— Всемирной науки, Михель! — воскликнул Рихман.

— Жидкость же сия, коею вы, сударь, столь дерзостно пренебрегаете, получается из простой березовой коры методом дистилляции, сиречь возгонки...

Ломоносов долго еще распространялся о неисчислимых достоинствах дегтя, потом силы на разговор уже не осталось, и он начал было складывать в уме «Оду о дегте»:

Напрасно смертные о дегте полагают,
Когда смолою сей пренебрегают,
Зане предмет, о коем говорю,
Народом предпочтен хотя бы янтарю.
Когда мужик сапог на прочность мажет,
Не смирну с ладаном принести себе он скажет,
И умащая экипажную ось,
Нам паки к оному прибегнуть бы пришлось.
Коль девка не была в девичестве упорной,
Чем на врата нанести символ позорный?

Далее в голову полезли совершенные уже глупости: «Ай, фирли-фить, тюрлю-тю-тю, у нашего майора задница в дегтю». А потом и глупостей не осталось, одни красные круги перед глазами.

— Однако, остановись, Ломонос! — послышался голос тунгуса. Осторожно опустив Разлучитель на землю, Михайла Васильевич повалился рядом и некоторое время лежал, покуда Рихман и пятеро тунгусов кое-как вернули ношу в карбас.

Мимо глазплыли безрадостные берега, Ломоносов задумался — может, прав немчура, и он, поморский сын, слишком о себе возомнил, дерзко поспорив с Создателем, который отмеряет Добро и Зло в пропорции, Ему одному только ведомой?

Любимым присловьем отца было: «Отвяжись, худая жись, привяжись, хорошая!» Маленький Миша почаству задумывался над этой простой на вид сентенцией, отчего в жизни так много худого и так мало хорошего. Вот если бы ее, жизнь, можно было как-то процедить сквозь густые решета, чтобы всякая скверна на тех решетках задерживалась, а людям оставался один сок, чтобы всякое дело разрешалось лишь благоприятным образом, чтобы мачеха подобрела и каждый день давала сметанную шаньгу...

Ломоносов улыбнулся.

Мысль о создании Разлучителя пришла ему в голову внезапно, на гарнизонном плацу в те черные дни, когда

его по пьяному делу завербовали в гвардию прусского короля.

Айн-цвайн, айн-цвайн — выкрикивали обмундированные великаны, ведя расчет, а потом по команде капрала «айны» пошли налево, а «цвайны» направо. Вот если бы можно было так же разделить и поток Хроноса — направить благоприятные его миги в одну сторону, а роковые ошибки — в другую... Чтобы Полтавская баталия в гистории Российской осталась. Азовского же похода как бы и не было, равно как и позора, случившегося в Валахии? Чтобы государю Петру Алексеевичу не застудиться до смертельной болезни, а жить и править до сих пор? Чтобы ушли в сторону хмельные и жестокие его решения, а остались бы одни вспышки гения?

Больше делать в прусской казарме было нечего, и русский гигант тою же ночью бежал из замка, крепко, но не до смерти приласкав часового.

С такими-то мыслями он ввалился в кабинет великого Лейбница. Лейбниц долго хохотал, выбрасывая из кресла худые ножки в шелковых серых чулках, а потом внезапно помрачнел и сказал:

— В вас, русских, сидит черт, и это отнюдь не наш старый добрый тойфель, в которого достаточно запустить чернильницей. Вы типичный манихей, майн либергерр Ломонософф! Если бы даже ваша затея удалась — представляете, во что бы превратилась старуха Европа? Впрочем, как умозрительный эксперимент это даже любопытно. Хорошо, я на досуге набросаю весь математический аппарат, это будет неплохое упражнение, но только не вздумайте упомянуть меня в вашей будущей диссертации — я не желаю быть посмешищем всего света. И потом, где вы возьмете столько энергии?

Потом был Петербург, Академия, вечная война с немцами, не все они Лейбницы, пришлось овладеть десят-

ком ремесел, в том числе и стеклодувными, даже для отвода глаз завести мозаичное производство.

Когда прибор был в общих чертах готов и оставалось лишь найти источник силы, Михайла Васильевич через Шувалова пал в ноги матушке императрице.

— И, пустое говоришь, Михайла Васильевич! — расхохоталась Елисавета Петровна, молодая и прелестная. — Кто волен отличить худую минуту от доброй? Грех-то, хоть и сладок, а все грех! Задумал ты добро, а того не знаешь, что в наших палестинах всякое добро обратится во зло. Ты над своими склянками колдуешь и жизни вовсе не знаешь. С меня же и того довольно будет, что смертную казнь упразднила. Впрочем, в счастливый час ты пришел, в веселую минутку, потешил меня, одинокую женщину — бери из казны безотчетно сто тысяч рублей серебром и твори, что душе угодно! Только ты мне город не взорви вкуче со дворцом — намаялась я в молодости по чужим-то углам...

Потрясенный Ломоносов выскочил, забыв даже поклониться, под звонкий смех императрицы. Шувалов тоже был потрясен настолько, что даже не попытался зажилить часть денег.

Рихман, самый толковый из немцев, будучи посвящен в ломоносовскую затею, сказал, что таковой энергии, пожалуй, единственно на небесах обрести и можно. Михайла Васильевич тут же ухватился умом за его аллегорию и сочинил устройство, способное притягивать молнию.

На беду, точка, которую расчислил Ломоносов в качестве центра России, располагалась в местах, никакой географии отнюдь не подверженных...

...На определение искомой точки ушло еще три дня. Длинноногий Рихман мотался по лесу туда-сюда с бусолью и астролябией. «Сильный шаман», — говорили про него тунгусы, а Ломоносова считали при нем простым работником, коли сам такие тяжести таскает.

Точка нашлась на самом берегу реки, на крутояре. Михайла Васильевич вырубил несколько тонкомерных лесин, срастил их лубками. Он торопился — парило неимоверно. На конец верхней лесины он прибил длинный железный штырь, от которого тянулась тонкая гибкая проволока — для ее изготовления пришлось придумать особый сплав.

Разлучитель, освобожденный от рогожи, стоял на скале, возле него возился Рихман, отгоняя тунгусов, чтобы чего не открутили на украшение. Ломоносов укрепил основание шеста в земле, свободный же конец проволоки загнал в нарочитое гнездо Разлучителя. Шест гнулся, но держался крепко. И вовремя: из-за противоположного берега реки потянулись иссиня-черные тучи. Разлучитель сиял отполированной бронзой, медью, фарфором, стеклом, золотой канителью, пронизывающей согласно тщательнейшему расчету весь корпус.

Тунгусы стали ладить свой чум — тоже торопились, пока с неба не грянуло.

— Уходите, уходите! — замахал на них руками Ломоносов. — За нами через три дня придете, коли живы останемся...

Тунгусы не трогались с места.

— Я вашего бога Огды, — сказал Михайла Васильевич, — сейчас имать буду в золотую клетку, — он указал на Разлучитель. — А потом повезу на суд к Илиипроку, дабы прерогатив его своими немытыми лапами не касался...

Тунгусы переглянулись и стали спешно сворачивать свое хозяйство, не желая видеть посрамления своего поганского кумира.

— Ну, Георг-Вильгельм, — сказал Ломоносов и притиснул ручищей немца, — сбывается наше дерзновение. — Преславный Прометей огонь похитил, чтобы очаги по землянкам троглодитов возжечь, мы же воздвигаем просвещенную десницу на Хронос быстроте-

кущий, ниже того — на сам Фатум роковой! Отныне судьба России и до веку единственно добром и разумом осияванна пребудет Дьяволу на великое посрамление!

— Ох, Михель, не от него ли предприятие наше?

— Ништо! До сих пор философы все сущее объясняли токмо, нам же изменить его надлежит, и не станет более сирых и убогих, больных и увечных...

Тучи приближались, словно строй черномундирных прусских гренадер. Послышалась и канонада!

— С нами силы небесные! — перекрестился Михайла Васильевич. Ты не думай, добрый мой Рихман, что счастье отныне с одними лишь россиянами станет прибывать — маленько и немчуре достанется, все же и вы в Христа веруете. Идоложертвующим же и басурманам не завидую... Вольно же им было Магомету поклоняться, науки истреблять!

— Михель, мы будем гореть в аду! Мы вторглись в самые основы мироздания, дерзко его расщепляя, а разве не помнишь ты, что простая вода, делясь на гидrogenium и оксигениум, дают в итоге горючую смесь, чреватую взрывом?

— Помню, старый бурш, и не раз рыло тем опаливал... Давай лучше помолимся об удаче!

Молнии били уже в самую реку. Ветер трепал шест из стороны в сторону, но устройство держалось. Оба ученых стояли на коленях и творили крестное знамение, бормоча молитвы каждый на своем языке.

Вдруг Рихман схватил товарища за руку.

— Михель! — возопил он, стараясь перекрыть гром. — А ты о другой-то России помыслил?

— Какой такой другой? — прервал молитву Ломоносов.

— О той, где не останется ни добра, ни разума, а будут лишь вечный позор, страдания и поражения? Мы ведь их тем самым на вечные муки обрекаем!

★ Он вскочил и побежал к Разлучителю. Ломоносов неуклюже поднялся и поспешил за ним.

Рихман схватился за проволоку, чтобы выдернуть ее из гнезда Разлучителя, но тут молния как раз и ударила в верхушку шеста.

Разлучитель загудел, заискрился, белое пламя пробежало по золотым проводкам, по стеклянным колбам, откуда выкачан был воздух, зажгло блестящие спиральки в этих колбах.

На камнях лежало обугленное тело Рихмана.

ПРЕКТАКЛЬ

ветлоил уже третий месяц почти ничего не ел, спал урывками, падая прямо в мягкие облака Рая, пытался свернуться калачиком, но тут же вздрагивал и просыпался, нервно отмахиваясь от грезившихся ему списков недоделанных дел, с которыми ему еще предстояло разобраться. Прошло семьдесят семь дней с момента объявления открытого конкурса на разработку лучшего проекта исполнения Апокалипсиса, в котором участвовать мог любой житель Царствия Небесного.

Состоявший на службе в Раю рядовым Ангелом-Хранителем, Светлоил приступил к подготовке проекта сразу же, как только Глас Господень объявил о начале приема заявок. Работа со смертными не была сильной стороной ангела, он ходил на службу, исключительно следуя христианскому завету смирения и терпения, а в свободное время по большей части мечтал о том, как будет помогать Господу в создании миров. В день, когда Светлоил услышал о конкурсе разработчиков Апокалипсиса, настроение у него было ужасное. Его подпечный, мужик сорока лет, страдавший кризисом среднего возраста, с утра поругался с женой. После он стащил у старшей дочери сертификат на бесплатную татуировку, пошел в салон, «набил» себе изображение Дьявола в бикини (мастер был пьян, но очень похоже получилось!). Потом мужик завалился в бар, где до самого вечера рассказывал малолетним официанткам о своем героическом прошлом, в котором он работал пожарником, спасая из горящих домов детей, и которого никогда не было. Светлоил, не имевший права отхо-

дить от своего человека ни на шаг, был вынужден сначала срочно вызывать Хранителя жены подопечного, чтобы тот укрыл ее крылами и успокоил. Тот, как назло, долго не являлся: у Хранителей всех женщин слезы и истерики не являются форс-мажорными обстоятельствами, требующими особого вмешательства, а то ангелы вообще бы с работы не уходили. После этого Светоил выслушал часовую матерную тираду от одного из низших бесов на тему «Мать вашу за ухо, это вы, райские чистюли, искажаете темный облик нашего Повелителя, пропагандируя его образ в бикини, чтобы смертные смеялись над Владыкой Ада!» Бес довел Светоила до такой степени раздражения, что тот сделал нечто для себя вовсе нехарактерное: он попросил нечисть изложить свои претензии в письменном виде и выслать ему на электронный адрес «я.хороший@рай.небо», потому что больше слушать его ангел без мысли о грехе самоубийства просто не мог. После того как бес в прямом смысле этого слова провалился в Ад, Хранителю не оставалось ничего, кроме как вернуться к своему сорокалетнему мужику и еще битых два часа, прислонившись к грязной стене бара, слушать плохо выдуманнные истории о многоквартирных домах, объятых пламенем. Когда мужчина, вышибая из несовершеннолетних слушательниц слезу, завел рассказ о спасении семьи крохотных котят, Светоил познал смысл и назначение Апокалипсиса и ничего уже не хотел так страстно, как обрушить его на голову своего подопечного...

Проект по запуску Конца Света был почти готов. Ангел приготовил движущиеся механизмы, кукольное шоу и слайды для того, чтобы наилучшим образом представить Господу Богу свою гениальную идею. Он намеревался стать победителем конкурса, тем более что конкурентов у Светоила было немного: все крутые режиссеры, писатели и люди с маломальским хо-

рошим воображением всегда попадали в Ад. Из Преисподней, впрочем, прослышав про конкурс, черти так же попытались прислать несколько идей, но в Раю их даже рассматривать не стали: писак-графоманов, вообразивших, что они знают все о Конце Света, были сотни, а из Ада писали все, сплошь молодые талантливые авторы, кому они нужны со своим Апокалипсисом? Вот если бы сам Люцифер что-то наваял, его все знают, или хотя бы Иуда, у которого хоть одна изданная книга уже была, — хорошо известное, хоть и в узких кругах, но зато Евангелие...

Главным соперником Светлоила по конкурсу был, как ни странно, сам Иоанн Богослов, — автор оригинального Апокалипсиса. Кому, как не ему, было воплощать в жизнь наступление Конца Света? Однако по Раю ходили слухи, что экспертная комиссия Престолов, ангелов, сидящих у Трона Господня, уговорила Бога рассмотреть другие сценарии Апокалипсиса, так как классическая версия безнадежно устарела. Обитатели Райских Кущей провели там инвентаризацию, которая, к всеобщему ужасу, установила, что ангельские трубы давно заржавели, а одну из них и вовсе кто-то спер. Печати на запечатанной книге настолько затвердели, что скovyрнуть их можно было только ломом, а Агнец, в чьи непосредственные обязанности входило их снятие, так много в последние годы сидел за компьютером, что совершенно потерял форму. А ломом он, как истинный компьютерщик из интеллигентной семьи, в жизни не вбивший ни одного гвоздя, работать не умел. Светлоил видел этого Агнца: он плакал, отказывался брать на себя ответственность и просил уволить его по собственному желанию, обещал вернуть все шесть подсвечников... Или их было семь?

Бог, как сторонник традиционного подхода к массовым мероприятиям, попытался было поспорить и отстоять идею дорогого друга Иоанна, но Престолы тут

же заявили, что в Раю демократия и что протезирование — это плохо. Если Господь не желает поддерживать развитие и модернизацию культуры, то можно попросту махнуть на все рукой и еще раз смыть всех людей потоками дождя. Светлоил лично, считал, что повторение старых идей не приводит ни к чему хорошему, но рынком зрелищ в двадцать первом веке правили «ремейки», может, и Вселенский Потоп можно было проделать еще раз? Тем более что это и так уже происходило: эксперимент по затоплению людей по семь месяцев в году проводился в России над жителями Санкт-Петербурга.

Светлоил, как осторожный ангел, боялся загадывать наперед и радоваться раньше времени отсутствию соперников (все равно все в руках Божьих, он же судит результаты конкурса!), но что-то подсказывало, что ему удастся произвести яркое впечатление. Планы у Ангела-Хранителя были наполеоновские, вот только не всегда у него получалось исполнить задуманное с первого раза, будто бы сам Дьявол, не желая наступления Апокалипсиса, после которого придет битва, которую Сатане предначертано проиграть, мешал ему. Нынче Светлоилу предстояло разобраться с одними из самых важных участников своей презентации.

— Представь себе, мой друг! — возбужденно жестикулируя, ангел обращался к своему соседу по ангельскому общежитию, крохотному херувиму Пьероилу, вызвавшемуся помогать Светлоилу в его презентации, только чтобы ему, когда наступит Апокалипсис, дали посмотреть на умирающие людские парочки. Их он, соединяющий сердца влюбленных по восемь часов в день пять дней в неделю, на дух не переносил. — Выключается свет...

— Мы в Раю, тут свет не выключается, — кротко напомнил Пьероил.

— Эм... ну, хорошо, тогда НЕ выключается свет, наоборот, он горит все ярче и ярче с каждой секундой!

На фоне красного полотна, символизирующего грехопадение людского мира...

— В Раю нельзя носить красное, это цвет падших ангелов. Лучший дизайнер Небес, пророчица Ванга, вводит в этом сезоне в моду приглушенные, пастельные тона, — снова не согласился херувим.

— Но она же СЛЕПАЯ! — возмутился Светлоил. — Так, ладно, неважно. Значит, на фоне жемчужно-розового полотна, символизирующего... в общем-то, уже ничего не символизирующего... Короче, выезжают четверо всадников Апокалипсиса! Они выезжают на маленьких пони из популярного нынче мультика, что сразу же привлекает внимание малолетних девочек....

— По твоему плану, они умрут первыми и будут гореть в Огненном озере? — с любопытством поинтересовался Пьероил.

— Нет, ты что! — переполошился ангел. — Разве могут не попасть в Рай те, кто любит маленьких пони? Со всем с ума сошел?

— Извините... — обижено надулся херувим.

— Потом всадники... так, стоп, а где всадники-то? Я что-то не понимаю... — запнувшись, Светлоил, прямо на ходу, стал копаться в огромном количестве заметок, которые он вечно носил с собой в небольшой сумке с золотистой тесемкой.

Всадники Апокалипсиса нашлись на маленьком заднем дворике райского общежития, который Ангел-Хранитель путем дачи взятки коменданту в форме ста тысяч добрых пожеланий, выпросил для проведения репетиций Апокалипсиса «по Светлоилу». Все четверо всадников одновременно уставились на ангелов недовольным взглядом. Пьероил вздохнул и, от греха подальше, молча пошел докрашивать лошадей, принадлежавших вестникам Конца Света, в розовый цвет.

— Мы отказываемся так работать! Невозможно! Мы уважаемые существа! — наперебой затараторили всад-

ники, бросаясь на Светлоила с кулаками. — На что ты нас подписал?

— Тихо! — отмахивался от них ангел, прикрываясь пергаментом с заметками. — Что не так?

— Я вынужден сидеть на диете! Меня морят голодом, словно я в Аду! — размахивая трясущимися от слабости руками, заявил один из всадников.

— Естественно! — Светлоил нахмурил светлые брови. — Ты же сам Голод, а вешишь сто двадцать кило, конь под тобой прогибается! Как ты будешь олицетворять на Земле отсутствие пищи? Отнимать у прохожих фастфуд и тут же съесть его?

— Это бесчеловечно, — обиделся Голод, надув пухлые щеки.

— Это Апокалипсис! — не поддался жалости Светлоил. — О'кей, с ним все ясно... Но вы-то, остальные, чего возмущаетесь? И откуда такой ужасный запах?? — ангел сморщился, когда до его носа, привыкшего вдыхать только свежие райские ароматы, донеслась кисловатая, затхлая вонь.

— А я что? Вы же сами сказали, что нельзя мыться, что не так-то? — гнусаво, выплевывая изо рта сальные волосы, покрытые плесенью, протянул Мор.

— Святую мать твою! — заорал Светлоил, отшатыраясь. — Я тебе когда сказал прекращать банные процедуры? ЗА НЕДЕЛЮ ДО АПОКАЛИПСИСА! Сейчас ты зачем начал? Еще не известно, когда проект утвердят, может, вообще через год! Мы до этого момента тут все задохнемся! Срочно прыгай в родник! Немедленно!

— Уважаемый Светлоил, я дико извиняюсь, но не могли бы мы обсудить мой контракт? — растолкав всех, вперед протиснулся всадник Войны. — Мне кажется, что крови как-то маловато в моем выступлении... Позвольте мне лично поговорить с Господом, в последний раз он не дал Аврааму резать Исаака, может, теперь

это можно устроить, раз уже раньше удалось сэкономить?

— Ты в своем уме? — устало поинтересовался ангел, вытирая пот свитком-сценарием Апокалипсиса с белого лба. — Исаак нынче на высоком посту в Раю, а ты его резать собрался? И вообще, какая кровь? Мы сейчас стираем в теплой воде три тонны красных китайских футболок, чтобы те полиняли и «наполнили реки кровью». Иначе у нас никаких доноров не хватит, все жители Рая — бестелесные души!

— Но я же Война! Как же мне можно без крови? — чуть не плача, взмолился всадник, позвякивая бутафорскими латами на груди.

— Мы в двадцать первом веке, приди в себя! Ты КИБЕР ВОЙНА, а там крови нет, одни профили невинно заблокированных пользователей, — отмахнулся Светлоил. — Отставить разговоры, а то напущу на тебя Организацию Объединенных Наций, они тебе быстро вечный мир устроят.

Война ретировалась, снова растолкав всех окружающих. Ангел проводил его глазами, угрюмо потирая руки. Взгляд его, после исчезновения всадника, наткнулся на высокую, худощавую фигуру в кожаной куртке, в яркой бандане и с бутылкой виски в руках. Светлоил, увидев эту картину, не удержался и запустил в стоящую напротив него Смерть ворохом своих бумаг.

— Ты почему не по форме одет? — зашипел ангел, пытаясь ухватить всадника за воротник «косухи», но Смерть был ростом под два метра, Светлоил просто не мог до него дотянуться.

— Да завернись ты в свою форму, — лениво протянул всадник, брезгливо бросая под ноги Светлоилу черный, безразмерный балахон с капюшоном. — Почему как Войне по ушам ездить, так мы в двадцать первом веке, а как меня одевать, так Смерть всегда с косой и в ман-

тии Гарри Поттера? Здравствуй, четырнадцатое столетие, давно не виделись!

— Необходимо строго соблюдать классический образ, — возразил ангел. — У тебя в контракте что указано? Одно представление в мрачном образе безысходности и неотвратимости гибели для всех смертных людей.

— Я от своего вида сам готов подохнуть, — всадник Смерти вытащил из кармана «косухи» сигарету, поджег ее одним взглядом и затянулся. Дым вырвался наружу, не достигнув грудной клетки, обтянутой вместо слоя кожи футболкой группы «Маповая». — Кто вам вообще сказал, товарищ ангел, что смерть — это ужас и безысходность?

— А что, нет? — удивился Пьероил, к тому времени закончив красить скакунов в розовый цвет. Теперь лошади напоминали экспонаты музея футуризма, болеющие ветрянкой. — Извините за любопытство, сам-то я никогда не отходил в мир иной...

— Сотни людей во всем мире идут к своей смерти через тяжелый рок, бухло и наркотики, которые приносят им невиданным кайф, — череп Смерти растянулся в подобии ухмылки. — Байкеры умирают на больших скоростях, рассекая темноту верхом на мотоциклах, которые они своими руками собирали и модифицировали с семнадцати лет. Кто-то находит свой конец в постели с шикарной красоткой, обсыпав ее кокаином, и даже не замечает, что его больше нет, потому что жизнь для него — это цветной сон от ЛСД. Я уже не говорю о простых обывателях, для которых смерть — отличная возможность, наконец, выспаться!

— Ты в курсе, что все слова, который были тобой только что употреблены, входят в список выражений, запрещенных к употреблению на территории Царства Небесного? — строго спросил Светлоил. — Одень балахон, Смерть, тебе уже давно не 40 лет, чтобы носить кожу и заклепки, пора одеваться по возрасту.

— Тоска смертная, — прокомментировал всадник Смерти, развернулся и зашагал туда, где стояла его лошадь, с которой розовая краска облезала на глазах, несмотря на все усилия, приложенные ранее херувимом для ее «стилизации». На ходу Смерть вытащил из кармана черный Irod с мертвой головой на чехле и одел на голый череп большие наушники, из которых разносился мотив песни «Deathtone». Балахон, являвшийся частью сценического образа всадника Апокалипсиса, собирая пыль, тащился за Смертью, зацепившись за железный крюк на его ботинке.

Дождавшись, пока всадники покинут территорию ангельского общежития, Светлоил рухнул на скамеечку под яблоней (вокруг нее были расставлены предупредительные знаки, сигнализация, а ствол был обмотан яркой лентой, которой обычно огораживают место преступления), обхватив голову руками.

— Зачем я вообще ввязался в это дело, Пьероил? — спросил ангел, смотря себе под ноги, обутые в золотые сандалии. — Я никчемный Хранитель, не могу создать достойную жизнь даже своему подопечному. С чего же я взял, что сумею организовать приличную смерть миллионам людей?

— А у меня, вот, даже смелости не хватило выдвинуть свою работу, — признался херувим, заламывая пухлые ручки. — А ведь там была парочка хороших идей для Апокалипсиса, например, перенести финальную битву Архангела Михаила с Сатаной в студию программы «Своя игра», чтобы бой был интеллектуальный... Знаете, куда Михаил меня послал, когда услышал о моих планах?

— Знаю, — сочувственно покивал Светлоил. — Скандал был тот еще, Михаила простили только потому, что он десантник-войка, а они все немного грубоваты.

— А вы, я считаю, большой молодец. В трудное время приходится работать: что не сделаешь, все обернет-

ся цирком абсурда. Нашлешь на китайцев саранчу, так они, вместо того чтобы бояться, радуются, мол, запас еды на год вперед на них свалился. Туристам сушеных насекомых как деликатес продают и при этом еще кучу денег зарабатывают. Или явится людям Ангел, чтобы возвестить о падении Вавилона, а смертные думают, что это то ли банк, то ли торговый центр, и бегут проверять, можно ли что-то украсть, пока полиция не приехала. Нет, друг Светлоил, оригинальная версия Апокалипсиса в любом случае в наше время не пройдет. Ваш вариант имеет хоть какой-то шанс на успех!

Ангел со слезами умиления на глазах бросился жать херувиму руку, как вдруг двор ангельского общежития затрясся, и над ним прогремел Глас Господень.

— Светлоил! — пробасил Глас. — Господь желает рассмотреть проекты Апокалипсиса раньше обещанного срока. Готов ли ты представить свою работу прямо сейчас????

— Еп... архия моя дорогая! — ангел в ужасе запутался в собственной тунике и свалился со скамеечки, на которой сидел. — Господи Боже, да как же это? У меня же не готово ничего! У меня вавилонская блудница еще не все образовательные книжки перечитала, опыта не набралась, не знает, как работать! Я ей фильм обучающий сегодня собирался показывать! Да как же я...

— Вперед, Светлоил, я в вас верю! — одобряюще хлопал его по плечу херувим.

— ГОТОВ ИЛИ НЕТ? — заорал невидимый Глас.

— Хорошо! Иду! — зажмурился, поверил в себя и закивал ангел.

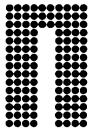
Выступление Ангела-Хранителя Светлоила у Трона Господня заслушали двадцать четыре старца в белых одеждах и четверо животных, непрестанно поклонявшихся Богу. В презентации приняли участие всадники Апокалипсиса на пони, не было пролито ни капли крови, зато экономика Китая сильно выиграла от оптово-

го заказа красных линияющих в горячей воде футболок. Светлоил представлял свой проект в течение двадцати минут, используя последние технические программы воспроизведения — «HolyWORD» и «God'sPowerPoint».

Презентация была признана Престолами и старцами как неплохая, соответствующая современным тенденциям и достаточно креативная, вот только после презентации в Раю было принято вообще отменить Апокалипсис. Светлоил вернулся к работе ангелом-Хранителем, но до сих пор недоумевает, что же он сделал не так.

ГЛОБАЛЬНОЕ ВЫМИРАНИЕ

а, скоро пустят динозавров? — Дим-Димыч протяжно вздохнул и почесал сбитую коленку. Покосился в небо — там наматывала круги какая-то птица.

«Для своих пяти он еще неплохо держится», — подумал Веревкин.

— Скоро. Ты посиди пока с дядей Мишей, я куплю тебе воды и что-нибудь перекусить, лады?

Камеру они уже установили, сделали одно включение, теперь ждали. Трибуны были полны — зрители громко переговаривались, ели-пили, фотографировались, повернувшись спиной к исполинским П-образным вратам. Вокруг Врат — времено #го портала — суетился персонал. Что-то там у них не заладилось.

Справа, защищенный пуленепробиваемым стеклом и двойным кольцом охраны, сверкал на солнце диспетчерский пункт.

Точно такие же площадки были оборудованы еще в полутора десятках точек по всей Земле. По сути, как объяснил Веревкину местное светило, это единая система, — и в час Ч все врата синхронно включатся...

Если бы Надя не уехала к теще, Веревкин оставил бы сына с ней. Им с оператором и без Дим-Димыча хватало хлопот: от коллег здесь было не протолкнуться, охрана умаялась сдерживать самых нетерпеливых. И сигнал шел плохо, с помехами.

Веревкин купил наконец лимонад и бутерброды, когда динамик прозвенел:

— Господа, внимание! Начинаем!

Мишка с Дим-Димычем уже были возле камеры.

— От меня ни шагу! Вот сбоку стой, в кадр не лезь! — он понимал, что непоследователен, но... Включил рабочую улыбочку и:

— Дорогие зрители, сегодня мы впервые заглянем сквозь бездну времен и узнаем, каким был мир 60 миллионов лет назад.

За спиной раздался дрожащий металлический звук. Трибуны ахнули.

Веревкин не выдержал и оглянулся. В проеме Врат виден был тропический лес, тесный лабиринт из пушистых стволов, пестрых листьев, лиан...

Бабочка размером с его планшетник вылетела из леса и присела на вертикальную стойку Врат. Что-то шевельнулось в кустах.

— Напомню, что Врата работают как зеркальная стена: мы видим то, что творится за ними, а вот нас ни один динозавр не заметит.

Бабочка сложила крылья и сделала неуверенный шагок вверх по стойке. По этой ее стороне.

Тень сверху рухнула на мотылька. Мелькнули серо-черные перья, когти исполосовали добычу в клочья. Мелкий ястребок растерянно рванул вверх, на мгновение его крыло оказалось на той стороне.

Из кустов ударило что-то полосатое, чешуйчато-пернатое, с шипением впилося в ястребка — и упало на стойку.

Та покачнулась.

Тварь — смесь попугая и кошки — шлепнулась на землю и откусила ястребку голову. Засипела, глядя на трибуны, припав к земле.

— Стреляйте! — крикнул кто-то.

Но одновременно с выстрелами — как бы не на них! — проламывая гнилые стволы к порталу выметнулся двуногий гигант.

Пули измочалили его левое плечо, и он, заревев, мотнул головой. Стойки заскрежетали и стали заваливаться.

Но прямоугольник, в котором виден был тропический лес, — так и остался висеть посреди ровного, забитого аппаратурой и людьми поля...

Веребкин обнаружил себя уже в служебном коридоре, Дим-Димыч сидел на закорках, до боли вцепившись в отцовские волосы. Рядом, матерясь, бежал Мишка; камеру держал на плече.

Над головами орали; грохотали шаги по лестницам.

Вдали — выстрелы и рев.

Уже в фургоне, выруливая со стоянки под истерику клаксонов, Мишка процедил:

— Единая, значит, система? И что у них, везде сейчас такая катавасия?

По радио в спецвыпуске сообщали, что целостность Врат нарушена, но ситуация под контролем.

— Пап, — тихо сказал Дим-Димыч, — я кажется, знаю, почему вымерли динозавры. То есть... куда они все девались.

ЖЕЛАНИЕ

Когда Вадим Николаевич разлепил глаза, был уже поздний вечер. Или скорее ранняя ночь... или раннее утро, хрен его разберешь зимой, когда вьюжно и темнеет рано, а будильник показывает семь часов непонятно чего, а запой идет себе да идет, не обращая внимания ни на время года, ни на время суток, ни на его, Вадима Николаевича, самочувствие.

Вадим Николаевич, кряхтя, сел — старый диван под ним тоже закряхтел пружинами; так они и покряхтывали несколько минут, каждый о своем. Потом Вадим Николаевич нащупал ногами шлепанцы, встал, подтянул трусы и побрел в ванную, попить и умыться. В первую очередь, конечно, попить.

По пути Вадим Николаевич щелкнул выключателем, но лампочка в комнате не зажглась, чему Вадим Николаевич ничуть не удивился: свет последнее время отключали с завидной регулярностью. В местной газете писали, что, мол, в целях повышения благосостояния, но не указывали, чьего. Явно не Вадима Николаевича, явно...

Хуже всего было то, что в кране не оказалось воды, ни холодной, ни горячей — пить было нечего. Отметившись по-маленькому в туалете и не смыв за собой, Вадим Николаевич поднял фаянсовую крышку бачка-компакта и, зачерпнув из него найденной на кухне железной кружкой, наконец-то напился. А чего здесь такого? Вода в бачке чистая, водопроводная... Не эстетично, конечно, но куда деваться-то, когда трубы горят...

После Вадим Николаевич, подсвечивая зажигалкой, пошел в зал наводить ревизию в своих запасах, о которых помнил даже во сне. Хотя понятия не имел, откуда они взялись. Запасы были хорошие, могучие запасы! На виду оказалось двадцать ящиков лучшей водки, один, правда, почти пустой; двадцать — марочного коньяка, еще десяток чего-то там элитно-иностранный, с невразумительными надписями... коробок пять разных консервов и дорогих сигарет: в общем, вторая комната была забита ящиками и коробками до потолка. Возможно, где-то там, за первым рядом, находились упаковки со столь желанным и необходимым сейчас организму пивом, но разбирать штабеля у Вадима Николаевича сил не было. А крепче пива организм ничего не хотел и грозно бунтовал желудком при любой мысли о водке или коньяке.

Пожалуй, за пивом надо было идти в ближайший коммерческий ларек, тот работал круглосуточно, но вот были ли деньги? Вадим Николаевич, обжигая пальцы нагретой зажигалкой, отыскал в углу спальни куртку и брюки, пошарил в карманах, но найденные два рубля оптимизма у него не вызвали. И тут Вадим Николаевич вспомнил! Стукнув себя по лбу ладонью — ах дурак! — он бросился на кухню.

Деньги были на месте, в открытом настежь холодильнике: пачки долларов, фунтов и новомодных евро забили емкое нутро до самой морозилки. Тоже, кстати, неизвестно откуда взялись... Вытащив пачку долларов, Вадим Николаевич выдернул из нее одну бумажку в сто баксов номиналом, больше брать не стал: а ну как на улице по темноте ограбят? Хотел было закрыть холодильник, принюхался и поморщился: воняло, как на помойке.

— А еще говорят, что деньги не пахнут, — раздраженно сказал Вадим Николаевич и со злостью захлопнул дверцу.

...На улице мело так, что ни фи́га не было видно. Тем более что уличные фонари тоже не светили, и окна в соседних домах были черными. «У всех отключили. Во гады-энергетики!» — понял Вадим Николаевич, геройски топая по сугробам в привычном направлении. Маршрут был настолько отработан, что ни вьюга, ни темнота, ни сугробы не сбили бы Вадима Николаевича с верного пути.

Ларек оказался заперт, хотя семь часов вечера или утра вполне рабочее время; амбразура с дежурным стекляннм окошком была подозрительно темной. Вадим Николаевич стучал в окошко долго, даже орал, чуть ли не уткнувшись лицом в стекло, но Клавка, видимо, или завалилась спать и дела ей не было до страданий ночного героя-покупателя, или вообще на работу не вышла. Вадим Николаевич выругался и побрел назад, домой. Ящики передвигать.

Пока он ходил к ларьку, пока пытался достучаться, вьюга утихла и стало светать: серые зимние тучи разошлись, явив румяное утреннее солнце; снег похрустывал под ногами Вадима Николаевича и это был единственный звук, который он слышал.

Что-то было не так.

Вадим Николаевич даже на минуту остановился, соображая, какое такое «не так» обеспокоило его, но никаких мыслей в тяжелую похмельную голову не приходило. Вадим Николаевич прошел еще с десятков шагов и вдруг сообразил: не каркали вороны. Горластое воронье племя, поселившееся на деревьях вокруг ларька, всегда встречало рассвет омерзительно дружным хором, тут же начиная испражняться — уж это Вадим Николаевич знал наверняка, чай, не первый раз под утро к ларьку ходил...

А еще не было машин: Вадим Николаевич посмотрел в сторону проходящей мимо домов вечно оживленной трассы — да, не было. Ни одной.

— Блин! Война, что ли, случилась пока я пил? — с испугом спросил сам у себя Вадим Николаевич, но, не дождаввшись ответа, продолжил путь домой.

Дома он, потяя от усердия, с трудом отодвинул часть ящичков с водкой, нашел за ними штабель упаковок баночного пива — вытащил одну, уронив все остальные, и, на ходу выдергивая длинную, похожую на снаряженную гильзу банку из пластиковой обоймы, направился к телефону.

Телефон тоже не работал. И сетевой радиоприемник упрямо молчал, хотя ручка громкости была выкручена до упора.

— Совсем озверели демократы, — горько пожаловался Вадим Николаевич полупустой банке. — Додемократились! Вон и телефон с радио отключили, а я ведь за них платил. Кажется, — допил пиво и подошел к окну.

За окном была зима, за окном был день. А людей, машин и ворон не было...

— Эта, — задумчиво сказал Вадим Николаевич мерзлomu окну, — не нравится мне оно чего-то... Может, и впрямь эвакуация была? Может, тут нынче Чернобыль случился, а я и не знаю об том? — обдумал эту мысль и отмел ее как несостоятельную. Потому что ни атомных станций, ни крупных химических предприятий поблизости не имелось.

— Надо попробовать вспомнить, что было-то, — вздохнул Вадим Николаевич, — Может, чего по радио объявляли, да я не понял? — и, чтобы легче вспоминалось, продолжил неспешно потрошить початую упаковку пива.

После второй банки Вадим Николаевич вспомнил, как три дня тому назад пришли Леха и Кузьмич, принесли бутылку и кулек свежемороженой рыбы. После третьей банки пива вспомнилось, как Леха сбегал за добавкой, а Кузьмич жареной рыбки потребовал... После четвертой и пятой Вадим Николаевич вспомнил, что ки-

нул одну рыбину в таз с водой, оттаивать, а остальные сунул в морозилку... Как Леха побежал еще за добавкой, а Вадим Николаевич начал рыбу чистить, а та взмолилась человеческим голосом, обещала три желания исполнить... просила и остальных разморозить, отпустить в реку, мол, тоже откупятся.

Смешно было до упаду: рыба и говорит! Таких глюков у Вадима Николаевича раньше не было. Чтобы именно — говорящая рыба. Что-то он там желал сдуру... водку-коньяк-вино-пиво-сигареты-закуску до потолка и деньги, полный холодильник, ага! Так-так... а что же было с третьим желанием? Кажись, что-то было. Но что?

У Вадима Николаевича от умственного напряжения разболелась голова: пиво не помогало ни вспомнить, ни снять ту боль. Пришлось идти откупоривать водку — организм уже был не против. Совсем не против!

После половины стакана в голове прояснилось. Воспоминание о третьем желании было нечеткое, тусклое как кино в соседнем ДК, куда Вадим Николаевич иногда ходил развлечься, самогона с киномехаником выпить. Но — было.

Зашел, значит, Вадим Николаевич в комнату с говорящей рыбой в руке, похвастаться хотел, ящички с выпивкой да деньги показать, а эти сволочи без него, оказывается, всю поллитру усидели! Озлился тогда Вадим Николаевич... ну, бывает, ну, вспылчив, когда лишку на грудь возьмет... и сказал в сердцах: «Чтоб вы все пропади!» А рыба, помнится, еще уточнила: «Все?» А Вадим Николаевич ответил...

— Черт! — крикнул Вадим Николаевич, отбрасывая стакан и кидаясь к холодильнику — может, какая рыбина еще уцелела, не сдохла... они, рыбы, твари живучие... лед там на стенках был, толстый-претолстый.

Вадим Николаевич открыл морозилку и отшатнулся: воняло именно оттуда, даже не воняло, а невыносимо смердело гнилью, тухлой речной рыбой; Вадим Никола-

евич медленно закрыл холодильник и побрел в спальню поминать безвинно пропавших друзей, дорогих Леху и Кузьмича.

И всех других заодно поминать... которых было сколько-то там миллиардов. Не считая ворон и прочей бестолковой живности.

Единственное, что утешало Вадима Николаевича, так это то, что запасов на поминки у него вполне хватало. На долгие поминки... очень, очень долгие.

Пожизненные.

КОНЕЦ СВЕТА

автра, Петров, можешь на работу не выходить, — сказал Мальцев. Подумал, плюнул папиросой в пол, растер ботинком оплевок по кафельным квадратам, добавил равнодушно:

— Типа, сегодня ночью конец света, начальство распорядилось, чтобы дома встречали. — Глянул куда-то мимо Петрова мертвым взглядом, произнес равнодушно:

— А по мне так гори оно все синим пламенем, — и пошел прочь: седой, перхоть на воротнике, вытертый пиджак, руки за спиной, совершенно безразличный к сказанному.

Его обязали — он сообщил.

От Мальцева сильно пахло спиртом, сегодня был день цеховой выдачи, три литра на квартал, конец смены — отчего бы и нет? Тем более в пятницу.

Святое дело.

Петров проводил Мальцева скучным взглядом и пожелал ему в который раз сдохнуть, не со зла пожелал, но по привычке; детальки одна за другой падали в приемный лоток, железно стуча о бортики.

Одна деталька — десятая рубль, сто деталек — десять рублей, тысяча — еще больше.

Очень хорошая и денежная работа.

Где еще такую найдешь.

Петров выключил станок, посмотрел мельком вверх: над стеклянной заводской крышей — там, вдалеке — на фоне вечернего неба в разбитых окошках мелькали стрижи. Или ласточки, поди разберись с этой крышевой живностью, каждый год разное.

Петров привычно обтер чугунную станину ветошью, смахнул пластиковой щеткой налипшие на станок железные стружки и пошел переодеваться.

В раздевалке было пусто, все шкафчики щерились открытыми дверцами, словно брошенные впопыхах, никому уже не нужные; в подвальной с низким потолком комнате пахло гнилым луком и мочой.

Петров переоделся — с большим сомнением надел пластилиново-липкие носки, решил их дома обновить, пора уже, — сунул перед уходом замасленную робу в шкафчик. Отошел от шкафчика, глянул снизу вверх в зарешеченное окно: мутное стекло, видны лишь туфли прохожих, но если присесть и посмотреть под углом, то иногда заметно и небо.

Впрочем, да, старые стекла синеву показывали, но ничуть ее не раскрашивали.

Дома Петров выпил водки и поел.

Жена Петрова не доставала, не было у него жены, ушла. Устав от телевизора, Петров лег спать: день прошел как день, ночь ожидалась как ночь.

Среди сна случилось что-то странное, но Петров не понял что именно. Как-то необычно ему стало, что ли... Жарко, наверное.

Рано утром Петров пошел на работу. А что еще ему оставалось делать?

Пустой цех был коридорно длинен и странно гулок, роба излишне тяжела; жужжащие потолочные лампы светились над цехом неживым люминесцентным огнем.

Петров включил станок и занялся привычным: детали одна за другой падали в приемный лоток, железно стуча о бортики. Одна деталька — десятая рубля, сто деталек — десять рублей, тысяча — еще больше.

Очень хорошая и денежная работа.

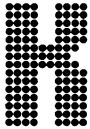
Над головой Петрова — в уцелевших окнах крыши, сквозь налипший на них пепел горелых ласточкиных перьев — медленно, невозможно спокойно разгоралась черная заря; по цеховому залу протянулись длинные белые тени от станков, яркие и глубокие.

И лишь от Петрова никакой тени не было.

Он — работал.

СЛАВЯНСКАЯ СИВИЛЛА

огда двое мужчин к часу ночи уговорили третью бутылку водки почти без закуски — это серьезно. Но своей цели они не достигли — ничего не забылось...

— Я дурак. Нет, скажи — я дурак? Нет, ты скажи! — бубнил один.

— Не ты дурак, а я идиот, — возразал другой.

Оба влипли. И влипли примерно одинаково.

Один, Анатолий, связался с деловым партнером, от которого нужно было держаться подальше. Совместный проект сожрал кучу денег, прежде чем Анатолий опомнился и потребовал разрыва всех отношений. Партнер клялся, что его единственное имущество — сувенирный цех где-то в захолустье, и божился, что в хороших руках сувениры — просто клад, фигурная свечка с узорами в магазине стоит пятьсот рублей, сам проверял, только вот до цеха все руки не доходили. В помутнении рассудка Анатолий согласился взять в счет долга этот цех. Когда партнер, подписав документы, смылся в неизвестном направлении, Анатолий задумался, но было уже поздно.

Что касается Бориса — тот погнался за дешевизной. Ему предложили купить склад с содержимым по бросовой цене, объяснив это так: хозяин начинает совершенно новый бизнес, срочно нужны деньги, а одно только здание склада стоит дороже, чем просят за помещение вместе с товаром. Борис посоветовался с тестем и тещей, напрочь забыв, что для стариков все, что выше десяти тысяч, — уже миллион, и вложил деньги в этот дурацкий склад, вообразив себя крутым оптовиком.

Вскоре выяснилось — сувенирный цех может производить фигурные свечи, если поменять все оборудование, а на складе при нем — несколько тонн неликвида, обычных белых свечек, никому не нужных; что касается склада, то через полторы недели после продажи у него рухнул кусок крыши, и неудивительно — здание семьдесят лет не знало капитального ремонта, а товар оказался просрочен до такой степени, что его бы даже на корм свиньям не взяли.

— И что мне теперь делать с этими проклятыми свечками? — спрашивал Анатолий. — Если бы у меня было хоть что-то другое! Посадить мою дуру на базаре торговать?

— Нет, ты лучше скажи, что мне делать с этой проклятой тушенкой?! Ее же к Первой мировой заготовили!

Пили на кухне у Анатолия, а дура, его молодая жена, взятая несколько лет назад, когда деньги водились, за изумительно стройные ноги и фантастические ресницы, смотрела в спальне какой-то новый сериал. Вдруг она заявила, да еще с новостью:

— Толя, мы разводимся.

— П-п-прямо сейчас? — спросил ошарашенный муж.

— Ну, да...

— А что случилось?

— Мне позвонил Добрыня. Он сделал мою ментоловую карту. Я чистокровная славянка, а ты кто?

— Тьфу ты... — пробормотал муж. — Удавлю я этого Добрыню...

— Попробуй только! — сказала дура и ушла обратно в спальню.

— Кто это? — спросил Борис.

— Козел какой-то. Помешался на славянстве. Тайные знаки расшифровывает. Недавно камень в лесу отыскал — а на том камне история из жизни древлян зачем-то вырезана. Каким-то допотопным шрифтом. Он

ее прочитал, всюду статьи опубликовал. А потом оказалось — это надгробие со старого еврейского кладбища, вверх ногами перевернутое. Кажется, в холодильнике еще недопитая бутылка была...

Наутро оба мечтали о тихой и безболезненной кончине.

* * *

Офис, где Добрыня вел прием, находился на шестом этаже, в самом конце длинющего коридора с пятью поворотами. Время наступило такое, что и эта клетушка стала славянскому магу не по карману. Добрыня сидел в одиночестве и ломал голову над проблемой — как привлечь публику. Генетическо-ментальные карты он предлагал — в месяц заказывали две-три, не больше. Чистку кармы древнерусским способом предлагал — не пользовалась спросом. Нужно было придумать сногшибательную рекламу.

— Массаж? — сам себя спросил Добрыня. Он действительно десять лет назад окончил двухнедельные курсы массажа. Но слово совершенно не русское... какое же должно быть русское?.. Растиратель? Вспомнилась конкурентка, которая называла себя ведической трихой. Значит, трих? Или лучше — трец?

В дверь постучали. Вошел мужчина неславянской внешности — скорее всего, из татар или еще каких черемис.

— Мне вас рекомендовали, — сказал мужчина. — Я был в глубинке, тещину бабку хоронили, и наткнулся на такое — сам не могу понять, что это. Ну вот, стало интересно, а вы — специалист.

— Слава Перуну, — согласился Добрыня. — Присаживайтесь, рассказывайте. У меня расценки — одна консультация стоит пятьсот рублей.

— Нет проблем. Слушайте — я откопал настоящую славянскую ведьму.

— Это как?!

— А так — к тещиной бабке на похороны пришла, откуда-то из лесу выбрела, живет там одна. Пришла, значит, на кладбище, и говорит примерно так: что давняя подружка померла, ей вороны сообщили, а сама она может одно сказать — вовремя Лизавета преставилась, потому что скоро начнутся бедствия великие и половина рода человеческого вымрет. И что были предсказания давние, от бабки к внучке в роду тайно передавались, что сперва придет великанская зима, потом страшный Вольх солнце проглотит и тьма настанет, а моря выйдут из берегов. А зима-то — вон она, все никак не кончается! Так вы скажите — есть в этом какой-то смысл?

— Смысл есть... — пробормотал Добрыня, — и великий... Где ведьма?!

— Я ее привез. Она не сразу согласилась, в городе никогда не бывала, потом решила — нужно людей предупредить, чтобы хоть кто-то успел спастись. Понимаете, предсказано — кто первые десять дней тьмы переживет, у тех есть шанс, потому что будет какое-то другое солнце, этого самого, как его...

— Где ведьма?! — прорычал Добрыня.

— Да внизу, с моей супругой в машине сидит. Я так и думал, что вы захотите с ней побеседовать...

— Сюда ее, немедленно!

Десять минут спустя к Добрыне в кабинет вошла истинно славянская ведьма. Поверх вышитой серой рубахи на ней были намотаны какие-то тканые половики, она горбилась и опиралась на клюку. А на голове у ведьмы был потрепанный кокошник с подзорами, закрывавшими лоб и даже брови.

— Кхе, кхе, — сказала она хриплым, как у старого пьяницы, голосом. — Славянским духом тянет... Ты-

то мне и нужен. Слышь, молодец, я сказывать буду, ты упоминай!

— Диктофон, вот диктофон... — визитер протянул Добрыне железную коробочку.

— Во веки незапамятные, во веки Велесовы... — нараспев затянула ведьма.

Говорила она четверть часа без перерыва. А потом вздохнула, замолчала и даже закрыла глаза.

— Ну, что я говорил? — спросил визитер. — И про Вольха, и про солнце...

— Как ее зовут?

— По паспорту — Анна Кузьминишна, а тайное родовое имя, что от бабки к внучке, — Гремислава. И ведь так говорит, что мороз по коже. Этого же нарочно не придумаешь — десять дней не будет электричества. Как вы думаете — в этом что-то есть?

— Гремислава, так... Она что, заснула?

— Со стариками случается.

— Так, так, так... Вы ее у себя поселили?

— Да нигде еще не поселил, мы рано утром приехали, я всю ночь за рулем...

— Подержите ее у себя хоть дня два, ради Перуна!

— Придется — сегодня я ее точно назад не повезу. Может, ее еще кому-то показать надо?

— Нет! Меня вполне хватит! Теперь я сам бабушкой Гремиславой заниматься буду!

* * *

Анатолий и Борис сидели все на той же кухне. Тарелки и бутылку они сдвинули к краю стола, а посерединке разложили газеты.

— Вот еще, — сказал Борис. — «Славянская сивилла выходит из леса». И вот — «Десять дней беспросветного мрака погубят половину человечества».

— Прекрасно.

— Во! И вот! «Пророчества Перуна сбываются!» Нет, ты посмотри на эту сволочь!

На фотографии Добрыня («Жрец Перуна и Велеса особого посвящения», как он представился журналисту) покровительственно обнимал ведьму за плечи.

— Чего — сволочь? Бизнес у него такой. Без рекламы — никуда.

— Ну, теперь-то к нему побегут!

— Черта с два, — сказал Анатолий. — Побегут, но не к нему.

Оба расхохотались.

— Но ведь так получается, что он не поверил. Если бы поверил — сам бы кинулся закупать свечи и макароны. А не делал рекламу своему салону, — заметил Борис. — Как ты думаешь, он догадался?

— Нет, вряд ли. Просто он обычный человек... — Анатолий вздохнул. — Обычный, понимаешь, который движется в направлении западо-востока. Он пытается перед концом света заработать побольше денег, которые потеряют всякий смысл... Кстати о деньгах!

— Да, идем. Нужно поймать момент!

Они вышли в прихожую и остолбенели.

Только что вернулась законная дура Анатолия и приволокла три здоровенных пакета.

— Вот! — гордо сказала она. — Спичек двести коробочек! Свечек — пятьдесят! Гречки — шесть кило! И туалетная бумага!

— На чем ты собираешься варить гречку? — спросил Анатолий. — Электричества же не будет, а дровяной плиты у нас нет.

— В камине!

— Идем, идем! — Борис вытолкнул приятеля на лестницу. — Время, время!

— Она мне квартиру подожжет!

— Она не умеет пользоваться спичками. Идем!

* * *

В супермаркете «Эврика» был свой локальный конец света. Доисторические бабушки, стоя в хозяйственном отделе у пустой полки, громко требовали свечек и строили гипотезы: директор распределил свечки родне, директор приберегает их, чтобы потом продать за бешеные деньги... Прозвучало почти забытое слово «дефицит».

— Нет, так нельзя, — сказал, вдруг остановившись, Борис. — Они же всю пенсию на эти дурацкие свечи потратят!

— Не волнуйся, они этих свеч и в глаза не увидят. Директор не глупее нашего Добрыни — он до последней секунды будет деньги делать.

Директор оказался деловой дамой лет тридцати пяти. Мысль эта дама поймала на лету: если ей предлагают взять оптом несколько тонн свечек фактически за гроши, то какой же получится навар?!

К вечеру прибыл грузовик со свечками.

По трансляции повторялось: не более десяти штук в одни руки. Тут же самоорганизовались очереди, как в военное время — с цифрами на ладошках. Бабульки оказались умнее, чем думал Борис: они бойко торговали местами в очереди.

— А макаронами лучше торговать с поддонов, — решил Анатолий. — Только нужно какого-нибудь качка нанять, чтобы охранял поддоны. И тетку — продавать. Ты куда сейчас?

— В «Электроникс». Там наверняка огромные скидки. Как раз новый ноут куплю. Потом — в «Хайстайл», за обувью и рубашками. Сейчас же все будут отдавать за гроши, лишь бы хоть какие-то деньги выручить до конца света.

— Деньги, деньги... — Анатолий задумался. — Ну, мыто с тобой знаем, что это за конец света, а они? И до смертного часа у них на уме — деньги, деньги, деньги...

— А у тебя?

— А у тебя?

Прятели недоверчиво уставились друг на дружку.

— И у меня, — горестно признались они хором.

— С этим надо что-то делать, — сказал Анатолий. — Что там журналюги написали про бабушку Гремиславу?

— Что уехала домой — ждать конца света в лесу. У нее там дрова, сортир на свежем воздухе, надеется отсидеться.

— Нужно достать бабушку, чтобы призналась — бес попутал, славы захотела, все наврала!

— Нет! — Борис даже головой затряс. — Хватит с меня того эксперимента! Раскусят, понимаешь?

— Мы никуда не пойдём! Ты сыграешь бабушку перед камерой! — стал убеждать его Борис. — У тебя же так классно получилось!

— Нет!

— Борька, возьмем все эти тряпки, поедем в лес, встанешь под елкой, никто ничего не разберет, ты, главное, хрипи пожалостнее!

— Да ну тебя...

— Борька, эту историю пора как-то кончать.

— А зачем? На когда мы конец света назначили?

— На июль, а что?

— Слушай — я вкладываюсь в твой завод, и мы еще успеваем выпустить десять тонн свечек!

— Да?

— Да! Только делать это надо быстро! Представляешь, какой будет навар? И выкинуть на рынок за три дня до конца света!

Анатолий почесал в затылке.

— Бабулек жалко, — неуверенно произнес он.

— Да что ты заладил — бабульки, бабульки? Живые деньги в руки плывут! И времени до конца света совсем мало!

* * *

На складе было пусто. Борис сидел на перевернутом ящике и вздыхал.

— Ну, что еще? — спросил Анатолий.

— Вот думаю — здание-то как нарочно для конца света приспособлено. Тут раньше печки были, можно найти старые дымоходы. Только времени маловато...

— Ну, вряд ли ты успеешь найти покупателя.

— Зачем покупателя?! А сами где отсиживаться будем?!

Анатолий попятился.

— Борька, ты так не шути... ты так, пожалуйста, не шути...

— Ага! И ты понял?! И ты догадался?!

— Борька, ты что, забыл?

— Я включил вчера телевизор, Толик, слушаю и понимаю — а ведь все это правда! Ты еще не понял? Мы угадали правду! Эта проклятая славянская сивилла...

— Борька! Ты же сам — сивилла!

— Нет, есть настоящая сивилла, она где-то за Иркутском живет, она выступала, сказала — конец света называется Рагнарек! Рагнарек! Говорила еще — не свечи и спички запасать надо, а керосин. И керосиновые лампы купить, только они спасут! И еще — биотуалеты. Там сразу рекламу биотуалетов дали...

— Где-то какой-то идиот получил в наследство склад с керосиновыми лампами, — сделал вывод Анатолий. — Борька, опомнись! Ты же сам все это придумал! Теперь эти сивиллы и прочие шаманки из всех телевизоров, наверно, торчат. Люди деньги делают! Ты же сам как наварился, а? Борька!

— Надо искать дымоходы, — отрешенно сказал Борис. — Десять дней будет полный мрак. А электричество вернется только через полгода. Понял?

— Понял. Слушай, раз уж такое дело — напиши завещание. Мало ли что.

— Завещание?

— Будь последователен, Толик. Если конец света состоится, то многие погибнут, опять же — моря выйдут из берегов, досюда какое-нибудь цунами доберется. А если ты, не приведи господи, ну, понимаешь... в смысле — без завещания... Все ведь государству достанется!

— Государству?! А шиш ему! У меня сын и дочка в Америке! Едем к нотариусу!

Анатолий надеялся — пока доберутся до нотариальной конторы, у Бориса в башке прояснеет. Но не прояснело, а даже наоборот — длинная очередь завещателей в приемной подтвердила Борисову правоту. И впридачу оказалось, что нотариус берет за услуги натурой, завещание обойдется в сто свечек и двадцать банок тушенки.

— Маразм! — воскликнул Борис. — Где же я возьму... Идиоты! Мы же себе ничего не оставили! Ничего, понимаешь?!

— Моя дура весь дом забила всякой дрянью!

— Так то — твоя...

Они вышли на улицу и увидели процессию. Шли люди в длинных белых рубахах, несли колесо на палке. Что за колесо — непонятно. Куда направились — неизвестно...

Анатолий затащил Бориса в машину, погнал к заправке.

— Литр бензина — две свечки, — сказали там ему.

— Это с каких же пор?

— Хозяин утром позвонил, велел брать только свечками, овсянкой, шпротами...

Случилось самое жуткое — деньги утратили смысл.

Род человеческий вдруг осознал их никчемность. И это осознание, как эпидемия, понеслось от города к городу, перескакивая границы и перелетая моря.

Деловой мир рушился прямо на глазах.

* * *

В лесу было хорошо. Костер горел ровным пламенем, в котелке шкварчало варево из перловки, картошки и тушенки.

— Не может быть, чтобы свет кончился в двадцать четыре ноль-ноль по московскому времени, — убежденно говорил Борис. — Ни при чем тут московское время. Нигде не сказано, что по московскому...

— Скорее бы, — буркнул Анатолий. — Третьи сутки тут сидим. А моя дура дома одна. Точно ведь чего-нибудь натворит.

— Полночь! — торжественно произнес Борис. — Ну, значит... Толька, если я когда чего... ты уж прости...

— Я бы тебя в психушку сдал, если бы главврач меньше запросил. А то — яичный порошок, сгущенку! Где я ему яичный порошок возьму?

Время шло, костер не гас, свет не кончался. То засыпая, то просыпаясь, Анатолий с Борисом досидели до рассвета. Солнце взошло, осветило скромный бивак.

— Ну? — спросил Анатолий. — Что ты теперь скажешь? Про сивиллу?

— Дура она! — выкрикнул Борис. — Дура деревенская! Лизавета, а туда же — Гремислава!

Тут терпение Анатолия лопнуло. Взвалив щуплого приятеля на плечо, он дотащил брыкавшееся тело до холодного ручья, ухнул туда и не выпустил, пока не убедился, что Борис промок насквозь и замерз.

— Ну, посвежело в голове? — спросил он.

— Б-б-б-п... п-п-по-све-же-ло...

— Сивиллы не мерещатся?

— М-м-ме-ре...

— Ну, мокни дальше.

— Толь!

— Чего?

— Как же дальше жить?! Без него?! — выкрикнул Борис.

— Без кого?

— Без конца света? Понимаешь, был конец света, был смысл жизни...

— Вылезай. Если уж до смысла жизни дошло... вылезай, бабка Гремислава...

— Ты деньги не пожег? — деловито спросил Борис, заворачиваясь в одеяло, чтобы в нем согреться у костра.

— Что я, дурак, что ли?

— Да ведь солидные люди жгли! Прямо в парке на газоне.

— Ну, значит, я несолидный... Дура!!!

Борис все понял.

Дура, оставшись одна дома, могла набрести на тайник с деньгами. Поди знай, что придет в ее безмозглую голову — или же что ей подскажет Добрыня, узнав, что муж исчез в непонятном направлении.

А что она способна отнести денежки в общий костер, чтобы влиться в совместную пляску, Анатолий не сомневался.

Родной город понемногу приходил в чувство. Магазины стояли закрытые — в них не было большой нужды, все запаслись провиантом на несколько недель. Но люди уже шли по улицам вполне осмысленно, по делам, и не одни Борис с Анатолием возвращались из леса.

— Развод. Прежде всего — развод! — твердил Анатолий. — Все ведь из-за нее! Думаешь, почему вся эта история с Веденяпиным случилась? Почему мне этот дурацкий цех достался? Все из-за нее! Мне деньги были срочно нужны — она шестикомнатную квартиру захотела!

— А я о чем? Во всем бабы виноваты. Теща, чтоб ей, как клещ впилась: бери этот склад, бери этот склад! А что вышло?

И с каждым шагом им делалось все легче и легче — как всякому, кто ищет крайнего и с восторгом его находит. Наконец они рассмеялись.

— А все-таки хороший был проект, — с некоторым сожалением сказал Борис. — Правда, не все мы продумали...

— Ничего на ошибках учатся.

Они переглянулись — и обоим стало ясно, что настоящий, во всех мелочах просчитанный конец света у них еще только впереди.

ЭТО КОНЕЦ, СВЕТА!

 ляха-муха, — мрачно сказал Епифаныч. Неизвестно, бляхой ли была эта муха. Скорее она смахивала на уродливую саранчу с шестью железными крыльями и (почему-то) комариным хоботком. Епифаныч встряхнул банку. Муха внутри загремела, ударяясь о стенки. Звук напоминал клацанье металлических зубов или мерную поступь римских легионов по мощеному тракту. И пыль, пыль, пыль...

— Товарищ, это как, закусь? — иронически предположил Лаврентий.

Он присел рядом с Епифанычем на облако и, свесив ноги в хромовых сапогах, уставился на землю внизу. Земля линяла. Зимняя ее шкура, белая и пушистая, облезала, обнажая грязные подпалины. Но кое-где рощи уже обметало зеленой дымкой будущей листвы. Весна. Даже здесь, на облаке, остро пахло сыростью, бензином и собачьими какашками, вылезшими из-под талого снега.

— Сам ты закусь, — угрюмо отозвался Епифаныч.

Епифаныч было не настоящее его имя. Когда-то его звали иначе. Возможно, Азраилом или Абаддоном, или еще одним из древне-жидовских имен, которые нынче не в чести. Но сейчас все как-то привыкли звать неудачливого ангела Епифанычем. Он пил горькую с декабря. И закусывал саранчой, хотя и скрывал последний факт от более удачливых коллег.

Лаврентий был не коллегой, а, скорее, консультантом по рабочим вопросам. От консультаций его, одна-

ко, проку было ничуть не больше, чем от пресловутой саранчи.

— Небесный огонь пробовали? — поинтересовался Лаврентий, извлекая из тесного френча непонятно как уместившуюся там бутылку армянского коньяка.

Протерев очки, он внимательно оглядел саранчу в банке, облако и Епифаныча, покрутил коротким носом и полез в карман. Оттуда появились пузатенькие стеклянные стопки и белоснежный платок. Платком Лаврентий протер стопки и, кажется, не прочь был бы протереть и облако, и самого Епифаныча, однако мрачный взгляд собеседника удержал его от этого поступка.

— А то как же, — ядовито отозвался Епифаныч, почесав поросшее черными перьями крыло.

В те времена, когда Епифаныч был Азраилом или Абаддоном, его черные крылья, вероятно, навевали на смертных восторг и ужас. Сейчас Епифаныч здорово смахивал на облезлую ворону, а коллеги, ухмыляясь уже в открытую, приветствовали его фразочками типа: «Ой, позырь-ка, брат Даниил, грачи прилетели. Весна не за горами!» Нахохлившись, Епифаныч уставился на пузырь.

— Небесный огонь, совмещенный с человеческими представлениями об агрессивных пришельцах. Вон, — он ткнул пальцем с заскорузлым ногтем туда, где, предположительно, находился Челябинск. — Вон где мой огонь и мои пришельцы. Хоть иди и обломками торгуй... А все Михаил, сквалыга проклятый: «Вот тебе, мол, колесница Илии, почти что новая, только гаек пару подкрути...» Подкрутили!

В голосе Епифаныча прорезалась тысячетлетняя горечь. Ну как же, Михаил, небесный архистратиг, весь в белом, а как мусор за ним подбирать — это все ему, противоположному и чернокрылому...

— Это вы погодите, товарищ, — сурово оборвал его консультант Лаврентий. — Это вы не ту линию гнете. Пораженческую гнете линию. Товарищи из Мексики

должны были оказать нам свою революционную, так сказать, эсхатологическую поддержку...

— Иди, друг, сам ищи своего Тескатлипоку! Они с Кукульканом и этим... как его... с большим членом который... Тельпочтли, во! — нефть в Мексиканском заливе ищут! И, говорят, уже нашли, после того как там два американских танкера затонули...

— Гнилые буржуазные ценности подорвали революционный дух наших мексиканских товарыщей, — сокрушенно заметил Лаврентий и разлил коньяк. — Так выпьем же за то, чтобы такие инциденты не подрывали дружбу между нашими великими народами!

— Гамарджоба, генацвале, — уныло отозвался Епифаныч и одним махом опрокинул в себя стопку.

Сунув грязную пятерню в банку, он вытащил бляхуху и сочно ею захрустел. Лаврентий извлек откуда-то огромный, бордовый помидор сорта «бычье сердце» и впился зубами в ароматную мякоть. Некоторое время на облаке царило молчание. Ветер доносил с земли запахи прели, навоза и свежей листвы.

Аккуратно положив надкушенный помидор на платок, Лаврентий продолжил расспросы:

— А почему бездействуют товарыщи с Севера? Насколько я помню, согласно утвержденной программе они должны были поставить нам волка Фенрира и ынеистых великанов. Где волк Фенрис и ынеистые великаны? Почему зима Фимбул не наступает в соответствии с намеченными сроками?

Слишком воспитанный, чтобы ткнуть пальцем, Лаврентий указал подбородком на парящую внизу землю.

Выплюнув надкрылье саранчи, Епифаныч молча кивнул на третий подъезд дома номер двадцать один дробь девять по Большой Монетной. Там какой-то старикашка, кряхтя, тащил на помойку новогоднюю елку. Елка уже смахивала не на елку, а на скелет. В желтых сухих ветвях запуталась веселая мишура. Елка доблестно отработала четыре месяца и теперь недоумевала, поче-

му вместо заслуженной пенсии ее волокут в мусорный бак. Старик полностью разделял мысли елки, и даже собирался изложить их вслух на ближайшем собрании жильцов дома.

— Кирдык твоим ынеистым, — с чувством произнес Епифаныч и снова разлил. — Эта ель последняя была.

Вздохнули. Выпили. Закусили, каждый своим.

Епифаныч с тоской покосился на собутыльника. Извлекать его из глубин преисподней явно не стоило. Все идеи Лаврентия были либо банальными, либо глупыми, либо шли вразрез с Генеральным Планом. Так, в частности, его предложение отправить все трудоспособное население Земли на лесоповал в амазонские леса и лишить планету ее зеленых легких не встретило одобрения в высших эшелонах Власти.

Зато коньяк был хороший. Хороший коньяк с ломтиком лимона — что еще надо для счастья?

Словно подслушав его мысли, Лаврентий порылся в облаке и вытащил оттуда лимон и серебряный ножик. Епифаныч чуть не взвыл с досады.

— Откуда ты все это достаешь, чурка ненашенская?

— Папрашу, — тихо, но твердо сказал Лаврентий, сверкнув очками. — Спецнабжение. Продуктовый заказ. Все согласно протоколу.

— Тебе что, из ада продуктовые заказы подгоняют?!

Лаврентий тонко, но многозначительно улыбнулся, и Епифаныч окончательно понял, что работает не в том ведомстве.

— Ты чего вообще пришел? — окрысился он. — Совета дельного от тебя не дождешься. Коньяк еще притащил зачем-то. Спаиваешь меня, да? К хвостатым переманить решил? Не дамся тебе! И не проси!

Но Лаврентий просить не стал. Вместо этого он, нахмурившись, снова полез в карман. Епифаныч смотрел со странным предвкушением. Что появится оттуда на сей раз? Шоколадный торт «Прага»? Комиссарский «маузер»? Однако в широкой волосатой лапище Лаврентия

показался только смятый листок бумаги. Лыдисто сверкая очами, консультант по эсхатологическим вопросам поинтересовался:

— Товарыщ, скажите, ваша ли это была идея: задать школьникам тему подготовительного сочинения к ЕГЭ «Другой конец света»?

Епифаныч мрачно кивнул.

— Моя. Понадеялся на юношескую свежесть и незащищенность мышления. Только в результате все та же хрень: вирусы, пришельцы, цунами, землетрясения. А что?

— А то, — сурово продолжал Лаврентий, — что товарищ Кастиил из канцелярии любезно предоставил мне этот вот документ.

Епифаныч взял бумажку из рук консультанта. На разлинованном листке, вырванном из школьной тетрадки, расплылись кривые буквы:

«Боженка, — прочел Епифаныч, — все говорят что скоро будет Канец Света. Пжалуста боженка, сделай так штобы канца света не было пока я не засажу Светке, из 9 «А». Большое спасибо. Твой Толик»

— И что? — сердито спросил Епифаныч. — Дурак твой Толик. И товарищ Кастиил, крыса канцелярская, дурак.

— А вы посмотрите, товарищ, что там на обороте.

Епифаныч перевернул листок. На обороте лиловела официальная печать Небесного Ведомства, а поверх нее виднелась размашистая надпись:

«ТОЛЯН, ЦЕЛИКОМ АДАБРЯЮ. ТВОЙ БОГ»

АЛЬФА И ОМЕГА?

Какое все-таки веселье
На вороном лихом коньке
Нестись вселенской каруселью
С еловой сабелькой в руке!

Автор «Эпициклов»

Лето Господне 2037-е

 ог весть, кто сказал «а». Может, конечно, и сам Бог. Но скорее, все-таки, медельинский наркокартель, у которого, ясное дело, были деньги. Правда, чтобы их стало еще больше, миру надлежало быть или слишком сытым, или слишком напуганным. Второе, разумеется, проще. А как это соорудить, хорошие головы всегда придумают. Так деньги и сошлись с головами. Следовательно, эти последние сказать «а» никак не могли. Впрочем, кто знает? Головы-то у молодых леваков из «Сендеро луминосо» были светлые. По крайности, местами. Так что и они могли подкинуть медельинцам идею. Ладно, пусть будет два «а».

Так или иначе, а в недрах тайного притона, оборудованного в глубокой пещере, которую создал в гранитных склонах вулкана Хуйнапутина (или Хуайнапутина, или Уайнапутина — смотря какой карте верить), само собой, Бог, головы, обручившись с деньгами, учинили маленькое, но могучее производство, где из добытого в разных местах по случаю добра творили с чьей-то точки зрения зло, а со своей — добро еще большее, если не высшее — водородную бомбу. Что ею взрывать, еще не решили: то ли недобитый Нью-Йорк, то ли грозный Кремль, то ли позабывший заветы Великого Кормчего

толстосумный Пекин... Но что-нибудь — непременно. Если бомба лежит на полке, она должна рвануть.

Но вот кто сказал «б», ясно как божий день. Астероид, занесенный в каталоги под номером 117-03, обточенная солнечными ветрами каменюга размером в полтора Колизея, заглянул прямехонько к ним в гости и сказал: «Бум!»

Бум получился куда серьезнее, чем предполагали бредущие сияющим путем: бомба рванула — сделали-таки ее на совесть. Вулкан тоже рванул, дабы показать, что умеет петь дуэтом. Но соседним стало обидно, и дуэт превратился в хор.

И было пламя, и вознесся пепел, и пала тьма.

День последний?

Лето от нисшествия Тьмы 500-е

Город просыпался, омываемый ясными, но холодными еще солнечными лучами, и свежел на глазах, как лицо, ополоснутое водой из бадейки. Отставной полусотник княжого войска Онуфрий Свяга вышел на крыльцо и потянулся, принимая утренний свет в волосатую грудь, отчего, казалось, и дышать-то делалось легче. И не потому, что в избе душно, а потому, что душа радуется.

Из-под скрипучей — сторожевой — лестницы высунул любопытную морду бурундук, зыркнул по сторонам, ничего интересного не углядел и уежился обратно. За забором, по улице, разъезженной и грязной (город как-никак, движение!), шла от колодца баба с коромыслом — Анна, челядинка соседа, старшины гончарного цеха Гаври Юрьина. Полусотник проводил ее взглядом — поутру скорее праздным, нежели заинтересованным.

Колокола еще не возвестили сбор. И нескоро возвестят — на все времени хватит: и себя в надлежащий порядок привести, и неторопливо пропустить кружку-дру-

гую чаги копченой, и холопьям, кому на праздник путь заказан, наставления дать, мягкие, натурально, ласковые по такому случаю, но чтобы дело помнили. Холопьями его сам князь пожаловал опосля того боя на Малой Сопливице. Мудр правитель: не цацку какую на грудь, а то, что в основу хозяйства. Цацки — для новобранцев это. И сам таким был, и наполучал... Ну а мужу солидному и награда должна быть солидной. Так-то. За делами времечко и пробежит, а там как раз и отправляться пора придет.

На Соборную площадь столицы стекались все вольные граждане Великого Православно-Коммунистического княжества Коми-Зырянского. И не только. Были тут и пришельцы из иных градов и весей. Кого только ни встретишь! Ыбляне и ыблянки из дальнего юго-западного города Ыба, что стоит на граничной реке Сысол; жители соседнего Войвожа и северяне из ермицы, с берегов Печоры; обитатели восточного Вуктыла и южного Югыдъяга... Тем, кто пешим порядком сюда, в Извайль, добираться, пришлось топать и три, и четыре дня, а из самых дальних мест — и все десять. Но по случаю главного праздника страны не в труд оно — в удовольствие. Тем паче что всех званых, на парад стекающихся, и кормить в пути велено бесплатно, и ночевать им повсюду разрешено невозбранно. Да и в столице — тоже. Так что народу собирается тысяч до трех-четырех, а то и более. Подумаешь об этом — и грудь гордостью распирает.

Полусотник нагнулся и приложил ладонь к земле. Достаточно сухая. Легонько хлопнул по ней и прислушался. Звук был долгий и звонкий. Повезло с погодой. Не каждый раз так — весна как-никак, и дождь случается, даже шальной снег упасть может: хоть и растает тут же, а все равно слякотно и всю радость поломают.

Место Свяги — в почетном секторе: ветеран, не кто-нибудь, человек заслуженный и не последний. Это если скромно. По ступеням, пахнущим свежим пилом и те-

сом, поднялся он на верхний, седьмой ряд, откуда видно лучше всего будет, опустил на скамью и похлопал ладонью по месту рядом — садись, мол, баба. Жена села. Дерево тяжело скрипнуло.

Отсюда видна была не только площадь — весь город, и какой! Четыре храма, да из них два каменных — где еще такое сыщешь? И хоромы княжие тоже каменные, да еще и резьбой затейливой украшенные: лет тому этак семьдесят назад, еще при деде нынешнего князя, привели из набега камнерезов владимирских. Уж пришлось им расстараться... А вон и курная изба высится. Бревенчатая, конечно, но в два этажа, с гульбищем, где вечерней порой сладко с мужиками посидеть, покурить, лясы поточить да на грудь принять. А вот библиотека — не хоромы тебе, так, домишко, но каменный, чтоб огню неподвластен был, потому как сокровища там немальные: говорят, книг с полтыщи. Сам-то Онуфрий их не видел, но народ врать не станет. А дальше по всему городу дома старшинские — и военного люда, и священского, и торгового... Срубы — загляденье: бревнышко к бревнышку, да не абы каких, осиновых, в обхват. И окошки со стен смотрят на мир зорко, аккуратные, маленькие, ибо большие окна избе иметь стыдно. Где слюдой поблескивают, а где и стеклом заморским. В какую сторону хоть на год пути ни подайся, а краше Изваила не сыщешь. Может, и вправду не зря преподобный отец Етой пророчествовал: мол, рухнул за грехи свои Третий Рим, но вознесется, вознесется четвертый, и не где-нибудь, а здесь, на исконных наших коми-зырянских землях, вознесется, и пятому Риму вовек не бывать. И при взгляде на дубовые, камнем заваленные и землей забитые клетки мощных городских стен верилось Онуфрию — так и будет. Где ж еще, коль не здесь? А Рим там, не Рим... Хрен его знает, что оно такое, этот Рим! Хотя, похоже, серьезное что-то, зря святой отец брехать не станет.

А там, за стенами — посадки. Одних землянок сотен пять, если не восемь. И в каждой не по одному человеку. Силища. Ежели приспичит да их на стены вывести — никто не страшен. Однако не приходилось пока. Войском отбивались всякий раз. Чего зря людей от дела отрывать?

И тут ударили колокола. Гул несся отовсюду, словно глас небесный, летел, летел, истишался, и снова исполнялся силы. Свята замер. Сейчас начнется. И с ним вместе замерла вся площадь. И те, кто на трибунах сидел, и подтрибунники, кому только промеж ног сидящих и смотреть остается, — тут все едины были. Ровно двенадцать раз возносился и опадал звон, а потом наступила тишина. И откуда-то издали донесся новый звук, негромкий пока, но стройный, надежный, радостный. Защемило полусотниково сердце. Не здесь бы ему сейчас сидеть, а там быть. Ибо в единении сила. Не зря же сказано: «Пока мы едины, мы непобедимы»...

И вот в разрыве между храмами Мартына Каллиста и Олексы Варяжича, первых святых Земли Коми-Зырянской, показалась голова колонны. Парад пришел!

Ряд за рядом, неспешно, чеканя шаг, вливалось воинство на площадь. Разом ожил над головами огромный берестяной, подснежной клюквой крашенный рупор, и полилась из него речь, всякое слово которой, пусть порой неотчетливое, западало в душу, и хотелось встать, и пойти, и влиться... Но нельзя. Дисциплина. Всему ведь свое время: есть время ходить, и есть время сидеть.

Колонна втекала на площадь, плавно ее огибая, чтобы потом разом замереть, поворотясь лицом к празднично убранной трибуне, где недвижно сидят, откинувшись на высокие спинки своих кресел, и святейший генеральный патриарх Леонид, и сам великий князь Борис IV Сергеич, и незаменимый его верховный воеводиссимум товарищ Антип Пернач.

Но это будет потом. А пока... Пока героическое воинство шагало. Сверкало на солнце отменно выбеленное

рядно форменных рубах, в такт шагам колыхались над головами плечи грозных луков, чернели на груди десятников древние ритуальные калашаи. Не пропадет втуне наследие предков, беззвучно говорили они, немые, но красноречивые, ибо грозная некогда их сила перелилась теперь в длинные луки и умелые руки стрелков. А над головами стрелков гордо реяло красное, навсегда впитавшее в себя сок ранней земляники полотнище с вышитыми умелыми руками кружевниц геральдическими золотым серпом под двумя яйцами — священным символом союза труда и плодородия. Не все лучники княжества были здесь — только лучшие из лучших, отборнейшие из отборных; одна лишь сотня, но такая, что любого полка стоит. Они шагали, и подкованные лакированные лапти заедино били в землю, и несли по земле гул, и передавался в сердца всем, кто видел это, и стучали их сердца в том же ритме торжественного шага.

А из рупора неслось:

— ...и вот перед нами потомки героев и сами герои, чей ратный труд никогда не посрамит деяний предков! Посмотрите, как сияют на груди у каждого заслуженные награды — Георгиевские кресты, названные так в честь величайшего полководца всех эпох Георгия Ильича Сталина! Это ваши братья, мужья и дети, чьи предки выстояли и победили в той великой битве против Тьмы, пришедшей с запада! И дети достойны славы пращуров!

А за лучниками выкатились на площадь влекомые упряжками могучих лосей катапульты. Колеса скрипели, земля стонала, вдавливаясь под тяжестью смертоносных орудий, а прислуга недвижно замерла на станинах, и в лице каждого читалась неизбывная гордость своей причастностью к непобедимой силе.

— Да здравствуют наши доблестные камнеметчики! — лилось над площадью. — Стены какого вражьего града устоят под их яростными ударами?! Не зря еще до

прихода Тьмы именно эти войска называли грозным богом войны! Восславим же их!

И тысячами глоток площадь взорвалась в ответ:

— Слава! Слава!! Слава!!!

Но камнеметчики — люд правильный, дисциплину знающий: ни единой улыбки не скользнуло по губам, не дрогнул никто и мускулом, не шевельнулся, а если и сверкнули в глазах искры гордого счастья, так кто их отсюда, с трибун, разглядит...

А дальше шагали колонновожатые, те, что прокладывают гати через болота и наводят мосты через реки, без кого любая армия может встать перед рубежом и застрять, утратя пыл и прыть.

Шли и шли.

Да, с такими никто не страшен: ни супостат лихой, что на тебя вдруг нагрянет; ни враг, на коего князь укажет да противу которого патриарх благословит; ни кикиморы-сусанки, что живут в болотах и с надежных гатей сманивают в трясины, так и норovia погубить православное воинство; ни лешие, водящие по гушам да пущам, пока последний боец с голоду не окочурится; ни домовые, во вражьем граде всякую хоромину в крепость обращающие; ни даже нефтяники, что живут в Трубе, а темными ночами выходят душить на привале ни о чем не подозревающих и ни в чем не повинных спящих солдат...

И вот наконец выстроилось войско, замерло с последним ударным шагом, и все затаили дыхание, чтобы услышать вечные и неизменные слова своего великого князя. Тот поднялся с кресла, встал, взявшись обеими руками за перила, и мощным голосом, что безо всякого рупора каждому тут был слышен, возгласил:

— Братья и сестры! Велика наша страна, но отступать в ней некуда! А что это значит? А это значит, что ни единому врагу, коварно на нас напавшему или собирающемуся напасть, не позволим мы ступить в ее священные пределы. Всех будем бить! На их земле! И боль-

шой кровью заплатят они за нашу малую! Дети мои, святое мое воинство! Да не уроните вы гордого знамени, поднятого в незапамятные времена предками! Чтобы каждый год еще тысячи и тысячи лет могли мы отмечать этот главный, этот светлый, этот заповеданный нам праздник — Девятое мая!

И одним дыханием, одним горлом все воинство троекратно ответило, нарастая ревом:

— Не ур-роним! Ур-ра! Не ур-роним!! Ур-ра!! Не ур-роним!!! Ур-ра!!!

Тут поднялся и встал обочь князя патриарх и густым басом возгласил:

— Быть по сему и ныне, и присно, и во веки веков! Ибо сказано в Священном Писании: еще на заре мира сам Бог заключил завет с народом Изваильским!

И тут отставной полусотник Онуфрий Свияга заплакал.

Лето от нисшествия Тьмы 870-е

На самой окраине Православно-Коммунистической Коми-Зырянской империи, по долинам и по взгорьям раскинувшейся через непроходимую тайгу и непролазные болота, через необозримые степи и непреодолимые горы, перевалить которые однако же оказалось по силам ее доблестным армиям, ибо недаром в Писании сказано: «Нет крепостей, которые коммунисты не смогли бы взять», — так вот, на самой окраине империи, в трех километрах от подножия Ключевской сопки, приютился в пещере невидимый глазу, даже летчицкому, тайный лагерь партизан из движения «Камчатка для камчадалов».

Народ подобрался головастый, сплошь университетские выпускники, кто Изваильского, кто Томского, кто Магаданского. И дружно ладили они тут водородную бомбу, благо после развала Поднебесной Федерации достать все потребное труда не составляло — были

бы деньги. А деньги как раз были, потому как уж слишком напористо теснили имперские войска южные земли с их неоглядными маковыми полями.

Что именно взорвет их детище, творцы не знали. Да и не им решать. Для этого другие существуют, кто не в физике с механикой разбирается, а в политике. Но что бы там ни взлетело на воздух — всяко во благо, ибо придется империи зализывать кровавую рану, а тем временем...

Кстати, о времени.

Высоко в небе, черном и пронизанном ледяным дыханием звезд, хищно парил астероид.

День последний?

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН

Конец света,
который мы не заметили

И увидел я новое небо и новую землю; ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет.

Побеждающий наследует все, и буду ему Богом, а он Мне сыном; боязливых же и неверных, и скверных, и убийц, и любодеев, и чародеев, и идолослужителей, и всех лжецов, — участь в озере, горящем огнем и серою.

Откровение святого Иоанна Богослова, 21–5,7,8

ВЫ ЛЕТИТЕ КАК ХОТИТЕ!

*Посвящается моим коллегам по работе
в «Overseas Strategic Consulting, Ltd»*

- Мне нужно было настоящее чудовище.
И тогда я сделал его птицей.
- Почему?
- А с птицей договориться невозможно.

Юрай Херц. Из разговора

Птичий был единственной причиной того, что он все-таки получил эту работу. Иначе ему не видать бы этой зарплаты, как своих ушей без зеркала. Резюме, которое он оставил три недели назад в Птичьем Дворе, было составлено довольно осторожно. Кассету он записал на воробьином, который все они более или менее понимали.

Пятый пункт дался ему особенно трудно. Птицы фантастически чувствительны к мельчайшим изменениям тональности — детектор лжи по сравнению с ними кусок железа, а нормальные человеческие уши — кусок мяса. А когда врешь, тон, увы, повышается — усилие перенапрягает мышцы гортани...

«Чирр-чюррип-фьюирр-чак». «Фьюирр» — не выходило, хоть плачь. Получалось «фьюирр» — «очень люблю», а за такую ошибочку в произношении можно было очень легко потрохами заплатить.

Вронский промучился два вечера, пока ему удалось добиться убедительного звука.

Теперь он сидел на своем насесте в вольере напротив начальницыного и снова мучился, переводя ответ начальнику птицефабрики, умолявшему смягчить при-

говор. Случай был безнадежный. Все директора птицефабрик были приговорены к незамедлительной утилизации на кормокомбинатах, а персонал к пожизненному заключению там же, но с утилизацией посмертно.

Начальницы, слава богу, не было на месте. Сквозь приоткрытую дверь вольера виднелся стол, заваленный кассетами, несколько исклеванных яблок. Насест был самую чуточку загажен. Ровно настолько, чтобы показать, что Начальница помнит о своей исконной сущности.

Из соседних вольеров доносились неразборчивые пiski и вскрики. Вронский понимал далеко не все.

Тогда, в незапамятные времена, он поперся на факультет зоолингвистики по очень простой причине, вернее, сразу по трем очень простым причинам.

Третья была — жестокий недобор, отчего брали всех, кто пришел на экзамен.

Вторая — до университета от дома можно было дойти пешком за семь минут.

А первая — туда поступала Ледка. Она училась в школе с орнитологическим уклоном и была помешана на всех этих делах. Сама выучила какаду, безо всяких учебников и курсов, просто с голоса. У нее было два какаду, здешнего вывода, по ночам она регулярно слушала «Крик Какаду», а братец, мореман дальнего плавания, контрабандой возил ей из загранок покетбуки и записи на какаду.

Два курса Вронский таскался за нею, несколько раз под настроение они вусмерть целовались в подъездах. Потом Вронский уже совсем решил на ней жениться и уехал в стройотряд — «подрубить капусту» на свадьбу. Кстати, строили они ту самую птицефабрику, ответ директору которой он сейчас переводил.

Вронского познобило: по теперешним временам это солидной темноты пятно в биографии. Не дай бог, Дятлы достучатся...

Вичч-чьючи-чир-чир-чи-фирр. Вам отказано окончательно.

Вронский отложил микрофон и снял наушники. Намятые хрящи горели, в голове, как воробьи под церковным куполом, метались звенящие крики. За сегодняшний день это был восемнадцатый перевод, не говоря уже о письменных: губы сводило, язык дрожал от утомления, горло саднило. Он знал, что на своих слетах они все равно посмеиваются над ним и остальными переводчиками, а Ара виртуозно передразнивают их ошибки и оговорки... Ну и черт с ними. Главное, что не надо идти наниматься на кормокомбинаты. Фью-ирр-чип.

А замуж за него Ледка не вышла. Пока он горбил в стройотряде, она безмятежно «выскакнула», как поведала ему ее бабушка. За морского летчика. Мгновенно и впечатляюще забеременела, родила близнецов, назвала Кастор и Поллукс, и выпала из обращения. Вронский крайне редко вспоминал о ней, и почти всегда с похмелья. Особенно с тяжелого, с классического Katzenjammer'a.

Года два он не мог смотреть на женщин. Его тошнило даже от безобидных фотомоделей на журнальных обложках. Это вовсе не значило, что его не тошнило от мужчин — тошнило, и еще как. Его тошнило от всего. Кроме птичьего языка.

Диплом он защитил даже с некоторым блеском. Профессор Зимородков предлагал ему оставаться на кафедре, но он уехал на Куршскую косу и проторчал там почти четыре года. Все это казалось чисто академическими забавами, не имеющими почти никакого практического смысла. Но было приятно.

А потом изменилось все. Настал Птичий Базар.

Охоту запретили, из библиотек вычистили абсолютно все, что имело к ней отношение, начиная от Тургенева и Бианки до «Устава соколиной охоты». По слухам,

его автор сейчас скрывался где-то под Москвой — то есть буквально под Москвой. Политическое убежище у крыс — штука ненадежная, но все же... Все лучше, чем то, что ждало обвиненного в «разжигании межвидовой вражды»...

Они летели из-за моря. Вронский сам видел, как начался Перелет — сначала поодиночке, затем небольшими стайками, и потом уже пошли целые караваны, крикливые, хохочущие, все время что-то клюющие...

Дверь скрипнула, отворилась на три пальца, и в щель блеснули запотевшие очки, потом мокрая лысина. Потом брюхо, по которому изгибался галстук.

— Ук-хуу!.. — сказал Совчук вместо приветствия. — Чай чью?..

Заварка у него вечно кончалась раньше всех.

Нехотя слезая с насеста, Вронский сказал:

— Ты что, жуешь его, что ли?

— Нет, суп варю, — ответил Совчук, пристраиваясь в углу. Он тоже попал сюда почти случайно.

Первый набор ФЗЛ, первый выпуск, первый диплом в выпуске, легендарная группа Петуниной, экспериментальный перелет по маршруту канадских серых гусей — во времена Вронского об этом уже рассказывали разные сказки. Все это очень быстро кончилось, и даже плохо обернулось для некоторых особенно выдающихся личностей. Однако Совчуку пофартило — во время последней смены паспортов на именные кольца ему неправильно заложили второй пуансон, когда перечеканивали фамилию. Из САВчука он стал СОВчуком. Отдел Сов — самый престижный и уважаемый. Совинский язык — язык высшей документации. Его приняли именно туда. Иначе бы — ку-ку! Птицы не любят старых.

Он работал в отделе всего-навсего переводчиком, но несколько раз выручал Вронского информацией и сво-

евременными предупреждениями о чистке перьев. Это было странно, потому что на Куршской косе, где Совчук делал свою тему, у них были серьезные трения из-за Гули Синицыной, на которой Вронский потом целый год был женат. А тогда дошло даже до рукопашной.

Но на Птичьем Дворе Совчук встретил его как родного... Ну ясно, млекопитающие должны держаться друг друга.

Наскребя пару десятков ложек, Вронский пересыпал их в маленький желтый череп и отдал Совчуку.

— Нет слов, — сказал Совчук, принимая емкость. — А ты сам что ж, совсем не пьешь, что ли?

— Не успеваю... — тускло ответил Вронский, потянулся и с хрустом зевнул.

— Неразумно, — заметил Совчук. — Вот уж для чаю время должно быть. Это последнее, что нам осталось из наших свобод. Кстати, что-то я твоей Страусихи не слышу.

Вронский отмахнулся.

— Бегает где-то, — сказал он и плюнул в угол. — Достала она меня не поверишь до чего. С одного на другое перескакивает, все ей не так, все ей срочно, через минуту уже тащи.

— Так ежику понятно, — сказал Совчук, сосредоточено нюхая чай. — У них обмен веществ ускоренный, отчего и температура тела высоченная. А сие неизбежно отражается на мозгах.

— Это у людей отражается, — мрачно ответил Вронский, — А у этих... Знаешь, какая у моей дежурная трель? Фичи-чьюирр-чи-чи-чирр!

— «Совершенно по-человечески!» — без труда перевел Совчук и ухмыльнулся. Он знал практически все диалекты: в свое время его работа по резервам дружелюбия серых ворон наделала немало шуму. — Вот стерва!..

— Точно! — горько подтвердил Вронский. — И никакой радости, что брачный период начинается. У них ведь самцы на яйцах сидят...

— Ой, да какая на хрен разница! Ну сидел бы тут самец, долбил бы тебя. У них самцы агрессивные, особенно во время этого самого дела. Валю Котова один так клювом цокнул — до сотрясения! А потом еще и уволил по седьмому пункту, за фамилию...

— То есть это как? — удивился Вронский. — Это ж Орляка уволили!

— Да, все верно, — подтвердил Совчук, устраиваясь на насесте. — Он же, дурак, фамилию когда менял, кому надо не сунул, чтобы Арам старую не продиктовали. Фамилийка-то жены! Да еще выдавалась за птичку. Орляк — это же разновидность папоротника. Съедобного. Закусон, кстати, бесподобный. Дятлы достучались, и привет...

— Твари, — безнадежно сказал Вронский.

— Эт-то все пустяки, — изрек Совчук. — Вот когда летишь по пятому, тогда уж шандец. У тебя как, нормально?..

Вронский уже открыл было рот, чтобы сказать «Конечно, нет», но вдруг шумно сглотнул. Что-то любопытен стал дедушка нашей орнитологингвистики. Ведь знает, кажется, что таких вопросов не задают.

— Вполне, — сказал он. — Ты же помнишь, я рыбок разводил.

— А-аа, точно, — обрадовался Совчук, начиная спускаться с насеста. — Ты ж был краса и гордость нашей аквариумистики! Гулька тогда вроде тоже на рыб перешла?

— Нет, — сказал Вронский. — Птичница, как мы. Тебе ли не знать. И вообще ты извини, у меня тут еще куча всякого свиста, а Страусиха вот-вот прискачет...

— Не смею, не смею, — пропыхтел Совчук, направляясь к двери. На пороге он обернулся и прищуренным

глазом смерил вольер. — Ты бы насест хоть белилами побрызгал, что ли. Вот увидишь, она к тебе сразу меньше придирается станет! Хочешь, сведу тебя с декоратором, он тебе его под натуральное гуано распишет?

— Кайф, — сказал Вронский. — А духов таких нет, чтоб и запах был натуральный?

Осень всегда приносила ему что-то вроде умиротворения. Некоторые классики утверждали, что с каждой осенью они расцветают вновь. Расцветать Вронскому пока не особенно требовалось; но яркое холодное небо, сладковатая прель осыпавшегося листа, замедленный шаг дня как-то утешали.

Далекие тоскливые вопли долетели из синевы. Он задрал голову, сияясь высмотреть колеблющийся пунктир за редкими облаками.

Перелетали на юг теперь все больше натуралы; Птицы летали когда им вздумается и даже начинали втихую пользоваться самолетами — но именно втихую. Совы этого не одобряли.

Ничего не разглядев, он потер глаза и свернул с Журавлевской на Голубя Мира. По дороге стояли лотки с книгами, но он и смотреть не стал: и без того было известно, что там выставлено — «Песнь о Буревестнике», «Чайка по имени Джонатан Ливингстон», «Соловей», «Великое яйцо», «Суд птиц» и так далее... На личные библиотеки покушений не было, хотя явно шло к тому.

Он едва не столкнулся с парой пьяных девок, тащившихся куда-то со здоровенным и тоже пьяным Страусом. Клюв и лицевые перья у него был в помаде — лиловой и оранжевой. Любопытно, как это у них осуществляются межвидовые контакты... Хотя если Страуса засекут свои, ему ой как не поздоровится.

Подмораживало. Но все окна был приоткрыты. Зимой позволялось закрывать рамы, но форточки недоумолимо предписывалось держать отворенными, что-

бы малые натуралы могли беспрепятственно влетать и вылетать. Если подлетала Птица, окно должно быть сразу же распахнуто на всю ширину проема. А дать Птице в клюв, мысленно добавил Вронский, можно только мечтать...

Их двор, слава богу, был на редкость неудобным для гнездовий. Крыша слишком поката, деревья слишком тонкие, чердак слишком тесный, антенн нет. Да и на соседних крышах была всего пара гнезд, но и те явно брошенные.

Входя в подъезд, Вронский, как обычно, усмехнулся и помотал головой. Несмотря ни на что, кошками воняло — мощно, живо и победоносно, от подлестницы первого этажа до площадки третьего, где он теперь жил. И это было хорошо весьма — по крайней мере для него. Невозможно было точно засечь, где они водятся.

Ему едва удалось умыться и поесть: когда он собрался выйти и пересечь двор, в дверь постучали — резко, коротко и четко. Сердце заколотилось. Но он тут же сообразил, что брали бы его через окно. Вронский остановился и горестно развел руками. Сделал глубокий вдох и на выдохе произнес все тридцать семь слов «Малого загиба Николы Морского», выученного с голоса у боцмана Кулькова еще до Перелета. Потом обречено пошел открывать.

В проеме распахнутой двери Вронский прежде всего увидал немыслимую, роскошную даже по теперешним временам широкополую «федору» черного фетра. Слово бы прямо от нее спустился черный плащ, запыленными полами стелившийся по желтому кафелю.

— Барэв дзэсс!.. — скрипуче раздалось из-под полей «федоры».

— Здравствуйте, Рейвен, — устало проронил Вронский и отступил, пропуская гостя.

Под волочащимся плащом не было видно, как он сегодня обут. Однако мучительное шарканье безошибоч-

но выдавало напыленные с адским трудом туфли. Рейвен дотащился до гостиной, остановился, тяжело дыша, затем направился к креслу и долго-долго, кряхтя совсем по-человечески, примащивался в нем. Вронский в очередной раз представил себе тот пластический выверт, который гостю пришлось совершить, и привычно, хотя и не слишком горячо, пожалел его.

— Извините, дорогой Рейвен, — сказал он, — задремал я тут после работы, а вы стучите, а вы стучите всегда так деликатно, вот я и отворил не сразу... Кстати, почему вы не пользуетесь звонком?

— Потому что он у вас не работает, — хрипло ответил гость. Из-под шляпы блеснул круглый насмешливый глаз.

Вронский покивал.

— С электричеством я не дружил никогда, — признался он. — Хотя кто это прошлый раз мне клювом провод перебил?..

— Вашего безделья это не опрр... — ответил Рейвен и сложил рукава. — Я бы с удовольствием покле... съел бы чего-нибудь...

Вронский пошел в кухню, произнося про себя «Большой Шлюпочный загиб» в сорок четыре слова на одном дыхании. На последнем он внес тарелку с котлетой и собрался раскрошить ее вилкой, но тут мелькнуло черно-серое острие — мощный клюв подхватил котлету, подкинул ее в воздух, разинувшись, снова поймал, и тремя спазматическими толчками котлета была отправлена в зоб.

— Недуррно, — сказал Рейвен, откидываясь в кресле. — Очень недуррно.

— Неужели вы чувствуете вкус? — удивленно спросил Вронский, глянув на пустую тарелку.

— Рразве я дегустаторр? — каркнул Рейвен. — Мы рразличаем ароматы...

— Вернее будет сказать «запахи», — поправил Вронский.

— Благодарю, зап-пахи. Дурная привычка проглатывать сразу. Остается с птенцовою порры. Матеррь приносит, а ты спешишь проглотить!..

Вронский уселся в кресло напротив.

— Как подвигается ваша работа? — учтиво осведомился он.

— Благодарю, успешно, хотя и медленно, — горланно отвечал Рейвен. Проклятые бюрократы не дают развернуться. Аберг первая глава практически готова. Я обосновал, pourquoi великий Эдгарр вывел именно воррона и никого другого. Агггее, согласитесь, никто другой не смог так точно отразить воплощение неумолимого рока для человека...

Рейвену жилось непросто: Птицы относились к нему настороженно — признавая его необходимость, они презирали его за тягу к очеловечению... Он явно платил им тем же: презирал за тупость и старческий идиотизм, к чему примешивалась еще и вечная вражда ночных и дневных Птиц...

В тот раз Рейвен первым подошел к нему и без предисловий прокаркал, что они однородцы и что он читал работу Вронского по диалектам малых врановых натуралов. Сергей так растерялся, что не сумел сначала толком ответить.

Птицы никогда ничего не читали. Они только слушали и только в переводе. Рейвен же не только читал. Он еще и очень сносно писал и говорил на трех человеческих языках. Матерился же он почти свободно — явно не совсем понимая, что именно он произносит.

Кстати, он терпеть не мог Совчука. У Птиц никогда не понять, насколько хорошо они к вам относятся и относятся ли вообще. Но вот насколько плохо, это видно сразу. Когда на том же приеме к нему подлетел Совчук

и заговорил было на чистейшем поливрановом со всеми переливами, Рейвен искоса глянул на него и вдруг долбанул клювом в переносицу — снайперски: расколол перемычку очков, не тронув кожи...

— Отчего вы не пользуетесь окном? — спросил Вронский.

— Чтоб стучать в дверь, — сообщил Рейвен, сбивая шляпу на стесанный затылок. — Обожаю, когда мне открывают.

— Вы начитались любимого автора, — сказал Вронский.

— Ничуть, — заявил Рейвен. — Просто люблю. А как ваша работа?

— Это не работа, — Вронский потянулся за сигаретами, но вовремя вспомнил, что Птицы не выносят дыма.

— Верно, — сказал Рейвен. — Вы называете это «служба». Right?

— Почти, — уклончиво ответил Вронский. — Можете звать это «халтура».

— Не обнаружил... — недоуменно произнес Рейвен. — Странное выражение. Нет в словаре. По крайней мере в моем... Что означает?

Вронский объяснил, ухмыляясь. Рейвен встопорщился совсем по-птичьи и завертел головой.

— Очень, очень человеческое выражение, — сказал он. — И весьма воронье... Запоминаю в память. Что вы мне говорили в прошлый раз о воронизме Пушкина?..

В затруднении Вронский наморщил лоб, и Рейвен подсказал:

— Ну как же!.. Обворожительные стихи, очень верное видение...

— А!... — вспомнил Вронский. — «Ворон к ворону летит!...» — «Воррон воррону кричит: «Воррон, где б нам пообедать? Как бы нам о том проведать?» Воррон воррону в ответ...» Right, как там дальше?..

стояния. Он мог ошибиться в степени напряжения, но характер его он почти не путал.

Рейвену было не по себе. Через силу, хотя медленно и учтиво, он вел свои обожаемые литературоведческие диалоги, перескакивая с языка на язык — на армянском он говорил с особенным удовольствием, хотя Вронский его совершенно не знал. Рейвену это было известно; и то, что он все время сбивался на «хайк», означало предельную отягощенность какой-то другой мыслью...

Наконец Рейвен смолк. Изю всех сил стараясь не пользоваться клювом, он вытащил концом махового пера золотые часы на цепочке, но открыть их без помощи клюва нечего было и мечтать. Наконец крышка отщелкнулась.

— Прраво, я засиделся... — со вздохом сказал он. — Что ж, доррогой друуг, мне порра... На бюст Пандорры...

Он повторил это несколько раз, но уходить отчего-то медлил. Тогда решился Вронский.

— С вами что-то неладно?.. — спросил он тихо.

— Нет, — спустя длинную паузу ответил Рейвен. — С вами.

— То есть как?.. — непонимающе взглянул на него Вронский.

Рейвен потопал по ковру пыльными штиблетами. Коввер немедленно отозвался равным количеством пыли, замерцавшей в косом луче настольной лампы.

— В-вы знаете, — нехотя сказал он, — ведь мне не доверяют... Даже свои... Дурраки... Тысячи лет пррожить ррядом с человеком и даже не старраться его понять!.. А человек старрался... Вот Эдгarr или Горрький... или Александрр... Та пррелестная легенда, что вы мне пррасказали, об оррле и ворроне... Ведь в ней есть прравда... Падаль прриятнее на вкус, падаль легче усваивается, падальщиком быть благорродно, и все же иногда хочет-ся прременить судьбу... На мое несчастье, я еще и на-

учился разбирать ваши буквы и слова... Через это я стал слишком близко к вам и отдалился от народа Ворронов...

— Не переживайте, Рейвен, — сказал Вронский, — в истории это не первый случай...

— Настолько-то я грамотен, — сухо отрезал Рейвен. — Однако не во мне дело... Сегодня днем я был приглашен по служебной надобности в Департамент Сов. Они мне тоже не доверяют, но обойтись без меня не могут. В кабинете белокурой Сипухи, которая вылетала пообедать мышами в виварии... Там крутился магнитофон. Звук выключили, но не до конца мой слух выкарр... знаете... Говорил человек... но с прекрасным совьим выговором...

Он нервно клюнул пуговицу собственного плаща. Пуговица брызнула черными осколками.

— Это была информация на вас, друг мой, — брюзливо сказал Рейвен. — Там говорилось, что вы злостно и не первый месяц нарушаете пятый пункт... а-арркрр...

Вронский медленно встал из кресла.

— И какие доказательства? — тихо спросил он.

— Крутые... Кошачья шерсть на вашей куртке...

— И все, что ли?..

Рейвен сожалеюще покачал головой.

— Этого вполне достаточно, друг мой... Сова не шутит... К тому же из-за океана прилетел Белый Орлан, и все крайне осложнилось...

— Что же теперь делать?.. — тоскливо пробормотал Вронский. — Вот ведь ерунда какая...

— Друг мой, эт-то не ерунда! — рокотнул Рейвен. — Даже если вас просто фиге... турнут... уже страшно. А уж с пятым пунктом все происходит много серьезнее...

Его передернуло.

— Какая еррунда! — злобно каркнул он. — Сам терпеть не могу этих ворровок и разбойниц!... Празорряют гнезда, жрут птенцов!... Но люббой взрослый воррон может пробить ей череп! В конце концов это личное крронк... дело людей, кого они предпочитают. Они сами м-млекопитающие и плотоядные... Нет, непременно нужно лезть, дирректировать, рразводить кк-кампании...

Вронский только кивал, не слишком хорошо улавливая, что говорит Рейвен.

Время утекало.

Единственное, что можно было сделать — это немедленно смыться. С каждой секундой шансов оставалось все меньше, а Рейвен тянул и тянул с уходом. И вдруг Сергея прокололо, как горячей иглой, жалостью к этому чудаку... Ни человек, ни Птица... Впрочем, нет. Птица бы и не подумала сделать подобное. Для них чем больше сырья поступит на кормокомбинат, тем лучше. В местах исторического гнездования им такой лафы нет и не предвидится. Там борьба за существование свирепее с каждым днем... Большой Перелет... Птичий Базар... Конечно, куда от истории денешься... И все-таки горько. Привыкли мы, черт возьми, звучать гордо...

Повернувшись к креслу, он хотел участливо потрепать гостя по торчащим лопаткам, но Рейвен уже барахтался в кресле, пытаясь встать. Вот он встал, отдышался и, не оглядываясь, зашаркал к двери. Вот дверь хлопнула. Вронский остался один.

— Что ж, — прокомментировал он вслух, — долгие проводы — лишние слезы...

Погасив свет, наощупь, вбил ноги в тяжелые ботинки, сдернул с вешалки куртку и вязаную шапку. Другой рукой нашарил давно заготовленный рюкзак.

Донесся трескучий визг подъездной двери. Вронский метнулся к полукрытому окну.

Во дворе, в полосе желтого света, стоял Рейвен. Ссутулившись, он смотрел себе под ноги, и во всей его черной фигурке была такая тоска и безнадега, большая, чем просто вечерняя, осенняя еппи, что у Вронского опять заледенило сердце.

Он собрался окликнуть его, но в этот миг полосу света пересекли две стремительных, бесшумных бурых молнии.

Два жестоких скользящих удара обрушили Рейвена на асфальт. Из распоротого горла хлестнула алая кровь, смешиваясь с грязью и на глазах темнея.

У Вронского ослабели колени. Жестокая рвота обожгла гортань.

Соколы сделали круг над двором. Затем по одному приземлились возле Рейвена прямо в багровую грязь и настороженно огляделись.

Осмотрев труп, они едва слышно проклекотали что-то друг другу.

Вронский не разобрал ни слога. Это был знаменитый квиrrrr — боевой язык Соколов, которого не знали даже сокольничьи. Но когда они оба одновременно глянули вверх, на его окно круглыми, свирепыми, желтыми глазами, Вронского прошил озноб.

Он дернулся, чтобы бежать. И тут грохнул выстрел.

... Когда осели кружившиеся перья и пух, он разглядел два неподвижных тела, вповалку лежавших на Рейвене. Кровь забрызгала подвора. Судя по тому, как их изодрало, это была картечь. Откуда она ударила, кто уберег оружие и боеприпасы после жестокой «охоты на охотников» — вряд ли сейчас было время разбираться.

Он лихорадочно оделся, взвалил на плечи рюкзак и кинулся вниз по лестнице.

Надо было пересечь двор. Если с Соколами прилетел кто-нибудь из Ночных, то ему все равно оставалось жить не слишком долго.

Стараясь держаться в тени, Вронский побежал, но вдруг уловил слабый звук из кучи кровавых перьев.

Непонятно почему — он не собирался никого спасать — Сергей остановился и подошел к ней.

Он не ошибся. Рейвен был еще жив. Слабое булькающее сипение шло из рваной раны на горле. Но круглый золотисто-черный глаз вдруг уставился на него и подмигнул.

Отвалив туши Соколов в сторону, Вронский наклонился над ним и разобрал тихий-тихий шелест:

— Знаю... х-xxx... будет нам... обед...

Потом шелест умолк. Глаз остановился и стремительно потускнел — как высыхающий камень.

Вронский погладил мокрую мертвую голову и встал.

До уходящих под землю ступенек он добежал без помехи. Стальную тяжелую дверь он несколько раз смазывал, поэтому, и замок и петли сработали в полной тишине.

В бомбоубежище стояла сырая холодная тьма. Луч фонаря выхватил штурвал запора второй двери. От комингса в разные стороны брызнули серые комки. Крысам не терпелось попасть внутрь. Но железобетон плохо поддавался даже их зубам. Когда Вронский подбежал к двери, из-за нее донесся тихий и очень жалобный звук.

— Сейчас, малыш, — прошептал он, — сейчас, потерпи...

Северные ворота были в двух с лишним часах пешего хода.

Глубокой ночью он подошел к титаническому сооружению из бетона и некогда крашеного кровельного железа. На фоне звездного неба едва различались черные фигуры Беркутов из внешней охраны, сидевших на гребне.

Вронский подошел ближе, молясь только об одном, — чтобы котенок не подал голос... Но тот, после трех суток

взаперти, накормленный и обласканный, спал, угревшись за пазухой у Сергея. Двойное дыхание с такой высоты они вряд ли слышат...

Его окликнули на воробьином, он ответил и прошел дальше, потому что ему разрешили. Надо было идти, пока получалось. Птицы летают везде. А люди везде проходят.

Задул сырой удушливый ветер. Звезды гасли одна за другой — надвигались тучи, клубящиеся ледяным дождем. Удача — Птицы не летают под ливнем. А я могу идти, когда угодно.

Говорят, все больше людей не хочет жить под Птицами. Я уже один из них. Есть еще тот, который стрелял в Соколов, хотя его не найти. Пусть я даже буду один такой, но я больше не могу.

А птицы пусть летают, как хотят и где хотят. Как летали всегда.

В ОЖИДАНИИ К.

Это поэма героическая,
побуждающая к совершению
подвигов.

К.И. Чуковский

Крокодил был старый, кожа в шрамах, в шишковатых буграх, грязно-бурая. На левой лапе не хватало двух пальцев.

Люди проходили мимо, надолго не задерживались. Старались не смотреть в глаза, устремленные не пойми куда, старались не принюхиваться.

Пахло от Крокодила виргинским табаком.

Над Александровским парком бесцельно бродили тучи — тугие, комковатые, похожие на клочья свалывшейся шерсти. Город вторую неделю изнывал от жары. Дождя не было.

Крокодил расстегнул дорогой серый пиджак, вынул громадный портсигар и закурил, все так же глядя в никуда. Долго сидел без движения, только выпускал сквозь зубы клубы дыма. Человек близорукий мог бы издали принять его за живую статую — из тех, что любят нынче ставить в парках да на улицах. Но воробы на него не садились, и местные барбосы обходили стороной.

Ближе к трем на дорожке показался старик. Высокий, сверкающе-седой, шагал твердо, как на параде. К правой штанине прилип листок.

Какой-то карапуз вырвался вдруг из объятий мамыши и закосолапил к старику. Тот остановился, даже как будто с надеждой. Но карапуз протопал дальше и ухватил за шею громадного плюшевого жирафа с лотка напротив. Мамаша сложила мобильный, догнала кара-

пуза, извиняясь перед лоточником, начала отдирать от жирафа.

Мимо старика прошла, даже не глянув.

Он сделал вид, будто роется в карманах, только поэтому и остановился. Наконец пригладил ладонью волосы и зашагал дальше. За спиной стоял рев до небес, дитя хачукало и лягалось.

На Крокодила он посмотрел мельком. Точно так же, как на статую Тигрицы чуть раньше и на скульптурную композицию у самых ворот зоопарка.

— Иван Корнеевич, — позвал Крокодил.

Старик замер. Резко обернулся.

— Не узнаете? — спросил Крокодил.

Он в последний раз затянулся и неловким движением отправил сигарету в урну.

Старик смотрел на него, сдвинув густые брови, сжав губы.

— Вернулся, значит? Я слышал, но решил, что опять врут.

— Но удивились вы сейчас не поэтому. — Говорил Крокодил ровным, безразличным голосом с едва заметным акцентом, то ли немецким, то ли польским. — Присаживайтесь, — он пододвинул к себе черную трость, освобождая место на скамейке.

— Зачем ты здесь? — спросил старик. Садиться он и не думал. — До сих пор надеешься на реванш?

Крокодил посмотрел на него с непонятым выражением на морде.

— Я здесь потому, что меня пригласили. Это ведь забавно, подумал я: взглянуть, как все сейчас, годы спустя... В конце концов — почему бы и нет. — Он помолчал и вдруг добавил, все тем же пустым голосом: — Что до реванша — какой еще может быть реванш, Иван Корнеевич? Не ждете же вы Второго Звериного восстания. Согласитесь, это и звучит-то абсурдно.

Хачуканье и рев за спиной вдруг оборвались. Старик оглянулся. Степенно вышагивавший по дорожке

Жираф наклонился к малышу и что-то шептал на ухо, мягко и терпеливо, — тот слушал, замерев от восторга. Потом его посадили на спину дяди Жирафа и повезли к мороженщику. Мать карапуза невнятно благодарила, едва поспевая следом; прохожие улыбались.

— Вот видите, — сказал Крокодил. Достал портсигар. — Курить будете?.. Ну, нет, так нет. Так что же вас так удивило, Иван Корнеевич?

Какое-то мгновение старик, казалось, сомневался. Готов был сесть рядом с гостем и действительно рассказать обо всем. Но мгновение это прошло — старик решительно мотнул головой и, не попрощавшись, зашагал прочь.

Крокодил сидел и курил — недвижимый, словно статуя. Наблюдал. Может, и ждал чего-нибудь. Ласточки метались у него над головой и по-прежнему растерянно бродили тучи.

Наконец в небесах гроыхнуло. По морде Крокодила скатилась капля.

Шаркавшая мимо бабка, вздрогнув, воровато осенила себя знаком Медвежьей десницы.

Снова гроыхнуло — и тотчас шелестящим шелковым потоком хлынул ливень. Крокодил даже не шелкнулся.

* * *

В коридоре было тесно и душно, пахло дешевым одеколоном, хлоркой и почему-то жженой резиной. Очередь жалась к стене, шелестела документами; на разговоры сил не было. Старик стоял, расправив плечи, ждал, как все; то хмурился, то вздыхал, то принимался смущенно разглаживать карманы пиджака. Наконец дождался — и, твердо чеканя шаг, вошел в кабинет.

В кабинете никого не было. Он сбился с шага, завертел головой.

По ту сторону зарешеченного окна шуршал ливень, уже на излете. Висел над столом портрет Президента, на стульях и в распахнутых шкафах громоздились горы серых папок. Запах жженой резины был здесь отчетливее, резче.

Из-под стола выглядывал краешек мохнатой ступни.

Старик кашлянул. Шуршание оборвалось — на столешницу легла ладонь, вполне человеческая, затем раздался негромкий стук, сразу за ним приглушенные ругательства. Наконец появилась голова — округлая, покрытая на макушке жесткой мышастого цвета щетиной. Ладонь потеряла эту щетину, другая — с клацаньем поставила на стол треснувшую пепельницу.

Голова повернулась к старику и велела:

— Подайте-ка веник — там, в углу, за кулером.

Старик подал.

— И совок, пожалуйста.

Старик поискал и признался:

— Совка нет.

— Тогда... ладно. — Хозяин стянул со столешницы лист бумаги, зашелестел, заскородил им по линолеуму. Наконец выбрался из-под стола и — одна нога в мохнатом тапке, вторая босая — прошлепал к мусорному ведру. Сыпал пепел и окурки, смял и бросил туда же листок.

— Документы все есть? — спросил, не глядя.

— Я как раз... — сказал старик. Заозирался в поисках свободного стула.

Хозяин вернулся к себе, заглянул под стол, проворчал: «Ах ты!.. и смердит же, ах, глупо как!..» — выпрямился и со вздохом упал в кресло.

— Документы, — повторил. — Список на дверях.

Старик помолчал, как будто что-то для себя решая.

— Если нет — тогда не приму, — добродушно сообщил хозяин кабинета. Он сунул в угол рта сигарету, пошарил рукой в поисках зажигалки, чертыхнулся и в третий раз полез под стол. Сел, щелкнул, затянулся.

Старик наконец шагнул к столу и спросил совершенно другим тоном:

— Не узнаете?

— А должен? — все так же радушно осведомился его собеседник.

— Я — Иван Васильчиков.

— Поздравляю, это удачно, н-да, повезло вам. А я — Альберт Гусарькин. Держите вот, — он протянул чистый лист и кивнул на стаканчик с ручками. — Садитесь, пишите. А, ч-черт, давайте его сюда, — забрал стоявший на табурете телефон, взгромоздил перед собой.

Тот, словно лишь этого и дожидался, задребезжал.

— Пишите, — повторил Гусарькин, — «Я, Иван — отчество — Васильчиков, год рождения, потерял паспорт» — и дальше подробно где, когда. Но учтите — все равно без документов не приму. — Он снял трубку, с досадой поглядел на сигарету и старательно вдавил ее в пепельницу. — Да, — сказал, — слушаю, говорите. Боже, Маруся, ну что ты начинаешь... я тебе тысячу раз... нет... нет... потому что не мог, вот почему, мне тут вон буквально пару минут назад... представь себе, именно он, сам, именно — и с таким... новые, мать их, веяния, ты себе не представляешь, кому мы теперь будем выписывать... я тебе этого не говорил... а вот так, особые бланки, да, и представь, по-латыни тоже... очередной, блин, виток добрососедских... А? Ну да, да. Я же сказал — пусть с заявлением приходит, лучше всего сегодня бы, но, — он поглядел на часы, — сегодня явно не успеет, поэтому пусть послезавтра, с девяти до трех, ну, конечно, без очереди, что ты городишь-то, Господь-Медведь! — да, да, не надо, так разберемся, да, пятьсот, я же... нельзя, это, в конце концов, не я ведь... ну а если понимаешь — к чему тогда эти... ага, именно. Все, все, давай, у меня тут... — он поглядел на старика, который сидел и даже не думал писать, —...люди тут у меня, все,

★
давай. — Он положил трубку и потянулся за сигаретой. — Дедушка, вы чего ждете?

— Я не знаю, когда и где потерял паспорт, — спокойно, как маленькому, сказал старик. — Если бы знал — я бы его нашел, верно?

Гусарькин рассеянно кивнул, достал зажигалку.

— Это вы сейчас тонко подметили, дедушка. Ну так пишите, когда именно обнаружили, что он пропал.

— Сегодня утром обнаружил. Вчера ходил в ЖЭК, уточнял по поводу тарифов. Ведь обещали бесплатные участникам — пусть держат слово! Паспорт брал с собой, в карман клал. Утром кинулся — нет.

— Дедушка, а дома-то вы хорошо смотрели? Может, переложили куда — и забыли, с кем не бывает.

Старик вдруг огулшительно хлопнул ладонью по столу и поднялся:

— Я вам не дедушка! Что за панибратство вы тут развели?! Это государственная контора или... или шарашка какая?!

— Ладно, — сказал Гусарькин со вздохом. — О'кей. С заявлением вам все ясно, гражданин Васильчиков? Дальше — удостоверяющие вашу личность документы имеются? Свидетельство о рождении, пропуск какой-нибудь, пенсионный билет?..

— Все брал с собой, — сказал старик, на тон ниже. — А свидетельство утеряно давно, в войну еще...

— Дальше, — не слушая, продолжал Гусарькин, — подлинники и ксерокопии документа о семейном положении: свидетельство о браке, о расторжении брака, о смерти супруга...

— Не женат и никогда не был. Детей тоже нет.

— Фотографии три на четыре, пять штук. В Сбербанке проплатите госпошину за новый бланк, квитанцию тоже принесете. Можете не записывать, перечень, как я говорил, на дверях. С той стороны. Или, если хотите, вот ксерокопия, здесь же и наши приемные часы указа-

ны. Девять рублей, восемьдесят пять копеек, лучше без сдачи, сдачи у меня нет.

Он принял десятку, дождался, пока старик выйдет, и хмыкнул:

— Ишь ты, «Васильчиков»... А с виду приличный. — Почесал щетину на затылке, приняхался, скорчил рожу и вяло рывкнул: — Следующий!..

* * *

Дождь гнался за стариком по пятам — и все время не успевал. Когда старик переходил Троицкий, было видно, как тучи ползут над островом, густые и гневные, разрывая себе брюхо о шпиль Петропавловки. Ползут слишком медленно, чтобы принимать их всерьез.

На мосту старик остановился и какое-то время смотрел вдаль. Солнце величественно сияло в разрывах туч, разило лучами. Шрамы от зубов на нем были сейчас почти незаметны.

— А вон там мы видим Заячий остров и знаменитую Петропавловскую крепость... — Гид рассеянно улыбался, не глядя указывал рукой. Автобус наглухо застрял в пробке, в это время на Троицком по-другому и быть не могло. Туристы покорно любовались перспективой и фотографировались. — А здесь, на середине моста, иногда можно встретить знаменитого Ивана Васильчикова, почетного гражданина нашего города. Совершенно верно, того самого, который дважды спас Питер. А чему вы удивляетесь? Иван Корнеевич не какой-нибудь небожитель, обычный человек, он, между прочим, после войны еще долгие годы работал на благо города. Да, простым врачом.

Старик стоял, не оборачиваясь. Прогулочные катера вспарывали позолоту волн, люди с верхней палубы привставали, выбирая ракурс получше; кто-то махал ему рукой, как всегда махали.

— Это?.. Нет, конечно, это не он. Вы бы его тотчас узнали, поверьте мне, таких людей моментально узнаешь. Наш бессребренник, он безумно много делает для ветеранов, отстаивает их права...

Старик в последний раз бросил взгляд на воду. Показалось: там, внизу, промелькнул литой силуэт, сверкнул выпуклый черный глаз размером с пушечное ядро.

Показалось.

Он пересек мост и, на миг запнувшись, решительно повернул к Марсовому полю. На скамейках в тени прятались редкие парочки, слишком уставшие от жары, чтобы целоваться.

Старик замер возле Вечного огня. Стиснув кулаки, вглядывался в дрожащее марево. От дыма глаза слезились.

— Простите, пожалуйста... — позвали сзади.

Обернулся, почти с надеждой.

Двое стояли, взявшись за руки; девушка была худенькая, с тонкими ножками, с большими доверчивыми глазами. Парень держал ее осторожно, словно боялся повредить; включил фотоаппарат:

— Если вы не против...

Старик смущенно кашлянул в кулак, провел ладонью по волосам.

— ...нас, вот так, чтобы собор захватить. Здесь, да, на эту кнопку.

Старик нажал. И еще раз, «чтобы на всякий случай».

Тучи медленно, настырно ползли за ним. Он снова ускользнул — после Марсового свернул в одну из улочек, зашагал навывлет дворами — размалеванными, смердящими помойкой, со струнами бельевых веревок над головой, — и когда в небе снова прогремело, потянув на себя сварливую дверь, нырнул в сырой полумрак лестничных пролетов.

Пахло жареной рыбой и свежей зеленью. Старик прошел мимо заржавленной лифтовой решетки, поднялся на четвертый. Помедлил перед тем, как позвонить.

— Это ты, Ванечка? Входи, входи, дорогой.

Вошел.

Свет вытекал из махромчатого абажура — розовый, беззащитный. Из тех времен.

— Тапочки знаешь где. Чаек будешь? Твой любимый, цейлонский, со слоном. Я и яблок напекла.

— Ну что ты, Ляля, зачем, не стоило...

— Вадим Павлович мой очень их любил. Сегодня ведь годовщина, Ванечка. — Она, как бы извиняясь, улыбнулась. Поправила пушистую шаль. — Мерзну. Квартира большая, сквозняки плодятся как тараканы. Только зазеваешься — все, продуло. Большая квартира, Ванечка... Для большой семьи. А когда одна... Да что я все о себе! — спохватилась, нахмурилась, всплеснула руками. — Ну-ка проходи в гостиную, ишь, развесил уши! Жэнтльмэн!

Усадила в привычно скрипнувшее кресло, помогать себе строго-настрого запретила.

— Ты вон и так находился! Отдохни, телевизор погляди...

Он, конечно, не послушался и вслед за ней втиснулся в махонькую кухоньку, взял обеими руками блюдо с яблоками.

— Не урони, там порожек, помнишь?

Помнил; не уронил.

Наконец сели за стол. Аромат стоял до небес. За окном вкрадчиво шелестел дождь.

— Господь-Медведь, ложки-то забыла! — Вскинулась, убежала искать.

Он закрыл глаза: телевизор казался дырой из этого, уютного мира в тот, внешний.

— ...И вот, конечно же, — щебетала журналисточка, — наши режиссеры не могут обойти стороной события той войны. Сколько фильмов снято, сколько книг написано! И новое поколение накануне годовщины готово по-новому взглянуть...

Он нашел наконец пульт и выключил.

— Что ж такое-то? — сказала она, с отчаянием задвигая очередной ящик буфета. Внутри клацнуло, зазвенели фужеры на полке. — Наваждение, не иначе. Вот были — и нет. И так, понимаешь ты, каждый божий день. Знаю точно: здесь лежало. Переворачиваю все вверх дном — без толку! Потом где-нибудь нахожу... в совсем уж невообразимом, представь, месте: на антресолях, или в супнице, или под наволочкой. Правду, наверное, говорят: в старых домах поселяются барабашки...

— Ну что ты, Ляля, какие барабашки. Это все газетчики придумывают, чтобы бойче продавалось.

— Ты, Ванечка, преувеличиваешь. Тебя послушать — они сплошь мерзавцы, а между прочим, Вадим Павлович, светлая ему память, тоже был репортером.

Он прокашлялся, смущенный, как перед серьезным неприятным разговором.

— Ляля, насчет квартиры... Я обещал узнать...

В коридоре мелко, противно зазвенел телефон. Она торопливо вышла. Вернулась сбитая с толку.

— Кто это был?

— Вот не пойму. Тишина — далекая такая, будто с другого конца света звонят, — а потом чей-то незнакомый голос.

— Что говорил? Может, не туда попали?

— Я не разобрала, он как будто не по-нашему. И не по-английски, вот что самое-то странное. Болботал что-то: «грантулюк, апарас»... я точно не запомнила. Я-то думала: Алиночка звонит. Ой, я же тебе не показывала еще?.. — Снова убежала.

Старик устало опустил веки. Дышал ровно, глубоко, но видно было: не спит.

— Вот, Ванечка, смотри. — Развернула перед ним глянцевый плакат, такой огромный, что нижняя часть, упав на пол, докатилась до ног старика. — Похожа?

На плакате был сверкающий мост, опоры — в виде пышных елей. На самой высокой сидело черное мохна-

тое чудовище и держало в ладони крошечную фигурку. Если присмотреться, можно было различить лицо и даже угадать некоторое фамильное сходство.

— Ты красивей, — сказал старик. — Всегда так было. Что это, к чему?

— Я же тебе тысячу раз рассказывала! Это в Америке сняли фильм. Как бы про меня, но не совсем. Как метафора, понимаешь. И Алиночка меня там сыграла, вот.

— «Выше, выше, выше, вот она на крыше...» — с непонятным выражением процитировал старик.

— А тебя там играет какой-то их очень известный артист, он еще в «Последнем сыне» снимался, помнишь? Ну, — поправилась она, — как бы тебя. Очень хороший артист, характерный, правда. Зимой премьеры. — Она взглянула на старика и смущенно воскликнула: — Да вон же они!

Три ложки лежали рядом с креслом старика, на тумбочке. Вместо пульта, который он там оставил.

— Давай-ка, налью тебе чайку... Да, Ванюш, про кино: тебе приглашение прислали?

— Какое приглашение?

— Ну как же! И по телевизору про это, и все говорят. Дробинщенков снял же фильм, про войну. Всем ветеранам бесплатные билеты, вот завтра же как раз. В нашем подъезде всем принесли, никого не забыли. Я считаю, молодцы они... Ну, Ванечка, как яблочки?

— Вкуснотища! Никогда таких не едал! Просто тают во рту!..

— Правда? Вот умеешь ты похвалить...

— Просто кон-ста-ти-р-ру-ю! Факт, Лялечка, научно установленный факт: ты всегда готовила так, что пальчики оближешь.

Они пили чай и говорили о пустяках. Еще дважды звонил телефон — и дважды она возвращалась обескураженная.

— Наверное, чьи-то глупые шутки, — мрачно сказал старик. — Нынче развелось шутников... — Он отхлеб-

нул и решительно отставил чашку в сторону. — Ляля, — начал, — я обещал тебе узнать насчет квартиры. Пока не узнал. И, похоже, это затянется. Я паспорт посеял, где — ума не приложу. Буду восстанавливать.

— Да это не страшно, Ванечка. То есть тьфу, что я говорю, это плохо, что ты паспорт потерял. А насчет квартиры... — она махнула рукой, как будто даже с облегчением. — Я лучше съеду отсюда, правда, Ванечка. Зря ты меня отговаривал. Я здесь теряюсь, в этих хоромах. С утра встаю, начинаю прибираться в дальних комнатах, оглянуться не успею — уже пора обедать. Пока приготовлю, туда-сюда — вечер. А утром посмотришь — все снова в пыли, в паутине. — Она растерянно разгладила угол скатерти, вздохнула. — Время утекает, как песок сквозь пальцы. То, наше время. Я, знаешь, отмываю иногда зеркало или окно, грязь стираю, а там как будто совсем другой мир проступает. Вадим Павлович мой умер, Алиночка с Димочкой уехали, даже Тюля моя отмучилась, кошки, говорят, вообще столько не живут... А мне одной никак не удержать...

Старик вдруг заметил, что слишком крепко сжимает подлокотники, заставил себя отпустить и, кашлянув, спросил:

— Пенсию-то как, вовремя присылают?

— Да, Ванечка, спасибо. С тех пор ни разу не задержали.

— Ерунда, — отмахнулся. — Для этого ведь мне все и дано: звание, почести... чтобы другим помогать, которые всего этого лишены. — Вспомнил вдруг о чем-то неприятном, нахмурился. — Послушай, — сказал осторожно, — ты ничего странного не слышала? Про город?

— Даже не знаю, Ванечка. Что ни день — столько всего... А, ты имеешь в виду эти слухи про Индюков? По-моему, вздор это все. Ну какие они чародеи, правда ведь. Ну из Америки — так что там, в Америке, сплошь наши враги, что ли?

Старик тряхнул головой:

— Я про другое. Впрочем, не важно. Пойду я, Лялочка, поздно уже...

Остальные ложки нашлись в самый последний момент: лежали в кармане его пиджака. Неловко вышло: он долго, краснея, удивлялся, откуда, мол; она махала руками, дескать, здесь всегда так. Только когда уже спустился и вышел, подумал: а что, если и паспорт где-нибудь там у нее...

Дома было темно, он неуклюже возился с замком, потом щелкнул выключателем и бросил на тумбочку ворох рекламных листовок. Вынимал их раз в неделю, просто чтобы освободить ящик.

Из вороха выскользнул и глянцеvато блеснул в желтом свете лампочки конверт. Старик поднял, развернул: это было приглашение. На фильм. На завтра.

Он хмыкнул, пожалуй, даже с облегчением. И только тогда заметил, что на конверте нет имени и в картонке строка «Уважаемый (-ая) _____» тоже пуста.

В гостиной вдруг запиликал телефон. Почти наверняка зная, что будет дальше, он снял трубку.

— Барбатулюк, — негромко, со значением сказали на том конце провода. — Курбутуляк караккакон. Йа! Барас Кар!

И зачастили гудки.

* * *

Два Пингвина на входе проверяли билеты. Сверкал неон, из невидимых динамиков гремели песни военных лет. По алой дорожке шагали в смокингах какие-то люди, сверкали улыбками; вокруг суетились журналисты.

Стереоплакат сообщал о преимственности традиций: в старейшем питерском кинотеатре, ровеснике синематографа, — премьера исторической ленты!.. Старик почему-то вспомнил, что детишки поначалу боялись

звезда сюда ходить: архитектор был с причудами, спроектировал зал под землей. Говорили, иногда во время сеансов в тишине и мраке можно было различить плеск волн. Потом привыкли, бегали вместо уроков, прятались под креслами и так смотрели фильму раз по пять. А в войну использовали как бомбоубежище...

Старик двинулся к алой дорожке — Рысь и Волчица с бэджиками охраны на пиджаках вежливо завернули его, указали направо. Там был еще один вход, и тоже два Пингвина, и опускались по ступенькам ветераны. Он пошел, расправив плечи. Где-то позади осталась толпа, люди напирала, кто-то отчаянно спрашивал лишний билетик.

Пингвин взял его пригласительный, не глядя, оторвал контрольку, кивнул: проходите.

В фойе отовсюду били софиты. В их свете стоял низенький плотный человечек, говорил, заложив руки за спину, мерно и уверенно.

— ...Это, господа мои, решительно никуда не годится. Всему, знаете, есть пределы. У меня отец фронтовик, между прочим. И весь этот... вся ложь эта, которую на нас выплескивают день за днем, — с этим надо бороться. На наших глазах, братцы, переписывают нашу историю. То, что действительно составляет нашу гордость, наше, если хотите, национальное достояние. Я не призываю обелять или там замалчивать. Но и передегивать не годится. Вы помните омерзительнейшую картину Красс-Дерицкого «Белые халаты»? Это что? Это — достойно? «И ставит, и ставит им градусники» так, простите, оттрактовать — каким же надо быть моральным уродом!..

Кто-то из журналистов задал вопрос. Человечек не дослушал. Отмахнулся, перекрикивая вдруг грянувший звонок:

— ...ад. И что, что маскарад? Что вы этим хотите сказать?! Где здесь неуважение к старикам-то? Где, вот скажите мне, ткните пальцем... Если в Африке проводят

конкурс двойников Бармалея — это кого-нибудь задевает? Что за дикарство-то, что за вечное наше стремление к самобичеванию?!.. Да, это была идея наших иностранных гостей, но местная диаспора поддержала, целиком и полностью. Повторяю еще раз: эта лента про наших ветеранов, но не только для них. Это фильм для молодежи, чтобы она наконец поняла, прочувствовала ту войну. И поэтому, конечно же...

Почти сразу прогремел второй звонок.

Старик стоял, щурясь и оглядываясь по сторонам. Ляли он не видел, никого из ветеранов не узнавал. Совершенно чужие лица: слишком ровные и гладкие, слишком парадные.

Он провел ладонью по груди, разглаживая несуществующие складки. Звякнули медали. Он двинулся было дальше, пиджак непривычно жал на плечи, давил на сердце.

В глаза ударил направленный свет, старик снова сощурился и вдруг обнаружил, что вокруг толпятся какие-то люди.

— Скажите пожалуйста, чего вы ждете от фильма?

Сперва он даже не понял, кого они спрашивают.

— Изменилось ли ваше отношение к войне за прошедшие годы?

— Может ли, по-вашему, человек, не воевавший, достоверно играть в таком кино?

— Как вы думаете, привлечет ли данная лента внимание к проблемам ветеранов?

Отовсюду к нему тянулись мохнатые, пестрые микрофоны. Он начал отвечать, как делал это прежде: размеренно и неторопливо, вдумчиво. Вытягивая шею, они ловили каждое его слово. Шуршали в блокнотах карандашами. Жадно раздували ноздри.

— И последний вопрос: если бы вам выпал шанс заново?..

— Ну а как же иначе-то? — чуть раздраженно ответил старик.

Что-то мешало ему, словно морщинка на отутюженном рукаве. Он кивнул им всем, повернулся, вглядываясь в толпу. Публика слонялась по фойе, то и дело сбиваясь в стайки. Бездумно отпивали из бокалов, улыбались друг другу, смеялись, запрокидывая головы; касались руками чужих локтей и плеч.

Несколько человек кивнули ему как знакомому, с уважением. Он ответил тем же.

Поискал взглядом ветеранов — не нашел, наверное, уже вошли в зал.

Прозвенел третий звонок, и все потянулись к дверям. Он достал из внутреннего кармана приглашительный, проверил: там были указаны ряд и место; значит, подумал в который раз, не наугад прислали. А что нет фамилии — может, именно потому и нет. Очевидно было, кому шлют, вот что.

Какая-то девица с пышными телесами, повернув голову к своему кавалеру, наступила старику на ногу и тут же, шарахнувшись, промычала извинения. Еще пару раз бездумно шевельнула челюстью, фыркнула и украдкой сплюнула жвачку в бокал. Бокал поставила на поднос застывшего у дверей официанта.

Нога ныла при каждом шаге; старик постарался выпрямиться и не хромать. В зале уже пригасили свет, и он порадовался, что назначенное место — в четвертом ряду, с краю. Смотреть фильм будет неудобно, однако, видимо, это вынужденная мера. Видимо, позовут на сцену.

Он присел рядом с лысым узколицым ветераном, тот, вывернув шею, зыркнул на старика правым глазом и отвернулся. Погасили свет, потом включили прожекторы, на сцену под аплодисменты бодро шагнул режиссер, раскланялся, вкратце повторил все то же: про отца-фронтовика и про национальное достояние.

— Поэтому, — завершая, сказал он, — мы все совместно: я, продюсер и наш генеральный спонсор, — решили посвятить ленту человеку, который является

для всех нас олицетворением той войны и того поколения. — Режиссер выдержал паузу и встал так, чтобы удобнее было его фотографировать. — Это имя все вы хорошо знаете. Лента посвящена легендарному герою Петрограда Ивану Корнеевичу Васильчикову!

Зал взорвался, все вскочили с мест и били в ладоши. Старик неторопливо встал, одернул пиджак и ждал.

— Мы, конечно, хотели бы видеть его здесь, сейчас. Его — и наших доблестных ветеранов. Мы искали Ивана Корнеевича. И вот... наши ветераны здесь. К сожалению, самого Ивана Корнеевича мы так и не смогли отыскать. Но я уверен, что он узнает о нашем фильме и посмотрит его, — и я надеюсь, передаст нам свое мнение. Для нас оно очень важно!

Снова аплодисменты. Старик растерянно моргнул, огладил ладонями боковые карманы, кашлянул в кулак и двинулся было к сцене, но острая алая боль вдруг пронзила ступню — он машинально подался назад, едва успел нащупать рукой подлокотник и опрокинулся в кресло. Погасили свет, в тишине было слышно, как грохочет по ступеням каблуками режиссер, вот он сошел — и сразу же, без паузы, врубили картинку.

Старик сидел, растирая голень, закусив губу. Лысый ветеран справа, зыркнув на него, издал скептический клетот. Боль вспыхнула, растеклась вверх до самого бедра, затем подугасла.

Шел фильм. Старик наконец отвлекся от ноги и, задрав голову вверх, стал смотреть. Первые минут десять — рассеянно, как будто не до конца понимая, что и зачем там показывают. Потом лицо его изменилось: губы сжались в едва различимый рубец, на скулах заиграли желваки. Несколько раз он оглядывался по сторонам, словно не верил своим глазам. В соседних рядах скрипели креслами, громко перешептывались.

Наконец он ударил кулаком по подлокотнику и встал. Боль пульсировала и переливалась всеми оттенками алого.

— Это позор! Поз-зор!.. Эт-ты-ты-то... — он почувствовал, что впервые за все эти годы голос вот-вот сорвется. Дернул головой и пошел к выходу.

Почти не хромал.

Позади вдруг стукнула спинка сидения, потом еще одна, потом — словно посыпался крупный град. Несколько рядов дружно встали и шли вслед за ним — молча, спотыкаясь во тьме, наталкиваясь друг на друга, совсем не величественно. Ветераны, из которых он, наверное, не узнает ни одного.

На миг почувствовал, что все вернулось. «Веди скорей нас на врага, нам не страшны его рога!» Он улыбнулся краем рта, чеканя во мраке шаг. Короткий путь от четвертого ряда к выходу вдруг оказался невероятно длинным. Предельно важным.

Боль раскалилась, перелилась из алого в ярко-белый. Запульсировала в такт сердцу. Он понял, что долго не продержится, и пошел быстрее: не хотел, чтобы видели его хромящим, чтобы догадались.

Уже у дверей сообразил, что именно смутило тогда в фойе: запах. Откуда-то ощутимо тянуло виргинским табаком. Когда дверь приоткрылась, старик на мгновение увидел в первом ряду знакомый силуэт. Крокодил словно почуял его взгляд: повернул голову и едва заметно кивнул.

Сжав кулаки, сцепив зубы — зашагал от кинотеатра к метро. Сегодня, понимал, не до прогулок.

На станции было неожиданно людно — в такое-то время!.. Откуда-то набилось множество зевак, репортеров, он сперва решил: по случаю премьеры, — а потом уже, из отдельных реплик, понял: наконец открыли переход с этой линии на соседнюю. Закончили, стало быть, ремонт. Это было ему удобно, и старик встал на медленно ползущую ленту эскалатора.

Отремонтировали с размахом, на славу. Молочный мрамор, мозаичное панно, в нише — усатый бюст. Старик даже не сразу сообразил — чей.

Двое старшекласников в пестрых майках и мешковатых штанах стояли, сунув руки в карманы, качали головами. Один все время почесывался и хихикал, другой щелкал «мыльницей». Золотые буквы бликовали, особенно заглавная «Т».

Мимо спешили пассажиры, невольно толкали старика. Некоторые притормаживали, приглядывались к бюсту и шли дальше, старались не оглядываться.

Старшекласники наконец тоже двинулись к ступеням.

— Прикольно, — сказал один, шевельнув неожиданно длинным носом. — Я про такого и не слышал.

Второй почесался и махнул рукой:

— Да это какой-то из прошлого века. Ветошь.

Он задел старика локтем и вежливо извинился.

Тот постоял еще минуты три и зашагал к спуску на перрон. Теперь уже приходилось хромать, иначе не мог.

В вагоне, когда вошел, какая-то пигалица вскочила и кивнула ему. Сперва и не понял, чего хочет.

Впервые в жизни ему уступали место.

Он помедлил и сел.

* * *

В городе пахло зверинцем. Везде; запах преследовал старика, куда бы тот ни шел. В жэке, где он снова пытался узнать об обещанных мэром льготах для ветеранов. В знакомом уже кабинете Федеральной миграционной. В метро, в трамваях, в булочной, даже возле Исаакя.

Только на Троицком, когда дул сильный ветер, запах на время исчезал. Старик ходил сейчас с трудом, но старался бывать здесь. Смотрел на шпиль, как делал это уже годы и годы. Вспоминал.

Прошло дней шесть в бессмысленных мытарствах, в собирании пустых справок, в очередях. Он не привык к такому положению дел. По-прежнему никто не узна-

вал его — даже те, кто всего пару недель назад лебезил и заискивал.

То, что все вокруг относились к нему благодушно, только еще больше выводило из себя: в благодушии этом мнилось что-то механическое, инстинктивное.

Вечерами он сидел перед телевизором с книжкой в руках. Что-то писал на полях, засыпал прямо в кресле, потом его будил очередной телефонный звонок, старик вставал, выключал телевизор и ложился. Трубку уже не брал.

В четверг вечером его снова разбудил звонок — но звонок в дверь. Он зачем-то накинул на плечи пиджак (медали, как надел на премьеру, так и не снимал, чего не делал уже давно); сощурился, поглядел, кто там.

Какая-то женщина, под пятьдесят, прилично одетая, без пробников, без анкет, без дежурной улыбки. И выборы, кажется, еще не скоро.

Он отпер.

— Здравствуйте, — неуверенно сказала она. Было видно: уже жалеет, что пришла. — Простите пожалуйста, мне нужен Иван Корнеевич Васильчиков.

— Слушаю, — кивнул он, словно это был телефонный разговор. — Говорите.

— Вы — Васильчиков?

— Я.

— Вы, простите, ничего в последнее время не теряли?

— Терял, — сказал он и наконец-то догадался посторониться. — Вы входите, что ж я вас на пороге держу.

— Да я ничего, — отмахнулась она, — мне еще к кому сегодня. Так вы?..

— Паспорт я потерял. И не только, там был целый ворох документов. Неужели нашлись?

Гостья порылась в дамской сумочке — потертой и чуть великоватой для нее.

— Вот, — сказала, — возьмите. Мне вчера какой-то Кенгуру занес, нашел у нас возле мусорного ведра, ря-

дом с окошком для посылок. Я на почте работаю, в Академическом, может, бывали у нас?..

Он бездумно покивал. Взял в руки паспорт, перелистнул пару страниц. Все на месте.

— Вы просто на фотографии совсем другой, — сказала женщина. — Так вас и не узнать.

— Какой?

— Ну... как с плаката. Такой весь... На деда моего покойного очень похожи. Не внешне, а, знаете... Взгляд у вас настоящий.

— На фото? — уточнил он.

Гостья смутилась, заизвинялась и, протиснувшись в дверь, грузно зацокала по лестнице.

Не обращая внимания на пиликанье телефона, старик запер дверь и лег; оставил включенным только торшер. Обнаружил, что по-прежнему сжимает паспорт в руке, помедлил и решительно сунул под подушку. Так и заснул, не вынимая оттуда руки.

Утром позвонил Ляле.

— Ну слава Богу, Ванечка, я уж думала всякое! Ты почему трубку не берешь? Я тебе звоню-звоню... Что? Нашлись? Вот чудеса-то! А говорят, в наше время не бывает честных людей.

— Нынче же иду разбираться по поводу льгот на платежи. Теперь-то они по-другому...

— Не надо, Ванечка, не надо, милый. Я уже все решила. Хотела с тобой посоветоваться, но видишь, как оно вышло-то. Так даже лучше, пожалуй. Уже и покупатель есть, представь. Алиночка меня ждет, билет я купила... завтра пойду за подарками внукам, заказали мне... — она чуть смущенно засмеялась. — Мы о таких в детстве и думать не могли...

Попрощавшись и повесив трубку, он какое-то время стоял, держась побелевшими пальцами за тумбочку. Заметил наконец, что нога снова ноет — сел перед телевизором, бездумно включил.

— ...Ларагон пиррфуг-алдар, — сказала дикторша. Улыбнулась и, не меняя интонации, продолжала: — Ну и, конечно, всегородской маскарад, в который охотно включились все жители северной столицы. Но главное событие и главный подарок — сам фильм. Вот что говорят о нем наши доблестные ветераны...

Пошли кадры, записанные в разных кинотеатрах. Он смотрел на экран — и мимо. Слушал вполуха. Беззвучно двигал губами, как будто спорил, доказывал, убеждал, — все то, на что ему, герою двух войн, за эти годы так и не хватило духу.

— Сложная тема, конечно.

— Замахнуться на такое — это нужно иметь смелость...

— Конечно, все было по-другому, но...

В кадре появился репортер, спросил:

— А как вы думаете, нужно ли было вообще снимать этот фильм? Станет ли он событием?

— Ну а как же иначе-то?

Он вздрогнул, не веря своим ушам, но картинка уже сменилась.

Вскочил, зашагал по комнате. Все не мог остановить, сердце колотилось, словно бешеное.

— Ах вы!.. Кр-рокодилы!.. Ну погодите у меня!..

Дрожащими руками надел пиджак с медалями, сунул в карман паспорт и вышел прочь.

* * *

— Вам куда, гражданин? — спросила Сова в стеклянной будочке. Отложила вязание и мигнула желтыми очами.

— В редакцию. Вот, выпишите пропуск.

На протянутый паспорт она даже не взглянула:

— Что значит «в редакцию»? У нас тут на каждом этаже, знаете, нараган ардал. Чалисса.

— Что, простите?

— Чалисса. Куг алон хотя бы.

Он почувствовал, как холодеет кожа между лопатками — там, где шрамы от когтей. Не выдержал, оглянулся: обычные стеклянные двери, по ту сторону — скверик, лавочки, на ближайшей несколько мужчин: курят, смеются, один поглядывает на часы. Нет, уже швырнул сигарету в урну и побежал к сигнализирующей машине с логотипом на дверце.

— Гражданин, так что?

— Мне в «Вечорку», — сказал он торопливо. — Я ведь бывал у вас здесь, вы должны помнить.

Сова пожала плечами и взяла паспорт. Писала, оттопырив маховые перья и поклацывая от усердия клювом, один глаз не сводила со старика.

— Все, идите. Куда хоть — знаете? Гражданин? Чуфлонг?

Он покивал и, не оглядываясь, зашагал к лифту. Уже оттуда украдкой, на миг единый, обернулся. Сова горбилась над вязанием, со спины казалась похожей на обычную старушку-вахтершу.

Это почему-то поразило его сильнее прочего.

На пятом он миновал длинный коридор: справа двери, слева фото в рамках, бликующие в свете люминесцентных ламп. Он нарочно даже попытался разглядеть хотя бы одно, вставал так и сяк, но видны были только отдельные фрагменты: то чья-то рука, то хохолок, то неожиданно крупный, влажный глаз.

— Эй, а вы, простите, к кому? — Из ближайших дверей, высунувшись, на него уставилась кудрявая девица. — А, вы, наверное, к Чарыгину, художник, да? — Обернулась: — Галь, Чарыгин у себя? Куда это еще уехал, к нему ж художник вот... Седлову? Так и сказал? Пф! Ты в это веришь? Наивная!..

— Простите...

— Да-да, — покивала девица, — вам к Седловой, в четвертую.

Старик не двинулся с места. Выпятив подбородок, отчеканил:

— Редактор у себя? В которой?

— В седьмой вообще-то, но...

Он уже шагал, громыхал каблуками, даже дорожка не могла пригасить этот грохот.

Привычным движением распахнул дверь, проронил встрепенувшейся секретарочке:

— У себя?

— Он не прини...

— Меня — примет.

И сразу, трижды ударив костяшкой по табличке, вошел.

— Здравствуйте!

— ...я тебе говорю: на первую полосу мы это не поставим! Какая на хрен!.. Кто это купит?! — Поджарый лысеющий человек прикрыл трубку рукой и молча поглядел на секретарочку. Та выдвинулась откуда-то справа, из-за старика, и открыла было ротик... — Кофе мне! Вы по какому, уважаемый?..

— Я к вам, — сказал старик. — Мне чаю. — Он пересек кабинет и сел перед лысеющим. — Я — Васильчиков, если вы вдруг, Петр Палыч, запомнили.

— В общем, — процедил в трубку Петр Палыч, — нет. Извини, Никита, при всем моем. С этой еще историей про... А ты как думал?! Знаю, конечно. Поэтому на шестнадцатую — и точка. При всем моем. Да, как обычно. Все, дорогой, нет времени.

— Я по делу, — сказал старик. — Это серьезно.

— Не сомневаюсь. Вы, простите, прослушал, — кто, собственно?

Старик аккуратно, как козырь на последнем круге, выложил перед ним раскрытый паспорт.

— «Васильчиков Иван Корнеевич», — прочитал редактор. — Очень приятно. — Он посмотрел на часы, поджал губы. — Чем могу быть полезен?

Старик поймал его взгляд и какое-то время просто смотрел и молчал. Глаза у редактора были внимательно-стеклянные.

В кабинет прокралась секретарочка, звякнув, поставила между ними подносик.

— Я по поводу фильма, — сказал старик. — Вы, Петр Палыч, его видели? Это ложь, и ложь в квадрате. Я решительно...

— И я, — согласился, вставая, редактор, — и я, тоже решительно. Опаздываю. — Он нажал пальцем на ухо бронзового медвежонка, из спины которого, как копыя, торчали две перьевых ручки. — У меня тут человек... Отведете к Чарыгину, я — на вокзал. Пусть — интервью и даст аналитику: на первую и продолжение на шестнадцатой. И мне перезвонит.

Он вышел, на ходу доставая мобильный.

— Никита?.. — донеслось из приемной. — Вот, дорогой, что я тебе галларук индо ралом...

Старик задумчиво подержал на весу чашку, подул и отхлебнул; чай был с медом, пах травами, летом, детством.

Листья громадной африканской пальмы вдруг качнулись на сквозняке.

— Здравствуйте, — сказала пухленькая Свинка. — Это вы к Чарыгину? Нет его, пойдите со мной. — По дороге она все шмыгала носом и покашливала. — Кондиционеры, — зачем-то объяснила старику, — это из-за них.

В большой комнате, разгороженной столами и кадрами, кондиционер был всего один, как раз над столом Свинки. Стоявшая рядом пальма — копия той, редакторской, — трясла листьями, словно в припадке падучей.

— Садитесь. — Свинка пробралась за стол, шмыгнула-хрюкнула, вздохнула: — Рассказывайте, я слушаю.

Старик заговорил — и она, не меняясь в лице, застучала: туки-туки-туки-тук! туки-туки-туки-тук! В какой-

то момент ему захотелось даже перегнуться через стол, чтобы понять, пишет она или просто тарабанит по клавишам.

Рядом, у старика за спиной, о чем-то спорили, иногда посмеиваясь. В конце концов он развернулся:

— Молодые люди, вы не могли бы чуть потише!..

На него посмотрели недоуменно, кивнули. Их было трое, на столе разложили какие-то карточки, тыкали пальцами.

— Нет, — повторила одна, — этого не может быть... это бред, конечно. Чтобы сразу по всей стране: вставляли, выходили и пропадали. И байки эти про новые звезды — ну откуда они возьмутся, новые-то? Ну ты что, на календарь посмотри-то, не в эпоху легенд живем, да? Говорю тебе, очередная дробинщековская фишка.

— Так он же сам в панике, бюджет не отбили...

— Вот и дергается, креативит. В первый, что ли, раз?..

Ее поддержали, с облегчением и радостью: конечно, мол, что же, мол, еще!..

Свинка кашлянула — на сей раз с намеком.

— Вы остановились на том, что эта лента оскорбляет...

Он закончил свою мысль — уже без прежнего пыла. Увидел себя как будто стороны, как будто чужими реп-тильными глазами посмотрел: явился старикан качать права, восстанавливать справедливость. А кому она нужна? Вот им — точно нет.

Скомкал финал загодя продуманной речи, просто оборвал на полуслове.

— Я могу идти?

— Подождите минутку. Мариш, передай распечатки!..

Та, за соседним столом, оторвалась от фото, взяла из принтера только что выпавшие листы и протянула старику.

— Распишитесь там, — сказала Свинка, — на каждом. Что с ваших слов записано верно. А то, знаете, некоторые потом претензии... нам теперь велят всегда визировать.

Он расписался, не читая.

— «Васильчиков»? — переспросила Свинка. — А вы, простите, случайно не родственник?..

— Похож?

Она засмеялась:

— Ни капельки! Но знаете, иногда же бывает: родственники, а друг на друга вот совсем... А вы его сын, да? Или внук? Знаете, когда нам в школе о нем рассказывали, я всегда себе представляла не то, как он со зверьми сражался, даже не войну, а как он огонь в осажденный город нес. И вот сколько мимо Марсова ни хожу — всегда мурашки по спине. Не могу понять: как это вообще... жутко, наверное, было. Что вы так смотрите?

— Ничего. Простите, показалось.

Выходя, он еще раз оглянулся. Нет, все-таки не пышненькая девушка, все-таки Свинка.

Показалось.

* * *

Ряды надгробий тянулись вдаль — ровные, солдатски стройные. Над каждым раскинуло металлические ветви стилизованное изображение чудо-древа.

— Это же так просто, — сказал Крокодил. Они шли к выходу: старик впереди, Крокодил — чуть позади, почему-то все время держась за пределами видимости. — Просто как дважды два... Курить будете, Иван Корнеевич?

Старик мотнул головой.

— Как вам угодно. — Он клацнул портсигаром, затянулся. — Иван Корнеевич, в конечном счете я — все, что у вас есть. Не «осталось» — именно «есть», и было всегда. Не злитесь на них — они не виноваты. Они ценят то, что вы для них сделали, но ценят по-своему. Ваши победы — настоящие победы, ваши подвиги — настоящие подвиги. Только вам они не принадлежат

и никогда не принадлежали. Наконец-то вы начинаете это понимать.

— Что там в Африке? — резко спросил старик. Проходивший мимо седоватый мужчина с букетом гвоздик покосился на него и ускорил шаг. — Как жена, как дети?

— Не надо, — сказал Крокодил. — Лучше сразу. Будет больнее, конечно, по-другому и не может... Но лучше сразу. Видите, я и сам уже ухожу от темы; ваше влияние!.. А ведь это так просто. Всего лишь признать. Она улетела нынче утром?

— Я проводил ее до аэропорта, — скупно кивнул старик. — Как будто это могло ее остановить...

— Конечно, не могло. Но конечно, вы должны были попытаться. Только перестаньте себя обманывать: вы никогда ее не любили. Вы же бесстрашный, последнее, что вас испугало, — тот дурацкий умывальный в детстве, — с него-то все и началось. Хрупкая штука — человеческий организм: убегая, упал, ушибся головой... казалось бы... а чем все обернулось. Хуже мины замедленного действия. — Крокодил затянулся, со змеиным шипением выдохнул. — И вот вы стали бесстрашным героем, взрастили в себе это бесстрашие — ну так признайте, что Елена Сергеевна, Лялечка, нужна была вам как символ. Как знак тех времен, когда вы были совсем другим.

— Где твоя тень? — спросил вдруг старик. — Почему ты без тени?

— И поэтому, — спокойно продолжал Крокодил, — вы не хотели, чтобы она улетала. Ваш последний якорь, фигурально выражаясь. После того как остальные ваши соратники ушли, так или иначе... — Старик не оборачивался, но знал, что Крокодил сейчас кивнул в сторону надгробий. — Что у вас осталось? Да и чего, собственно, вы хотите?

— Где твоя тень?!

— Вы хотите признания? Почестей? Были и будут почести, признание, слава. Грех жаловаться, Иван Корневич, — вы ведь не бездомный, не валяетесь где-нибудь в подворотне, вымазанный в грязи. Знаменитость, спаситель Петрограда, символ города. *Достопримечательность*. Но вы ведь желаете большего: чтобы они жили по вашим законам. А это невозможно. Не та точка цикла. — Крокодил помолчал и добавил, как будто с неохотой: — Вам почти удалось. Вы почти смогли, дважды. Зов к приключению, сражение с чудовищем, испытания, помощники, апофеоз, возвращенье, борьба у порога, благо, которое герой приносит с собой... и так два цикла кряду. Вы долго удерживали мир и миф. Но вам захотелось покоя: возраст, болезни... все это очень человечески. Слишком по-человечески.

— Где, — задыхаясь, в третий раз повторил старик, — где-де тв-в-воя т-т-тень?!

— Вы — моя тень, — сказал Крокодил. — Или скоро ею станете. Впрочем, есть и другой путь. Решить, что я — плод вашего воображения. Что мина проснулась и начала тикать — там, в вашей голове. «И все смешалось, — процитировал он, — кони, люди...»

— Тебе не удастся, н-н-нет... Ник-к-когда! Господь-Медведь, да что я вообще?.. Кто же верит Крок-к-кодилу?

— Тот, — спокойно сказал Крокодил, — кто никогда не верил в Медведа.

Старик резко обернулся. Крокодил стоял перед ним — в коричневом пиджаке от лучшего портного, но уже поношенном, сшитом года три назад. Широкий потертый шарф свисал наподобие галстука. Штаны были в крупную клетку, слегка выцветшие.

— Зря вы... — сказал Крокодил. — Теперь вам будет труднее поверить в... — он неловко покрутил когтистым пальцем у виска. — Впрочем, сейчас мы это...

— Простите, — позвали у старика за спиной, — у вас не будет покурить? — Дама с блестящим от пота лицом

и жирно покрашенными губами, в костюме, слишком плотном и жарком для такой погоды, показала зажигалку. — Вот, ее взяла, а сигареты забыла, торопилась.

— Я давно бросил, сразу после войны... — начал было старик.

Она посмотрела так, будто говорил он это с папиросой во рту.

Машинально хлопнул себя по карманам и обнаружил в правом огромный портсигар с сине-белым треугольником на крышке. В треугольник вписан был алый глаз.

— Вот, пожалуйста. — Старик раскрыл портсигар и увидел, что не хватает сигарет пяти-шести.

Женщина взяла одну, потянула носом:

— Боже, неужели Gold Virginia?..

Он торопливо кивнул, дождался, пока она уйдет и обернулся, уже зная, что никого рядом с ним не будет.

Так и вышло.

Зашагал по дорожке к воротам, помедлил и швырнул портсигар нищему в смешной спортивной шапочке. Тот забормотал что-то насчет «храни тебя Господь», раскачиваясь и кланяясь, точно китайский болванчик.

— «Захотелось покоя»? — сказал ему старик. — Что он имел в виду? Ведь я... всю жизнь же, только для других, я и сейчас... и сейчас!..

Нищий отчаянно закивал и взглянул по-собачьи, с надеждой. Старику сделалось тошно.

Пошел к метро. Повсюду были гирлянды, растяжки, воздушные шары. Дети смотрели ему вслед, замороженно разинув рты. Взрослые уважительно кивали. Он кивал в ответ, едва различая, кто перед ним.

Очень хотелось курить.

Город творил с ним непонятное: миновав Гренадерский мост, старик вдруг оказался перед Дворцовой. Здесь готовились к параду; маршировали войска, и он вдруг сообразил, что форма на них — не нынешняя, тогдашняя. Показалось: узнает лица. Не по отдельным чертам — по выражению, по взглядам.

— «Пок-коя»? — сказал он в никуда. — «Пл-лэ-лэ-лод воображения»?

Солнце светило ярче прежнего. Ни пятнышка, ни метинки на сияющем шаре.

— Не «дважды», — сказал старик. Люди уже косились на него, какая-то мамаша подхватила двух дочурок и потащила прочь, не обращая внимания на их вопли. — Не дважды — трижды!

Город затаил дыхание. Признал, расступился, распахнул перед ним свою изнанку: от Дворцовой до Васильевского острова — два шага, сразу на Средний проспект и к «Детскому миру».

Внутри было не протолкнуться, особенно возле витрины с резиновыми масками. Люди, звери — все выстроились в разномастную очередь, покупали и здесь же примеряли, и бежали к зеркальной панели посмотреть — ладно ли сидит? Маски сидели как влитые. Покупатели смеялись, тыкали друг в друга пальцами, корчили потешные рожи.

Он едва протиснулся через эту толпу, поднялся на этаж выше, нашел то, что было нужно. Выбил чек и направился к выходу, сжимая в руке пакет с картонной коробкой. Нес бережно и твердо, как младенца.

Над Александровским парком висел брюхастый дирижабль-дракон, застил солнце. Люди ходили, запрокидывая головы, и тыкали пальцами. Старик сел на лавочку отдышаться. Всего пять минут, сказал себе. Уже скоро.

— Зря, — сказал ему Крокодил. — Глупо, не оценят. Это будет фарс, позор. Из героя — в юродивые? Зачем все перечеркивать? Вспомни Первое Звериное. Войну вспомни. Усатого хотя бы. Даже вот в кинотеатре — это было достойно. Пафосно, но достойно. А сейчас... Безумие, больше ничего. А может, ты испугался? Струсил? Забиться в клетку, только бы не видеть, не слышать... А?! Ведь скажут, что испугался или сошел с ума, ты же знаешь. Ведь не п-п-поймут же!..

На скамейке напротив компания подростков громко смеялась и шелестела пакетами: в бумажных были бутылки, в серебристых — чипсы. Вокруг вертелся и подпрыгивал кудлатый цуцик, хватал зубами за штанину то одного, то другого.

— Вот ради кого? — спросил Крокодил. — Ради них? И ты-ты-тогда, и с-с-сейчас — все ради н-них?

Подростки, перебивая друг друга, болботали, отчетливо, но слов он не понимал. Как будто что-то щелкнуло в голове, как будто отжали тугой рычажок: все вокруг двигались словно по ту сторону подкрашенного алым экрана, и говорили несуразно, и глядели с уважительной издевкой (как? — он и сам не объяснил бы). Он вдруг показался себе ожившей фигурой, сторонним наблюдателем, персонажем, героем, шутком.

Цуцик потерял всякую надежду растормошить подростков, метнулся к старику, цапнул за штанину и дернул. Несильно — но ткань порвалась легко, будто это была бумага, писчая бумага.

Он встал — и цуцик с испуганным визгом сиганул к хозяевам, под лавку. Те замолчали.

Старик шел к ним, расправив плечи, коробку держал в правой, как винтовку.

Как шел когда-то к Петропавловке вызволять из лап Гориллы семилетнюю Лялю. Как шел, неся осажденному городу огонь. Как шел к выходу из кинотеатра.

— Бундолор алли! — сказал вихрастый подросток. Дернул кадыком, провел рукой по волосам. — Агру. Ен кандолир...

— Ничего, — ответил ему старик. — Ерунда какая. Подумаешь — штаны.

Он вскрыл упаковку, вынул пластмассовую саблю, аккуратно опустил коробку в урну.

И зашагал по дорожке — высокий, сверкающе-седой. Как на параде.

* * *

Его сумели остановить только возле медвежатника. Сперва не приняли всерьез, потом, когда поняли, слишком долго тянули.

На окрики он не реагировал; махал саблей и кричал: «Кара-барас!»

Люди боялись к нему подходить. Наконец приехала карета с санитарями и ружьем. Дозу снотворного точно рассчитали, после несколько раз перепроверяли; врачи не были виноваты. Они вообще подоспели в самый последний момент.

Он к тому времени уже развалил металлический забор перед вольерами, снес замок на ближайшей клетке и начал рубить прутья...

ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ

(четвертый сон
Юлии Леонардовны)

— Скажи, Остин, как там, в будущем?
— Ну-у... У всех летающие машины...
Обед и ужин жрем в виде таблеток...
А Землей правят злые вонючие
обезьяны.

Старый фильм

1

По улицам ходила большая крокодила

 а набережной Мойки, на тротуаре, тянущемся вдоль парапета, пятеро парней — в зеленых платках, прикрывающих нижнюю часть лица до глаз, в низко надвинутых кепках — били ногами человека в одежде православного священника. Вернее, пинали четверо, а пятый фиксировал процесс на видео, заходя с разных ракурсов. Он же время от времени бросал взгляды по сторонам: не помешает ли кто развлечению?

Никто не мешал.

Хотя зрители были... Не толпа, скорее кучка, человек семь-восемь, но к ней время от времени присоединялись новые прохожие. Держались они в благоразумном отдалении, на другом тротуаре, у домов. Трое снимали происходящее на мобильные телефоны, остальные наблюдали, изредка негромко комментировали.

Егор с неприязнью подумал, что когда-то весьма активно призывали «Не проходите мимо!» Мимо таких

вот ситуаций не проходите, разумеется... Допризывались. Не проходят.

И в самом деле, ни один мимо не проходил. Кучка зевак на тротуаре росла.

Значит, нельзя проходить и ему. Камеры наблюдения натканы всюду, особенно здесь, в центре, — мертвых зон почти нет. Но толку от всей машинерии ноль, если не знать, за кем имеет смысл наблюдать. Запись с этой камеры будут изучать придирчиво, и лучший способ угодить под колпак — вести себя не так, как все: бежать, когда другие стоят, или стоять, когда другие бегут, или шагать мимо, когда другие глазают на расправу.

Избиение продолжалось, но стало менее зрелищным. Жертва уже не пыталась подняться на ноги. И прикрыться руками от ударов уже не пыталась...

Егор занял место среди зевак.

— Фейк, — комментировал негромкий, хорошо поставленный, прямо-таки лекторский баритон. — Постановка. Ни один поп фелонь поверх рясы не натянет. И уж тем более диаконским орарем не подпоясется... Им вообще не подпоясываются.

— Да не, натурально корчится... — возразил молодой ломающийся тенорок. — И кровящи-то, кровящи... Походу всерьез все.

— Баночника поймали да силком обрядили... — предположил женский голос, полный откровенной неприязни; неясно, правда, к кому эта неприязнь относилась — к баночнику, или к поймавшим и обрядившим его, или вообще ко всему на свете.

— Не похож, сытый на вид. И чистый... В смысле, был совсем недавно.

Егор перестал вслушиваться. Мерзко.

Удары по неподвижному окровавленному телу прекратились. Снимавшие на мобильники — двое из троих — решили, что ничего интересного уже не произойдет. И поспешили прочь, в разные стороны: один

к Сенной, другой к пешеходному мостику. Оба на ходу продолжали нажимать клавиши, наверняка оперативно выкладывая ролики в Сеть. Тут кто первым успел, тот и собрал львиную долю просмотров.

Третий сам себе режиссер продолжил снимать. И не ошибся, кое-что интересное еще предстояло. Экзекуция вступила в новую фазу. В завершающую. Один из парней достал из кармана шнур, нагнулся, подsunул под голову жертвы... Скрестил концы шнура, намотал вокруг ладоней, явно прилаживаясь закончить дело. Удушить, проще говоря.

Кто-то в небольшой толпе охнул.

Кто-то отвернулся.

Кто-то сказал — повысив голос так, чтобы пятеро услышали — что полиция уже вызвана и вот-вот появится. Это он зря конечно, подумал Егор. Здесь пешеходная зона, что для полицейской машины, разумеется, не помеха. Но со стороны Сенной не подъехать, все перекопано, а пока доберутся дальним объездом, можно удушить священника, или кто он там, не торопясь, с перекурами, — и смыться по пешеходному мостику, где машина не протиснется... Место для экзекуции пятерка выбрала с умом.

Но раз полиция вызвана, за трансляцией с места событий сейчас наблюдают вживую. А потом многократно просмотрят в записи.

Парень с веревкой вызванной полицией не испугался. И потянул концы удавки в разные стороны.

Не то священник, не то ряженный баночник ожил. Мотнул головой, впился зубами в руку своего палача.

Парень заорал. Дергал рукой, голова ряженого билась о тротуар с мерзким хрустким звуком, но зубы не разжимались. Остальные бросились на помощь, лупили остервенело, уже не красуясь для камеры, не принимая киногоеничные позы. Толкались, мешали друг другу. Тоже что-то орал, неразборчивое, да и крики укушен-

ного, вопившего на порядок громче, не позволяли ничего толком расслышать.

— Вы ведете себя не толерантно, — прозвучал механический голос, лишенный интонаций.

Вроде и негромко прозвучал, но совершенно в иной тональности, — и как-то удивительно легко перекрыл саунд-трек избиения.

— Ваши действия классифицируются по статье семнадцать Федерального закона «О нахождении в общественных местах», статье сто одиннадцать часть вторая Уголовного кодекса Российской Федерации в редакции от... — продолжал тот же голос.

Голос стал громче и раздавался снизу, от Мойки, — неподалеку как раз имелась лестница, спускавшаяся к воде. Полицейский катер, решил Егор. Эти посудины с электроводометами двигаются бесшумно, скользят по воде бело-синими призраками...

Пятеро, войдя в раж, ничего не услышали. Но зрители — а набралось к тому моменту уже десятка полтора зевак — все поняли и быстро стали рассасываться.

Пошагал прочь и Егор. Сделав несколько шагов, все же бросил взгляд назад. И сбился с ноги. Над верхними ступенями спуска показалась голова крокодила, а затем и туловище, поднималась рептилия быстро. Со шкуры скатывались струйки воды, — значит, никакого катера внизу не было.

Гребенчатый... Гребенчатый, мать твою! Они же не могут, когда меньше восемнадцати градусов... Значит, теперь могут... Уже могут.

Полицейская форма крокодилу не полагалась, надпись «полиция» и личный номер красовалась прямо на брюхе, нанесенные белой краской. Да и глупо как-то рассекать вплавь реки и каналы Северной Венеции в намокшем мундире.

Надо досмотреть, решил Егор. Он никогда не видел гребенчатого в деле. Лишь слухи доходили, и самые

паршивые слухи... Досмотрит. Будь что будет, начнут пасти, — значит, судьба такая. Оторвется, не впервой.

Но какая махина... Центнеров шесть, а то и все семь.

Шагала рептилия на задних лапах, однако звания прямоходящей не заслуживала — туша склонилась вперед, могучий хвост играл роль балансира. Все снаряжение гребенчатого крепилось на спине, на ремне, перетянувшем условную талию, и на двух портупях. И оттуда, из-за спины, доносился мертвый голос динамика, перечисляющий статьи, параграфы, пункты и подпункты.

Как ни были увлечены нарушители статей и параграфов своим занятием, все же услышали монотонную речь. Вернее, услышал один, крикнул друзьям. Остальные подняли головы и тотчас же увидели крокодила, как раз шагнувшего на тротуар.

Реагировали на увиденное все пятеро по-разному... Двое — те, что стояли ближе к проезжей части, — после секундного оцепенения развернулись, явно намереваясь выдать рекордный спринтерский забег с высокого старта. Еще один вжался спиной в парапет, смотрел испуганно — ему наверняка тоже страстно хотелось дать деру. Но гребенчатый почти перекрывал парню дорогу, проскочить надо было рядом с зубастой пастью.

Четвертый участник расправы, тот самый, укушенный, — оказался полным, по мнению Егора, тормозом. Руку из зубов жертвы он сумел-таки выдрать, и теперь пылал жаждой мщения. Пылал и мстил, не откладывая. Кушал блюдо горячим.

Уже после предостерегающего крика он нанес удар, замахнулся для второго... И тут увидел крокодила, застыл с отведенной назад ногой. Полное впечатление, что ему хотелось и побежать, и пнуть, — и он никак не мог сообразить, чего же ему хочется сильнее.

Последний из пятерки реакцией обладал неплохой. Обстановку оценил сразу: и ему гребенчатый перекрыл

путь для бегства. И парень выдернул из-под куртки оружие. Ловко выдернул, для дилетанта даже очень быстро.

Дальнейшее разглядеть в деталях оказалось невозможно. Все произошло за один миг.

Только что все шестеро были на ногах — пять человек и одна рептилия. Миг — и трое оказались на асфальте, сбитые ударом огромного хвоста: «тормоз» и наладившиеся бежать. А еще на асфальте лежал «макаров». И кисть руки, ровненько отхваченная точно по суставу. Запястье парня, наоборот, оказалось расположено, мышцы повисли лохмотьями, белел обломок кости. Кровь пока не текла.

Гребенчатый застыл неподвижно. Словно не он только что провел мгновенную ампутацию без наркоза.

— ...в тракторке, подтвержденной решением Конституционного Суда Российской Федерации от второго марта текущего года, — закончил динамик и смолк.

Тишина стояла мертвая. Даже лишившийся руки не издавал ни звука. Хотя рот его распахнулся, и губы круглились все шире, — казалось, кожа сейчас лопнет в уголках рта, брызнут капельки крови...

Вместо этого кровь брызнула из культи. Сначала лишь брызнула, но тут же хлынула струей, обильно пятная тротуар, и без того густо залитый красным.

Парень осел назад. Приземлился на пятую точку, так и не закричав. Платок, свалившийся с его лица, висел на шее на манер детского слюнявчика.

Гребенчатый шагнул вперед. Наклонил туловище, уставившись неподвижными зрачками на истекавшего кровью человека.

И тут покалеченный парень сумел удивить... Не кродила, тот не умел удивляться, — Егора.

Левая уцелевшая рука поползла к валявшемуся рядом оружию. Вполне осознанным и целенаправленным движением.

Гребенчатый не двигался. Казался оцепеневшим, внезапно вспомнившим, что при температуре воздуха

ниже восемнадцати градусов подвижным ему быть не полагается.

Сбитая с ног троица ворочалась, пытаясь встать, — не получалось. Похоже, у всех троих переломы. Один из них застонал, негромко, протяжно, на одной ноте.

Оставшийся на месте и на ногах окаменел, стал частью гранитного парапета, — горельефом, символизирующим всепоглощающий ужас.

Пятый истекал кровью, но упрямо тянулся к своей пушке.

Егор понял, что происходит. И что произойдет вскоре, как только видеорегистратор крокодила зафиксирует прикосновение к оружию, понял тоже.

Но решил досмотреть до конца. Засветился он и без того дальше некуда, из всех зевак единственный остался на месте. Торчит, как одинокий клоп на белой простыне. Так что терять особо нечего...

Все произошло, как в первый раз, столь же стремительно. Едва пальцы парня коснулись пистолета, голова и все туловище крокодила метнулись вперед — смазанным, едва различимым движением. Пасть открылась, закрылась, резко дернулась в сторону — все за доли секунды.

Обезглавленное тело завалилось набок. Ноги дергались, скребли по асфальту. Егор пошагал прочь. И не обернулся, чтобы посмотреть, кто там истошно, пронзительно завопил, — один их сбитых с ног или оживший гранитный горельеф.

Слухи не ввали. Гребенчатый был хорош... Егор не представлял, сумел бы он уцелеть или нет, окажись на месте парня с «макаровым». Нет, он никогда бы так нелепо не подставился, не прохлопал бы появление крокодила, но все же... В любом случае не стал бы глупить, вытаскивая ствол в непосредственной близости от противника. Попытался бы вскочить на парапет, достаточно широкий, увеличить дистанцию, а уж затем хвататься за оружие. А вот успел бы или нет — вопрос спорный.

Реакция у твари оказалась именно такой, как рассказывали. Молниеносной. Хотелось бы взглянуть и на живучесть... Жаль, что парень не успел выстрелить.

Через сотню шагов он бросил взгляд назад. Рептилия мотала башкой, с зубов свисала застрявшая тряпка. Зеленый платок (теперь — красно-зеленый), не так давно прикрывавший лицо. Вытащить его у гребенчатого лапы оказались коротки.

На том берегу виднелись характерные силуэты двух кайманов-патрульных, спешивших к месту происшествия и уже подходивших к мостику. Издалека доносился вой полицейской сирены.

Егор ускорил шаг, но не слишком. Его, конечно же, зацепили, но пасут пока без тцания... Перейти на бег — значит тут же подогреть градус интереса к своей особе.

Но все равно надо отрываться сразу, при первой возможности.

2

*Лишь того, кто любит труд,
негром в Африку возьмут*

Если спросить: где живет человек, на голову которому сваливается кокос, а затем он (человек, не кокос) отправляется охотиться на бабуина? — ответы возможны разные, но локализованные в пределах Черного континента. Мы живем на Занзибаре, в Калахари и Сахаре, на зеленой Лимпопо, где гуляет гиппопо...

Или называть континент Черным неполиткорректно? Кружилин не знал. Он жил не в Африке, — в Питере, на Звездной улице. Тем не менее кокосовый орех совершил жесткую посадку именно на его череп. И предстояла дурацкая охота на дурацкую обезьяну.

Кокос на голову, кстати, Кружилин тоже схлопотал из-за них. Из-за охоты и обезьяны. Утром в темноте запилкал будильник смарта — назойливо, как комар над

ухом спящего. Он пошарил рукой у кровати, ничего не нащупал, и на тумбочке не нащупал, и на столе...

Писк доносился откуда-то сверху. Кружилин, стряхивая остатки сна, вспомнил, что положил смартфон на шкаф, — чтобы не отключить, не заснуть снова, водился за ним такой грешок, когда приходилось вставать раньше привычного. На службу он просыпался сам, без будильников, минута в минуту.

Приподнялся на цыпочки, стал нашаривать противно зудящий прибор, — а вместо него зацепил кокос. Тот покатился, ну и... Ладно хоть недолго летел в свободном падении и не успел набрать приличный разгон до контакта с кружилинской головой. Но все равно приятного мало.

Кокос давным-давно привез из Гвинеи дедушка Кружилина. В те времена советские люди крайне редко попадали в Африку и ездили не туристами, — исключительно в служебные командировки. Вот и дедушка сподобился там что-то строить, и обучал строительному делу аборигенов. А поскольку кокосы в Союзе не изобиловали и даже изредка в продаже не встречались, дедуля по возвращении вместе с другими африканскими диковинками привез заморский орех. Не на еду, в качестве сувенира. Теперь кокосы грудями лежали в любом супермаркете, и Кружилин убрал сувенир с глаз подальше, выбросить рука не поднялась, все-таки память о дедушке и вообще о прошлом, о легендарных былых временах.

Но прошлое умеет мстить. И это не фигура речи, — бьет, и больно... Прямо по голове.

Жил он один, и холостяцкий завтрак не затянулся: Кружилин включил кофеварку, затем помедитировал перед открытым холодильником, соображая, что бы разогреть в микроволновке... В результате ограничился чашечкой кофе. Желудок явно не услышал писка смартфона и продолжил дрыхнуть — вид продуктов вызывал лишь желание побыстрее захлопнуть белую дверцу.

Если день с утра не заладился, то и дальше пойдет наперекосяк. Примета верная. Сработала и сейчас — на Витебском Кружилин влетел в пробку. С чего бы в такое время? Сзади подъезжали новые машины, взяв кружилинский «скаут» в плотную коробочку.

Минута ожидания, вторая, третья... «Тойота», стоящая впереди, тронулась, медленно прокатила метра три, снова издевательски зажгла стоп-сигналы. Кружилин круто вывернул руль вправо, благо находился в крайнем ряду, заполз правыми колесами на газон, переехав невысокий поребрик. Дернул машину вперед-назад, еще дальше убирая с проезжей части. Короче говоря, припарковался, — аккуратно рядом со знаком, запрещающим такие действия. Не беда, заявятся эвакуаторы, увидят номер Управления и отправятся искать другую добычу.

Кружилин решил отправиться в Павловск поездом, до станции Купчино он не доехал несколько сотен метров. Если повезет с расписанием, можно успеть, электричкой езды тут минут двадцать, не больше... А выехал он с запасом.

Проходя через развязку с Дунайским, увидел причину пробки — большегрузная фура столкнулась с «паджеро», перекрыв три полосы из четырех.

Кружилин мысленно высказал несколько пожеланий в адрес водителя фуры, в адрес водителя джипа, в адрес собственного начальства, затеявшего ни свет ни заря охоту на бабуина, в адрес бабуина, избравшего для обитания парковой массив площадью в полтысячи с лишним гектаров... Кокосу тоже досталась пара ласковых.

Разумеется, он опоздал. Электричка ушла из-под носа, следующая подъехала через четверть часа... Стоило ожидать.

За опоздание никто не попрекнул. Даже внимания никто не обратил. Три служебных автобуса, подвозившие в Павловск сотрудников, живших недалеко от

Управления, добрались до места сбора еще позже Кружилина. Тоже пробирались через пробки, хоть и ехали другой дорогой.

Разглядывая собравшихся, Кружилин удивился. Ни одного сержанта, да и лейтенантов лишь двое. А в основном капитаны да майоры, даже подполковники попадают... Что за странное сафари лишь для старших офицеров?

Наконец подъехали автобусы. И с вновь прибывшими та же картина — лейтенантов и сержантов нет. Хотя, конечно, ныне почти на половине сержантских должностей кайманы с аллигаторами, все равно странно.

Среди высаживавшихся нашлись ребята с их этажа, и даже из отдела. Но Кружилин обратился с вопросами не к ним, а к Толику Спицыну, одному из двух лейтенантов, почтенных начальственным доверием и удостоенных участия в охоте. Тот был человеком на редкость общительным, знакомых имел во всех подразделениях Управления и всегда знал хоть чуть-чуть, но больше других.

— Дело государственное, старики! — сказал Толик, наставительно подняв палец. — Вон там знаете, что за халупы стоят?

За полуоблетевшими деревьями смутно виднелось нечто псевдорусское, бревенчатое, — так, наверное, представляют режиссеры исторических фильмов боярский терем с надворными постройками.

— Любимая ресторация Самого! — сообщил Спицын, не дожидаясь ответа на риторический вопрос. — Еще с питерского его житья... И нынешние шишки городские сюда заезжают нередко. И приехавших московских зазывают. Чтобы, значит, отметить и как бы приобщиться... И вот, значит...

Закончить Толику не удалось. Началось построение, перекичка прибывших, разбивка на группы, все сопровождалось суетой и неразберихой. Начальство, похоже,

и само мало что понимало: приказания звучали зачастую противоречивые.

Помаленьку все устаканилось, группы начали уходить с небольшой полукруглой площадки, засыпанной утрамбованным крупным песком. Располагалась площадка возле ворот главного входа в Павловский парк, и Кружилин понадеялся, что их поведут внутрь, давненько здесь не бывал, а ведь в молодости часто гонял сюда, и в компании парней, и вдвоем с девицами доводилось гулять такими вот осенними днями по аллеям, усыпанным золотыми листьями... Неплохо б глянуть на знакомые пейзажи, вспомнить юность.

Но в парк их группу не повели, нестройная колонна — примерно взвод по численности — пошагала вдоль ограды. Предварительного инструктажа не проводили, оружие не раздавали... И ничего другого, способного сойти за орудия охоты, не раздавали. Кружилин все меньше и меньше понимал суть и смысл происходившего.

И Толика было не расспросить, тот угодил в другую группу.

Пока шли, Кружилин перемолвился парой слов с коллегами по отделу. Но и они ничего толком не знали. Паша по прозвищу Дикобраз вообще не заморачивался, его гораздо больше заботила дилемма: обеспечат их горячей пищей или придется давиться сухим пайком? Поразмыслив немного вслух над своей дилеммой, Дикобраз пришел к выводу: могут вообще ничего не дать, с начальства станется.

Аппетит Кружилина от дикобразовых слов проснулся, встрепенулся и намекнул хозяину, что пришло время завтрака. Кружилин вздохнул и посмотрел с надеждой на второго своего коллегу, майора Проничева. У того карманы камуфляжной куртки топырились, чем-то набитые. Бутерброды, наверное, или что-то еще съедобное. Мадам Проничева, похоже, харчами снабдила майора с запасом, поделится...

★

Топали, топали и притопали в Тярлево. Там, на входе в поселок, тоже кучковался служивый народ, и опять лишь офицеры... Все чудесатее и чудесатее.

Кружилин со товарищи прошли еще дальше, по самой дальней, граничной тярлевской улице, дома которой выходили окнами аккуратно на Павловский парк. Особнячки стояли лишь с одной стороны улицы, более напоминающей березовую аллею. С другой стороны вплотную к обочине высилась ограда парка, сваренная из трехметровых металлических прутьев.

Здесь, на аллее, их поджидал «пазик» с черными военными номерами и незнакомый полковник в камуфляже. Кружилин пригляделся к его петлицам — ФСО. Вот даже как... Всех согнали.

Для начала полковник разбил группу на три отделения, назначил старших и зоны ответственности. Затем заставил всех расписаться под каким-то документом. Кружилин поставил роспись против графы со своей фамилией, мельком глянул на текст. Вчитываться не стал — подписка по двести семьдесят второй форме, отлично ему знакомая.

Серьезные дела... За нарушение такой подписки — от семи и выше, вплоть до пожизненного. Кружилину то все равно, на нем таких подписок висит, как сосулек на весенней крыше. Но сам факт примечательный, особенно в сочетании с тем, что говорил и не договорил Толик...

Потом они получили оружие, тоже под роспись. Пневматические винтовки солидного калибра. Стреляли они не пулями — не то карпулами, не то мини-шприцами, — короче, чем-то цилиндрическим и пластиковым с иглой на конце. Иголочка втыкается в цель, а тяжелое донце-поршень по инерции движется вперед, выдавливая в кровь содержимое. Дешево и сердито.

— А если я невзначай в нашего пульну? — невинно спросил Пашка-Дикобраз, подкинув на ладони коробоч-

ку с пулями-карпулами; боеприпасы выдали не щедро, каждому стрелку на два выстрела.

Вопрос был не праздный. Дикобраз не блистал на зачетных стрельбах по выскакивающим из-за углов улицы-тренажера мишеням в виде террористов и уголовников. И зачастую вместе с фигурами, изображавшими экстремистов, дырявил и другие, изображавшие законопослушных граждан.

— Он получит антидот. А вы... — полковник замаялся на секунду, бросил быстрый взгляд в список, — а вы, капитан Бурич, получите выговор с лишением премии и неполное служебное соответствие. Еще вопросы?

— Что это и как им пользоваться? — спросил Проничев, вертя в руках свое оружие.

Пневмашки достались не всем. Многие, Кружилин в том числе, получили нечто странное — подобие укороченной донельзя базуки. Ствол короткий, толстый, но стенки тоненькие, сколько-нибудь приличного заряда штука наверняка не выдержит, взорвется.

— Это называется ПМС, — объяснил полковник. — Отставить смехуечки! Портативный метатель сети, ясно? Действует просто: снял с предохранителя — вот так, навел на объект, нажал вот здесь. Дальнобойность — семь-восемь метров. Заряд один, стрелять наверняка. Еще вопросы?

Вопросов не оказалось, и полковник перешел от оружия к дичи. Выдал три снимка, по одному на каждое отделение, их пустили по рукам, разглядывая. Сам фээсошник тем временем зачитывал по бумажке приметы, перемежая их своими комментариями:

— Рост сто двадцать сантиметров, телосложение нормальное, шерсть нетипичной окраски, светло-серая. Хвост купирован в районе третьего позвонка... Короче, нет хвоста совсем. Физически развит, ловок, способен быстро перемещаться по вершинам деревьев и крышам зданий... Короче, в поселок прорваться не должен, всем ясно?

Фотография дошла до Кружилина. Ну да, бабуин... Седьмой серии или выше. И это хорошо, челюсти и клыки у зверюг первых серий были ого-го, со статей таких зубастиков даже леопарды не связываются... А у этого вполне приличная морда лица, у людей порой встречаются более развитые челюсти.

— Владеет речью, словарный запас очень высокий... Но я вам вот что скажу, между нами и без протокола: начнет болтать — не слушайте, стреляйте. А вдруг что услышите — немедленно забывайте. Всем ясно? Продолжим... на чем я там... а, вот... Может быть одет в костюм темно-синего цвета, либо в его остатки. Вот и все приметы... Стрелять только на дистанции уверенного поражения, боеприпасы зря не расходовать. Пока можете перекурить и расслабиться, загонщики начнут... — полковник взглянул на запястье, — через двадцать три минуты. И вот еще что... Местные предупреждены, чтобы сидели дома и не высывались. А если какой дурак высунется и невзначай рядом с объектом окажется, — пакуйте немедленно. Обоих, и объект, и дурака. Вопросы есть?

Вопросов вновь не оказалось... На каком основании им паковать случайных свидетелей, глупо спрашивать. Был бы человек, а статью подберем.

Еще глупее спросить: да кем же он был, этот съехавший с катушек бандерлог? Если ловить его загнали чуть ли не всех питерских силовиков? Причем не просто силовиков, а офицеров, имеющих допуск не ниже бэ-четыре?

Подписав двести семьдесят вторую форму, таких вопросов не задают.

Полковник уехал на своем «пазике», они остались. Выполняли приказ: перекуривали и расслаблялись. Кружилин не курил, а для расслабухи поведал соседям утренние свои злоключения — начиная с кокоса.

— Разбился кокос-то? — заинтересовался Дикобраз. — Притащил бы с собой, что ли... Точно ведь пожрать не дадут, ни слова полкан про еду не сказал...

Кружилин пояснил, что кокос уцелел, к тому же был не совсем свежий; рассказал и про дедушку, обучавшего пролетариев Африки секретам стахановских методов и тонкостям социалистического соревнования.

— Лишь того, кто любит труд, негром в Африку возмрут, — глубокомысленно заключил Дикобраз. — Интересно, есть тут продмаг поблизости?

3

*Смело, товарищи, в ногу,
духом окрепнем в борьбе*

Телевидение Егор не любил. Развлекательные программы его не развлекали, ужастики не пугали, комедии не смешили... Смешили, правда, боевики со стрельбой, драками и погонями, но их тоже смотреть не хотелось.

Так и остались бы новости да хроника городских происшествий единственными программами, признанными годными к употреблению. Но как-то натолкнулся на кабельный ретроканал, сутки напролет крутящий старые фильмы. Цветные показывали редко, один-два за день, а в основном черно-белые, отечественные, первой половины прошлого века. Раз посмотрел, два и как-то незаметно подсел на это дело.

Так вот, среди тех древностей зачастую попадались фильмы о мужественных революционерах, боровшихся за счастье всем сразу и даром. А с ними, в свою очередь, боролось охранное отделение. Боролось методами, способными вызвать в наши дни лишь умиление...

Наружным наблюдением, сиречь слежкой, в старых фильмах занимались шпики, они же филеры. Наивные такие ребята — все как на подбор с бегающим вороватым взглядом, с усиками, все в котелках, все с тросточками, прямо-таки униформа какая-то, только на груди большой нашивки «ФИЛЕР» не хватает... Естественно,

бравые революционеры опознавали шпииков с первого взгляда и дурили их, как хотели. Славные были времена... Жаль, что прошли.

Но Егору отчего-то казалось, что из объективов камер на него пялятся именно такие филеры... Черно-белые. В котелках. С усиками.

...На Сенной проходил очередной митинг, круглосуточный и бессрочный. В защиту кого или против чего митинговали, Егор не знал. Большинство митингующих, наверное, тоже. Да и какая разница? Митинги давно стали обыденностью и играли роль деревенской завалинки. Потусоваться, людей посмотреть, себя показать, со знакомыми пообщаться, бесплатный концерт послушать, угоститься кофе с бутербродами от щедрот устроителей, а затем и рюмочкой чего-нибудь покрепче в кафешке по соседству... И при том ощущать себя человеком с активной гражданской позицией. Борцом, можно сказать, окрепшим духом в борьбе. А против кого или за что нынче объявлена борьба, не так уж важно.

Вечером он оторвался бы в толпе легко и просто. Но поутру митингующих было негусто. Два усиленных патруля на двух концах площади откровенно скучали. Их автозаки смотрелись ненужными и инородными.

Парень в черной кожанке — то ли не по годам лысый, то ли наголо обритый — выкрикивал с эстрады короткие рубленые фразы. Почему-то в мегафон выкрикивал, хотя рядом стояли нормальные микрофоны. Свою речь лысо-бритый подкреплял энергичными жестами и вообще пытался, как умел, завести немногочисленную публику.

Публика реагировала вяло. Десятка два слушателей у эстрады нестройным хором откликались на призывы, что-то кричали в ответ. Остальные бесцельно слонялись по Сенной, сбивались в маленькие кучки у лотков с кофе и бутербродами.

Егор не вслушивался в речевки брито-лысого. Неспешно двинулся по площади, влился в броуновское движение, хотя прекрасно понимал: от наблюдения при здешнем малолюдье избавиться не удастся...

Подошел к лотку, где народ роился чуть гуще, чем у остальных. Бесплезно... Объектив камеры совсем рядом, пялится вороватым взглядом усатого филера...

Надо искать другой вариант. Имелась неподалеку большая мертвая зона в проходном дворе, но соваться туда под плотным наблюдением не хотелось... Оторвется, но пару отличных мест таким образом Егор уже спалил и там сейчас красуются новенькие камеры.

Пока он раздумывал, у лысого на эстраде иссяк запас речевок. Он выкрикнул что-то прощальное и свалил вместе со своим обслуженным мегафоном.

Еще один оратор? Или концертный номер?

Повезло. Следующим шло выступление фемусек. Что внушало надежду...

Группа оказалась из новых, наплодившихся. На приличную студийную фонограмму девчонки не заработали, выступали с живым звуком. Звук оказался поганейшего качества, громадные динамики безбожно искажали что высокие частоты, что низкие. Ни слова не разобрать. Да и не стоило оно того, наверное... Известно, какие из фемусек стихотворцы. Такие же примерно, как певицы.

Броуновское движение на площади приобрело более упорядоченный вид, народ потянулся к эстраде. Потянулся и Егор. Хоть и жиденькая, но все же толпа собирается.

Семеро девчонок в балаклавах били по струнам электрогитар, выкрикивали что-то не мелодичное. И танцевали — если счесть танцем высокое задиранье ног, обтянутых разноцветными лосинами.

Торсы у фемусек, разумеется, оказались полностью обнажены, хотя на улице было градусов десять-двенад-

цать, не больше. Короче, в царство свободы дорогу грудью проложим себе... Если не отморозим ее раньше.

Цель благая, но вот средство для ее достижения подкачало.

Сиськи у выступавших девиц были, как бы помягче выразиться... Егор пытался найти мягкий эпитет, не получилось. Сиськи были. И только. А жаль, в ином случае толпа могла бы собраться погуще...

Лишь одна из фемусек оказалась, по мнению Егора, девкой годной, непонятно как и зачем прибившейся к феминисткам. Но она, как на грех, держалась позади трех солисток, на подпевке-подтанцовке, да еще и с краю, почти скрытая аппаратурой. Но зрители концентрировались у эстрады так, чтобы получше разглядеть именно эту бэк-вокалистку.

Двинулся туда и Егор. Не пялиться на прелести певуны, разумеется. Гораздо больше его интересовали те, кто пялился сейчас на него. Он затылком ощущал липкие взгляды филеров... Вот так, пожалуй, хорошо. На дальние камеры плевать, а в кадр ближайшей попадают спина и затылок Егора в окружении других спин и затылков. И эстрада попадает, что важнее.

Исполняемая фемуськами композиция подходила к концу. Холодноватое все же для таких выступлений. Все участницы группы двинулись вперед, к самому краю эстрады.

Егор потянул вниз молнию куртки, вынул из внутреннего кармана мобильник, нерабочий, как раз для таких реприз предназначенный. Вполне замотивировано, многие парни снимали выступление.

Фемуськи выдали нечто громкое и финальное, все разом подпрыгнули, подняв над головами руки. И в этот момент Егор уронил мобильник. Матернулся, нагнулся... Никто из окружающих на него не глядел.

Хотелось надеяться, что у экранов наблюдения дежурили все-таки мужики... И хотя бы на секунду-другую отвлеклись на крупный план фемуськиных прелестей, подпрыгнувших вместе с владелицами.

Двух секунд Егору вполне хватило. Сдернул куртку, вывернул наизнанку, мгновенно натянул снова — отрететированными, выверенными до микронов движениями. Снял бейсболку, скомкал, пихнул в карман. Все делал на ходу — одновременно быстро смещался влево, буравя толпу, по-прежнему согнувшись, скрываясь за спинами. Мобильник подобрал, пригодится.

В нескольких метрах — и в зоне наблюдения другой камеры — из-за спин зрителей вынырнул уже иной человек. Куртка не просто изменила цвет, но и выглядела теперь более молодежной. Пластику движений Егор тоже постарался изменить: стал двигаться более энергично, подпрыгивал, размахивал рукам — точь-в-точь как собравшийся вокруг молодняк. В общем, если смотреть со спины — помолодел лет на пятнадцать. А то и на двадцать.

Фемуськи раскланялись, затем вновь подпрыгнули, повторили свой финальный вопль, — и убежали отогреваться. Публика похлопала, но без фанатизма. На эстраду колом выкатился ведущий митинга — низенький, краснощекий, весьма упитанный, — и начал представлять очередного народного трибуна.

Толпа редела на глазах, многие вообще уходили с площади. Ушел и Егор, не стараясь обойти патрульных, прошагав совсем рядом. Кайманы смотрели своим обычным, ничего не выражающим взглядом. Патрульные-люди равнодушием соперничали с пресмыкающимися коллегами.

Оторвался?

Скорее всего да. Но лучше подстраховаться. Теперь можно и во дворы, в мертвую зону. Для полной гарантии.

*Мартышка к старости
слаба мозгами стала*

— Зачем нам приметы бандерлога? — поинтересовался Кружилин. — Один ведь, наверное, тут такой... Все-таки не город, помоек нет, старушки жалостливые тоже не подкармливают.

Вопрос прозвучал риторически, но Дикобраз тут же откликнулся:

— Х-хе, один, скажешь тоже... Ты что, в парке здешнем давно не бывал?

— Давненько... — признал Кружилин. — С курсантских времен... С шестнадцатого года, или с семнадцатого, когда они тут юбилей Павловска справляли...

— Вот-вот. А нынче в парке бандерлогов — тьма. Ну, может, не совсем тьма, а просто все они вдоль самых людных аллей трутся. Туристы и рады: фоткают, видео снимают, бананы дают... Внутри, недалеко от главного входа, даже ларек специальный есть — бананы, ананасы, прочие финики. Чтоб было чем угостить, значит.

— Понятно. Раньше белок здесь так кормили, с ладошки.

— А белки того... не осталось белок... Да и птиц совсем мало теперь. Видать, с одних бананов сыт не будешь.

Едва разговор свернул на еду, кружилинский желудок вклинился в него со своей безмолвной и возмущенной репликой: что за дела, хозяин, где моя законная утренняя порция?!

Кружилин полез в карман, достал фляжку — плоскую, металлическую. Из другого — три стопочки-наперстка, вложенных друг в друга. Подозвал коллег. Утро холодное, неплохо бы согреться.

Пашка-Дикобраз все понял с полуслова, а Проничев протормозил — стоял, держа свой ПМС, как женщина

держит младенца, с задумчивым видом глядел куда-то вдаль... И отреагировал только на второй оклик.

Выпили, закусили, раскулачив карман майорской куртки, там оказались бутерброды с ветчиной.

— Хороший коньяк, — сказал Дикобраз.

— Дагестанский, — сказал Кружилин.

А майор Проничев сказал нечто странное:

— Водки бы сейчас...

— Ну и вкусы у тебя, Сергеич... — покачал головой Кружилин. — Водка после коньяка... фи...

— Как отстреляемся, я сбегая? — вкрадчиво предложил Дикобраз.

— И не мечтай, — отрезал майор. — Я о другом... Вспомнил прадеда... У него день рождения сегодня... Я когда мелкий был, бабка каждый год сюда всю семью вывозила в этот день.

— Сюда — это в парк? — Дикобраз кивнул направо. — Или в Тярлево? — Он кивнул налево.

— Не совсем... Но тут неподалеку, километра два. Памятник там над братской могилой, оборонявшим Ленинград в сорок первом... Бабушке тринадцать лет было, когда прадед в дивизию народного ополчения пошел. А ему — сорок семь, старый уже, близорукий и вообще больной, еще в империалистическую воевал, газами надышался... Но пошел, добровольцем. Здесь почти все и легли, под танками. Даже могилка только такая осталась, братская. Одна на всех. Любила она своего отца, бабушка... Выпьет водки сто граммов, ржаным занюхает, — и сидит там, у обелиска, о чем-то с ним мертвым говорит, губы шевелятся, а ни слова не слышно... Такая вот была семейная традиция. Потом забылась как-то. После бабушкиной смерти разок-другой съездили, а затем то дела, то еще что... А я вот стою сейчас и думаю: прадед тут с «тиграми» воевал, а мы с мартышкой сбрендившей... Тьфу.

Кружилин хотел сказать, что в сорок первом у немцев «тигров» еще не было, но не сказал. Потому что прав Проничев, как ни крути. Богатыри не мы...

Их неторопливый разговор прервали, — командиры отделений разогнали всех по местам, Дикобраз оказался метрах в пяти правее, Проничев еще дальше, тут уж не до задушевных бесед.

Вдалеке слышался собачий лай, а за деревьями парка и впрямь ощущалось какое-то движение. Но что именно происходило, пока разглядеть не удавалось. Парк здесь — в отличие от той его части, что окружала Павловский дворец, — выглядел как лес, лишь чуть-чуть облагороженный рукой человека: аллеи редкие, деревья растут сами по себе, как им от природы и полагается. Но вплотную к ограде березки и елочки не подступали, отделенные луговиной в несколько десятков метров шириной. Чуть в стороне луговину наискось пересекал небольшой пруд, примыкая одним берегом вплотную к ограде.

Кружилин, сжимая свой ПМС, разглядывал диспозицию, прикидывая, откуда могут появиться уходящие от загонщиков бандерлоги. А у самого вертелась в голове довольно-таки бредовая мысль. Что сейчас среди полублетевших ветвей замелькают не хвостатые силуэты маргышек. Что оттуда, из парка — ломая деревца и сминая подлесок — выкатятся лязгающие громадины Pz-III и Pz-IV, а за ними развернувшиеся в цепь панцергренадеры...

Бред, конечно же, вызванный отчасти рассказом Проничева, отчасти несколько противотанковым видом ПМС.

Среди деревьев показались бандерлоги. Небольшая группа, голов семь-восемь.

Двигались обезьяны по ветвям, в нескольких метрах над землей. Лихо перескакивали с дерева на дерево... Когда деревья закончились, небольшая стайка разделалась.

— Это ж он! — возбужденно прокричал Дикобраз. — Бля буду, он!!! Бесхвостый!

Бандерлоги не колебались, не петляли, пытаясь сбить погоню со следа. Быстро и по прямой почесали к ограде. Причем не кучей, а веером, словно каждая обезьяна наметила для прорыва свою точку периметра и стремилась вырваться именно там.

И — прав оказался Дикобраз — одна из зверюг отличалась от остальных размерами, окраской и отсутствием хвоста. Даже какая-то тряпка развевалась за ней на бегу, остаток темно-синего костюма, надо полагать.

Несся бесхвостый бабуин прямо на Кружилина. Вот повезло-то... Хотя после кокоса и пробки на рассветном Витебском в самый раз, в масть.

Он стиснул ПМС, навел на обезьяну. Стрелял Кружилин неплохо, не чета Дикобразу. Но метатель сети — оружие непривычное и не опробованное.

И тут же он понял, что зверюга выйдет к ограде чуть в стороне, как раз там, где стоял Дикобраз. Телепат бесхвостый... Вычислил слабое звено в цепи.

Пневмашка хлопнула, когда до бандерлога оставалось метров десять. Попал Дикобраз или по обыкновению промазал, Кружилин не понял. Аллюр зверя не изменился, бабуин несся с прежней прытью.

Добежал до ограды и ловко, очень быстро полез наверх.

Дикобраз матерился, переломив пневмашку и пытается ее зарядить, — ничего не получалось, не то карпулу перекосило, не то руки дрожали от волнения.

Кружилин не спешил с выстрелом, дожидаясь, когда обезьяна окажется на гребне ограды — чтобы прутья не помешали сети развернуться.

Он недооценил бандерлога. Или переоценил свою скорость реакции, неважно. На гребне бабуин не задержался ни на долю секунды. Раз! — и сиганул на березу, словно подброшенный катапульты. Через мгновение

стрелять сетью в густое скопление ветвей стало бесполезно.

Слева и справа подбегали, несколько раз хлопнули пневмашки — уже от беды, от отчаяния, березы на аллее росли высокие, а бандерлог взмахнул почти на вершину. Шанс, что пуля-шприц найдет к нему дорожку сквозь мешанину сучьев и листвы, был исчезающе мал.

Если бы бабуин двинулся вдоль аллеи, по-прежнему оставаясь в верхней части крон, мог бы уйти далеко. Но сбрендившее существо не стало искать оптимальных путей.

Прыжок — бандерлог перелетел на второй ряд берез. Если и не как птица перелетел, то уж как белка-летяга точно. Прыгучий, зараза.

Сбитые прыжком листья летели к земле медленно, кружась. Это зрелище вкупе с карабкающимся к вершине бандерлогом почему-то породило у Кружилина дикое чувство нереальности происходящего. Бывают такие моменты в бредовых сновидениях — когда с радостным облегчением понимаешь: все не взаправду, кошмар, сон, откроешь глаза, и все закончится...

Он крепко зажмурился. Снова открыл глаза. Не закончилось ничего. Так же вокруг толпились подбежавшие охотники. Бандерлог так же оставался на березе.

Недолго, впрочем, оставался. Еще прыжок — и бесхвостый грубо нарушил границы частной собственности. Осуществил несанкционированное вторжение. Проще говоря, перемахнул на ближайший участок, пролетев над низенькой оградой из дикого камня.

Хозяин участка владел им явно не в видах садоводства и огородничества. Никаких яблонь с грушами, равно как и парничков с грядками. Все для отдыха, все для релаксации. Деревья на участке имелись, но исключительно не плодовые.

Обезьяна для начала перескочила на дерево, названия которого Кружилин не знал, — туя, или кипарис, нечто пирамидальное и хвойное, но хвоя плоская и мя-

конькая, ничем не напоминающая сосновые или еловые иголки.

Однако и мягкая хвоя оказалась бандерлогу не по нутру. Вскрабкался повыше и тут же перепрыгнул на березу, росшую невдалеке от особняка. Дерево было гораздо моложе растущих на аллее, — соответственно, гораздо ниже и тоньше.

Примат залез поближе к вершине, уцепился за ветви одной передней и одной задней лапой. Повис почти горизонтально и поглядывал на охотников издевательски: вот он, дескать, я, что предпримете?

— Стоять! — гаркнул Проничев на охотников, устремившихся было к березке. — Нечего толпой его пугать... Значит, так: ты и ты, — заходите сзади дома, смотрите, чтобы на другой участок не махнул. Ты, ты и ты — во он туда, вдоль забора, за беседку, растянитесь там пошире... Ты и ты — стойте здесь, чтоб обратно не ломнулся...

Непонятно с чего майора пробило вдруг поруководить охотниками, но руководил он толково. Грамотно расставил людей, отрезав бандерлогу пути отступления. Поверху таких путей имелось всего два — обезьяна могла вернуться на как бы кипарис, а оттуда на вершины аллеи. Могла попробовать допрыгнуть до крыши дома. Но мартышки и на земле шустрые, человеку не угнаться, и Проничев позаботился перекрыть все дорожки отхода.

— Пошли, молодежь, — сказал майор. — Ты бандуру свою зарядил?

— Зарядил, — кивнул Дикобраз. — Может, поменяемся, а? Опять промажу...

— Да и хрен с ним, Паша. Главное, его с ветвей согнать, на земле или крыше живо сеткой накроем.

Их тройца двинулась к березке — разойдясь, заходя с трех сторон. Бандерлог продолжал висеть в той же позе. Кружилин наконец разглядел, что за тряпка болтается на обезьяне. Не обрывок костюма или рубашки —

длинный галстук, весьма стильный и модный, и даже неплохо сохранившийся, с учетом манеры владельца скакать по ветвям берез и елок.

Голос раздался неожиданно. Звучный, громкий, хорошо поставленный. Словно распахнулось окно особнячка и внутри включили радио или визор. Включили посреди передачи, на полуслове.

— ...в проект «Русский дом» свидетельствует, вне всякого сомнения, о понимании и трезвой оценке нашими зарубежными партнерами его перспектив, даже, не побоюсь этого выражения, необозримых исторических перспектив. Вместе с тем определенные деструктивные силы, как внутри страны, так и за рубежом...

Говорил не визор. И не радио. Говорил бандерлог. Хорошо говорил, весело, значительно. Правда, несколько подпортил впечатление тем, что по ходу речи испражнился. Обезьянье дерьмо звучно плюхалось в небольшой, обложенный болотным туфом декоративный водоемчик, располагавшийся аккурат под березкой.

Они не вслушивались в речи бандерлога. Подошли поближе, взяв дерево в кольцо, вернее в треугольник. Подняли оружие. Кружилин стоял как раз между березкой и стеной особнячка и надеялся не повторить давешнюю ошибку: сеть летит значительно медленнее, чем заряд дроби, и стрелять надо не просто влет, а с большим упреждением, едва лишь тварь сгруппируется для прыжка...

— Давай, Паша, — тихонько скомандовал Проничев.

Дикобраз тщательно и долго целился. Ветви и листья здесь прикрывали цель не так густо и можно было надеяться на попадание. Можно было бы, если бы стрелял не капитан Бурич по прозвищу Дикобраз.

Но бандерлог, разумеется, понятия не имел, что жизнь столкнула его с одним из худших стрелков Управления. И не стал дожидаться, чем все закончится. Прервал свое выступление, опять-таки на полуслове,

и красивым длинным прыжком устремился в сторону водосточного желоба.

Кружилин выстрелил, как и планировал, — с большим упреждением. И промахнулся. Хотя никак не должен был, сеть раскрылась в расчетной точке... Но свалилась на землю, никого не захватив. Дело в том, что бандерлога подвел галстук.

Галстук, как известно, атавизм в мире моды, абсолютно не функциональный. Но и беды от него никакой. Если носить под костюмом, как полагается. А вот скакать в одном лишь галстуке по кронам деревьев — занятие чреватое.

Короче говоря, в момент прыжка болтающийся конец галстука застрял в развилке ветвей. Полет прервался. Извивающийся бандерлог повис на манер висельника. Сук трещал и гнулся, но пока выдерживал.

Возможно, бесхвостому удалось бы освободиться, отцепив галстук или сломав ветвь. Возможно, петля в конце концов удавила бы его. Но не произошло ни того, ни другого, — Проничев поставил точку в затянувшейся охоте.

Ветви теперь не мешали, — и взметнувшаяся сеть закутала, запеленала со всех сторон бандерлога. Майор потянул за тонкий леер, крепившийся к ПМС, добыча мягко упала на аккуратнейше подстриженную лужайку.

Бабуин лежал неподвижно. Кружилин подошел поближе, подобрав свою сеть и держа наготове. Мало ли что... Как-нибудь выскользнет, отпутается, и начинай все по новой. Предосторожность оказалась излишней. Освободиться бандерлог не пытался. Или был шокирован падением, или в сети имелись тончайшие и суперпрочные режущие нити, причиняющие боль при любой попытке шевельнуться.

Морда та же, что и на фото, — безволосая и морщинистая пародия на людские лица. Но сейчас Кружилина поразили глаза обезьяны. Совершенно человеческие глаза... Темно-карие, смотревшие грустно и осмыслен-

но. Казалось, сейчас бесхвостый произнесет: «Да ладно вам, ребята, поигрались и хватит, снимите с меня поскорей эту дурацкую маску...»

Но бандерлог ничего не сказал. Вместо того прозвучал другой голос... На сей раз точно от особнячка. И дикцией, и лексикой обладатель голоса весьма уступал бандерлогу.

— Что за хуйня?! — прокатился над участком возмущенный вопль.

Владелец... Надо понимать, еще минуту назад владелец особнячка, кипариса, березки, альпинария и водоемчика сладко-сладко спал, такую опухшую со сна рожу нарочно не изобразить. Возможно, видел приятные сны. Продрал глаза, натянул тренировочные штаны, выскочил за дверь, — и вляпался в самую неприглядную реальность. Ухоженные лужайки истоптаны, и процесс вовсю продолжается. И это он еще плавающее посреди живописного водоемчика бандерложье дерьмо не успел разглядеть... Но и увиденного хватило.

— Да вы... Да я... — Возмущенному владельцу не хватало воздуха и слов, но чувствовалась, что сейчас вдохнет поглубже, соберется с мыслями, — и разродится чем-то длинным, громким и малоцензурным.

— Дурак? — небрежно ткнул пальцем в сторону владельца Дикобраз. — О нем полковник толковал?

Вопрос был обращен к Проничеву. Майор кивнул.

— Дурак... — констатировал Дикобраз.

— Ну все... — прямо-таки проскрежетал владелец. — Напросились...

Он потянул из кармана треников смарт, наверняка собравшись звонить кому-то грозному и высоко сидящему, способному надолго испортить жизнь и капитану Буричу, и остальной компании охотников. Учитывая стоимость таких особнячков с окнами на парк, знакомства у заспанной личности и впрямь могли быть серьезные.

Пневмашка глухо чпокнула. Владелец, отвесив челюсть, устоял на выросший у него из живота шприц. Затем рухнул навзничь.

— Не промазал, — удовлетворенно произнес Дикобраз.

5

*Килька в банке на моем окне,
килька в банке счастлива вполне*

ЗКП-17, именуемая в народе Балтийской банкой, снаружи выглядела красочно. Огромные разноцветные щиты выстроились вплотную друг к другу, словно здесь сомкнули строй щитоносцы какой-то великанской фаланги. Щиты рекламировали полезные и нужные товары, и услуги, не менее полезные и нужные, а заодно скрывали от глаз все, что за ними находилось.

Что предстанет взгляду, если убрать щиты, Егор знал. Обшарпанные, разрушающиеся стены. Оконные проемы, заложенные свежей кирпичной кладкой. И другие пломбы из свежего кирпича, гораздо больше размером, наглухо закупорившие подъезды, переулки и улочки.

В общем, зона компактного проживания. В речах оппозиционных политиков — «гетто» или «резервация для лишенцев». А народ говорит попросту: банка. Да и в самом деле, где еще, как не в банке, обитать анчосам?

Блокпост располагался на Розенштейна. Один из четырех наземных официальных входов в банку (имелись, разумеется, разные потайные лазейки, мышьи норки и тараканьи щелочки, кому надо, тот о них знал и пользовался). Пятый вход-выход под землей — почти двухкилометровый туннель, ведущий к станции метро «Балтийская». Но метро в последние два года не то, что раньше: можно уехать лишь в другую банку или в одну из промзон, часть станций не функционирует, у других

заблокированы выходы в чистые районы, до эскалаторов приходится добираться по длинным пешеходным туннелям... Из банок добираться, разумеется.

Ситуация сложилась непонятная. Сначала он засветился на Мойке рядом с «крестоповальцами», затем ушел от камер на Сенной, а просто так люди от камер не прячутся...

Запись уже прогнали через идентификатор... С какой надежностью работает компьютерная программа опознания, Егор знал не понаслышке. Шансы пятьдесят на пятьдесят. Может быть, идет установление смывшегося свидетеля, ленивая работа, без души, для галочки. Но не исключено, что дичью объявлен сам Крестonosец. И вот тогда будут рыть землю...

И все же он решил войти в банку легально.

Все мышиные норки и тараканьи щелки засвечены и находятся под негласным наблюдением. Люди в погонах знают об их существовании, но законопатить наглухо не спешат, все равно появятся новые, придется их искать и вычислять, а так все под контролем, да и доля капает от контрабанды...

А контрабанды хватает. Водка в баночных магазинах на удивление дешевая, правда, отвратного качества. Курево опять же разрешено... Презервативы и противозачаточные таблетки стоят буквально гроши, — и вот они то на уровне лучших стандартов, без дураков.

Но если и впрямь ловят Крестonosца, вся контрабанда пойдет побоку. Тут не до жира и не до копеечного нава. Лазейки прикроют так, что мышь не проскочит. Но обнаружить это он сможет, лишь влетев в мышеловку.

А на блокпосту усиленный режим не утаить... И сразу станет ясно, что к чему.

Блокпост работал только на вход... Первый звончок.

Сначала у него проверили документы. Егор отметил, что сканер в руке постового скользнул не только над удостоверением личности, но и над ваучером,

лежавшим здесь же, в соседнем отделении бумажника. Обычно на входе дело ограничивалось визуальным контролем документов: полноправный избиратель? — проходи, раз уж имеешь какие-то дела в этом отстойном местечке...

Ваучером проверка не закончилась. Постовой порывся в бумажнике, нашел права, над ними тоже мазнул сканером. Seriously... Многие любители ездить с левыми корочками сегодня спалются. Блокпост не то место, где можно незаметно для видеофиксатора сунуть купюру... Такое на дорогах с дэпзэсниками-людьми проходит, а здесь все фиксируется с нескольких точек и запись не остается на блокпосту, сразу уходит в операторскую Управления.

И что дальше? Сканирование отпечатков? Или личный досмотр?

За отпечатки он был спокоен. Подмена биометрической карты обошлась в свое время в очень круглую сумму, но дело того стоило. Теперь можно хоть на генетическую экспертизу отправляться...

Но проверкой документов все и закончилось. Значит, до красной тревоги дело не дошло. Но все-таки надо отсидеться здесь хотя бы несколько часов, пока рвение не много поутихнет.

В банке было все как всегда. Смеялись дети. Ядовито зеленели пластиковые газончики. У винно-водочного маячила личность с плакатом «КУПЛЮ» на груди. Что именно личность желает приобрести, плакат не уточнял. И без того всем ясно. При здешних ценах на спиртное можно целый месяц квасить в теплой компании, задвинув свой избирательный ваучер. А в одно рыло и того дольше. Но желающие в очередь к личности не выстраивались, не так тут много осталось обладателей ваучеров...

Все было как всегда. В подворотне кто-то кого-то бил — шумно, с матерками и утробным хеканьем. Грязные стены пестрели похабными надписями. От мусор-

ных баков — ржавых и переполненных — пованивало более чем ощутимо. Но, как ни странно, именно здесь Егор дышал полной грудью. Потому что здесь не было камер. Ни одной. За пределами блокпостов — ни одной. Время от времени власти затевали эксперименты с новыми, все более вандалозащищенными моделями, но завершались опыты быстро и предсказуемо.

Дом, где Егор снимал комнату, построили давненько, в позапрошлом веке. Но звания «памятник архитектуры» он не удостоился и не имел соответствующей таблички на фасаде. Ибо относился к домам, возведенным для нищих обитателей рабочих окраин и архитектурными излишествами не изумлял.

Ольга жарила картошку. На дешевом растительном масле. Весть об этом Егор получил еще на лестнице, и оттуда, через дверь, запах показался аппетитным. Внутри аппетит исчез, концентрация аромата оказалась чересчур уж ядреной. И мимо плиты никоим образом не пройти — коридора нет, двери всех трех комнат и санузла выходят прямо в кухню. Такая уж планировка суперэкономная.

— Гарик? — Ольга обернулась на звук открываемой двери и тут же разулыбалась. — Физкультпривет!

— И вам не кашлять, — откликнулся Егор.

— Совсем запропал, носа не кажешь третью неделю...

— Дела были.

С Ольгой он неплохо ладил. И с ее дочерью от первого брака. В отличие от ее муженька, не то второго, не то третьего. Того регулярно приходилось учить правилам хорошего тона — легонько, без членовредительства.

— Картошки хочешь? С колбаской и с баклажанами — пальчики оближешь!

— Да нет, спасибо... Может, позже.

Ольгину стряпню он любил. Но пусть повыветрятся кухонные ароматы...

Он собрался пройти к себе, Ольга остановила.

— Подожди, Гарик... Есть к тебе очень серьезный разговор.

— Слушаю.

— Нет, ты подожди, я сейчас, на минуточку.

Ольга сняла сковородку с огня, накрыла крышкой, выскочила за дверь... Но вернулась и впрямь быстро. Уселась на свободный край стола, очевидно, серьезный разговор предполагался не коротким. Была она крашеной блондинкой тридцати семи лет от роду, аппетитной, — для тех, кто имеет склонность к кустодиевским женщинам. Егор такой склонности не имел.

— Вот чего... понимаешь... тут такое дело... Как у тебя с деньгами?

— Сколько надо?

Много давать нельзя. Иначе пройдет слух среди местной шпаны, что Ольгин жилец страдает избытком личности. Серьезные люди его знают и не сунутся, но дураков всегда и везде хватает. А разумной суммой почему бы и не выручить.

— Да нет, ты не понял, Гарик... Я ж про другое. Ты комнату еще одну поднять не хочешь? — она кивнула на дверь. — Стенки тут говенные, фанера да штукатурка, можно вообще убрать...

— Подожди... А Маша?

— Тю... Чаше надо дома бывать, Гаричек. Машка замуж вышла... Третьего дня отгуляли, все — как у людей, с цветами и шампуньским.

— За кого?

— Амир, под Турком ходит... Может, знаешь?

— Без ЗАГСа?

— Главное ж любовь, а не штамп в паспорте.

— Любовь... это, конечно... — не стал спорить Егор.

Он попытался вспомнить, исполнилось ли Маше шестнадцать... Не вспомнил. На вид-то была как четырнадцатилетняя... Наверное, исполнилось, в десятый класс все-таки пошла. Училась Маша старательно, часто просила Егора достать ту или иную книжку, — в баноч-

ных школах известно, какая программа, если хочешь в вуз поступить, все самой изучать приходится... Но Маша клялась, что попадет в первую десятку выпускников и пройдет по льготной квоте. Теперь не попадет и не пройдет. Будет сидеть дома, рожать Амиру детей, для этого алгебра с физикой без надобности.

Егору захотелось что-то сделать... Ударить Ольгу по лицу, например. Больно ударить, до крови. Затем выйти на улицу, вернуться к блокпосту и выпустить кишки кайману. Своему сорок седьмому кайману... Под всеми камерами и всеми стволами, и будь что будет.

Он сдержался.

Он знал, что когда-нибудь так и случится... Знал, что от той жизни, что он ведет последние четыре года, рано или поздно слетит с резьбы. Пока резьба держала... Пока... Но только что в ней стало на один виток меньше.

Ольга вернулась к насущному:

— Так вот, комната теперь свободная... А чужих не хочу пускать. Мужик въедет — будет моему собутыльнику... Баба и того хуже, я на сутки уйду, так работать ведь не смогу, изведусь вся, мой-то кобель еще тот, от Машки отгонять устала... Снимешь, Гаричек? За такие же деньги?

— Я подумаю, хорошо? Финансы прикину.

Придется снять... Новые жильцы здесь и Егору не нужны, хоть и по другим причинам.

— Вот и ладушки... Нет, погоди, еще не все... Хочешь меня трахнуть?

Он подумал, что ослышался... Тем же тоном Ольга предлагала отведать картошки.

Ее полные ноги раздвинулись, потянув в стороны полы халатика. Трусики Ольга не носила. Либо сняла их во время своей недолгой отлучки.

Позже, анализируя случившееся, Егор понял: Ольга использовала единственный шанс. Никакие намеки-заигрывания не сработали бы. Но она шандаргнула своим предложением, как обухом по лбу, не дала

опомниться... А чуть позже в дело вступила физиология. Механизмы возбуждения, рассудку слабо подвластные. И сработало то, что уже четыре месяца у Егора не было женщины.

— Не думай, я без претензий... — говорила Ольга. — Мне много не надо, махонький кусочек своего, бабьего... Мой-то хоть похотливый, да все яйца пропил, трезвый не может начать, а пьяный — кончить...

Она говорила быстро, горячо, так и продолжая сидеть на столе. Склонилась вперед, нащупывая молнию на джинсах Егора, халатик совсем распахнулся, открыв грудь. С такими бюстами фемуськи собирали бы стадионы-стотысячники, мелькнула у Егора несвоевременная мысль...

Он взял Ольгу, не сходя с места. Стоя рядом с кухонным столом, обтянутым дурацкой оранжевой клеенкой. Ольга постанывала, стол покачивался, накрытая крышкой сковородка ползла к его краю вместе с подставкой. Ползла, ползла, — но все же не свалилась. Все закончилось быстро. Четырехмесячное воздержание долгому сексу не способствует.

Ольга, впрочем, казалась довольной.

— Ну ты и засандалил... Какой крест у тебя смешной, не видала таких...

— Не надо трогать, пожалуйста, — попросил Егор, застегивая рубашу.

— Верящий? Ну и ладно... Пойду, подмоюсь.

Она подобрала свалившийся шлепанец, двинулась в сторону санузла. По дороге отодвинула нависшую над краем стола сковородку, приподняла крышку...

— А потом картошечки рубанем, с колбаской да с баклажанчиками, да и по сто граммов не грех... Ладушки?

Егор не ответил. Он боролся с накатившим рвотным позывом.

У самой двери Ольга обернулась, хихикнула.

— А вот скажи: чувствуется, что я двоих рожала? Ну... там вот... натурально, чувствуется?

Егор — сквозь рвотный позыв — выдавил отрицательное междометие. Не соврал, кстати. Для дважды рожавшей женщины — и для обитательницы банки — Ольга сохранила отличную форму. Хотя едва ли в здешней женской консультации практикуют процедуры для поддержания вагинального тонуса.

— Хи-хи, а ведь сработало! Петровна научила, у нас в овощном которая... Берешь, значит, баклажан, недоспевший, крепенький, дырочку в нем проковыряешь, шнурочек продернешь... И натурально сзади вставляешь... ну, ты понял...

Она махнула рукой, снова хихикнула, исчезла за дверью. Там зажурчала вода.

Егор сблевал прямо в кухонную раковину — в старую, металлическую, с обколотой эмалью.

6

*Маленький мальчик рыбку удил,
сзади неслышно подплыл крокодил*

— Притормози у Купчино, — попросил Кружилин. — Выйду.

— На метро, что ли, собрался? — удивился Проничев.

— Машина у меня здесь... Утром в пробке застрял, я ж говорил...

— А-а... Я уж и забыл, столько всего накрутилось... Где высадить-то?

— Поближе к Дунайскому, можно за светофором, можно перед ним... Слушай, Сергеич, что за проект «Русский дом», про который бандерлог толковал? Слышал когда-нибудь?

— Не-а... Да что с нее возьмешь, с мартышки сбрендившей... Вылазь скорей, сейчас зеленый зажжется.

«Скаут» стоял там же, на газоне, под запрещающим знаком.

А рядом — кайман, на груди буквы ДПС и личный номер. Неподвижно стоял, застыл, как статуя, — изображающая генно-модифицированного крокодила, но в то же символизирующая триумф человеческого разума и торжество научного прогресса.

Ни людей-патрульных, ни дэпээсной машины не видно. Подходил Кружилин с тяжелым предчувствием. И оно не замедлило оправдаться.

После проверки документов динамик каймана забубнил, перечисляя нарушенные пункты правил. Из прорези мини-принтера поползла квитанция на штраф. Видеорегистратор прилежно фиксировал недовольную кружилинскую физиономию.

И все. Делай что хочешь: кивай на номера Управления, рассказывай о пробке и срочном задании, — ничто не поможет. Не положено стоять здесь на газоне никому, хоть лимузину с президентскими номерами. Нет такого пункта в правилах.

Полюбовно тоже не договориться... Как тут дать на лапу, если на ней вместо нормальных пальцев когти, купюру удержать решительно не способные? Да и не взял бы кайман, даже имей нормальные грабки. Нет такого пункта в правилах.

И делай что хочешь — штраф придется платить.

Хотя нет, не совсем все... И не совсем что хочешь. Материться не рекомендуется — рептилия живенько распечатает еще одну квитанцию. И резких движений лучше не совершать. Поначалу, как только появились на дорогах чешуйчатые патрульные, случались инциденты. Поднимали пьяные недоумки на кайманов руку... На этом их водительская карьера обычно заканчивалась, права одноруким инвалидам не положены...

В общем, Кружилин взял квитанцию. И стал дожидаться, пока кайман уйдет. А тот не уходил. Вновь обернулся статуей торжества прогресса и разума. Наверняка аппаратура чешуйчатого уже зафиксировала

коньячные пары... Теперь бестия дожидалась нового нарушения.

Кончилось тем, что в Управление Кружилин поехал на такси. «Скаут» остался, где был. Дважды за одно нарушение не штрафуют.

Но все закономерно, чего еще ждать от дня, начавшегося с удара кокосом по голове?

Оказалось, что ждать еще можно самых поганых неожиданностей. Глашатаем первой из них выступил Толик Спицын. Встретил на лестнице, когда Кружилин поднимался к себе на этаж, ухватил за рукав, отвел в сторонку, подальше от ближайшей камеры. Но микрофоны здесь стояли чувствительные, и Кружилин скорее прочитал по губам, чем расслышал:

— Новый начальник...

Теперь понятно, почему и. о. Трофимов не руководил своими орлами во время утренней охоты в отличие от прочих начальников отделов.

Запас новостей у Толика на том не иссяк. Следующую он изложил беззвучно и неполиткорректно — легонько постучал себя кулаками по груди.

— Ох... — сказал Кружилин.

— Вот-вот, — сказал Толик. — Сочувствую.

— А потом опять в парк...

Толик скользкую тему развивать не стал и поскакал куда-то по своим делам. Если у него, конечно, были в Управлении другие дела, кроме сбора и распространения слухов. Кружилин в том сомневался.

Ну вот, теперь и они узнают, каково служить под началом псевдоразумного примата... Проклятый кокос.

Дикобраз уже был в курсе, удивить его не получилось. Переговорили на цокольном этаже, в коридорчике, ведущем к кладовым, каптеркам и прочим помещениям, принадлежавшим АХЧ. Здесь электронных шпионов не было.

Пашу дальние перспективы службы под началом бандерлога не заботили. У него голова болела о насущной и сиюминутной проблеме.

— Слушай, у меня следак сегодня парня по сто сорок шестой закроет... А парень-то неплохой, сглупил по дурусти, зачем его на полгода к уркам... И мамаша его у меня вчера была, просила... Я думал, Трофимова на подписку до суда уболтаю, он следаку звякнет... А теперь что? Как мне к этой заднице волосатой сунуться? Может, попробовать все-таки?

— Никак не сунешься, — сказал Кружилин. — Со сто сорок шестой не прокатит.

Что мамаша Дикобразу занесла, ясней ясного. Он из правильных, дело за деньги не похерит, убийцу или насильника не отпустит... Но в случаях пограничных, где можно войти в положение, — там благодарность возьмет, не откажется. Кто без греха, пусть первым бросит камень.

— Так мамаше и объясни: дура лекс, мол...

— Да не дура, приличная тетка, преподам в универе работает...

— Ладно, проехали... Скажи лучше, ты про проект «Русский дом» слышал что-нибудь?

— Чего... Какой на хер дом? У меня парня закрывают, делать что-то надо...

Вот и поговорили. Дикобраз умчался сам убалтывать следака, без начальственной помощи. А Кружилин вернулся в отдел, повозился с текучкой, затем настучал с вялым интересом запрос на поиск в Сети по словосочетанию «Русский дом». Ответы не впечатлили. Какое отношение могла иметь к бабуину фирма из Кондопоги, торгующая бревенчатыми срубами, а также возводящая дома и бани «под ключ»? Никакого...

Заглянул Проничев, попили кофе. Майор тоже не ждал от нового назначенца ничего хорошего, даже в бытовых мелочах... Он, например, собирался отпроситься на пару часов раньше — сгонять в автосервис, тормоза

у «шкоды» барахлят... И что теперь? Отпустит эта ходячая инструкция? Крайне сомнительно.

А после кофе их вызвали к новому начальству, весь личный состав отдела.

В знакомом кабинете, за знакомым столом сидел бабуин. Тот самый, бесхвостый и с нетипичной окраской. Искупали, вычесали репьи из шерсти, нарядили в новый костюм... Хорошенько промыли мозги и назначили на новую должность, благо с подчиненными уже отчасти знаком...

Бред, конечно же. Съехавшие с катушек бандерлоги никогда на прежние должности не возвращались и на новые не назначались. С ними работали мозговеды-зоопсихологи, затем животные отправлялись в отбраковку. Просто зверюга той же серии и модификации, только и всего.

— Рад познакомиться, господа офицеры. Присаживайтесь.

И голос тот же самый — глубокий, звучный.

Бабуин говорил что-то еще, вполне формальное, то же самое мог сказать и любой человек...

Кружилин не слушал. С ним приключилось нечто странное, вроде дежавю, только наоборот: изученный до мельчайших деталей кабинет казался абсолютно чужим и незнакомым... Он не стал спорить сам с собой. Ладно. Пусть так. Новый начальник, новый кабинет, он здесь никогда не бывал...

Он будет работать. Работать под началом существа, говорящего как человек, но мыслящего бог ведает как...

Зато бабуин знает наизуток все законы, все подзаконные акты, все служебные и должностные инструкции, — и принимает решения лишь на их основании. Никаких личных соображений. Никакой корыстной заинтересованности. Закон, только закон и ничего, кроме закона.

А уж налогоплательщикам и бюджету какая лафа... Высокопоставленный чиновник обойдется в содержа-

нии дешевле дворника. Еда да новый костюм раз в полгода, вот и все затраты. Еще служебная жилплощадь — клетка два на полтора. Экономия... А если поставить клетку тут же, в Управлении, — так и никакой машины с мигалкой не надо, чтобы добраться от дома до работы.

Сбрэндит. Раньше или позже съедет с катушек... Возможно, позже, — психика бабуинов становится устойчивее от серии к серии... Тем хуже. Больше дров наломать успеет... Страшное дело — бездушный закон, прущий по живым людям как асфальтовый каток. А за рулем катка — бабуин.

Обряд знакомства завершился. Началась работа. Стандартная утренняя планерка, сдвинутая из-за охоты на брата-близнеца нового начальника отдела.

И профессионализм взял-таки верх над ощущением полной бредовости ситуации. О текучке Кружилин докладывал, как докладывал бы человеку.

Едва закончил, на столе начальника зазвонил телефон. Бабуин протянул к трубке лапу — абсолютно нечеловеческим, чужим движением. И сюрреализм вновь запустил цепкие когти в Кружилина...

— Срочный вызов, — произнес бабуин своим глубоким баритоном. — Инцидент на Марата с участием дреддера. Капитан Бурич и капитан Кружилин — на выезд. На месте поступите в распоряжение майора Субботина из ОРПИ. Докладывать каждый час. По возвращении — рапорт на мое имя. Задача ясна? Вопросы имеются?

— Почему мы? — возмутился Дикобраз. — Территориалы что, мышей уже не ловят?

— Ваши вопросы, капитан Бурич, к полученному вами заданию никак не относятся. Объявляю вам замечание. Приступайте к исполнению.

Торжество закона начинается... Во всей красе. И торжество подзаконных актов. И служебных инструкций.

Они вышли молча, с каменными лицами. В приемной Паша тихо-тихо прошептал:

— Мартышка красножопая... Поубивал бы.

Кружилин лишь вздохнул.

7

Долго кряхтел крокодил-старичок

— Юлия Леонардовна, эфира у вас сегодня не будет.

— Что случилось, Слава?

— Ну-у-у... — протяжно выдохнул Брутман, помялся, покряхтел, и она поняла: сейчас начнет врать.

Врать Брутман не умел. Абсолютно. И научиться не смог бы, физиология не позволяла.

Слава Брутман, завредакцией авторских программ, выглядел плотненьким и мясистым... Встречаются такие люди, кажутся с первого взгляда жирными, но чуть приглядишься и понимаешь: дряблого жира под кожей нет. Там упругая плоть, мясо. Не мышцы, не скулы, — именно мясо. С точки зрения анатомии звучит абсурдно, любой физиолог скажет, что мясо это и есть мышечная ткань... Может и абсурд. Но люди такие встречаются. И своим существованием опровергают мнение физиологов и анатомов.

Мясистыми были щеки, нос, подбородок, скулы... проще говоря, все лицо. И лысина. И даже уши. И все это мясистое хозяйство при любой попытке соврать краснело, наливалось кровью. Даже перед началом такой попытки Слава менял цвет. Не повезло человеку.

— Ну-у-у... Есть нарекания на последнюю программу... и оттуда... — Палец Брутмана устремился к потолку. — И от слушателей...

Он врал, она это знала, он знал, что она это знает... Но продолжал. Таковы уж правила игры. Их не изменить, надо играть и мучиться.

— Какие нарекания? Изложи конкретно.

— Ну-у-у... мат в прямом эфире...

— Ерунда. Одно словечко, к тому же по большому счету относительно цензурное. И слышали его лишь на Дальнем Востоке.

— Но ведь слышали...

— Ладно, нарекание номер один принято. Готова выслушать остальные.

— Ну-у-у... в общем-то... еще отклонение от темы... О чем вы собирались говорить? О монетизации вторичных избирательных прав? И куда в результате уехали?

И тут Брутман ей подмигнул. Правым глазом. И еще раз, и еще, и еще... Моргал так яростно, словно решил проморозировать сонет Шекспира. А то и веноч сонетов. Карандаш в руке Брутмана что-то чиркал на листе из блокнота.

— Принято. Слушаю дальше. Или на этом список исчерпан?

— Ну-у-у... Эти ваши знаменитые словесные ляпы... «В него стреляли, но не попали, только ранили...» Как вы это представляете, Юлия Леонардовна? Не попасть, но ранить?

И Брутман вновь яростно заморгал. Теперь, для разнообразия, левым глазом. Затем показал взглядом на стол. Исчерканный листок был свернут в осьмушку, Слава накрыл ее ладонью, а когда ладонь сдвинулась, осьмушки на столе не осталось.

Понятно.

— Достаточно... Вот этим ты меня убил... Я унижена, сражена и растоптана. Уйду в пустыню, замаливать грехи и питаться акридами. Но помни, Слава: я всегда тебя любила! И сейчас люблю! И буду любить вечно!

Она обогнула стол, поцеловала Брутмана в пламенеющую лысину. На мгновение показалось, что целует окорок — домашний, безумно вкусный, закопченный в гущульском селе, в дыму не паршивых ольховых опилок, а буковых поленьев...

Осьмушка перекочевала к ней.

— Прощай! Ты навсегда в моем сердце!

Когда она вышла, Брутман достал платок и вытер лысину. Она, уже в коридоре, сплюнула.

Новость ее не опечалила. Не обрадовала, конечно же, но и не расстроила ничуть. Оставила равнодушной.

Отмена эфира — ерунда, плюнуть и растереть. Бывало и хуже, даже программу дважды закрывали... И открывали снова. Юлия Закревская — это бренд. Это голос, который люди привыкли слышать. Не услышат на этой частоте — погоняют немного верньер настройки и будут слушать на другой, только и всего.

Гораздо интереснее поведение Брутмана. Что он пытался сказать? Что говорил — понятно, ерунду всякую болтал, — но что пытался впихнуть между фраз?

Записка — позже, записку она прочтет в машине. А сейчас надо разобраться со сказанным, пока слова и интонации свежи в памяти...

Мат в эфире отбрасываем. За слово «мудак» эфир не отменяют. Ну разве что сдуру употребить его в адрес большой шишки... Она не употребляла. Вычеркиваем.

Монетизация прав... Тема острая, болезненная... Так у нее все темы такие... Не то... А куда она свернула? Ну да, на дело Астраханцева... Или, называя вещи своими именами, на Тамерлана Булатовича Хайдарова.

Вот это уже теплее. Можно сказать, горячо. У Хайдарова найдутся рычаги, чтобы немного подпортить жизнь, снять очередную программу с эфира... Человек он, по всем отзывам, более чем вмняемый и вполне мог таким способом высказать свое «фи»... Эх, затащить бы его в эфир, схлестнуться перед аудиторией... Не пойдет. А жаль.

Но как понять третий пассаж Брутмана — дикий и ни с чем не сообразный? Стреляли, попали, ранили... Это к чему? Это о чем? Да когда она вообще такое сказала, кажется, год назад, а то и раньше... Просто так сболтнул мясистый недомерок? Ляпнул первое пришедшее на

ум? А зачем моргал, аж веко смозолил? Во время слов про мат в эфире обошелся без подмигиваний.

Что-то эти слова означали, но что? Хайдаров и намек на уголовщину в одну логическую конструкцию не укладываются. Не втискиваются, хоть пополам согни... Не тот человек.

Загадка. Тайна веков, покрытая мраком. Хотя не известно, что ключ к ней на свернутом в осьмушку листе из блокнота.

Она села в машину и развернула записку. М-да... Уж на бумаге мог бы выразиться пояснее... Пять слов, объединенных в три коротких фразы:

НАДО ПОВОРОТИТЬ
СРОЧНО
ОЧЕНЬ ВАЖНО

Ладно, поговорят... И даже срочно. Сегодня позвонит Брутману, договорится о встрече. Но это поздним вечером, когда он отстреляется... А сейчас, коли уж негаданно выдалось трехчасовое окно, надо заскочить в «Сазонович и Сидоров», получить гонорар... Жуки там еще те, до сих пор платят наличкой, наверняка черной... Впрочем, если спалются, — их проблемы.

Жаль, авторские экземпляры не получить... Когда-то любила взять в руки новенькую, типографской краской пахнущую книжку, полюбоваться на свой портрет на задней странице обложки, раскрыть с хрустом, вчитаться в знакомые и одновременно незнакомые строки...

Увы... В редакции сидят те же люди и делают то же дело, но без типографии — не то. Файлы, даже после всех трудов верстальщика, корректора и редактора, открываются без всякого хруста. И краской не пахнут. Ладно хоть гонорары за электронные копии капают...

...На Большом она чуть не влетела в пробку. Хорошо вовремя заметила, успела свернуть на Введенскую. На четырехрядном проспекте — пробка. Днем. Все-таки

в мире слишком много дешевых машин. А в этом городе особенно. И бензин слишком дешев. И что-то с этим надо делать... Пора перевернуть древний-древний лозунг: автомобиль должен стать роскошью, а не средством передвижения. По крайней мере в мегаполисах. Хочешь передвигаться — в общественный транспорт. А хочешь жить роскошно — плати в десять, в двадцать раз больше за машину, за бензин, за парковку.

У нее складывался план программы под условным названием «За свободные дороги». С планом проезда к «СиС» дело обстояло хуже. Новую засаду, поджидающую на другом избранном пути, она удачно миновала — «Авторадио» предупредило о пробке на съезде с Троицкого моста.

Акциз, беспощадный акциз на новые тачки, а всю авторухлядь принудительно изымать — и под пресс... Ничего, в банках живут без машин, не жалуются. И остальные привыкнут.

Но до наступления тех светлых времен желательно как-то просочиться к издательству. Она решила сделать хитрый финт: выехать на радиальную скоростную, платную — туда анчоусы в своих ведрах с гайками не суются. А с Юго-Западной развязки — обратно к центру, через туннель, под банками. И выскочит как раз недалеко от Фонтанки, прогуляется немного пешеходной зоной.

Решено — сделано. И на сей раз обошлось без сюрпризов, а то ведь порой и в туннеле застрять случается... Выехала под открытое небо, чуть-чуть не успела проскочить светофор — стояла у самой стоп-линии, дожидаясь зеленого... Мысленно похвалила себя за успешный маневр: креативный человек в любой ситуации найдет достойный выход... А анчоусы пусть стоят в пробках, проклиная все на свете, кроме главных виновников — себя самих.

По «зебре», у самых бамперов машин, шагал одинокий пешеход. Быстро шел, почти бежал, — зеленый че-

ловечек на светофоре уже подмигивал. Она скользнула по пешеходу равнодушным взглядом, приготовилась дать газу, как только он уберется из-под колес...

А в следующий миг ее спланированный и вполне предсказуемый вечер взорвался и разлетелся миллионом осколков.

Пешеход улыбнулся ей. Помахал рукой. И тут же как-то очень быстро возник у правой передней дверцы. И взялся за ручку. И оказался внутри.

Все произошло стремительно. Зеленый человечек еще продолжал мигать, а пешеход превратился в пассажира ее машины. Забавный фокус, правда? Крибле, крабле, бумц...

Она прокляла себя за вечную забывчивость, за опять не заблокированную пассажирскую дверцу. Затем еще раз прокляла — за сумочку с шокером, небрежно брошенную на заднее сиденье. Затем узнала человека. Затем не поверила себе и своему узнаванию. Затем успела убедить себя, что ошиблась. Затем узнала опять. Затем поняла, что у нее едет крыша — медленно и шурша шифером.

Мыслительные процессы — все вкупе — заняли секунду, не больше.

Зеленый человечек погас, сменился красным.

Сзади нетерпеливо засигналили. Она нажала на газ и поняла, что в «СиС» сегодня не попадет.

8

*Кости трещат в мускулистой руке,
труп крокодила плывет по реке*

Легко расследовать преступление, когда все оно, от начала и до конца, совершилось под бесстрастными объективами видеокамер.

Дело происходило так:

В 16.07 к супермаркету подкатила патрульная машина, припарковалась. И почти сразу патрульный-аллигатор откусил голову своему коллеге-человеку, сидевшему за рулем. Не напрочь откусил, от шеи не отделил, но, как пишут в казенных бумагах, «нанес повреждения, несовместимые с жизнью». Умер патрульный сразу.

Трагедию, разыгравшуюся в машине, никто не разглядел. По крайней мере, когда рептилия топала по парковочной площадке, никто в панике не разбежался. Идет по улице крокодил и идет, эка невидаль. Прошли те времена, когда первые чешуйчатые патрульные собирали толпы зевак.

Крокодил вошел в услужливо раздвинувшиеся двери с фотозлементом. И тут же начал убивать. Начал с охранника магазина — одним укусом выдрал изрядную часть живота со всем содержимым. Потом занялся продавцами и покупателями.

На беду, одна из кассирш успела врубить тревогу. Автоматика первым делом заблокировала двери. Люди оказались в ловушке, могли только убежать и прятаться в пределах торгового зала. А тварь занялась охотой в лабиринте из витрин, стеллажей и лотков с продуктами... Поохотилась не менее успешно, чем ее предки в болотах и джунглях: еще восемь пострадавших, из них трое скончались на месте, а для двоих медики утешительных прогнозов не давали.

Даже прибытие нового патруля, усиленного и укомплектованного лишь людьми, не сразу внесло перелом. Картечь из полицейских дробовиков для крокодила, как щекотка, а специальных пуль, с сердечниками, у патрульных не оказалось. Но все же несколько попаданий поумерили прыть рептилии, а прикончил ее подоспевший рептолог. Причем без единого выстрела, ножом.

Такая вот история... Зафиксированная во всех подробностях. Но ни на одном кадре нет ответа: с какого перепугу чешуйчатый все это сотворил?

Дикобраз работал со свидетелями, с трудом отходящими от шока. И Кружилин ему не завидовал. Женщи-на-эксперт работала с трупами, Кружилин ей не завидовал тоже.

Майор Субботин из ОРПИ выбрал для себя дело почище: бродил по разгромленному залу, вчерне набрасывая схему происшествия. Схема получалась сложной.

Сам Кружилин бегло, вполглаза, просмотрел записи внутренних камер, изъял нужные под протокол.

Затем занялся мертвым аллигатором и его победителем.

— Пойми, у аллигатора мозгов нет, — втолковывал рептолог¹. — Ему сходить не с чего. Ты видел где-нибудь спятивший пистолет?

— Пистолет не видел, — согласился Кружилин. — Но у пистолета есть предохранитель. Для исключения самопроизвольной стрельбы. А у аллигатора?

— Тоже есть.

— Где?

— А вот посмотри...

Рептолог повозился с небольшой коробочкой, крепившейся на спине аллигатора вместе с другим снаряжением. Отвинтил крошечной отверткой крошечные винтики, снял крышку, пошуровал внутри, и продемонстрировал Кружилину небольшую пластинку, весьма напоминающую телефонную «симку», только размером побольше.

— Что это?

— Блок-чип.

— И как работает?

— Все просто... Вот отсюда тянется проводок к башке — снаружи не видать, он прямо в толще шкуры проходит. При любых неадекватных действиях по проводку идут импульсы. Не простые, к ним как раз очень

¹ Наука рептология не существует; рептолог — термин полицейского сленга, образованный по аналогии с кинологом.

чувствителен участок мозга, отвечающий за восприятие температуры. Термоконтроллер, если по-простому. И крокодил мерзнет. Для него, субъективно, минус двадцать. И организм мгновенно реагирует соответствующе: цепенеет, парализуется. Просто и надежно. На первых моделях ставили механические инъекторы с парализующим, но те ломались, да и срабатывали с задержкой.

— А если сбой? И попрут импульсы, активизирующие центр агрессии? Или охоты?

— Случайный сбой невозможен. Если думаешь рыть в этом направлении, копай уж сразу у производителя... На предмет целенаправленной диверсии.

— А не сбой, поломка? Ты можешь утверждать, что этот блок-чип исправен?

— На вид, сейчас? Не могу. Надо гонять на стенде... Но можешь поставить следственный эксперимент. Запихай этот блок-чип вон тому кайману, — рептолог показал на патрульного, застывшего в центре разгромленного зала. — Только подожди, пока я подальше уйду.

Тут их беседу прервал майор Субботин, руководивший сводной следственной группой:

— Кружилин, живо дуй в кабинет директора, Бурич и эксперт уже там. Я сейчас подойду, займемся бумагами.

В кабинете, кроме Дикобраза и эксперта, торчал еще и кайман. Застыл у стены, на вид абсолютно безопасный. Вернее, Кружилин привык за полтора года воспринимать кайманов так — для своих безопасными. Граната тоже штука грозная, но если уметь ей пользоваться, владельцу и окружающим ничего не грозит.

Но после разговора с рептологом Кружилину совершенно не нравилось близкое соседство зубастой пасти. Мало ли в чем технари уверены...

Субботин заглянул на минутку и тут же вышел — начальство вызвало, по радиации патрульной машины... Кру-

жилин посидел, поглядывая на каймана, майор задерживался, и он сказал Паше:

— Я отлучусь, звякни на мобилу, когда Субботин придет.

Он вернулся к рептологу. Поинтересовался: да как же тот умудрился завалить аллигатора? Голыми руками, — а тварь перед тем в три ствола добить не могли?

В свой вопрос Кружилин постарался щедро добавить льстивого изумления.

Сработало, и отвечал рептолог с большим энтузиазмом.

— Ну не голыми, допустим, а ножом. Так ведь ножикто кому угодно не поможет, живо и руки лишишься, и ножика. Смотри — вот здесь, на спине, поближе к башке у него есть нервный узел. Расположен близко, почти под кожей, так уж природа крокодилов создавала... Генные конструкторы ошибку природы подправили, кожу здесь нарастили втрое толще — видишь, горбится? Ножом не пробить, даже пулей трудно. Да еще сверху динамик для лишней защиты крепится. А теперь посмотри, где от ножа ранка...

Кружилин посмотрел. Небольшое отверстие виднелось ниже и динамика, и горбика.

— Во-от под таким углом клинок идет, наклонно. Если заглубишь сильнее, то завязнет в мышцах, — и хана тебе. Если полого пойдет, то под кожей скользнет — и опять хана.

— Длинное лезвие нужно?

— Восьми сантиметров хватает. Но лучше подлиннее брать, сам понимаешь. Не всегда до конца вогнать получается.

— Буду знать... Надеюсь, не пригодится.

— Погоди, погоди... Ничем тебе это не пригодится. Крокодил хоть глупый, но все ж не совсем дурак. Не будет спокойно смотреть, как ты у него за спиной шуруешь. Пасть сначала блокировать надо. Чтобы он ее не раззявил и башку тебе не откусил.

— Как?

—левой рукой. Смотри...

Рептолог схватился за челюсти аллигатора, показал.

— Видишь как? Тут выступ такой, за него и хватаю, чтобы пальцы не оттяпал.

— А удержишь?

— Каймана? Легко. Хилые у них открывающие мышцы на челюсти, у кайманов. Они ж в природе не антилопами и буйволами питаются — рыбой, птицами водоплавающими... С аллигатором сложнее, у него пасть помощнее. Но все равно, если рукой пудовую гирю жмешь — удержишь. Долго ж держать не надо — зафиксировал, ножом тык, и готово дело. Только он в этот момент хвостом бьет, конвульсивно. Ноги надо беречь.

— А брюхо зачем вспорол?

— Для гарантии. Типа контрольного выстрела. Иногда случается нервный узел вскользь зацепить, рука дрогнет или еще что... Он тогда обрубится на пару минут, а потом может такое устроить... А со вспоротым брюхом не шевелится, даже если очухается, — лежит и тихонько отходит, так уж устроен... Резать надо по шву панциря, по складке, ее хорошо видно. Вот так их и мочат. На самом деле просто.

Все просто, если знать и уметь...

Рептолог добавил:

— А вот со здоровенными крокодилами — с нильскими, с гребенчатыми, — такая механика не поможет. Там и нервные центры глубже упряты, и пасть о-го-го, рукой не сдержать, они ж буйволам ноги откусывают... Хорошо, что их нам...

Он не договорил. Грохнул выстрел, тут же второй. Затем раздался истошный женский вопль.

Кричали в директорском кабинете. Стреляли там же.

Кружилин несся через зал, на бегу выдергивая пистолет и опрокидывая уцелевшие от разгрома лотки. Рептолог спешил следом, поотстав. Вопль не смолкал.

Коридорчик, белая дверь. Кружилин рванул внутрь.

Кричала женщина. Уже не так громко, обессилев. Лежала она у самой двери, под ногами.левой руки у нее не было. Из развороченного живота змеились кишки, частично разорванные. На полу росла лужа крови.

Пашу сразу от входа Кружилин не увидел. Зато увидел каймана, рванувшегося из угла кабинета. Выстрелил раз, второй. Одна пуля отрикошетила, вторая пробила шкуру, но видимого вреда не принесла. Окровавленная пасть рептилии надвигалась.

— Прочь!!! — рывкнул подбежавший рептолог.

Пихнул в сторону Кружилина, прыгнул в дверной проем... И сработал, будто на тренировке. Словно только и ждал оказии показать, как воплощать теорию в практику.

Раз! — челюсть захвачена движением ювелирной точности. Два! — резкий рывок пригнул голову каймана к брюху. Три! — движение руки с ножом за спину.

И все закончилось... Конвульсивный удар хвостом — и рептилия затихла. Кружилин не знал, сможет ли он повторить немудреный алгоритм, не лишившись по меньшей мере пальцев.

Дикобраз лежал в дальнем углу кабинета. Окровавленный. Возможно, Паша стрелял и отступал, отвлекая каймана от женщины, давая ей уйти... Возможно, скоротечная трагедия разворачивалась как-то иначе. В любом случае выскочить из комнаты женщина не успела.

Он нагнулся, услышал дыхание Дикобраза. Жив... Но дела хреновые...

— Что здесь... — послышался за спиной голос майора Субботина.

— Врачей, сука! Бегом!!! — проорал Кружилин, обращившись.

Обернулся он, как стоял, с пистолетом в руке. Субботина как ветром сдуло. Рептолог тоже быстренько испарился, от греха. С катушек не только крокодилы слетают...

Кружилин снова нагнулся над Дикобразом.

Взвейтесь кострами, синие ночи

— Твоя новая физиономия... она...

— Мужественная и обаятельная, да?

— Нет, такая же противная, как и старая. Дело в другом... Знаешь, я видела... в Испании, по-моему... интересное панно. Огромное, во всю торцевую стену дома. Портрет мужчины — утром, в лучах рассветного солнца, он кажется молодым, почти юнцом. Солнце движется по небу, черты лица меняются медленно, незаметно для глаза, но на закате мужчина выглядит как глубокий старик.

— А ночью, наверное, вообще как труп, — предположил Егор.

— У тебя одни трупы на уме... Я о другом: твое лицо как то панно — чуть повернешься, свет чуть по-иному ляжет, и совсем другой человек.

— Так и планировалось. Чудеса пластической хирургии. И ежедневная гимнастика для лицевых мышц. Как дурак, целый час в зеркало пялюсь. Зато программы идентификации зависают. И художники, рисующие фотороботы, с ума сходят. Их, художников, на Пряжке уже целая палата, думаю.

— Тебя ищут?

— Меня всегда ищут.

— Не надоело?

— Привык.

— Ты не хотел бы пожить где-нибудь в спокойном и тихом месте? Несколько лет, пока все забудется и уляжется?

— Кто ж не хотел бы... Но вот такая штука: все места, где я пробую жить, становятся со временем беспокойными и шумными.

Она не знала, что еще сказать. Он тоже. Разговор пересох, как пересыхают порой речки, текущие в жаркой

степи, даже в полупустыне: становятся меньше, уже, маловоднее, — и совсем исчезают, никуда не впадая.

После затянувшейся паузы Егор взял инициативу на себя:

— Теперь, когда мы подробно обсудили мое новое лицо и далеко отъехали от места, с которого мне хотелось побыстрее убраться, — пора приступить к ритуалу прощания.

Она молчала. Долго.

— Но можно и без прощаний, — сказал Егор. — Просто высади меня там, где тебе удобно.

Она молчала.

— Хорошо. Я выйду, как вошел. На светофоре.

— Ты действительно этого хочешь? Ответь честно, я прошу. И одним словом.

Теперь замолчал он. Надолго. Затем ответил одним словом:

— Нет.

— И я не хочу. Помнишь, ты когда-то говорил: счастье — это когда делаешь то, что хочешь, и не делаешь того, чего не хочешь.

— В той формуле счастья имелось продолжение: но самое трудное понять, чего же ты по-настоящему хочешь.

— Ты уже понял?

— Наверное, нет.

— Тогда давай ограничимся вторым слагаемым. Не будем делать то, чего не хотим. Проведем этот вечер вместе.

— Вообще-то такое должен предлагать мужчина...

— Это сексизм.

— Значит, я сексист.

— Так ты согласен?

— Ты же знаешь ответ... Согласен.

— Сейчас заскочим куда-нибудь, приоденем тебя немного.

— Зачем?

— Я хотела бы провести вечер в месте, где эксцессы исключены. Не случаются по определению. Куда пускают не всех.

Одежду Егор всегда подбирал с умом, очень тщательно, — так, чтобы не бросалась в глаза ни в чистых районах, ни в банках. Нечто граничное, позволяющее не выглядеть чужаком по обе стороны рассекших город барьеров. Однако для VIP-местечек не совсем то... Но разве одежда главное?

— Ни к чему, — сказал он. — Фейс-контроль пройду, не беспокойся. Я просто улыбаюсь охране на входе и меня обычно пропускают.

— А если все же не пропускают?

— Тогда я перестаю улыбаться. Вот так примерно... И спокойно прохожу.

Она искоса взглянула на его лицо. И поверила. Попросила:

— Знаешь, ты все-таки лучше улыбайся...

...Местечко оказалась средней паршивости. По меркам Егора, разумеется. Он оценивал подобные места, не обращая внимания на качество кухни и развлекательной программы, на количество нулей в ценниках, на престижность среди людей, стремящихся утвердить свой статус. Для него существовало два критерия: насколько велик шанс спалиться и можно ли без проблем свалить в случае какого-либо эксцесса. Потому что эксцессы случаются везде, что бы ни говорили некоторые. Даже в таких местечках. Хотя в таких, конечно, реже.

На сцене началось действие, анонсированное как музыкально-эротическое шоу. Музыка Егора вполне устраивала — шумовой фон сделает направленные микрофоны бесполезными. А стационарных здесь нет. Пронюхает о такой подставе кто-нибудь из VIP-клиентов, слух расплзется, — и статусному заведению конец. Придется переквалифицироваться в забегаловку для мелочи пузатой, в кормушку для анчоусов.

А вот эротикой шоу пока не блистало. На сцене, выстроившись в два ряда, бодро маршировали на месте пионеры и пионерки. Хотя возраст у юных борцов за дело Ленина был не совсем пионерский, скорее комсомольский, но оделись они по всей форме: синие юбочки и синие шорты, пилотки, белоснежные рубашки и белоснежные гольфы. И конечно же алые пионерские галстуки.

Они на шоу почти не отвлекались.

— Все, что ты делаешь, достигает обратного результата, — говорила она. — Недавно появились гребенчатые в роли патрульных. Из-за тебя. Из-за дураков-подражателей, мнящих тебя героем и научившихся убивать кайманов. Ты представляешь, что за машина смерти этот гребенчатый?

— Представляю. Видел в деле.

— А если он станет неадекватным? Они и адекватные-то не сахар... Сегодня гребенчатый на Мойке убил человека, еще троих покалечил...

— Я знаю. Оказался рядом, так получилось... Они сами напросились. Убивали священника — просто так, для ролика-миллионника.

— Да какой он священник... Артист последнего разбора. Для которого потолок — детские утренники и самые дешевые корпоративы... Подожди... Ты был рядом — и не вмешался?

— Я никогда не вмешиваюсь. И ни во что. Я просто живу. Когда на меня нападают, я защищаюсь. Мир сошел с ума, но я не психиатр и не знаю, как его лечить. И не умею. Обучен только хирургии. Ампутиционной. Я мог вмешаться — там, на Мойке. В мире стало бы на несколько молодых дураков меньше. И на одного артиста-алкоголика больше. Стало бы миру хоть чуть легче? Не знаю.

— Значит, если кто-то попытается сейчас меня убить...

Егор перебил:

— Ну вот, а говорила, что приличное местечко... Пойдем отсюда, пока не поздно? Я тут недалеко пельменную знаю, порции дешевые и нажористые.

— Не юродствуй. И не уходи от темы. Если здесь и сейчас меня начнут убивать — ты не вмешаешься?

— Нет. Зачем? Видишь ли, когда мы спорили с тобой, — тогда, в другой жизни — мне казалось: все твои теории о дельфинах и анчоусах — пустая игра ума, к реальности неприменимая. Я был не прав. А ты права. Мы живем в мире, который ты выбрала. Создать который ты помогла. И даже внутри этого мира мы сейчас находимся в месте, выбранном тобой, — среди прочего, по соображениям безопасности. И если сюда придут и тебя убьют, — значит, все твои выборы ложные. Дело не в тебе и не во мне. Мир неправильный. Мир больной. А лечить его я не умею. Или он уже умер, потихому, без Армагеддона и прочих спецэффектов... Но воскрешать миры я тоже не умею.

— Наш мир жив, и даже пошел на поправку, и никто здесь никого не убьет. Но я получила ответ. Спасибо за откровенность. Ты прав... Если сюда придут тебя брать, я тоже не стану вмешиваться. Хотя могла бы попробовать отмазать... Мне не нравится *твой* мир. Я не люблю кровь, кишки, мат на улицах, блевотину на дешевом линолеуме. И пельменные со столами без скатертей не люблю.

— Не станешь отмазывать? Так и запишем. Учтем на будущее.

— Говори, пожалуйста, «учту»... — попросила она.

Очень тихо попросила. Если бы не крошечный антракт в музыкально-эротическом шоу, Егор бы не услышал.

— Не понял.

— Говори в единственном числе: учту на будущее. У нас с тобой нет будущего. В смысле, общего.

— Как скажешь. Кстати, горячее несут...

Кормили здесь вкусно. Горячее Егору понравилось. Хотя Ольга, по его мнению, могла выдать под настроение что-нибудь не хуже, пусть и не имела диплома шеф-повара международного класса.

Шоу тоже сделалось погорячее. С пионеров и пионерок постепенно исчезали предметы туалета: белоснежные рубашки, гольфы, юбочки и шорты. Уцелели главные аксессуары — пионерские галстуки. Более того, увеличились в числе. К тем, что болтались на шеях, добавились другие — пары галстуков, связанных узлами за концы, изображали у юных ленинцев набедренные повязки. У пионерок в дополнение к тому аналогичные конструкции заменяли бюстгалтеры. Неудачно заменяли. Или наоборот, удачно. Короче, ничего практически не скрывали.

«Ну и чем они лучше фемусек?» — спросил сам у себя Егор, бросив быстрый взгляд на сцену. И сам себе ответил: «Всем лучше». Фемусек здесь развернули бы на пороге, не пустив даже на предварительный кастинг. Какой хлеб, такие и зрелища. Под черняшку с плавленым сырком и фемуськи сойдут. И сто граммов контрабандной баночной сверху.

— Ты меня не слушаешь! Ты пялишься на эти дебилские сиськи!

Все женщины одинаковы... Что в банках, что в элитных районах.

— Слушаю. Внимательнейшим образом. Ты только что говорила, что стремительное социальное расслоение, происходящее в однородных поначалу банках, свидетельствует о... И тут ты сбилась с мысли, когда вон у того юноши свалился его набедренный галстук... А затем продолжила уже про меня и сиськи.

— Так вот, я хотела сказать... на чем я остановилась?

— Не надо продолжать мысль. Я примерно понял твой антиэгалитарный довод... Меня он не убеждает. Могу объяснить, почему.

— Антиэгалитарный... ты раньше не знал таких слов.

— А кто заставлял меня читать книжки? Кто занимался сексуальным шантажом: лучшая прелюдия — прочесть две главы из Гамсуна? Приохотила... А потом появилось много времени для чтения. Сидишь, к примеру, безвылазно, дожидаясь, пока новую физиономию разбинтуют и можно будет на люди показаться, — чем еще заняться?

...Ужин двигался к десерту, пионерское шоу — к финалу. Судя по всему, должен он был пройти под ту же песню, с какой началось представление — под «Взвейтесь кострами, синие ночи», но переаранжированную почти до неузнаваемости. В качестве апофеоза, предположил Егор, пионеры и пионерки лишатся последних пионерских галстуков, уцелевших лишь на их бедрах... Унылый у вас креатив, господа. Предсказуемый.

— Что мы будем пить на десерт?

— Кофе. Мои вкусы не изменились.

— А из десертных вин?

— Может, хватит? Ты все-таки за рулем...

— Не бери в голову. Ну остановят, дам автограф и поеду дальше, можно подумать...

После слов «не бери в голову» Егор ее уже не слышал. И не потому, что отвлекся на апофеоз шоу. Хотя и апофеоз свою роль сыграл — в зале стало значительно темнее, очевидно, раскрытие Главной Пионерской Тайны сопровождалось светотехническими эффектами, а то и пиротехническими.

По полутемному залу закружились метелью крошечные разноцветные световые пятнышки. Одно из них привлекло внимание Егора размером и окраской. А еще тем, что пятнышко двигалось вразнобой с остальными. В ином направлении и с иной скоростью. Сползло со скатерти, поднялось на блузку.

В следующий миг одновременно произошло множество событий.

Их стол опрокинулся.

Пионеры и пионерки синхронными движениями сдернули с чресл галстуки.

Егор нырнул вперед, опрокидывая Юлю.

Публика заорала в восторге, заплодировала.

На сцене громко взорвалось-выстрелило нечто пиротехническое, выбросив вверх огненные фонтаны.

Дико заорала сидевшая за соседним столом женщина, и восторг в ее вопле напрочь отсутствовал.

И все это за какой-то миг. Шоу закончилось эффектно.

Миг прошел. Бедлам продолжился. Левые от сцены столики по-прежнему приветствовали артистов, справа набирал обороты скандал. Женщина продолжала вопить, явно от боли. В дуэте с ней выступал утробный мужской рев. В качестве бэк-вокала раздавались другие крики, менее громкие, но тоже не восторженные. Возмущенные. Кто-то матерился. Кто-то звал полицию.

И, перекрывая всю какофонию, откуда-то сверху грянул выстрел. Уже второй, первый заглушила пиротехника.

Егор на кутерьму не отвлекался. Он несся по залу, низко пригнувшись. И тащил за собой Юлю. Той поневоле приходилось быстро переставлять ноги, чтобы не упасть. Потом она все-таки не устояла — от неожиданного и резкого рывка Егора. Упасть он ей не позволил, подхватил у самого пола.

Как раз в этот момент грохнул второй выстрел. Один из прожекторов рампы разлетелся.

— Ниже! Не высовывайся! — рывкнул Егор.

Она не поняла, потом сообразила, пригнулась — и вновь превратилась в волочащийся груз.

Они выскочили в коридор. Навстречу четверо — плечистые, богатырского роста. Все одеты в цивильные костюмы, выглядящие как униформа. Лица встревоженные, недоуменные.

— Стрельба в зале! Женщина ранена! — отрывисто крикнул им Егор, не дожидаясь вопросов. — Из зала никого не выпускать! Перекрыть служебные выходы! Полицию и «скорую»!

Трое потопали дальше, а четвертый задержался. Устался на них, пытаясь понять, кто это тут раскомандовался. Не понял и стал уточнять, весьма недружелюбно:

— А ты кто та...

— Управление! Четвертый отдел! — отчеканил Егор, не дожидаясь конца вопроса.

Небрежным и привычным жестом он потянулся к внутреннему карману. Детина расслабился — и тут же согнулся пополам, словно отвешивая земной поклон дорогому гостю из Управления. Затем стал заваливаться набок.

Егор потянул Юлю дальше, но у нее наконец прорезался голос. Правда, не совсем тот, что привыкла слушать постоянная аудитория программы «Наша эра» — в среду в двадцать тридцать, в субботу в семнадцать ноль-ноль.

— Ты debil?! — взвизгнула она упираясь, тормозя движение. — Что творишь?! Здесь приличное место! Зачем...

— Заткнись, — перебил Егор.

Говорил он без крика, но прозвучало это очень страшно. Она замолчала. И перестала упираться. Он продолжил:

— Там, в зале, баба словила пулю. А должна была словить ты. Теперь молчи. Все разговоры потом. Когда выберемся. Если выберемся. Молчи, сбавь шаг и улыбайся.

Она шагала, она молчала, она улыбалась (хотелось бы взглянуть потом на эту улыбку). В холле он усадил ее на диванчик, метнулся куда-то. Вернулся быстро, через считанные секунды. Ей показалось, что прошла вечность. За вечность она успела понять, что произошло. Да, там стреляли. Да, стреляли в нее — недаром же прожектор

разлетелся над головой, осыпав стеклянной крошкой. Или не в нее. В него. Или в них обоих. Но стреляли все-ррез, без дураков. Настоящими пулями. Способными убить. Его жестокий и кошмарный мир ворвался следом за ним. А она идиотка.

На констатации этого факта вечность закончилась. Появился Егор, вновь потянул за собой.

— Выходим на парковку. Держись рядом и мгновенно выполняй любую команду.

— Ключи... — безжизненно произнесла она. — В сумочке, в зале...

— Плевать. На твоей нельзя... Потом заберешь и ключи, и тачку.

На улице уже стемнело. Парковка выглядела зловещей. Погасшие фары машин уставились, как глаза оцепеневших чудовищ. Оцепеневших, но готовых в любой момент ожить и растерзать. Казалось, что в какой-то из машин сейчас опустится стекло или распахнется дверца, высунется черный хищный ствол, и...

— Забейся за колонну и не отсвечивай. Я сейчас вернусь.

Он быстро, почти переходя на бег, пошел вокруг здания, к главному входу. Юля разглядела в его руке не то кепку, не то фуражку, вяло удивилась: когда и у кого, а главное, зачем успел умыкнуть? И выполнила команду — укрылась за колонной от немигающих взглядов фар.

На парковку вкатила машина, развернулась. «Бугатти». Она вздохнула. Нормальные люди. На нормальной машине. Из нормального мира. А она... Ей захотелось вернуться в зал ресторана. И убедиться: там все в порядке. Кошмар рассеялся. Мир остался прежним и прочным.

Дверца «Бугатти» приоткрылась. Егор призывно помахал рукой. Она шагнула вперед неуверенно, сомневаясь: может, все-таки вернуться в зал?

— Быстрее, — поторапливал он. — Скоро здесь будет вся королевская рать. При поддержке авиации и бронетехники. Полночи проведешь, давая показания. Говорил же: впельменную надо ехать!

Она засмеялась. Не веселым смехом, а скорее истерическим. Смеясь, она села в машину. «Бугатти» вырулил со стоянки и укатил. Машины с мигалками подъехали через три минуты.

Первые полчаса Егор кружил по городу, по видимости, бесцельно. Как она потом поняла, просто давал ей время прийти в себя. Оклематься.

Она пришла и оклемалась, она умела быстро вскакивать на ноги после нокаутующих ударов судьбы. Оклемалась и тут же начала обвинять:

— Ты угнал машину... А я пособница.

— За кого ты меня принимаешь? В жизни не унижался до кражи.

— Еще хуже... Значит, я пособница грабежа? Или разбойного нападения? Сколько мне полагается?

— Расслабься... Имел место факт добровольной передачи имущества. Ты не поверишь, но есть такие глупые дельфины: подкатывают к ресторации и сами отдают и тачку, и ключи с имкой, как только увидят фуражку с оранжевым околышем.

Она тяжело вздохнула. Но оплакивать свою печальную судьбу соучастницы перестала. И даже посоветовала:

— Не вздумай держать меньше ста двадцати.

— Не маленький, сам знаю...

Если ехать на «Бугатти» или другой машине того же класса, законопослушно придерживаясь установленных в городе ограничений скорости, постовые начнут махать своими жезлами. Ибо сообразят: или машина угнана, или владелец ее сотворил нечто серьезное и старается теперь быть святее папы римского. Может, у него криминальный труп в багажнике...

Сильно разгоняться тоже не рекомендуется. Сто двадцать — золотая середина.

— Удачно сходили поужинать, — без малейшей иронии сказал Егор, вырулив на Лиговку.

— Любопытно... Боюсь представить, как выглядит неудачный ужин в твоём понимании. Очень кроваво выглядит, я полагаю.

— Я не о том... От пуза натрескаться в дорогом кабаке и ни копейки не заплатить, — не каждый день такое удается. Удачно зашли.

— Куда мы едем? — Она заметила, что машина перестала бесцельно кружить и катится куда-то вполне целеустремленно.

— В одно местечко... Отсидишься, пока я разберусь, кто стрелял и зачем. Не люблю, когда вокруг пальба непонятного происхождения... Раздражает.

Тут она взорвалась.

— Мне незачем отсиживаться!!! Это твоя стрельба! Вернее, по тебе! Ты притащил это дерьмо из своего мира! Ты! И теперь тянешь туда меня! А мне там нечего делать! НЕЧЕГО!!! Останови. Я выйду.

— Хорошо, остановлю. Но сначала скажи: ты часто бываешь в том ресторане?

— Ну... бываю... не каждый день...

— Раз в неделю? Раз в месяц? Еще реже?

— Скорее чаще. В среднем два-три раза в неделю. Удобно расположен, кухня хорошая...

— Попробуй включить свои профессиональные качества. Ты провела достаточно журналистских расследований заказухи, чтобы представлять механику. Я впервые был в заведении. Попал туда случайно, даже для себя неожиданно. Пусть меня срисовали прямо на входе — можно за два часа организовать и исполнить покушение?

Она молчала. Егор не открыл ей никаких Америк. Она все понимала не хуже его. Но мозг отказывался от

этого понимания, искал любую зацепку, любую альтернативную версию.

— Ты прав, — сказала она; таким же тоном сообщают, что кто-то умер. — И что теперь делать?

— Твой телефон остался в сумочке?

— Нет, с собой.

Она терпеть не могла носить мобильник в сумочке. Потому что ее сумочка напоминала хозяйство известного помещика Плюшкина в миниатюре... В общем, совсем не комильфо демонстрировать содержимое, когда зазвонит телефон, завалившийся на самое дно.

— Отключай немедленно. И батарею вынимай. С ней и по выключенному запеленгуют.

— Я угодила под арест... А право на один звонок?

— Отключай. Позвонишь с моего.

Напоследок она просмотрела список неотвеченных вызовов, отметила: Брутман трижды пытался связаться.

Прозвучала прощальная мелодия, экран погас. Она продолжала держать аппарат в руке. Словно забыла о нем.

Брутман... Стреляли... Не попали... Стреляли... Не попали...

— По-моему, один человек пытался... — начала она неуверенно.

— Приехали, — сказал Егор.

Приехали. Приплыли. Влетели. Вяпались. Богат русский язык, но сколько синонимов ни подбирай, суть дела не изменится: дальше дороги нет.

Засаду выставили с умом. Сразу за тем местом, где Боровая подныривает под железнодорожную ветку. Проезжая часть сужалась и круто поворачивала, поневоле приходилось сбрасывать скорость. При этом насыпь полностью скрывала от глаз то, что впереди.

Впереди, метрах в тридцати за насыпью, стоял БТР, перекрывая две полосы из трех. Не армейский, полицейская модель — броня тоньше, вес и габариты мень-

ше — но на таран даже грузовиком не взять. Рядом стояли две дэпээсных легковушки.

Машинам приходилось еще больше замедляться, перестраиваться в левый ряд и по очереди объезжать препятствие. Кроме тех, кому приказывали остановиться. А чтобы никакая отчаянная голова не вздумала обогнуть засаду справа, там топорщился густо посаженными шипами «скорпион».

Жест полосатой палки места для сомнений не оставлял: пожалуйте сюда.

Егор затормозил, прокачивая варианты прорыва. Их практически не имелось... Будь дорога пуста, еще можно было бы попробовать обогнуть БТР лихим виражом, и затем уж как повезет: если у них есть стрелок в пулеметной башенке и готов к стрельбе, — превратит в дуршлаг, далеко не уедешь.

Но дорога не пустая. Единственная свободная полоса заполнена машинами, сзади подкатывают новые.

— Сиди, — быстро сказала Юля. — Я сама с ними говорю.

— Хорошо, — кивнул Егор. — К машине не возвращайся, когда они пойдут...

Единственный вариант — переваливать через поребрик и дуrom переть на «скорпион». А потом уползать на пробитых покрышках. Движок мощный, хоть полтинник, да выжмет... Но без стрельбы дело не обойдется. И начинать надо, когда патрульные подойдут вплотную, тогда хотя бы в момент старта из пулемета стрелять не будут...

Юля приблизилась к дэпээсникам — было их пятеро, все люди, ни одного каймана. Двое с автоматами, в бронниках... Она о чем-то говорила с ними, жестикулировала. Если владелец «Бугатти» еще не хватился пропажи, есть надежда отболтаться.

Но что ж она так долго... Показывает на машину, на Егора, патрульные улыбаются. Один зачем-то пошел к БТРу, что-то крикнул в боковой люк.

Он подумал, что именно так: внешне беспечно, с улыбкой, — желающие пожить подольше патрульные отреагировали бы на весть, что в машине сидит Крестосносец. И словно бы невзначай сообщили бы стрелку-пулеметчику...

И сейчас стволы крупнокалиберной спарки придут в движение...

Башенка не шелохнулась. Вместо того из бронемашины вылез еще один человек в форме, присоединился к остальным, обступившим Юлю. Тоже заулыбался, потом вообще расхохотался...

Накрапывал дождь, все сильнее и сильнее, но развесялая компания не обращала внимания. Наконец ливало по-настоящему. Компания рассыпалась — постовые попрятались кто в легковушки, кто под броню, один тут же вернулся, облачившись в дождевик. Юля поспешила к «Бугатти».

— Поехали...

— Ты очень красивая, когда мокрая, — сделал он комплимент, вписываясь в вереницу машин, огибающих БТР.

— Бр-р-р... Предпочитаю быть мокрой после душа... Есть душ в той берлоге, куда ты меня везешь?

— Есть.

— А горячая вода?

— Есть.

— Тогда езжай быстрее. Машина, кстати, уже в розыске. Но я договорилась, нас останавливать не будут, они предупредят.

— Как ты умудрилась?

— У женщины должны быть маленькие интимные секреты... Я же не спрашиваю, как ты умудрился выдернуть меня из-под пули.

— Там было просто...

— Здесь не сложнее, честное слово.

А потом позвонил крокодил...

Дикобраза до больницы довели. Умер он на операционном столе.

Кружилин вышел из клиники Джанелидзе. Было темно. И вокруг, и у него на душе.

Паши нет, и к этой мысли придется долго привыкать... А еще придется разобраться, отчего так получилось. Странное совпадение: за минувший год всего три инцидента, связанных с немотивированной агрессией крокодилов. И два из них почти совпали в пространстве и времени. С точки зрения теории вероятности шанс на случайное совпадение стремится к нулю. Надо искать связь...

Но для начала нужен транспорт, чтобы выбраться отсюда. Доставившая Кружилина служебная машина давно укатила, он вышел на Белградскую, поднял руку.

Остановилась первая же тачка и оказалась почти попутной, — водитель подбросил до Проспекта Славы, до перехода под железкой, а там уж и до дома рукой подать, остановки три... Пешком дойдет, поразмышляет.

«Скаут» он решил не забирать, делать крюк не хотелось. Ни один автовор не рискнет покуситься на машину с синими номерами, ночь простоит спокойно.

Наискосок, через дворы, не пошел — приключений не боялся, но и не искал. Хватит, наприключался сегодня... Однако и на Витебском встретила податая компания, впрочем, агрессии не проявившая. Кружилин при виде ее сообразил, что в Управление он так и не заскочил и служебный пистолет в сейф не вернул. Вообще-то с оружием он вне службы не ходил в отличие от Проничева. Тот постоянно уносил с работы пушку — жил в неблагополучном районе, а машину держал в гараже, почти в километре от дома. Интересно, как отнесется вновь назначенный бандерлог к постоянному нарушению инструкции? Известно, как...

Сам Кружилин считал, что с агрессивными алкашами или мелкоуголовной шпаной разберется голыми руками. Основания для уверенности имелись: после училища пять лет служил в ВДВ, причем в бригаде спецназначения, и не всегда служба состояла из тренировок и учений... Служил бы и дальше, но ранение дало нехорошее осложнение: на земле все в порядке, а вот о прыжках с парашютом пришлось забыть. На штабную работу не звали, да и сам не хотел, уволился, а в Управлении приняли с распростертыми объятьями.

В общем, Кружилин обычно ходил без пистолета. Нож складной носил, но вполне законопослушной длины и для мирных надобностей. С девятисантиметровым лезвием. Как раз хватило бы пырнуть того зубастого гада в директорском кабинете.

Знал бы, чем все обернется, пырнул бы загодя... Хотя нет, загодя не смог бы, про уязвимые точки рептилий узнал лишь перед самым нападением каймана... Кстати, он сам тоже мог угодить под раздачу, если бы не отлучился к рептологу. Наверняка бы угодил.

Тем тщательнее надо все обмозговать.

Что могло вызвать две случайности подряд?

Версия номер раз: какая-то внешняя техническая причина. Допустим, в маркете установили новое оборудование. Торговое, контрольно-кассовое, неважно какое, однако никак с генно-модифицированными крокодилами не связанное. Но с маленьким побочным эффектом: что-то с чем-то резонирует и зубастые бестии слетают с катушек... Неплохая версия, но без технарей не проверить. Да и тем придется изрядно повозиться в поисках того, сам не знаю чего...

Нет, не катит. Кайманов было ДВА! Один в кабинете, второй в зале. И тот, второй, остался вполне вменяемым и безопасным. Если гипотетический источник непонятно чего имеет крайне ограниченный радиус действия, аллигатора на парковке он бы тоже не зацепил...

Вторую версию подкинул рептолог: диверсия производителей блок-чипов. Вредители там окопались... Хилая версия. Будь вредительство поставлено на поток, инциденты, подобные сегодняшнему, шли бы густым косяком. А если вредят изредка, то в дело вновь вступает теория вероятностей и разносит версию вдребезги... Не могли случайно пересечься две рептилии с бракованными чипами.

Однако из осколков второй версии тут же вырастает третья. Вот какая: допустим, рептолог знал не все или не все рассказал. Допустим, у блок-чипов есть дополнительная функция, активизирующая участки коры, отвечающие за нападение, за агрессию. Но активизируется не случайно, не в результате поломки, — а запланировано, от внешнего сигнала. Почему бы и нет? С точки зрения людей в больших погонах глупо, наверное, иметь под рукой столь мощное биологическое оружие и использовать его лишь для патрулирования и постовой службы. А вдруг случится большая заваруха, бунт, мятеж, путч?

Но красная кнопка, превращающая крокодилов в одержимых манией убийства бестий — наверняка тайна за семью печатями. Слишком много потрачено усилий, чтобы убедить общественность: гуляющие на воле генно-модифицированные рептилии для законопослушных граждан абсолютно безопасны. Такие уж гены. Так модифицированы.

При нужде можно использовать кайманов и для одиночных акций... Идеальный киллер, если вдуматься. Что с ним ни делай, заказчика не сдаст. И «глухарь» на долгие годы не повиснет, отчетность портить не будет... Несчастный случай, дело в архив.

На спине у крокодилов куча снаряжения, долго ли там упрятать маленькое, самое примитивное устройство мобильной связи? И в нужный момент послать SMS с кодовой последовательностью цифр...

Если версия верна, то без высоко сидящего оборотня в погонах дело не обошлось.

Нет, сложно и надуманно...

Не того калибра дичь Паша-Дикобраз, чтобы расправляться с ним с такими сложностями... Да и Кружилин тоже... Он мысленно перебрал свои последние дела, затем известные ему дела Паши... Ну да, оскорбленная в лучших чувствах мать парня, закрытого по сто сорок шестой, решила отомстить изысканным и замысловатым способом. С фантазией женщина...

Когда Кружилин вошел в свой подъезд, версия была признана бредом... Будем думать дальше.

Но раздумья он временно отложил, увидев стоящего в подъезде человека.

Прямо от входных дверей лестница из восьми или девяти ступеней поднималась на просторную площадку: с одной стороны лифтные шахты, с другой — почтовые ящики.

А дверь на дальнем конце площадки вела на лестницу, используемую в крайних случаях, при поломке лифтов. Именно там стоял человек в темной куртке. Не спускался, не поднимался, просто стоял и разглядывал Кружилина.

Немая сцена длилась около секунды. Затем человек шагнул вперед, быстро поднял руку.

Выстрел грохнул оглушительно. Мощный звук прокатился по всем этажам.

Кружилин осторожно приподнял голову над ступенями, держа пистолет наготове. Человек лежал неподвижно, ничком, затылка у него фактически не осталось. Лежал он теперь ближе к Кружилину, чем в момент выстрела, и казалось, что человек, даже умирая, тянулся к своему врагу, хотел его прикончить. Так лишь казалось, мертвецом он стал мгновенно и ничего хотеть уже не мог. Просто удар пули швырнул человека назад, он ударился спиной о косяк, отскочил обратно, как мяч от стенки, и рухнул, словно бы потянувшись к Кружили-

ну. Умершие мгновение назад люди довольно упруги. Но не агрессивны.

Рядом лежал пистолет, модель Кружилин с лету не опознал, но пушка серьезная: калибр изрядный и на ствол навинчен глушитель.

Он оглянулся — одно стекло внутренней двери подъезда разбито, на внешней двери, металлической — глубокая вмятина. Все-таки успел пальнуть, гаденыш...

Может, оно и к лучшему. Легче отписываться, явная самооборона...

До сих пор он действовал на рефлексах. Да и мыслил тоже... И лишь сейчас задумался.

Вы жаловались на избыток совпадений, капитан Кружилин? Вот вам еще одно, для коллекции: едва вы посчитали, что киллер-кайман для вас слишком изыскано, тут же объявился вариант попроще — киллер из породы хомо сапиенсов.

Именно киллер. Гопстопщика или наркомана, промышляющего на дозу, убитый напоминал не больше, чем Годзилла крокодила Гену.

Сверху доносились встревоженные голоса, но вроде бы из дверей никто не высывался... И наверняка кто-нибудь набирал знакомый с детства номер из двух цифр.

Он перевернул мертвеца — абсолютно незнакомое лицо с пулевым отверстием над переносицей. Пробежался пальцами по одежде. Ничего не нащупал, ни ключей, ни бумажника, ни зажигалки с сигаретами. Профессионал...

Лишь в боковом кармане куртки прощупывалось что-то плоское и тонкое. Достал, взглянул и понял — надо немедленно уходить, и плевать на все служебные неприятности. Не в свою квартиру уходить, разумеется...

Поколебавшись, он все же забрал пистолет мертвеца. Искать гильзу от своего времени не было...

Он приоткрыл дверь осторожно, огляделся, оставаясь под ее прикрытием. Киллер работал не в одиночку.

У него ключей от машины не оказалось — кто-то его сюда привез и подждал неподалеку.

Так и есть... В ряду припаркованных машин, совсем недавно плотном, теперь зиял разрыв. Исчезла «Королла» с тонированными стеклами. Он ее мельком отметил, проходя мимо, ибо обычно парковал «скаут» как раз на то место... Рисковать люди в «Королле» не стали, услышали громкий выстрел, сделанный явно не из оружия киллера, поняли: все идет не по плану, — и тут же отчалили.

Кружилин быстро вышел со двора на улицу, обогнул дом, прошагал вдоль его стены, держась в неосвещенной фонарями зоне. Свернул вдоль стены, потом еще раз. В результате оказался все в том же обширном дворе, но на противоположном его конце, метрах в двухстах от своего подъезда. Здесь выстрел не слышали, и у жильцов нет причин глазеть в окна. Он устроился на лавочке, укрытой полуоблетевшими кустами.

Понаблюдает за подъездом: кто приедет на вызов? И отнюдь не будет спешить явиться пред их светлые очи...

Причина предосторожностей лежала в кармане. Фотография Кружилина, найденная у мертвеца. В общем, ожидаемый аксессуар для киллера. Но снимок был не простой...

Он снова достал фото, разглядел в слабо сочащемся из окон свете.

Ну да, он и есть, в парадном капитанском мундире, на груди награды — два боевых ордена и медаль, полученная уже в Управлении по случаю юбилея органов.

Файл снимка лежал в архиве Управления. И все распечатанные с него копии неподалеку, в пределах того же здания, в отделе кадров и прочих местах... Свой экземпляр Кружилин не стал забирать. Не понравился сам себе, слишком уж мрачный и серьезный.

Ниточка от убитого киллера тянулась прямым в Управление.

Теперь можно не гадать, отчего убийца-профи работал с некоей небрежной наглостью: многие в Управлении знали, что Кружилин пистолет домой не таскает... Случись и сегодня так, сейчас в подъезде остывал бы он. Без оружия шансов не было. Ни одного. Ни убежать, ни спрятаться, не успеть разблокировать ПЗУ.

Время шло. У кружилинского подъезда — никакого движения. Значит, труп пока не обнаружен. А по поводу громкого звука, похожего на выстрел, никто сломя голову не помчится... Лишь для ловли сбрендивших бандерлогов всех силовиков в ружье поднимают.

Бандерлог!

Черт возьми!

Он-то ломал голову, перебирал дела Паши и свои, а самое интересное пропустил... Бандерлог и его запретные речи... Ничего сенсационно-разоблачительного они не услышали. Но ведь кто-то мог посчитать, что услышали... И что? Сразу, толком не проверив, устранять по такому подозрению двоих офицеров? Нет, троих, Проничева нельзя забывать...

Что же знал чокнутый обезьян?

План потайного туннеля между Смольным и Кремлем? Набитого золотыми и платиновыми слитками?

Он достал телефон, набрал номер, заговорил вполголоса, продолжая наблюдать за подъездом:

— Привет, Толян.

— Привет, привет, — жизнерадостно откликнулся Спицын. — Где тебя носит-то? Или дома уже?

— Пока еще не дома... — не стал врать Кружилин. — В больнице был. Про Дикобраза знаешь?

— В Управление уже сообщили... — сказал Толик Спицын с тщательно отмеренной долей скорби. — Хреновые дела... Ладно бы уркан или экстремист, а то своя же служебная животины... Обидно.

Он замолчал и явно выжидал, что еще скажет Кружилин. Тот сразу перешел к главному, времени мало, вот-вот подкатят...

— Помнишь, Толик, ты утром, перед охотой, про того спятившего бандерлога говорил? И не договорил? Так растолкуй сейчас, кто он и откуда. И еще: если ты где-то как-то хоть краем уха слышал о проекте «Русский дом», тоже рассказывай.

— Э-э-э... Старик, а ты уверен, что способен воспринять информацию прямо на ходу? Дойди уж до дома, перезвони, потолкуем не спеша.

— Рассказывай сейчас, — жестко сказал Кружилин.

Толик замолчал. Выдержал долгую-долгую паузу, полминуты, не меньше. А когда заговорил, Кружилин удивился: голос вроде тот же, но интонация другая, напроць исчезла обычная толикова дурашливость.

— Все просто. Бандерлог не сбежавший вице-премьер по оборонке, сенсации не будет. Обычный столоначальник, доводящий до клерков волю высшего начальства. Но случилась накладка. Не ту бумагу ему дали для доведения... Ошибка, случайность. Тут же спохватились, заменили. Но у зверюги память фотографическая — глазами пробежал, на всю жизнь запомнил. Ну а дальнейшее сам домысливай... Я только одно тебе скажу: дурак ты, Кружилин. Другой бы махнул стакан после охоты, да и забыл все нахрен. А ты волну поднял, Проничева стал выпрашивать, других... Да еще запросы в Сеть начал слать. Со служебного компа! Да ты не просто дурак, а патологический. Патентованный.

— Полегче на поворотах, лейтенант Спицын.

— Не качай субординацию... Званиями померяемся, когда история эта закончится. Так что иди домой и хорошенько обо всем подумай.

— Пойду и подумаю. А завтра всерьез с тобой поговорю, — пообещал Кружилин.

Дал отбой и тут же отключил телефон. Потому что Толик прокололся... С чего он взял, что Кружилин сейчас подходит к дому? Тот такого не говорил, мог задержаться в больнице, мог заскочить куда-то еще... К лю-

бовнице мог поехать, живущей на другом конце города, в конце концов.

Кружилин подозревал, что перед глазами Спицына был экран, а на экране — данные локализации кружилинского мобильного. Лавочку, с которой шел разговор, не засечь, но что сигнал идет через ближайшую к дому соту, Толик знал.

И знал кое-что еще... Иначе не стал бы говорить то, что сказал. А сказал он, если вдуматься, очень многое... Дал понять, что Кружилин попал под негласное наблюдение, и Толик в нем участвует, либо полностью информирован о нем. Если он на деле работает на собственную безопасность Управления, выбалтывать такое глупо. Если крот, внедренный от другой спецслужбы, — еще глупее.

Такое имеет смысл говорить лишь без пяти минут мертвецу. Спицын знал о киллере.

У подъезда замерцали синие вспышки мигалки... Одна машина. Обычный патруль. Но подходить к приехавшим в любом случае нельзя, учитывая новые расклады.

Прямой связи с киллерами Толик не имел, это очевидно. Но он и те, кто за его спиной, очень скоро прочитают в оперативной сводке по городу: в подъезде дома на Звездной обнаружен труп мужчины с огнестрельным. Решат, что это Кружилин, будут ждать вестей от киллера. Пока разберутся, небольшой запас времени есть, и надо его с толком использовать.

Он достал другой телефон, нигде не засвеченный, числившийся за владельцем, никак с Кружилиным не связанным. В работе опера всегда полезно иметь под рукой такую штуку.

Звонил на ходу. Шел без какой-либо цели, просто удалялся от места происшествия.

— Ты?! Вот не ждала...

— Я сам не ждал. Но так уж получилось.

— И чем обязана?

— У меня к тебе просьба. По старой дружбе.

— В таком случае позвони лучше старым друзьям.

Кружилин слотнул комок в горле. Комок был горьким. Комок до крови раздирал глотку.

— Тогда у меня просьба к женщине, которую я очень любил, — произнес он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Женщины, которых по-настоящему любили, любившим мужчинам в просьбах не отказывают... В чем дело?

— У тебя большой круг знакомств. Информаторы во всевозможных структурах. Ты вхожа в самые разные сферы, порой высокие... Где-нибудь и когда-нибудь, в любом возможном контексте ты слышала о проекте «Русский дом»? Меня интересуют любые слухи, намеки, обмолвки, даже...

— Достаточно. Теперь послушай меня. Никогда, ни по телефону, ни при личных встречах, ни письменно не употребляй это название. Забудь его. Просто забудь. Это очень хороший совет. Наверное, лучший из всех, что могла дать женщина, когда-то любимая и брошенная.

В трубке запиликал отбой. Кружилину захотелось шмякнуть ее об асфальт. Вместо этого он связался с Проничевым.

— Сергеич, ты в порядке?

— Да ни хрена не в порядке!

— Что?!

— Шланг тормозной менять стали — трубки посыпались, а там и до цилиндров дело дошло... Ты пробовал купить тормозной цилиндр после восьми вечера?! На такси полгорода объездил... Просил же, как человека, отпусти пораньше... А он не человек. Он гамадрил.

— Понятно. Теперь о главном. Дела заварились поганые. И ты в них непосредственно участвуешь. Дикобраз мертв. Толик ссучился.

— Как...

— Вопросы потом. Ты на нашей СТО?

— Если бы... Они ж от звонка до звонка. Я на...

— Стоп! Не называй. Там, где мы были весной на моем «скауте»?

— Ну да...

— Если починишься, не уезжай. Я скоро буду. А телефон отключи. Немедленно. Приеду — все объясню.

Возможно, Проничеву повезло с тормозами и с блюдушим дисциплину начальником-бандерлогом... Как знать, кто мог поджидать майора на пути от гаража к дому.

11

*Дельфин и анчоус — они, если честно,
не пара, не пара, не пара...*

«Берлогой» Юля обозвала квартиру Егора. Одну из квартир.

Съемного жилья у него имелось с избытком. С большим запасом, который, как известно, карман не трет. Две комнаты и квартирка-однушка в трех разных банках, три квартиры в чистых районах, но пользующихся разным статусом и репутацией.

Эта квартира, на Типанова, по статусу нечто среднее. Не голимый эконом-класс, но и далеко не премиум. Идеальный вариант: дом относительно новый, планировка удобная и просторная, подъезд с консьержем, контингент жильцов приличный. Но не премиум. Стрясется что — не слетятся, как мухи на навоз, правоохранители со всего Питера, не будут рыть носом землю и просеивать мелким ситом всю округу. Отработают не спустя рукава, но обычным порядком.

Именно сюда он решил временно поселить Юлю.

Хотя имелась, имелась грешная мыслишка: а вот в банку ее, да к Ольге на квартиру, пусть жизнь по-

лучше узнает, пусть картошечки жареной понюхает да с баклажанчиками... Пожалел.

...О смерти Брутмана они узнали по ящику, из ночной хроники городских происшествий. Хотя всего лишь любопытствовали, как отразят СМИ события в ресторане. Отразили крайне скупо. Никакого видеосюжета, никаких блиц-интервью с участниками или свидетелями. Ведущий программы сказал несколько слов так, словно они, слова, были у него на вес золота, и при том словарно-золотой запас подходил к концу.

Инцидент со стрельбой, есть пострадавшие, расследование происшествия ведется. И все. Ни слова больше.

Затем в хронике шел сюжет про Славу Брутмана. До того Юля дважды безуспешно пыталась дозвониться до него. Теперь понятно, почему не отвечал...

Брутмана убили, когда он подходил к своей припаркованной на Чапыгина машине. В двухстах метрах от входа в радиоцентр. Два ранения, оба смертельные, в грудную клетку и в голову. Стреляли издалека, из неустановленного оружия, на момент репортажа не найденного. Следствие, разумеется, ведется.

К этой новости нацепляли всего: и интервью, и комментарии, и краткую биографию покойного... Егор всю эту шелуху досматривать не стал, выключил. Главное и так ясно...

Те люди, что отметились в ресторане, Брутмана застрелить не могли, не успевали. Но почерк — один в один. Та же школа. Птенцы одного гнезда. А это уже зацепка.

Потом он долго расспрашивал Юлю. О том, где она могла наступить на мозоль влиятельным и не стесняющимся в средствах людям. И о последнем разговоре с Брутманом. Они вдвоем разобрали беседу по гаечке, по винтику, благо значительную часть анализа Юля проделала до того. Но теперь стало ясно, что все сказанное и не сказанное Брутманом надо воспринимать ис-

ключительно всерьез. Весомость своих слов и намеков он подтвердил страшным, но действенным способом.

Когда всплыла фамилия Хайдарова, Юля стояла на своем: не тот человек. Никак не мог участвовать в заказухе. Программу прикрыть мог. Радиостанцию обанкротить мог, если бы сильно подперло. Мог сделать так, чтобы Юлия Закревская не вылезала из судов, заваленная исками о защите чести и достоинства.

Но только не заказуха.

Егор сомневался. Жизнь приучила во всем сомневаться. Дольше пожить получается у сомневающихся...

— Помнишь генерала Кромова? — спросил он.

— В загородном доме застрелили, убийцу не нашли?

— Вот-вот... Тоже все думали: не такой человек. Правильный, как жена Цезаря. А после смерти столько дерьма всплыло...

— Я немного занималась этим делом. Там была мутная история с большими деньгами, пропавшими из его сейфа сразу после убийства, там, в коттедже...

— Речь не о деньгах. О репутации. О незапятнанной. Проверять я буду все и всех, без скидок на репутацию.

— Пока ты проверяешь, я не могу здесь отсиживаться.

— Убьют. Заказ получен, надо отрабатывать...

— Уеду за границу, открытых виз хватает.

— Как только закажешь билет, начнется обратный отсчет.

— На машине?

— Шансов больше, не спорю... Но ты согласна сыграть в русскую рулетку?

— Ты хочешь замариновать меня тут, как кильку в банке?

— Можешь считать себя дельфином в океанариуме. Для повышения самооценки. Да ты не волнуйся, я быстро управлюсь. По-простому, без формальностей. Мне ордера, понятые и протоколы не нужны.

Она помолчала, о чем-то думая. Затем вынесла вердикт:

— Я уйду отсюда.

Взглянула за окно и добавила:

— Утром.

— Метал бисер... — вздохнул Егор.

— Ты не понял... Я не собираюсь героически изображать живую мишень. Но включи логику: есть два зайца, по следу каждого идет своя компания охотников. Зачем им сидеть в одной норе? У обоих шансы уцелеть падают в два раза.

— Убедила... Но у тебя имеется своя незасвеченная норка?

— Я сейчас поразмыслила и поняла: имеется. Дом в пригороде... Хозяйка холодные полгода проводит в Майами, часто просит хороших знакомых пожить осенью и зимой. Бесплатно, разумеется, для пригляда... Сейчас дом пустует.

— Я бы вычислил такую норку на счет три.

— Не бахвалься... С хозяйкой я не знакома. Вообще не пересекалась. Должна была пожить наша общая знакомая, не сложилось, тоже уехала и попросила меня хотя бы изредка заглядывать... Никто об этом не знает. Запасные ключи спрятаны в тайничке у дома. Соседи незнакомым жильцам по холодам не удивляются, привыкли. Вопросы есть?

Вопросов не было. Даже надежнее, чем квартира на Типанова...

Потом разговор свернул на более отвлеченные темы. И, разумеется, перерос в спор.

Все вернулось.

Кухня была другая, и квартира другая, и время другое, и мир вокруг другой. И они другие. Но все вернулось.

Говорил он:

— Да пойми, ты тогда, семь лет назад, всю плешь мне проела с дурацким законом о дерьме, по любо-

му поводу поминала... Ну да, закон Старджона. Все состоит из дерьма на девяносто процентов. Ты не понимаешь, что мы сейчас живем прямо посреди первого и главного следствия этого закона?! А оно гласит, что нельзя искусственно отделять дерьмо от недерьма. Если твои чистые и благоуханные десять процентов станут отдельным, независимым множеством, — к нему снова можно применить закон Старджона, так? С тем же результатом. И снова искусственно отделить чистых. И так далее... И весь мир превратится в дерьмо. Уже превращается. И мы в нем живем. Идея хорошая: запереть весь криминальный элемент, всех маргиналов в банках, избавить от них приличных людей... Любой нормальный человек под ней бы подписался. И любой бы депутат проголосовал. Подписались. Проголосовали. И что? В банках режут, убивают, насилуют, — а в чистых районах тишь и благодать? Хрена с два. У меня нет доступа к сводкам Управления, но хронику смотрю регулярно. Нет тишины. Нет благодати. Кривая преступлений в чистых районах растет. Подозреваю, даже круче растет, чем раньше, — слишком много сил на банки оттянуто. Да и чистые они уже относительно... Вот Средняя Рогатка, чтоб далеко не ходить. Четыре года назад считалась не люкс, но вполне приличный район. А сейчас? Можно стеной обносить и метро разблокировать. Созрела Рогатка для банки, вполне. Да что там Рогатка — меня тут давеча в двух шагах от Сенной зарезать пытались. Гоп-стоп с применением. Не гопота, не маргиналы, вполне приличные на вид парни... были... Ты тут говорила про свой чистый, уютный и безопасный мир, населенный дружелюбными и креативными людьми? Если пойдет, как идет, твой мир сожмется до размеров крохотного элитного квартала, окруженного высокой стеной с колючкой. А потом дерьмо придет и туда. И ты в нем захлебнешься.

Он говорил не с кондачка. Выстраданное, давно обдуманное. Он был уверен в своей правоте. Жизнь подтверждала все построения. Он не знал лишь одного: что можно сделать, как помешать миру катиться к Апокалипсису. А он катился...

Очередной ангел поднес к губам трубу и надул щеки — в Думе лежал законопроект, еще сильнее сужающий круг избирателей, и обсуждался во втором чтении. Не хочешь исполнять гражданский долг, три раза подряд не появлялся возле урн в день голосования? — долой из списков избирателей. И еще полтора десятка категорий граждан, недостойных быть гражданами. И уже не монетизация — безвозмездное аннулирование ваучеров. Лишенцев прибавится, банок тоже.

Потом говорила она:

— Человек закончил школу для дефективных, ай-кью у него ниже плитуса. Но паспорт получил, идет голосовать. Насильник-педофил отсидел, получил паспорт, идет голосовать. Старушка на грани маразма — тоже на участок тащится, вместе с педофилом и олигофреном. И у них три голоса против моего одного. Почему они должны решать, как будет жить моя страна — значит, и я в том числе? Ладно, педофилов, убийц и дебилов уже отсекали. Не о них речь. А об огромной массе анчоусов. Ни на что не способных, ничего по большому счету не желающих. Крыша над головой, жратва на столе, баба в койке, ведро с гайками в гараже, работа, пусть самая тупая, но чтоб платили без задержек, водка в магазине и футбол в ящике. Все. Круг интересов и потребностей исчерпан. Не хомо сапиенсы. Хомо анчоусы. Люди выходили в океан, не зная, что за горизонтом, и плыли к неведомым континентам. Люди изобретали порох и искали философский камень. Люди сплывали империи железом и кровью. ЛЮДИ! А если бы и тогда все решали тупым большинством анчоусы, черта с два Колумб отплыл бы из Кадиса...

— Он вообще-то отплыл из города Палос-де-ла-Фронтера.

— Ну оговорилась, бывает... Но он ниоткуда бы не отплыл, если бы рулили анчоусы. И Бертольд Шварц порох не изобрел бы. Представь, мы завтра объявляем референдум: люди, выберите что-то одно, от чего мы откажемся — от космической программы России или от футбола по ящику. Не потянуть нам и то, и другое разом. Результат предсказуемый: вместо сообщений о запусках — пьяные вопли «Го-о-о-л!» из всех окон по субботам. Анчоусам звезды не нужны. А я хочу, чтобы мои внуки туда полетели. Очень хочу.

Она говорила не экспромтом. Выстраданное, давно обдуманное, обкатанное в разговорах с другими умными людьми, озвученное в эфире и высказанное в статьях и книгах. Она была уверена в своей правоте. Жизнь подтверждала все построения. Она не знала лишь одного: что можно сделать, чтобы облегчить процесс родов, процесс появления на свет нового, лучшего мира... Роды, прав Егор, процесс неприглядный и болезненный. А роды продолжаются, головка уже показалась. В Думе обсуждают новый закон, спасающий людей и их будущее от анчоусов. Живешь на пенсию или пособие, не платишь налоги? — не тебе решать, как будут жить те, кто тебя кормит. Дважды или более судился по уголовной? — ну и живи по воровским законам, избирай себе паханов. И еще полтора десятка категорий анчоусов, не нуждающихся в звездах и в избирательных правах. Не хватит банок — построим. Футболом, водкой и работой обеспечим. И будут счастливы все. И люди, и маленькие глупые рыбки. А если клопам кажется Апокалипсисом выбрасывание на помойку старого дивана — то это проблема исключительно клопов.

Потом спор закончился.

Примерно так же, как заканчивались все другие, давние споры.

Она поднялась, прошла по кухне, выглянула в окно... И спросила:

— У тебя сохранился тот Гамсун?

— Тот самый томик? «Виктория», «Пан» и «Голод»?

— Да.

— Сохранился, — соврал Егор, не моргнув глазом.

— Прочтешь мне пару глав из «Пана»? Не усну ведь после такого денька... А выспаться надо.

Все вернулось.

Спальня была другая, и кровать другая, и время другое, и мир вокруг другой. И они другие. Но все вернулось.

Он ласкал ее долго, нежно, зная, что заводится она медленно, но как заведется, только держись... И она завелась. И он держался, держался, держался, держался, пока мог, как граната с выдернутой чекой, которой отчего-то очень не хочется взрываться. А потом все-таки взорвался...

Все было, как всегда. Все было, как в первый раз.

Потом она ласкала его, тоже медленно, тоже неторопливо, потом быстрее и настойчивей, и оказалось, что есть еще порох в пороховницах, не все сгорело в первом фейерверке.

Потом они просто лежали рядом. И смотрели друг на друга. Двое, сбежавшие из двух своих таких разных миров в третий — в крошечный мир, очерченный мягким светом ночника. В мир для двоих.

— У тебя не было этого шрама... И этого...

— Нажил...

— А этот твой крест... — она коснулась цепочки, — какой тяжелый... Тебя из-за него прозвали Крестоносцем?

— Я сам себя так прозвал. Надо же как-то называться, если имена и фамилии постоянно меняются.

Она замолчала. Молчала долго, лежала неподвижно, ровно дыша, он уж подумал, что задремала.

— Егор...

— У?

— Слушай... если все разрулится... если мы останемся живы... если... в общем, давай попробуем снова? Я авантюристка и сама понимаю в глубине души, что хорошим не кончится... Но давай попробуем?

— Ключевое слово тут «если»... — вздохнул Егор.

— Это значит «да» или «нет»?

— Ты же знаешь ответ...

Она улыбнулась. И очень скоро уснула, по-прежнему с улыбкой.

Он любил ее всегда. Когда понял, что не сможет с ней жить, любил. Когда уходил, любил. И все семь лет разлуки любил тоже. И все последующие годы разлуки будет любить... Или месяцы... Или дни... Сколько отмеряно, столько и будет любить. А расстаться придется... Ее предложение сделано сторяча, никакой возможности легализоваться рядом с ней нет... В ресторане Юля смотрела на вещи более реалистично: нет у них общего будущего. У него просто нет, а ее будущее под большим вопросом. И надо вопрос разрулить. Это он сумеет. На это его хватит.

Спать не хотелось абсолютно. Сегодня, вернее уже вчера, отоспался в Балтийской банке. А раз так, не стоит терять время. Первой фазой предстоящего дела можно заняться сейчас. Обдумать еще раз все вводные, прикинуть первые шаги.

Он тихонько встал, прошел на кухню, не одеваясь. Все двери, проходя, плотно притворял. Вспомнил, что за куревом так и не дошел, достал из шкафчика записку. Портсигар был самодельный, но добротный — из нержавеющей стали, на крышке отчеканен портрет улыбающегося Гагарина. Памятный сувенир из прежней жизни, один из немногих, у него сохранившихся.

Внутри лежали шесть сигарет. Тоже старых, пожелтевших. Четыре года лежат... Понюхал, ощутил табач-

ный запах... Не совсем выдохлись, сойдут. Хватит, чтобы поломать голову, и еще останется. Курил он мало.

Включил кофеварку, уселся за стол — туда же, где сидел совсем недавно.

Лучше бы он этого не делал... Наверное, по кухне болтались какие-то незримые флюиды, или эманации, или еще какая-то хрень, не признаваемая наукой физикой. Короче, отголоски их недавнего спора.

И спор продолжился. Теперь безмолвный, звучащий исключительно в голове Егора. Задним числом он находил разящие аргументы и неопровержимые доводы, сразу не пришедшие на ум, выстраивал из них прочнейшие логические конструкции. Но сам понимал: не убедил бы. Ни в чем. Потому что порой в голове звучал другой голос, женский, опровергавший неопровержимое и вдребезги разносящий самые прочные постулаты.

Он слишком хорошо ее знал. И мог весьма правдоподобно вести мысленный разговор за двоих.

Закончился виртуальный спор точно так же, как и реальный. Не виртуальным сексом, разумеется. Каждый спорщик остался при своем мнении. Невозможно переубедить человека умного, информированного, логично мыслящего, — однако смотрящего на вещи под другим углом. Имеющего тот же набор базовых ценностей, но оценивающего их важность с другими приоритетами. Невозможно... У него, по крайней мере, не получалось.

Он мог ее убить, но не убедить.

Ведь трещина между ними пролегла не на той, старой кухне...

Кухонные споры — ерунда, сотрясение воздуха. Трещина куда глубже и шире. Она ведь во многом ответственна за появление того мира, в котором живет Егор и который он ненавидит. Она не принимала новые избирательные законы, и другие, загнавшие людей в банки. И не огораживала, не затыкала входы и выходы

блокпостами. Не подавляла — жестко, пулеметами — бунт в ЗКП-7.

Но она готовила почву. Готовила умы. Готовила людей — тех, кто это делал, и тех, кто не вмешался.

«Дельфины» и «анчоусы» — это ведь она придумала. Уж и забылось, словно всегда эти слова-ярлыки на слуху были, словно народ их породил. А это она. Придумала, произнесла в эфире. И произносила снова и снова. Два раза в неделю. В двадцать тридцать и семнадцать ноль-ноль. Мелочь, конечно... Но значимая. Человек человеку друг, товарищ и брат, внушали всем когда-то. У многих застряло в мозгах... А она вышибала. Человек человеку — но не анчоусу же, правильно?

Неожиданно в голове зазвучал третий голос. Дожил... Так вот ты какая, шизофрения...

Пока он тут плел логические кружева, делающие Юлию Закревскую ответственной за все беды мира, слово взял Крестonosец: сделай шаг в сторону, и пусть случится все, что должно, и она получит то, за что боролась. Крестonosец был молод, появился на свет после того, как Егор расстался с Юлей. И ни малейших чувств к ней не испытывал.

Заткнись, сука!!! — мысленно рывкнул на него Егор.

Альтер эго куда-то забило и притихло.

Значит так... Все ее анчоусы и дельфины — слова. И все остальное, что она делает, — слова. Против слова борются словом. Только им. Точка. Обсуждению не подлежит. Выходите в эфир, пишите книги, выставляйте против ее правды свою. Убеждайте ее, Егор не сумел, но есть же другие, не чета ему, самоучке, университетов не кончавшему. Убеждайте читателей и слушателей Юли. А тот, кто сунулся с эту словесную борьбу со снайперской винтовкой, тот сам себя поставил вне всех правил. И долго не проживет.

Все разложилось по полочкам. И он пошел спать. Поздно уже планы составлять, утро вечера мудренее.

Да и сигареты подвели... Раз затянулся и отложил.

*Близка аллигатора хищная пасть,
спасайся, несчастный, ты можешь пропасть*

Проничев ничему не поверил... Поначалу. Но Кружилин выкладывал аргумент за аргументом, один к одному, как кирпичи в стену. Двумя последними кирпичиками стали пистолет киллера и фотография в парадной форме.

Конструкция получилась основательная. Проничев это признал, но тут же попытался разрушить:

— Нестыковка у тебя торчит... Аллигатор в супермаркете — каким он тут боком?

— А вот он единственная случайность во всей истории. Прикинь — ты сука в больших погонах, сидишь высоко, сам мараться не будешь. Надо срочно гасить три источника информации. Очень срочно, чтобы информация не пошла дальше. Ты профи и понимаешь — чем быстрее акцию готовят, тем меньше у нее шансов на успех. И опять-таки, ты сам с киллерами не контактируешь, и пока еще все шестеренки, все звенья цепочки сработают... Короче, ты ломаешь голову, а тут в сводке — сбрендивший аллигатор. А ты до того момента просто забыл, что у тебя под рукой кайманы-киллеры. Не вспомнил, иначе привык работать. Инерция мышления. Возможен такой вариант?

— Возможен... А по радио говорили, что возможен дождь. Да только не пошел... Проверить надо.

— Можешь проверить. Отправляйся сейчас домой. Если позвонишь мне из квартиры, живой и невредимый, — вся моя версия бред сивой кобылы.

— Х-хе... Давай, пожалуй, как-то иначе проверим.

Помолчали, подумали...

— Сглупил я там, на охоте... — признал Проничев. — Надо было всей толпой на макаку наваливаться, и каждый шаг, каждое слово снимать, хоть на мобилу... А раз уж только втроем там были...

— Подожди, подожди... — поднял руку Кружилин. — Хозяин участка... Мы трое и он... Больше никто бандеролога услышать не мог.

— Его ж запаковали... в смысле, хозяина...

— Что ему по закону пришьют? Проникновение в зону спецоперации, так? Три часа в отделении, штраф, — и домой с песнями. Но если я прав, то...

— Поехали в Тярлево, — решительно перебил майор. — И если он сидит дома и чай пьет, — бензин за твой счет. И водка, что я дома выпью. Потому что после твоих рассказов без стакана не уснуть. Едем прямо сейчас, вон как раз мою таратайку с подъемника спускают.

— На твоей нельзя, оставим тут.

— Чего ради?

— Я у тебя про «Русский дом» один лишь раз спросил. В машине, у перекрестка. Сучонок Спицын знал про этот вопрос.

Майор помрачнел.

«Скаут» Кружилина отпадал по тем же причинам.

— И как же мы? — спросил Проничев. — Поездом? Я угоном заниматься не буду.

— Придумаем что-нибудь...

Машина нашлась здесь же, в маленькой автомастерской. Принадлежавшая лично хозяину «хонда» десятилетней давности, неказистая, но вполне на ходу.

За разумную компенсацию хозяин тут же накропал «рукописку», вновь введенную в прошлом году, вручил ключи и документы. Залогом послужила «школа» Проничева. Майор тяжело вздохнул, но возражать не стал. Понимал, что с клиентами из Управления без крайней нужды здесь отношения портить не будут.

...В Тярлево приехали ближе к полуночи, многие дома уже стояли неосвещенные. Машину оставили за несколько кварталов, причем на другой улице, в глубине поселка.

— Не нравится мне та аллея, — сказал Проничев. — Не подойти к дому скрытно.

— Уверовал? Засады опасешься.

— Нет, логично мыслю. Допустим, нас сейчас ловят и ищут. «Перехват» мы на дороге не видели, правильно? Значит, общей тревоги нет. Значит, засады в местах вероятного появления.

— Думаешь, допетрили, что мы тут можем появиться?

— А ты знаешь, скольких я на засадах повязал, кто такого не думал?

— Ладно, сделаем круг через парк... Посмотрим на дом из-за ограды.

...Ночь выдалась безлунная. Удачно. Хотя с какой стороны взглянуть — перебежали луговину незаметно, но до того начертыхались, пробираясь между деревьями и продираясь сквозь подлесок.

Не промахнулись, вышли точно к особнячку. Дом стоял темный, ни одного светящегося окна. Наблюдали полчаса. Ничего. Никакого шевеления. Никакого мелькнувшего огонька. Надо идти.

— Давай-ка, Сергеич, разделимся, — предложил Кружилин. — Я к дому схожу, а ты меня отсюда прикроешь. Если засады нет, свистну. Тогда подходи спокойно.

— Немощным считаешь? Старым? Вместе пойдем.

— Не кипятись... Если в доме несколько человек, я один их не положу. И вдвоем мы тоже. И вообще стрелять первыми нельзя... Вдруг там пацанов с райотдела посадили матерых урок ловить? Придется их прощупать, потом отрываться. Обратно в парк, иначе никак. По участкам через заборы скакать — не вариант. Но и до ограды чтобы добежать, кто-то прикрыть огнем должен. Стрелять по окнам, не давать прицелиться.

— Ну если так... Ладно, разделимся. Но почему ты к дому?

— Хорошо. Иди ты. Но на ограду подсаживать не буду.

Проничев поднял голову, посмотрел на вершины железных прутьев... Тяжело вздохнул.

— Э-хе-хе-хе... вот она, старость... Иди. Только не рискуй зря и не геройствуй дуриком.

— Не буду. Но запомни — пока я на участке, не стреляй. Что бы там ни происходило, что бы тебе ни показалось, — не стреляй. Меня здесь не жди, я вернусь в другом месте. Отстреляешься и отходи вон к тем деревьям, там встретимся. Все понял?

— Да не дурак... Давай уж, Кутузов, двигай. Замерз я без дела стоять.

Он мягко спрыгнул с ограды, пересек аллею, зашел на участок, держась так, чтобы кипарис прикрывал от взглядов, направленных из окон. Постоял, подождал. Быстро поднялся на невысокое крыльцо.

Ни из дома, ни с участка не доносилось ни звука, ни шороха.

Прежде чем звонить, он легонько толкнул дверь. Дверь плавно подалась назад.

Понимай как знаешь...

Засада, заманивают?

Самоуверенная небрежность мирно спящего хозяина?

Или утром, когда хозяина свинтили, не позаботились запереть вход, — и в доме с тех пор никто не побывал?

Позвонить?

Почему бы и нет? Если в доме засада, они его уже засекли, ждут, когда войдет...

Входить нельзя. В кромешной тьме и без «ночного глаза» не повоюешь. Фонарь у него был, но все равно что не было — слабенький, с севшими батарейками, захваченный майором из «шкоды». Таким фонарем хорошо обозначать себя в качестве мишени. Для другого он не пригоден.

Он уже коснулся кнопки звонка, когда в голову пришла новая идея. Не факт, что сработает, но попробовать можно... Едва ли у противника много людей для засад, расширять круг посвященных резона нет. И внутри может оказаться один хорошо знакомый человечек...

Кружилин левой рукой достал мобильник — свой основной — нажал клавишу включения. Данные загружались с еле слышным писксом. Плевать, если там засада, он и без того засвечен.

Вызов пошел. Кружилин превратился в слух. В одно огромное напряженное ухо.

Попал! Случайный выстрел угодил в десятку!

В доме послышалось легкое шевеление. Еле-еле слышное. Совсем болваном Толик не был и громкий звонок отключил. Но вибровызов оставил.

Кружилин пнул дверь. Она распахнулась с грохотом. Внутри полыхнула вспышка, бабахнул выстрел. Не предупредительный — пуля вылетела наружу, зацепив косяк. Брать живым его не собирались.

Значит, не пацаны с райотдела... Или там левые килеры в компании Толика, или все свои, но ссученные.

Он выпустил внутрь дома веером четыре пули, по-прежнему держась за простенок. Стрелял из трофейного пистолета, вслепую, наугад. И тут же длинным прыжком ушел с крыльца. Метнулся вдоль стены, оставаясь невидимым из окон.

В доме грохотали выстрелы. Из нескольких стволов палили в дверной проем, еще не сообразив, что за ним никого нет. Потом сообразили. Стрельба смолкла. Разом, явно по команде. Кружилин выжидал.

Фигура в темном ночном камуфляже вылетела из двери. В прямом смысле вылетела, не коснувшись крыльца. Тут же перекат, еще прыжок — и камуфляжник уже занял позицию за каменным основанием ограды, направив ствол чего-то длинномерного в сторону парка. Вот она, инерция мышления во всей красе... Противник должен убегать туда, откуда пришел.

Другое дело, на улице можно повоевать... Не солнечный полдень, но все же света хватает для боя на близких дистанциях. По крайней мере здесь, в поселке.

Кружилин ждал, укрывшись за углом дома. Держал на прицеле камуфляжника, но стрелять не спешил. Не

один же тот сидел в засаде... Должны показаться и другие.

Показались... Следующий не демонстрировал акробатические трюки, быстро пробежал по крыльцу. Не залег, лишь пригнулся, поводил головой и стволом по сторонам.

И тут загрохотали выстрелы. От ограды парка. Кружилин прикусил губу. И плавно потянул спуск. Камуфляжник дернулся и остался лежать неподвижно. Второй залег и бегло палил из пистолета в сторону парка. Проничев не отвечал. Стрелок сделал паузу, наверняка чтобы сменить опустошенный магазин. В этот момент Кружилин застрелил его выстрелом в голову.

Затвор трофейного пистолета откатился назад и замер. Патроны кончились. Кружилин закинул оружие киллера под ремень, достал свою пушку. В ней пять патронов и запасной обоймы нет. Не ожидал угодить на войну.

Надо уходить, больше никто не высунется. Жив ли Проничев? Или все же подвернулся под ответную пулю?

Он двигался вокруг дома, полностью обойдя его. Изнутри вновь не доносилось ни звука. Вдруг там и в самом деле находились лишь двое? Нет, в дверь лупили не из двух стволов, из нескольких... Он рванул с высокого старта, через несколько метров резко изменил направление. Перескочил каменную оградку, залег за ней.

Тишина.

Может, рискнуть и забрать у камуфляжника его автомат? Раз пошли такие игры, пригодилось бы что-то поосновательнее пистолета. И подальшебойнее. Не исключен второй раунд — на природе, в парке.

Из дома вылетело окно. Целиком, вместе с рамой. Все хозяйство со звоном и грохотом обрушилось на подъездную дорожку гаража.

Тотчас ожил пистолет Проничева. Жив, курилка... И даже позицию сменить догадался. Хоть майор и по-

спешил вступить в бой, но сейчас инструкцию выполнял в точности. Стрелял по окну.

Кружилин рванул через аллею, теперь не до трофеев. Загрохотала длинная очередь. Из другого окна. Выбитое оказалось отвлекающим маневром, а сейчас стреляли прямо сквозь стеклопакет.

Пули выносили стекла. Пули буравили кипарис. Пули ударили в березовые стволы. Пули искали Кружилина. От огады грохнул ответный выстрел. Один.

Он несся под прикрытием дальнего от дома ряда берез, стремясь скорее выйти из сектора обстрела. Пора! Подпрыгнул, уцепился за концы прутьев, подтянулся... Из дома стреляли, но уже наугад, наобум.

Он спрыгнул с огады и поспешил к месту встречи — к группе сосен, стоявшей наособицу. Майор, если жив, уже там, Кружилину пришлось преодолеть большее расстояние.

Проничев стоял, скособочившись.

— Ранен?

— Бочину цепануло... До свадьбы заживет... До твоей... Пошли отсюда...

— Точно идти сможешь?

— Смогу... Не тормози...

Далеко они не ушли. Двигались к массиву деревьев, но не напрямую, наискосок, метров двести по луговине. Путь невелик, но на середине его Проничева пришлось поддерживать, а в конце — нести на себе.

Оказались среди деревьев, Кружилин аккуратно сгрузил майора. Разрезал одежду, подсветил рахитичным фонариком. Проничев с трудом приподнял голову, тоже взглянул на рану.

— Заштопают, — сказал Кружилин, — еще повоюешь.

Он лгал. И оба это знали. Люди, без разговоров начавшие стрельбу на поражение, «скорую» вызывать не станут.

Проничев не бывал на войне, но посмотрелся жмуrows с огнестрельными. И начитался заключений суде-дэкспертов и результатов вскрытий. Он спросил лишь одно:

— Выходное есть?

Кружилин не ответил... Попали в майора не из писто-лета. Из автомата, и пуля осталась внутри, успев поку-выркаться по самой поганой траектории. То, что майор совсем недавно мог передвигаться, — это горячка боя. Адреналин в крови, естественный анестетик и стиму-лятор.

— Нет выходного... — сам себе ответил майор.

Если бы здесь, в двух метрах, стоял операционный стол со всеми прибабасами и готовая к операции мед-бригада — шансы бы имелись.

А так — ни одного.

— Будешь уходить... оставь патрон... мои кончились... Не хочу... чтоб эти... добились...

Кружилин не стал тянуть — вынул магазин, выщел-кнул патрон, зарядил в пистолет Проничева. Дослал в ствол, снял с предохранителя, положил оружие рядом с правой рукой майора. Щедрый подарок. Один патрон из пяти, когда на кону жизнь, — дороже миллиона, от-стегнутого на благотворительность.

— Не уходи... сказать хочу... и передать... Помнишь... я прадеда... который здесь?

— Помню, Сергеич, все помню, не говори много.

— Не перебивай... бабка хотела... чтоб я офицером... не брали... плоскостопие... я в Управление... через юр-фак... увидела меня в форме... в первый раз... через три дня умерла... перед смертью отдала... сейчас тебе от-дам... помоги снять... вот... держи... прадедовский... за то, что... ладно, это долго... держи... потом другому... пере-дашь...

Пальцы Кружилина ощутили угловатый кусочек ме-талла. Он повернул руку в сторону доносящихся от Тярлева отсветов, присмотрелся. На тоненькой цепоч-

ке висел крест. Не православный нательный — Георгиевский. Массивный серебряный крест. Боевая награда.

Он бережно надел цепочку на шею, опустил крест под тельняшку. И почувствовал, что металл еще хранит тепло майора.

— Спасибо.

— Знаешь... бабуля похвалит... если там... вдруг встретимся... как прадед... в бою... на том же месте...

Майор замолчал. Молчал долго, и Кружилин подумал, что дело идет к концу. Вдалеке звучали сирены. У ограды парка, в районе особнячка, происходило какое-то шевеление, доносились непонятные звуки, в темноте Кружилин не видел подробностей. Пора было уходить.

Проничев заговорил совсем уж тихо, пришлось нагнуться, чтобы расслышать:

— Портсигар... в нагрудном... возьми...

— Я ж не курю.

— Дурак... собаки...

Кружилин понял, переложил портсигар в свою куртку. Хорошо знакомый портсигар, из нержавеющей стали, с улыбающимся Гагариным в космическом шлеме. Сирены стали громче. На повороте от Павловска засветились фары нескольких машин.

— Мне пора. Прощай, Сергеич.

— Прощай... живи...

Он поднялся, пошел в глубь здешнего как бы леса. Отшагав с полсотни шагов, оглянулся. И замер. Что-то темное двигалось по луговине. Игра теней, фантомы ночного зрения?

Он всматривался и не мог понять, видит что-то или нет. Потом понял, что ему поможет. Фары едущих сюда машин, изгиб дороги... Если въезжать на березовую аллею, его не миновать, а куда еще могут катить гости с мигалками?

Первая машина, легковая, далеко оторвалась от остальных. Изгиб миновала быстро. Световой поток

слишком стремительно скользнул по лугу, но Кружилин все же успел разглядеть несколько силуэтов.

Не ошибся... Идут к Проничеву... Наискосок через луг, точно по их следу. Собака? Но почему так мешкают?

Вторая машина, автобус или грузовик, ехала медленнее. Луг осветился на больший срок, Кружилин успел разглядеть подробности. Собаки нет. Четверо людей и кайман. Обоняние у рептилий нулевое, погоня идет по цепочке кровавых пятнышек, подсвечивая их инфрофонарем. И хотя бы у одного есть ночная оптика. Кровь из раны майора не лилась струей, капала, потому и движутся так медленно, отыскивая новые пятна...

Решение пришло мгновенно. Если сейчас в парке начнется игра в догонялки и прятки, без ночной оптики ему конец. Зрячие будут охотиться на слепого, и финал такой охоты вполне предсказуем.

Надо рискнуть. Четыре человека. Четыре патрона в пистолете. Кайман не бросится, если стрелять с нескольких метров. Если это обычный кайман... А если нет, остается нож. И маленький шанс на то, что наука рептолога пригодится.

Он повернул назад. Не по своему следу, а так, чтобы подходившие оказались между ним и поселком. Тогда можно будет стрелять не наугад.

В Тярлево стало значительно светлее. Горели фары заполнивших аллею машин. Во многих домах вспыхнули окна, жильцов разбудили недавние выстрелы. Силуэты приближавшихся теперь были неплохо видны. Похоже, на помощь от вновь прибывших эти пятеро не рассчитывали. У них была своя охота.

Когда пятерка приблизилась, Проничев выстрелил. Люди дернулись, кайман остался спокоен. Они остановились. Ни залечь, ни стрелять ответно не пытались. Сообразили: выстрел глухой, не в них. Повернулись в ту сторону, где лежал майор. Наверное, старались понять, действительно ли перед ними самоубийца, или тут какой-то трюк, ловушка.

Они стояли спиной к Кружилину. Он поднимал пистолет, не дыша. Прекрасно понимал, как мизерны шансы. Десять метров, четыре человека, четыре пули. Не бывает... Из «макарова» и в темноте — не бывает. Достаточно не просто промахнуться, но всего лишь не убить одного из четверых наповал, ранить, — и ответный огонь поставит точку в затянувшейся игре.

Кружилин поднес левую руку к груди, ощутил кожей угловатый кусочек металла. Выручай, святой Георгий Каппадокийский, помоги тезке... Странная молитва, но других он не знал.

Он четырежды нажал на спуск. И четыре раза попал.

Люди попадали. Кайман стоял неподвижно. Потом шевельнулся, переступил с лапы на лапу, пошагал, непонятно куда и зачем. Вломился в подросток и вскоре исчез из виду. Живи, чешуйчатый...

Приборы ночного видения оказались у всех четверых, но пуля миновала лишь один — попала в основание черепа и вышла у левого уха. Лицо уцелело, прибор тоже. Кружилин натянул его... Ну вот, совсем другое дело. Он взглянул на человека, поделившегося «ночным глазом». Узнал Толика Спицына. Хотел плюнуть ему в лицо, но слюны во рту не было.

Проничев не дышал, когда Кружилин подошел к нему.

Он остался совсем один. И даже представить не мог, как долго ему придется быть одному...

Первого каймана Егор Кружилин убил три дня спустя. Убил, как учил рептолог, и отделался поцарапанными пальцами левой руки... Убил после того, как с огромным трудом дозвонился до генерала Кромова, курировавшего собственную безопасность Управления. Про Кромова говорили, что правильный. Кружилин все ему без утайки рассказал и договорился о встрече.

Но вместо встречи угодил не просто под облаву — под натуральную войсковую операцию, участники которой имели приказ живым не брать.

Он вырвался чудом, уложив первого своего каймана. Тогда он еще не знал, что этот — лишь первый, что будут и другие... Он тогда еще питал иллюзии. Он верил, что остались высшие уровни власти, не опутанные щупальцами «Русского дома». И если очень постараться, до тех уровней можно допрыгнуть. Или хотя бы докричаться.

Через месяц иллюзий не осталось.

Что такое «Русский дом», он понял значительно позже. Но было поздно — он жил в нем. Все жили в нем. Конец света произошел просто и буднично. Без ангелов с трубами и всадников, сеющих смерть. Демократично произошел, можно сказать. Был утверждён думским голосованием...

Жить в новом мире Егор Кружилин не хотел. Умирать тоже не торопился.

Тогда он взял псевдоним Крестоносец. И начал крестовый поход. В одиночку.

Одна беда — Крестоносец не имел понятия, в какой стороне Иерусалим.

Но если долго шагать по пустыне...

Если очень долго — со стертymi в кровь ногами, с песком на зубах, с сожженной солнцем кожей — шагать по пустыне, то рано или поздно за гребнем очередного холма откроется вид на Великий Город.

Он на это надеялся.

ЭПИЛОГ

Ночью похолодало, под утро выпал первый снег. Непрочный, октябрьский, обреченный растаять через день-два, а то и сегодня.

— Красиво... — сказала Юля. — Как в первый день творения... Все чистое и непорочное.

— Угу, — откликнулся Егор. — И кайманов на улицах не будет.

— Ты не романтик.

— Есть грех.

— Как и все анчоусы...

Он молча стал одеваться. Не глядя на нее, не говоря ни слова. Она стояла у окна голышом, тоже молчала. Казалось, в комнате между ними появилась стена — невидимая, прозрачная, как стекло, и прочная, как броня.

Егор вышел в прихожую. Она наблюдала сквозь оставшуюся открытой дверь. И сквозь прозрачную стену.

Достал куртку... Сейчас уйдет... Как один раз уже ушел. Теперь — навсегда. Теперь уж точно навсегда.

Она метнулась вперед. Стеклопанельная стена разлетелась на куски, больно поранив. Она не обратила внимания.

Она говорила, и каждое слово давалось с трудом, словно она забыла все слова или все слова куда-то исчезли из мира, и приходилось на ходу придумывать новые, чтобы выразить мысль.

— Прости... меня... Я... никогда... так... тебя... не назову...

— Глупая, — сказал Егор. — У меня сигареты закончились, а в соседнем доме консьерж приторговывает баночными. Через десять минут приду.

Он нагнулся, осторожно поднял ее с колен, притянул к себе.

А она ничего, беззвучно сказал через несколько секунд Крестonosец.

Заткнись, лоботомирую, пригрозил Егор.

— Собирайся неторопливо, — сказал он вслух. — В одиннадцать сорок пять наша консьержка ходит пить чай в дворницкую, хоть часы по ней проверяй. Тогда и выйдешь. Ну все, я пошел...

Он ушел. Она осталась одна. Прошла в ванную, привела себя в порядок. Затем неторопливо оделась. Хотела включить кофеварку, но решила дождаться Егора.

Прошло десять минут. Или больше. Он не возвращался.

Она не догадалась засечь время ухода и обманывала себя, греша на сбой внутренних часов.

Еще через десять минут самообман потерял всякий смысл.

Мысль, что ее снова бросили, она не пускала в голову. Он просто задержался, мало ли может случиться причин для задержки, встретил знакомого, разговорился, или консьерж там тоже ходит пить чай, но не по часам, а когда вздумает, или...

Грохнул выстрел. Снаружи. Приглушенный стеклопакетом, но близкий.

Она метнулась к окну. И тут же прозвучали новые выстрелы, быстро следовавшие один за другим, три или четыре, она не смогла сосчитать.

Окно выходило на двор, небольшой, П-образный. Никого, лишь припорошенные снегом машины. Никто больше не стрелял.

Она поспешила в спальню, там окно выходило на улицу. На ходу твердила, как спасительное заклинание: здесь плохой район, он сам говорил, здесь плохой, плохой, плохой...

Рядом с домом никого, вдали катят по Типанова машины, пешеходов почти нет.

Она села, скорее рухнула на кровать, не зная, что можно и нужно сделать. Тотчас вскочила, опять оказалась на кухне. Двор был прежним, белым и пустым.

Ничего не происходило. Она не могла здесь оставаться. Надо выйти, узнать, что случилось. Она выбежала из квартиры, как была, без верхней одежды. Подскочила к лифтам. Правый, пассажирский, поднимался. На индикаторе мелькали зеленые цифры: пятый этаж, шестой...

Она была на двенадцатом.

Сюда? Егор? Или...

Седьмой, восьмой...

Или дверь откроется, и она увидит чужого? И направленный на себя ствол?

Девятый, десятый, одиннадцатый...

Может, проедет выше?

Двенадцатый...

Лифт остановился.

Она не отрываясь смотрела на двери лифтной шахты. Секунды, минуты, века... После невыносимо долгой паузы двери начали разъезжаться. Тягуче расходились, микрон за микроном.

Юлия Леонардовна Закревская, журналистка, радиоведущая и писательница, обладательница и номинантка многих литературных и массмедийных премий, стояла, упершись взглядом в двери лифта и подозревала, что они будут открываться всю жизнь.

Всю оставшуюся ей жизнь.

ЧЕРВИВАЯ ГРУША

1

 работаю в «Reag». Это не просто ведущий производитель интракорпоральных устройств, с каждым проданным устройством он делает и потребителей, и своих сотрудников еще свободнее и счастливее. Я — свободен и счастлив!

Если тебе вдруг показалось, что это не так, то, вообразив яркое небо над головой и девушек с попами как крантики, начинай пританцовывать в ритме «сальсы». Два шага вперед, два назад, энергично работай локтями и потряхивай плечами.

Если ты должен сидеть на стуле, то наклоняйся направо и налево. Живее-живее, пытайся достать пальцами пола, дыши глубже.

Если тебя могут обвинить в повышении расходов на кондиционирование воздуха, то просто вспоминай что-нибудь смешное, как ты, например, выловил на рыбалке дамские трусики.

Если видеочамера, имплантированная тебе в бровь, или интракорпоральный датчик, встроенный в твой палец, замечает у тебя падение темпа работы, то спасайся в сортире — только не забудь послать запрос об удовлетворении малой нужды на сервер учета рабочего времени (СУЧ).

Если емкостный сенсор унитаза фиксирует, сколько ты на самом деле испустил мочи и СУЧ может заподозрить преступную симуляцию малой нужды, то тебе остается последнее.

И это не общение с сотрудниками твоего отдела — их собрали с разных стран мира, они говорят и думают (если это случается) на «деловом английском», из мест-

ных здесь только «сертифицированные европейцы». О да, они любят пообщаться во время «кафи-тайм». Но ты, скорее всего, уже не захочешь обсуждать с ними методы похудения при помощи генно-модифицированной дезинтерийной палочки. Или яркий индивидуальный стиль собеседника: «посмотрите на мои аккуратные рожки — это не импланты, а генная терапия по цене нового мерса». Или то, как спореть на работе ради интересов акционеров. Среди них сам основатель корпорации неживой-немертвый Килл Дейтс, лежащий в анабиозе, однако оставивший нам электронную копию своего мозга — он даже с того света умеет толкать речи насчет «обретения свободы через гаджет Pearg» (правда, все фразы похожи одна на другую, как яички с птицефабрики).

Кстати, мы тут занимаемся «атмосферной рекламой». Например, пузырями, сверхживучими благодаря сверхмогучим поверхностно-активным веществам, которые по утрам влетают в окна потребителей, продающих зенки, неся на своих боках благие известия о скидках на последние интракорпоралы. А еще аэрозольными облаками из нанодисплеев, что по ночам показывают неспящим клиентам жгучую эротику — облачные девушки и воздушные геи попутно сообщают, что радости жизни недостижимы без нейроинтерфейсов нашей фирмы, которые «подарят вам незабываемые сексуальные впечатления даже по дороге на работу».

Мы заняты своим делом всерьез и надолго — сверхурочные не оплачиваются, но поощряются карьерным ростом. Собственно, у нас и не отдел, но, согласно принципу «прибыльности страха», придуманному Киллом Дейтсом (точнее, его электронной копией), отдельная «фирма», обязанная конкурировать с другим таким же отделом, находящимся в Мьянме. В случае проигрыша в конкурентной борьбе — смерть через банкротство и массовое увольнение.

Потому-то руки сотрудников бешено мелькают в воздухе. Создается обманчивое впечатление сумасшедшего дома, однако таков труд в эпоху виртуальных Windows. В последней версии операционной системы «окна» напоминают могильные плиты из гранита. Контактные линзопроекторы, плавающие на наших зрачках, ответственные за столь тяжеловесный дизайн, но именно так имитируется ощущение могущества — типа «ворочаю горы».

Между прочим, согласно концепции «обнуления кадров», созданной верной соратницей Килла Дейтса, его то ли супругой, то ли вдовой Марой Цукершмельц (до перемены пола именовавшейся Марком), никаких наемных работников в «фирме» и нет. Официально мы сами являемся свободными покупателями пузырей и прочих трюков атмосферной рекламы, а наш доход — это разница между их стоимостью и размером увеличения продаж гаджетов «Реаг». Хитро? Именно так было и задумано. Иной месяц этой разницы нет и надо становится в очередь за тарелкой благотворительного супа, сваренного международной НПО «Суппи райот» из нанотехнологично переработанных фекалий...

Так о чем я? (Работа в рекламе сделала меня болтливым.) Если никак увильнуть от дела не удастся, то остается пойти в испытательный сектор.

Это значит, что тебя задержат минимум на час. Однако ты уже не будешь встречать криками радости засранца, который поймал с бодуна пузырь, обещающий самую большую скидку, и теперь пришел вставить себе в задницу орган (в данном случае интракорпоральный музыкальный инструмент). И не будешь обзванивать тысячу человек, чтобы спросить, довольны ли они мозговым онанизмом, пардон, сексуальными впечатлениями, подаренным нашим нейроинтерфейсом, пока они сидели в сортире. Их блудливые хихиканья, где-то с пятысотого клиента, начинают просто разрывать черепной

коробок — ведь динамики смонтированы прямо на твоих височных костях.

Я, как экс-программист, бывший обладатель статуса «творец», всегда мог наведаться в отдел перспективных технологий нашей корпорации, как известно, ведущей по разработке устройств, имплантируемых прямо в тело, и контролирующей почти весь соответствующий сегмент рынка. (Оп, и сбился на рекламу, что поделаешь, условный рефлекс.) Вообще-то я не злоупотребляю, но сегодня других вариантов не имелось: готов был уже сигануть в окно. Ну да, выброситься с 100-го этажа невозможно, все запаковано, но расколоть башку о металлостекло — вполне. Оно крепкое, в прошлом году уволенный сотрудник стрелял с той стороны из автомата калибра 7,67 — не пробил. Зато удачно застрелился сам. Ах, как нас потом таскали по высокооплачиваемым психологам, похожим на вышколенных сторожевых псов; они всматривались в наши бздливые глаза, внюхивались в наш трусливый пот — не сторонники ли мы проклятого равенства, не готовим ли преступление против святого рыночного принципа, согласно которому побеждает и разрывает добычу самый сильный.

Был, если честно, еще один фактор: менеджер эксперимента. Когда М. Вилнер наклонялась, чтобы прикрепить датчики к моему лбу, около моего глаза оказалась рыжая прядь ее волос, около носа — ее молочная шейка, возле рта — ароматная ложбинка меж известных холмиков в расстегнутой до второй пуговички кофты. А порой и ее хрупкая коленка касалась моей ноги. Меня не то, чтобы одолевали блудные помыслы, но было приятно. Хотя, прямо скажем, М. Вилнер никакого повода не давала. Лицо ее было словно высеченным из камня (мрамора), глаза — стальными, и на мои попытки пошутить она реагировала лишь как на досадный «белый шум». Общение между нами она консервировала в пределах стандартных фраз, и только на заморском языке.

М. Вилнер приехала «оттуда», хотя я знал, что ее папаня, физик со степенями, выходец «отсюда».

В отделе перспективных технологий, если точнее, в испытательном секторе, мне сперва сделали инъекцию обезболивающего — в район решетчатой кости, потом туда же ввели дозу нанодиффузионного средства. Через какое-то время оно должно было ассемблироваться в интракорпоральный гаджет.

На сей раз меня по-быстрому отпустили из испытательного сектора, заставив прочитать не более десяти буклетов рекламных материалов — еще и рабочий день не закончился.

Поскольку на СУЧ было введено время окончания эксперимента — 19.00, я решил для приличия поболтать еще полчаса внутри, а в полседьмого сколоть. Настроение улучшилось и я даже понадеялся, что гаджет не заработает. Единственное, что мне досаждало в коридорах Reag-Building, похожих на кишечник барана, — это абстрактное искусство, то бишь висящие повсюду картины Соломона Мешигенера, которые стоят кучу денег и сделаны с помощью то ли плевания краской на холст, то ли чем-то похуже. Впрочем, через двадцать минут я уже скучал по таким незначительным проблемам, потому что новый интракорпорал ассемблировался и включился. Послышалось роковое: «Загружен интерфейс доступа к органам чувств. Боди-коннектор устанавливает соединение с сервером экспериментальной рекламы (СЭР). Произведен удаленный вызов функций СЭРа». И тут же я осознал, что не выдержу и часа, а ведь мне обещали демонтировать интракорпоральное устройство лишь в понедельник утром.

Вы еще не знаете, что такое реклама, которая, раздвигая полушария, втекает прямо в ваши мозги. Которую невозможно остановить, от которой нельзя смыться. Но именно так работал экспериментальный интракорпорал, не нуждающийся даже в линзопроекторах — пря-

мое подключение к оптическим нервам, максимальный КПД.

От всего, что было в нашем здании, разлетались розовые бабочки, пузыри с румяными щечками, разбежались лисята и микки-мауз-подобные мышата, и, конечно же, расползались веселые червячки. (Они есть и на логотипе Reag: надо ж показать, что груша — вкусная, а не такая «пластиковая», как в дискаунтном супермаркете.) Все щебетало, смеялось, завлекало и настаивало на своем, как если б взять блошинный рынок из купчинского гетто для обнищавших экс-менеджеров и усилить во сто крат. Причем гадкий гаджет обрушивал на меня двойной удар — как на покупателя и как на сотрудника корпорации.

Отовсюду верещало и внушало, но зажимать уши было бесполезно — голоса возникали прямо в голове — там, где находятся интракорпоральные динамики.

Усовершенствуй мир, купи новый гаджет Reag. Все вместе: «Мы любим мир, в котором есть Reag».

Reag первый в мире, старайся быть первым в «Пире». Reag — это лучший мир.

Мужественный голос мачо: для сотрудника «Пира» — все женщины мира. И сразу же толерантно-писклявый дуэт: гей из «Пира» — самая желанная задница мира...

Через полчаса у меня мозги звенели, как бутылки на пункте приема стеклотары, еще немного и расколются; меня качало, словно я стоял на палубе парусника, болтающегося в зыбях Бискайского залива. Чтоб охрана не подумала, что я на игле, решил выбираться вместе с основным стадом коллег, несущимся из сотен прозрачных боксов многоуровневого хлева. Все они были, как и я, в куртках «от Reag» с броской стереоскопической рекламой интракорпоралов, конкретно, как в анатомическом атласе, показывающей, куда можно встроить гаджет. Вплетенное в эту одежду устройство позиционирования, между прочим, докладывает

полную правду на сервер учета внеофисной полезности сотрудников (СУЧ-2): сколько куртка находилась за пределами домашнего шкафа и выполняла рекламные функции.

Однако и в стаде выбраться из Pear-Building не так-то просто.

Сперва идентификация: лазерные лучики прыскают на радужку твоего глаза (заодно дыхни в трубочку, дабы было ясно, что он — твой, а не от мертвого осла). Затем бесстыжий куб терагерцевого излучателя не только раздевает тебя, но и прощупывает твоё тело до клеточного уровня, рамка электромагнитного сканера размером с дверной косяк — до молекулярного.

Не выносишь ли ты из здания какие-либо устройства, являющиеся собственностью корпорации? Не тащишь ли ты внутри себя информацию, составляющую технологическую или коммерческую тайну корпорации? Ну-ка, что у тебя там в жировой прослойке спрятано? Не превращены ли липосомы в ячейки памяти — мемуиты — в которых записаны все сведения о новых разработках корпорации?

Затем мистер робохраниник мановениями многопальцевых манипуляторов проверяет, чем набиты у тебя карманы. Вдруг ты похищаешь дизайнерскую туалетную бумагу «Делай со мной», преступно увеличивая расходы фирмы на содержание персонала. Это щекотно, но не веселит.

В конце еще имеется пост с двумя, так сказать, живыми охранниками — впрочем, вы вряд ли найдете у них какое-то отличие от биороботов. Они и моргают редко. Эти «иносранцы», от которых не отделаешься шуточкой; за хорошую зарплату они изучают выражение твоего лица, твою походку — не обманул ли ты ведущего производителя интракорпоральных устройств, не злоупотребил ли своим положением. И вообще тщательно показывают, что ты — микроб, в отличие от них.

— Попрошу остановиться, господин... — его сканер быстро считал мой интракорпоральный бэджик, — Царегородский.

Секьюрити смотрел на меня оловянными глазами из-под узкого лба — это был взгляд свободной личности, исполненной внутреннего достоинства и осознания собственной миссии. Это не просто «я только делаю свою работу», скорее уж: «я загрызу тебя, едва заподозрю, что ты вредишь нашей всемирно известной корпорации, где мне дали должность такого крутого парня». Заметно было, что я ему не понравился; неловкая улыбка или быстрое моргание могут только усугубить мое положение.

— Вы шатались при ходьбе, — наконец приговорил он, пробуривая во мне взглядом дырку. — Ввиду подозрения в употреблении вами наркотических веществ я вынужден вас протестировать: пройдите по виртуальной белой линии к электронному носу, который проанализирует ваши запахи.

Я должен испугаться, почти что обкакаться. Как бы не так! Жри, гад:

— Сами идите к носу. Или к экрану терагерцевого сканера, где все тетки голые. Сегодня мне вживили испытательное устройство, и вы получили об этом информацию с СУЧ. Некоторый сенсорный хаос, видимо, привел к проблемам с моим вестибулярным аппаратом, это и ежу понятно.

— Согласно данным СУЧ вы должны были находиться в испытательном секторе до 19.00, — отбарабанил охранник.

— Но эксперимент закончился раньше и я не мог, имея хаотизированную сенсорную сферу, возвращаться на свое рабочее место.

— На СУЧ нет никаких упоминаний о том, что эксперимент, возможно, закончится досрочно и что вы не сможете продолжить работу.

Вообще с охраной заедаться нельзя. За препирательство с секьюрити фирма выгоняет с работы в два счета и без выходного пособия. Но эта скотина смотрела на меня, как на негра с плантации. И я не мог обуздать свои чувства.

— Слушай, я отдал этой фирме пятнадцать лет жизни, перерабатывая почти каждый день и не тебе читать мне нотации.

«Оловянный глаз» немного удивился моему сопротивлению.

— Сейчас идите, но я составляю на вас рапорт, господин Царегородский, — сказал он чуть более тихим голосом.

— Да подотрись ты им, сэкономишь для любимой фирмы на туалетной бумаге.

Когда я, сделав несколько шагов, обернулся, то чуть не упал. Не потому, что поскользнулся.

Распахнулась форменная куртка на животе охранника, там мгновенно расцвел цветок с мясистыми листьями, да еще из него заскользил червеобразный отросток в сторону какой-то сотрудницы, проходящей контроль. Вокруг секьюрити, демонстрирующего такую скорость биологических процессов, все будто застыло и для красоты немного заискрилось. Сотрудница не реагировала и почти не шевелилась, пока блудный червяк ощупывал ее лицо, елозил по тому, что ниже, и вползал ей под юбку. Вот так номер. Только лицо ее посерело...

А потом наваждение развеялось. Охранник как охранник, никаких отростков не видно. За мною через контроль, тупо жуя резинку и выдувая из нее пузыри с рекламой Реаг, прошла очередная карьеристка средних лет. Никто ничего особого не видел. Кроме меня. А я что — идеал разве? С кем не бывает — померещилось с недосыпу. Если честно, до полуночи катался виртуальным коlobком, к тому же в игре «Рашн боллхед»

явно не хватало викселей — это ж дешевый контрафакт с блошиного рынка. «И от тебя, тираннозавр зло...учий, уйду».

Я повернул голову к желанным наружным дверям — и тут сюрприз. Секьюрити уже стоял передо мной. И он хорошо подготовился к новой встрече.

Его кожные покровы стали, по большей части, прозрачными. Красный цветок рта опускался стеблем пищеварительного тракта вниз, неморгающие глаза пускали корни в гиацинтовое пятно, находящееся на месте мозга. А там, где на животе разошлась его рубаша и запахнулась куртка, что-то активно шевелилось и даже чмокало.

Кажется, я так рванул, что он отлетел в сторону, как пушинка. У меня ускорение такое было, что я нашел себя уже в кабине моего автостаричка на скайвее. Здание фирмы, хоть и напоминало, соответственно названию, грушу, но теперь не исполинскую, а просто большую — километр от Pear-Building я просвистел.

2

По дороге, конечно, думал-гадал на тему этого ужастика, но ни к какому выводу не пришел. Померещилось — это солидная версия. И «колобок» мог повлиять, и употребление в пищу энерджайзеров; из-за них нервные цепи, идущие от органов чувств, иногда берут передышку, а мозг, расправив крылышки, устремляется в полет фантазии. Версия вторая — тот интракорпоральный гаджет, который мне впрыснули в испытательном секторе, так подействовал. Но в такой версии самым важным является то, что этого не может быть.

Льющиеся из интракорпорала виртуальные образы должны прославлять продукцию «Pear», которая «делает мир свободнее, счастливее, демократичнее» и так

далее по списку. А тут такой мрак. И вообще ниже пятого этажа в Pear-Building новый интракорпорал, по счастью, уже отдыхал — из-за отсутствия совместимых (а заодно проклятых назойливых) транспондеров, передающих через мой боди-коннектор экспериментальную рекламу от СЭРа...

Вот я и дома. Будь я слепым и глухим, то все равно б узнал свой sweet home. На лестнице меня окутывает густая смесь запахов. Солируют тухлые яйца, что входят в кухню какой-то южной народности, сбежавшей в квартиру номер пять от ужасов сокращения расходов на рабсилу у себя на родине. Мощным хором вступает резина, из которой умельцы лепят «подруг га-старбайтера» в квартире номер семь. А домовладелец запечатал пластиком все окна, чтобы сэкономить на отоплении.

Когда я собрался вставлять карточку ключа в прорезь дверного замка, то уловил — внутри кто-то есть. Последующая мысль превратила мои ноги в кисель, я едва не плюхнулся на пол. А что, если этот червивый секьюрити уже там внутри? Вовремя вспомнил, что моя экс-фрау должна была подвезти детей. Вон даже голоса слышны. Впереди выходной, меня впервые за долгое время не подписали на «сверхнедельные» в счет отпуска, который я не могу уже взять пару лет.

Детишкам до двенадцати вживление интракорпоральных устройств в прошлом году законодательно запрещено (этот запрет соблюдается, правда, только в «белых зонах»), так что Джонатан и Максимилиан были обвешаны гаджетами снаружи — как рождественская елка игрушками. Очки — проекторы «дополненной реальности», сенсорные куртки и дигитальные полуперчатки, транслирующие игрока в виртуал, сенсорные наклейки на ногти — устройство ввода-вывода, без которых не загрузишь игру. Самыми мальчишескими были, пожалуй, их ботинки на минироликах с нако-

питателями движения. Натик сейчас активно раскатывал по квартире, помахивая виртуальным мечом и снося головы оркам, пока еще виртуальным, а Максик пристроился к холодильнику.

— Макс, я же тебе говорил, что адреналиновые пастилки — это только для взрослых, и на упаковке тоже имеется предупреждающий знак.

— Во-первых, надо было что-то приготовить к их приезду, а во-вторых — поздороваться.

Бывшая женушка повернулась вместе с креслом. Когда она привозила детей и ей приходилось задерживаться на десять-двадцать минут, то использовала лишь то сиденье, которое когда-то купила — словно все остальное было заражено паршой. Вообще, она хорошо смотрелась на этом месте — типа «смотри, что ты потерял по собственной дурости». Круглые и гладкие (за счет невидимых колготок) коленки; все было глянцево также выше и ниже их — насколько проникал взгляд, а он проникал достаточно. Блузка, похожая на облегающий туман. Подпертые нанотрубчатыми пружинами титьки — я представляю в какую сумму ей обошелся секс-каркас. И эти инвестиции надо очень быстро окупать, ибо наша рыночная религия сулит смерть и ад тому, кто не заботится о прибыльности проекта.

— Прости. Сегодня совсем дикий день, под конец еще полаялся с секьюрити.

Виноват, ошибочку допустил. Моя бывшая совсем не тот человек, у которого надо искать сочувствия.

— Тебе уже понизили статус, съехал из «творцов» в «знатоки». И, похоже, сейчас все делаешь, чтобы тебя поперли из фирмы. Ты что, не въезжаешь, что никогда не найдешь ничего похожего на работу в «Пире»? Хоть бы в газетку заглянул, новостями поинтересовался, сегодня конкурируют не корпорации, они как-нибудь договоятся, а работяги — за рабочие места.

— Как говорят в Одессе, не учите меня жить, лучше помогите материально. Этой новости уже сто лет. Насчет устройства пищевой пирамиды я в курсе: рабочие места, что получше, уходят к робоклеркам и искусственным интеллектам, что похуже — к неграм, в Африку; места, на которых можно просто наслаждаться жизнью, — остались в Калифорнии. Но у меня есть квалификация.

— Какая квалификация? Великого «покупателя пузырей»? — Оксана скривила губки, что у нее всегда получалось отлично. — У «гениев» (это она про высший статус сотрудников в нашей фирме) — действительно квалификация вместе с мозгами. А такие «квалифицированные», как ты, получив под зад ногой, выращивают в себе печень и почки на продажу, чтобы как-то прокормиться. Вырастил пару-тройку раз и готов — в разделочный цех. Заодно подарил накопленную тобой пенсию банкиру. А у тебя, между прочим, дети.

Что касается критики в мой адрес, то Оксана практически неутомима. Лучше срочно признать вину и в полной мере осознать ошибки.

— Да-да, все правильно. Очень-очень верно. К тому же прозорливо. Тело продавать — себя не уважать. Это ко всем относится.

— Я посмотрю, какие пузыри ты будешь надувать через полгода. Ладно, я поехала. Заеду за мальчиками в понедельник после обеда — перед тем как отправиться на работу, запри их получше. И не надо каждые пять минут слать мне муму-мессиджи: покажи да расскажи, как приготовить яичницу и чем вытирать детям нос.

— Улетаешь в Дубай с Гольденбергом?

«Дубай» этот, конечно, не настоящий, просто куча песка под искусственным солнцем и куполом из алмазоподобной пленки, но туда тоже лететь надо — на вертолете ухажера.

Оксана машинально поправила юбку, как будто что-то такое вспомнила.

— В Мумбай и не с Гольденбергом. И вообще это тебя не очень касается.

— Касается. Ты же ищешь папу моим детям. Имею право знать. Кстати, Гольденберг — это еще куда ни шло.

— Откуда ты вывалился? Сейчас-то найти постоянного партнера уже проблема, а ты — «папа». Но не сомневайся, с этим у меня все в порядке.

— Да я не сомневаюсь, что у тебя качественные перманентные партнеры противоположного пола, рост не ниже ста восьмидесяти, если учесть кепку, генномодифицированная шерсть на груди, динамичный пирсинг пониже пупа, управляемая джойстиком пиписка...

— Уж пока качественнее тебя, хам.

— Да и ты куда качественнее, чем эти квазиживые так сказать девушки *surgeal dolls* китайского производства, на использование которых перешли многие менеджеры среднего звена.

Она еще минут пять распространялась, как я сломал ей карьеру в «Reag» и ей теперь приходится обслуживать придурочных клиентов в косметическом салоне, которые за полчаса хотят «сделать свои ягодички круглыми и упругими». А нанотрубчатые импланты индонезийского производства иногда превращают владельца этих самых ягодичек в гиппопотама.

Какой нечистый дух связал нас когда-то узами брака? Наверное, тот, что производит рекламу. А она гласит, что работать в «Reag» — «это сексуально». Начальство поощряет не только рвение на работе, но и веселье в оставшееся от нее время. Приветствуются и связи половые между сотрудниками, особенно на корпоративных вечеринках.

Отдайся «гению» (только на вечеринке, а не под рабочим столом), и гениальность снизойдет на тебя.

Скопулировал и привет, в следующий раз будет другой (другая). А вот долговременные отношения — это хуже; продолжительные вздыхания по любимому снижают рентабельность персонала. Когда это дело засекут, то одному суженому надо увольняться, да и оставшемуся наверняка понизят статус.

Я, пока мог, тянул Оксану — из уличной «подвижной рекламы» на сидячую работу в отделе косвенного маркетинга, готовил ее к сертификационным экзаменам, чтобы поднять ей статус от «чайника» до «эксперта». Между нами тогда ничего такого еще не было. Просто было жалко не отличавшуюся упитанностью дивчину родом из нищего галицийского села, пока она мочила на улице под дождем и расходовала ползарплаты на средства от насморка. И она в то время: «Пан, можна я приїду до вас і що-небудь приготую». Это уже потом, когда она собралась разводиться, пошли разговоры про ее діда-бандеровца, который «вішав вас, москалів, на високому суку і правильно робив».

Наконец за Оксаной захлопнулась дверь.

Однако парой минут спустя мне показалось, что она все еще торчит на лестничной площадке. Подошел, распахнул — никого. Значит, действительно показалось. Опасность в виде Оксаны миновала.

Я, выдохнув, достал из холодильника пиццу-самогрейку, ввел степень разогрева на съедобном тачпаде, находящемся у нее посерединке, через пару минут бросил ее на растерзание деткам. Затем вытащил из платяного шкафа свой старомодный лаптоп, который приятно подержать в руках — всегда получаю личную почту только на него и никогда не таскаю на работу, чтобы никакая бестия не лезла его досматривать.

Что-то многовато стало спама в последнее время — говорят, этим сейчас занимаются искусственные интеллекты; кто ж еще может замаскировать рекламу под письмо от мамы. «Ты плохо выглядишь, сынок, ты

отупел, у тебя бараний взгляд. Не забудь посетить салон оздоровительных услуг Мадам Вонг Инк., где тебе сделают инъекцию стволовых клеток прямо в твои засохшие мозги. Целую, мамочка». Закрываем крышку? Или вот — это не спам. От родной в каком-то смысле фирмы. Отдел Human Resources предлагает сотрудникам петербургского филиала «Peag» корпоративную вечеринку под названием «Зимнее волшебство». Отняв у меня за истекшую шестидневную рабочую неделю 60 часов, корпорация не хочет потерять меня и в воскресенье. Это так трогательно. Блин, скоро они захотят контролировать еще и время моего сна; вон сотрудники «Monsanto» дрыхнут с нейроинтерфейсами, которые используют простаивающие нейронные цепи для бухгалтерских расчетов.

А я и без того куколка на ниточках. Не только во время работы, но и в «свободное» время обязан использовать «лицензионные» гаджеты лишь из списка, «рекомендованного» HR-отделом нашей корпорации — у них такая привязка к фирменному контенту, что будешь платить и мучиться весь остаток своей жизни. Это раньше работник, отпахав на хозяина 60 часов, шел домой или в паб и отдыхал там в меру своих ограниченных способностей, играл на губной гармошке, пел, плясал. Но Мара Цукерцмельц, известная своей рыночной гениальностью, побеспокоилась и о твоём свободном времени: будешь проводить его, как и все сотрудники твоего отдела и еще сто миллионов сотрудников таких же отделов, в социальной сети «Гей-энд-хетеробук». Чтобы ты не завернул куда-то не туда, то PR-отделом спущен и длинный список нерекондованных сайтов «дикой сети» — в Нью-Йорке сидит несколько жирных задниц, эксперты Совета по Международным отношениям, они и решают, что можно и что нельзя. За посещение коммунистическо-

го или националистического сервака тебя оставят без работы и зарплаты — фирма опрашивает провайдеров, те и не смеют отбрехаться. Ты не веришь, что Америка победила всех злодеев, начиная от индейских вождей-антисемитов, и принесла каждому свободу вместе с кока-колой? Тогда ты сам злодей — враг свободы. Ты интересуешься, сколько малолетних рабов вкалывают на «Reag» в той самой Африке и какие испытания на людях фирма проводит в России? Тогда ты с гарантией нашел проблемы на свою задницу. Сперва тебя будут таскать по психологам, тестировать-аттестировать, макать электроды в твои злонамеренные мозги, потом все равно погонят с работы — с волчьим билетом по office job, записанным в глобальной базе квалифицированной рабочей силы. Спущено из отдела «социальных связей» и описание дресс-кода — никаких длинных галстуков, которые, по мнению феминисток, напоминают о таком члене, которого у них нет, ибо их член, выращенный генной терапией, на галстук совсем не похож.

На этой неделе у меня уже состоялась продолжительная беседа с корпоративным психологом, которая корректировала мое отношение к жизни. Мадам, по доброму скалясь акульей улыбкой — у нее точно было 64 зуба, посоветовала мне быть более агрессивным потребителем, не отказываясь от кредита под залог внутренних органов — приверженность сотрудника рыночной «свободе» оценивается по баллам, которые он накопил в глобальной базе активных покупателей. Психологиня намекнула, что иметь только аттестат «молодого яппи» в моем возрасте уже несолидно. Спросила несколько раз, почему тяну с дальнейшей сертификацией? Отчего не стремлюсь получить сертификат «европейского профессионала»? Да, у меня давно лежит в ящике стола длинный список вопросов для получения

сего сертификата. А там есть и такие вопросы: «Испытываете ли вы стыд за вашего деда, служившего в Красной Армии?» Если не испытываешь, то минус десять баллов...

Так, в «Гей-энд-хетеробук» я запустил вместо себя бота с умственными способностями не ниже, чем у среднего офисного работника. Может просматривать популярные видеоклипы, копипастить сообщения об очередной перемене пола и внешности Сеней Общак и высмеивать «быдло» (тех, что не попали в «сертифицированные европейцы»), потому что гордятся Девятым Мая и Гагариным и хотят делать на заводах ракеты, вместо того чтобы продавать интракорпоральные гаджеты или собственную печень). А на корпоратив мне, пожалуй, надо сгонять. Я зашатался, мой статус неустойчив, возможно, под меня копают, да вот еще стычка с охранником добавилась. Деятельным участием в вечеринке засвидетельствую свою «индивидуальность» (так называется копошение на корпоративной тусовке) и психолог добавит мне несколько баллов. Пригодятся, когда HR-менеджер будет готовить очередное «жертвоприношение» и оценивать список кандидатов на увольнение. Происходит корпоратив в «уютном отеле на лоне природы» — судя по номеру дистрикта, это бывшая Ленинградская область. Близнецам, по сути, все равно, где баловаться со своими гаджетами, а там хоть свежий воздух будет — этот дистрикт давно опустел. Предприятия упали еще при первом «гайдаровом» нашествии капитализма, а «новая экономика» в виде разного типа торговли телом и дешевого аутсорсинга там не прижилась — люди предпочли вымереть.

Фирма делает подарки только престарелым сотрудникам, согласившимся на эвтаназию вместо выхода на пенсию, однако цена у этой поездки не запредельная, а доехать можно за пару часов. Покручусь еще часок

среди «своих» и все, отбыл номер. Самое главное — там же снег есть, который здесь вытравливают химикатами. Намажем лыжи и вперед.

А, ладно, пошлю подтверждение...

3

Двинулись далеко не с утра — пришлось еще выдержать обстрел подушками, который устроили сынки, не желающие вставать, и длительные поиски двух носков и одного ботинка. Едва не напялил — в силу условного рыночного рефлекса — рекламную куртку «от Peag». Успел все же сообразить, что этак будет зябко в условиях русской зимы, да и неохота передавать все время данные о своем местоположении на СУЧ-2.

Рассекали сперва по скайвею «city highs», идущему на высоте триста метров мимо небоскребов питерской лагуны над ее волнами, лениво-голубыми и несколько соплевидными (благодаря поверхностно-активным веществам). Потом, съехав около памятника «мученикам рыночных реформ», где в стиле спагетти сплетены Чубайс, Кох, Гайдар и прочие «борцы за освобождение денег от тоталитарного гнета», по наноплантовой трассе «go west». Здесь плата за проезд уже снималась не автоматически, а каждые пять километров изволь вложить кредитку в ротик роботу-шлагбауму. Наноплант (тм), который был в свое время разрекламирован как саморастущий и самопрограммирующий материал, оказалось, страдает своими наноплантовыми болезнями, наносклерозом и нанопоносом. Лечит его все та же заморская фирма, которая его придумала на беду всему миру — а деньги на лечение ездокам отстегивать. Перед съездом на областную трассу неподалеку от Лайдонера (это бывший Ямбург-Кингисепп, переименованный в честь эстонского генерала, который бил красных при помощи белых

русских, а затем уморил и белых благодетелей) я благоразумно решил подзаправиться. Ребятишки побежали в сортир, а затем в кафешку за пищащими по последней моде снэксами.

Заправившись, я тоже зашел в кафе — типичная для заправок ВР франшиза Road Cowboy. Из местных видно было только пару дядек бандюковатой наружности, пару дам развратного вида, пяток типов в бейсболках и клетчатых рубашках — вероятно, прибалты и ляхи, перегоняющие натовские грузы на Дальний Восток.

Мои парни уже расположились за столом, снэксы распихали по карманам и теперь активно жевали свещающуюся тянучку, которая смеялась и лопотала, как живая, на кантонском диалекте китайского языка.

— Слушайте — это «гэ» нельзя брать в рот. От него моча становится синей, а кака — зеленой.

— Он нам запрещает, — Натик показал на меня пальцем. — Мам так и говорила, что он нам все будет запрещать, потому что он — коммуняка.

«Он»? Да, хорошо хоть не «оно».

— Ладно, пускай надувает щеки, — благодушно отозвался Максик. — Денек потерпим. Да и зеленая кака — круто. Порисуем. Сол Мешигенер на такой живописи миллионы заработал.

— Мешигенер себя как-нибудь отклонировал, а у вас из-за этой дряни собственных детей не будет.

— А оно нам надо? — стал философствовать Макс. — Я такого, как Нат, не хочу. Наглого и тупого.

— У Макса точно детей не будет, потому что ему нравятся мужчины, — хихикнул Натик в ответном слове.

У меня испарина поползла по спине.

— Уже? То есть, какие еще мужчины?

— Например, Брэд Питт из «Генерал Паттон: покори-тель Берлина».

Немного полегчало.

— Это все — бред. Никакой Паттон не покорял Берлин, русские его брали, ваш прадед Царегородский Василий в том числе.

— Что никого не интересует, забудь. Теперь Берлин будет брать Брэд Питт, который Паттон, — внушил Макс.

— Ты — отсталый, — контратаковал меня Нат. — Мама говорит, что ты — лузер.

— Почему это я лузер? У меня, между прочим, работа есть — в мультинационале, понимаешь.

— И сколько ты там работаешь?

— Пятнадцать лет.

— Скоро выгонят, потому что ты не растешь и на твое место претендуют молодые, — умудренно молвил Макс.

Черт, нынешние парни в десять лет знают все то же, что и потерянные дядьки.

— А что ты до того делал, как стал работать на «Реаг»? Тебе ведь уже за сорок, в носу волосы седые, которые, кстати, надо стричь машинкой, так по телеку говорят, — Нат посмотрел хитрым глазом.

— Ходил в детсад, тогда такие еще были, в школу, в армию, в институт, некоторых еще бесплатно учили, потом КОТ, то есть «кризис обрушения техносферы», это когда советское наследие совсем состарилось, я всякой всячиной занимался, а затем уже в «Реаг» попал.

— Всякой всячиной? — недоверчиво протянул Натик. — Ты о чем, папаша?

— Рэкет, — подсказал Макс. — Наверное, и модельными наркотиками приторговывал, от которых человек становится маньяком и про него в Голливуде фильм снимают.

— Значит, наш предок уже не додик какой-нибудь, этим можно и похвастаться, — одобрил Нат.

И тут мое внимание привлек тип, вышедший из подкатившего к заправке сферического «Доджболла». Не

вроде бизнесмена, а скорее артист из шоу. Выбеленное лицо, на котором словно наклеенная бородка, аккуратная и кучерявенькая, напоминающая кое-что расположенное у проституток пониже пупа, ярко-красные надутые коллагеном губы, штанцы в обтяжку. Кажется, это тот, который выступал за перенос памятников советским воинам из города на свалку.

Артист подошел к стойке, демонстративно заглянул в декольте одной из развратных дам и что-то там лизнул, вызвав у нее притворное смущение, шлепнул по заднице водилу-прибалта, спровоцировав здоровое ржание у товарищей пострадавшего.

Пялиться на этого чмура не стоило, чтобы не привлечь его внимание, так что я отвернулся.

— Он — прикольный, — протянул Макс.

— Не то что папа, — поддержал Нат.

Я не удержался и снова обернулся к «прикольному».

Тот угол кафешки, в котором находился шоумен, словно бы смялся, стал смутным и будто замедленным. Я видел, как артист наклоняется к очередной даме, его рот, вытянувшийся вперед, похож на сардельку, намазанную кетчупом. Однако важнее то, что его живот быстро набухает, там со скоростью звука расцветает мясистый цветок, оттуда еще вырастает побег, червивится; этот червь рывком входит в даму где-то под одеждой. Женщина не реагирует, словно влипла в паутину, а потом сразу меркнет, сереет...

Я вскочил, грохотнув стулом.

— Пошли отсюда.

— Но я еще не доел, — заныл Натик.

— Дожуешь эту гадость в машине.

— Я не хочу в твою пердючую старую машину. Меня там стошнит.

— Ей всего восемь лет. Ребятки, на выход, я потом вам все объясню, — понизив голос, я добавил: — Здесь опасный преступник.

— А где, покажи, — еще более оживились дети, — вот этот, что ли? С бородкой, как у тети на писе?

— Пальцем не тычьте, — рявкнул я. — И вообще, откуда вы знаете, что есть у тети на писе, безобразники вы такие?

— Чего обзываешься, нам все показывали на уроке по сексу, — пояснил Макс, а Нат стал уточнять:

— А этот преступник вроде Джека Потрошителя или круче?

— Ладно, двинулись, неизвестно, что этот клоун отпотрошит, лично мне яйца еще пригодятся, — Макс потянул брата за куртку.

Около выхода я оглянулся. Шоумэн перся в нашем направлении и из его живота тянулся цветок. Поскорей вытолкнув сынков на улицу, я закрыл за собой дверь и какое-то время подержал ручку.

Внимание парней, по счастью, отвлек поваливший снег, которого они, может, с рождения не видели — в Питере его ликвидируют еще на облаках, чтоб было «как в Майами», и вниз падает какая-то дрисня. Макс ловил снежинки на язык, а Натик даже начал лепить снежки. Поскорее затолкав их в машину, я двинулся с места, но все равно получил порцию снега за шиворот.

Когда выгреб, вспомнил артиста. И что, опять померещилось? На что спишем? Я мучительно напрягал мозг на эту тему, пока мы ехали по «Ingria road», приличной платной трассе.

Но потом мне стало не до этого: сдох прибор GPS, а заодно замолчало и устройство мобильной связи — эти интракорпоралы встроены мне в верхнюю челюсть. Где съезжать — первый, второй, третий съезд? Ладно рискнем.

Вскоре я оказался на присыпанных снежком выбоинах сельской дороги — вода, то замерзая, то оттаивая, разорвала асфальт в клочья, а чинить некому, в ближайшем сельсовете только призрак отца Гамлета в шап-

ке-ушанке. Надо возвращаться на трассу, а тут вдруг заглох мотор. Я попробовал вызвать ремонтную службу — мобильный по-прежнему молчал, хотя сетевой доступ имелся. После третьего звонка через височную кость в среднее ухо влетело подлое сообщение: «В нерабочее время активность номера ограничена». Блин, это что, работодатель мне пакостит? Он вообще-то может. Ходят упорные слухи, что перед тем как уволить, «Реаг» старательно издевается над обреченным — если успешно доведет до самоубийства, то не надо выплачивать выходное пособие. Ладно, об этом потом. Включаю шестое чувство и чую, что от места назначения недалеко — только насколько?

И тут появляется автобус, у которого к лобовому стеклу приклеена надпись «Курново». А я точно помню — отель возле населенного пункта с таким вот названием.

— Парни, хватъ сумки и побежали.

Мы сразу оказались то ли в «третьем», то ли в «четвертом мире», который, отдав все более-менее ценное «золотому миллиарду» и «белым зонам», теперь обязан был вымереть. Автобусу натикало не менее пятидесяти, а швыряло его так на выбоинах, что было удивительно, как еще не разъехались в разные стороны его ветхие колеса и морщинистые кресла. Внутри сидело несколько женщин лет за семьдесят, не знавших, что ботулиновый токсин увеличивает красоту, что ягодицам нужны коллагеновые каркасы, почем биомеханические вкладки в бюст. Натик сразу стал зажимать нос, а Максик не менее демонстративно жмурить глаза. Вокруг были те, кто не годился в «сертифицированные европейцы», да и их сыновья вряд ли годились, если еще не спились и не встретились с истребительными командами салафитов, которые уже прошлись по этим краям под видом «сборщиков вторсырья». Встреча одного с бутылкой против трех-четырех с ножами обычно заканчивалась новой могилой на сельском кладбище.

— Да тут неплохо в стрелялку поиграть, — оценил Натик, глядя на попутчиков и неказистые домики вдоль дороги. — Эй, Макс, помнишь, «Call of duty-10», там как раз действие происходило в русских деревнях — надо было красных партизан покрошить.

— Я на этот «кал» месяц убил. Партизаны совсем лузеры были, но потом набежали еще какие-то лешие со звездами на фуражками и шерстью на загривке, вот те резвые оказались.

Я не выдержал:

— Один из ваших прадедов был, между прочим, красным партизаном и не лузером — оккупантов нащелкал порядочно.

— Да ладно, что ты все заедаешься, как крейзанутый, — изрек философ Макс. — Такие теперь правила игры, против потока не попрешь, только жизнь себе испортишь и станешь, как эти бабки.

— Точно, наш предок любит писать против ветра, — подтвердил Нат.

— Бабушка, вы тут отеля, то есть... дома отдыха не видели? — спросил я ближайшую старушку, скорее, чтобы отвлечь ее внимание от паясничавших мальчишек.

— Какого-такого шмотеля? — недовольно отозвалась старушка.

— Был тут, Петровна, в советское еще время, — подключилась другая бабуля. — Но его лет двадцать как закрыли.

— Как закрыли?

— Полстраны закрыли, потому что она невыгодная, так чего тут удивляться. Да вот он, — крючковатый старческий палец показывал на несколько заснеженных построек рядом с леском.

— А вот и не закрыли, — вмешалась совсем крохотная бабулька, которую я сперва вовсе не заметил. — Я вчера ехала за хлебом, только с ранья, видела, что

туда от дороги какие-то фигуры шли, вроде как с хвостами.

— И что, выходим? — к нам обернулся старичок-водитель с лицом, как печеное яблоко.

— А вы когда обратно поедете?

— Завтра утречком. Если что, до Курново по дороге пять кэмэ, и пехом осилить можно, только лучше не в темное время. Всякое здесь бывает — на исламиста, то есть салафиста можно напороться. Едва завидишь мужчину с большой железной банкой — они туда вырезанные органы складывают — сразу беги.

«Фигуры с хвостами» и салафиты с сосудами Дьюара не очень вдохновляли, но я все-таки решился.

— Ладно, парни, выходим.

Мы покинули автобус и я сразу пожалел. Полкилометра до отеля, о котором никто ничего толком не знает. Если я что-то перепутал, еще полкилометра обратно — да по снежку; снегопад был недавно, и дорожку, похоже, никто не расчищал. Потом еще ползти в Курново. Может, конечно, какая-нибудь проходящая фура и подбросит. А может, и нет. Да там ночлег искать. Парней простужу, экс-жена убьет — затолкнув мне в рот индонезийский самораздувающийся имплант для ягодиц, лишит права с детишками видаться. Про встречу с салафитами лучше и не думать.

Даже Максику стало жалко моего грустного вида.

— Эй, чего остолбенел, сопли текут, а ты не смаливаешь. Да пошли и особо не переживай. Мы ж спортсмены, в смысле в спортивные-то игры тоже играем: оркский волейбол с отрубленной головой, например.

Ребятам вроде и понравилось по снежку бегать, только вот солнце отбрасывало все более длинные тени от сугробов. Минут за пятнадцать дотопали. Вблизи вид у двух корпусов был вполне, их явно модернизировали: окна из поляризованного стекла, сте-

ны покрыты микросхемным пластиком переменной цветности — сейчас оттенок у них бирюзовый, крыша из какого-то материала, напоминающего, пожалуй, фольгу. Странно правда, что нет расчищенного подъездного пути.

— Может, передохнем? — предложил Нат.

— Отдохнешь, а потом примороженные яйца от сугроба отскабливай, — критикнул, как обычно, Макс.

Любит он у меня сочные образы.

— Похоже, парни, мы просто не с того края подошли и вообще не по той дороге ехали, вход с другой стороны.

— От тебя никто другого и не ожидал, — подмигнул Натик.

Мы стали обходить здание — занятие довольно утомительное по глубокому снегу. Неожиданно перед нами оказалась дверь. Черный вход? Надо попробовать — это все же лучше, чем тащиться через сугробы.

Я дернул ручку. Уф, открылось. Наконец повезло.

Мы прошли через что-то напоминающее пищеблок. Никелированные поверхности, экраны и индикаторы, кок-манипуляторы, дотягивающиеся до каждой полки в холодильнике и до любой конфорки на плите, полная автоматизация. Вышли в пустой холл. Уютненько, тропические растения, гелиевая инсталляция — «река, текущая вверх» а-ля художник Эшер, роботички поют, вот и главный вход виден. И опять никого... Да чего удивительного, современные отели обходятся без ресепшн, а постояльцы где-нибудь расседоточились.

— А я, кстати, голоса слышал, — сказал Натик.

— Это у тебя тянучка в брюхе разговаривает, — не согласился Макс.

Ладно, сперва в апартаменты. Номер-то я знаю.

Лифт, похожий на вазу богемского стекла, поднял нас по прозрачной шахте на третий этаж. Мы

пошли по модно извилистому коридору с обоями «под пещеру».

Вот и дверь — материал (программируемый наноплант) придает ей вид каменной плиты; табличка «66» будто из позеленевшей бронзы. На экранчике замка появилась надпись «введите код, который был указан в приглашении и приложите любой палец к сканирующей поверхности». Память у меня работает когда хорошо, а когда и не очень — но тот код я запомнил, потому что он очень напоминал номер школы, в которой я учился. Ввел — сезам и открылся.

Этот номер был подготовлен к приезду гостей. Внутри, по счастью, никакого пещерного дизайна, еще нам наноплантовой паутины не хватало.

Одна большая кровать, две маленькие, установленные на одной хромированной опоре и заправленные.

Кондиционер фурьчил, поддерживая температуру и влажность, в плоском холодильничке — ледяные напитки, даже пол в ванной — теплый. Спрятанный где-то рум-компьютер приконнектился ко мне, когда я еще шарил по стене в поисках выключателя света и теперь накладывал виртуальные окна на место реальных. Сплошные пальмы плюс голубое море.

— Пальмы с морем — убрать к чертям, доложить о наличии других постояльцев, — скомандовал я рум-компьютеру, но тот был туп, как морская свинка. Для получения сведений о «других постояльцах» надо было иметь административный доступ.

— А если тут больше никого нет, мы что, будем ночевать одни в огромном заброшенном доме? — засомневался Натик.

— Уж призраки тут наверняка имеются, — охотно откликнулся Макс. — Привидения придут познакомиться, полтергейсты явятся — яйца покрутить.

Все стабильно, он в своем тинейджерском репертуаре, хотя ему и двенадцати нет.

— Скорее, придут медведи и спросят, кто спал на моей кровати и кто лопал из моей миски, — Нат вдруг вспомнил сказку, которую я ему рассказывал, когда ему было года три.

— Если даже в отеле никого нет, то переночуем здесь и свалим завтра поутру, — решительно изрек я. — Пакет еды я взял, на раз-полтора хватит. Кстати, в холле имеются автоматы по продаже всякой съестной всячины, но ее лучше не набирать, потому что это химические говны в разных пропорциях. Есть там и более-менее сносный кофе — это, правда, только для меня.

— Ой, кофем напугал, да мы энерджайзеры хлещем, так что дым из ушей прет, — Натик выдул иронический жвачный пузырь изо рта.

Легким надавлением на сенсорную серединку мы приказали потеплеть трем гамбургерам-самогреям. Потом Натик стал скакать с кровати на кровать, лупя виртуальной дубиной по виртуальным башкам неандертальцев, заставляя и меня инстинктивно спускать голову на этаж ниже, а Максик углубился в космическую стрелялку и все просил не заслонять звезды. На прогулку я их решил пока не гнать, успеют еще нагуляться.

А вот мне, похоже, надо прошвырнуться.

Я велел своим пацанам никому не открывать, пока не услышат мой голос за дверью: «ваша папа пришла, молочка принесла» — и выдвинулся в коридор. Спустился в холл, выпил там чашечку кофе. Подозрительным образом не сработали ни дебитная, ни кредитная карты, имплантированные в мой большой палец — версия о мести работодателя получила весомое подтверждение; хорошо, что автомат мелочь принял. Хватило и на бутылку дэнс-колы — дерьмецо, но ребятам нравится, потому что вначале в виде шариков пляшет в стакане, а уже потом с великим треском превращается в жидкость.

Что-то зашептало из-за бамбуковых зарослей, никак особа женского пола? Я раздвинул бамбук и меня ослепила световая вспышка. Рекламный чип-транспондер проанализировал кровь, текущую через сосуды сетчатки моего глаза и обнаружил в ней маркеры, которые свидетельствовали о длительном отсутствии интимных контактов с женщиной. В руки упала упаковка с «сюрреально-сексуальной куклой Долли Орал для взрослых», которая тут же заворковала: «Надуй меня и ты не пожалеешь».

Поскорее отшвырнул ее, чтобы не успела приклеиться и узнать номер моего счета, ну и рванул от греха подальше на этаж вверх. И опять в коридоре ни души. Панели освещения включались вместе с тем, как я подходил к очередной, а предыдущая гасла. Может быть, в имейле указана другая дата — и корпоратив только через неделю?

Однако я стал натекаться на явные указания того, что в отеле водится живность человеческого размера. По крайней мере, недавно водилась.

Один номер оказался с приоткрытой дверью, откуда доносилось пение попугаев, если так можно выразиться. Внутри работали телевизионные обои, показывая красоты южных островов, «манящие берега Манилы». Это тот «лучший мир», куда после выхода на заслуженный отдых попадает «сертифицированный европеец»; лишь там пенсионных накоплений хватит, чтобы дожить до естественного конца, используя дешевую местную службу. На полу лежал чемодан, на кровати вещи, если точнее штучки-дрючки для участия в костюмированном бале готического стиля. Вот квазиживая маска вервольфа — зло морщится нос и уши шевелятся, вот биомеханические челюсти вампира, скалятся так натурально, что у меня кожу на загривке начинает покалывать. На столе вибрирует, заряжаясь от розетки, весьма шаловливый фаллоиммитатор с тремя степенями сво-

боды и управляющим чипом, «gay edition» повышенной мощности, это уже для применения после «готики».

Еще в паре номеров работали то ли телевизоры, то ли плейеры — судя по звуку — но внутри никого не было, по крайней мере никто мне не открыл.

Я добрался до небольшого бара на втором этаже. Мигали индикаторы кофейного аппарата, играл ненавязчивый «амбиент», похожий на жужжание мух в сельском туалете. На половине столиков стояла неубранная и как будто недавно использованная посуда, на стаканах — оттиски на помаженных губ. Работала вентиляция, но в воздухе еще оставались следы табачного дыма, травки и синтетического нейроакселератора «никоти-плюс», — чтобы дрыгать ногами до утра.

За баром я вышел на многоуровневую парковку, которая занимала левое крыло корпуса — тут было полно авто.

До меня наконец дошло. Все ж наверняка на мероприятии. Никто не посмел увильнуть, никто не захотел показаться «врагом демократии». Значит, надо искать зал для сборищ. Наверняка там проводится благотворительный аукцион в пользу детей Конго, где малолетки за доллар в день добывают редкоземельные металлы, которые используются в миллиардах гаджетов «Пира», приносящих прибыли на сотни миллиардов. Соберут на аукционе сто долларов и полчаса будут корчить из себя благодетелей, еще и электронная копия Килла Дейтса придет с того света поздравительный имейл. А тем временем «Реаг» перечислит сто миллионов бандитской «группировке пастора Нкунды», чтобы контролировать конголезские копи и превращать этих самых детишек в рабов — в шею им вживляются интракорпоралы нашей фирмы с токсинным зарядом, чтобы не вздумали сколоть... Только через час-полтора корпоративное действие плавно перейдет в разгул и сатиры с нимфами, стуча копытами и фыркая от похоти, распределятся по

номерам и барам. Конференц-зала в этом корпусе явно нет, значит, надо перейти в следующий.

Кажется, на переход можно было попасть с третьего этажа.

Зайти сперва к своим, проведать? Или сразу топтать в другой корпус? Ладно, сразу в другой.

Переход оказался затемнен, лишь где-то в конце его мигала багровая панель. И сенсоры не реагировали на мое появление радостной иллюминацией. Впервые мне стало совсем неудобно. Где-то ж полно народу — выпивон, веселье, а мне почему-то жутко. И еще такое ощущение, что рядом кто-то есть, чувствуется то ли колебание воздуха, то ли какое-то натяжение пространства.

Вдруг по переходу пронесся крик. Елки, да это ж кто-то из моих верещит. Я рванулся назад, по переходу и коридору, а мое сердце пыталось выпрыгнуть и побежать впереди меня. Дверь с табличкой «66» — ввел трясущимися руками код, приложил палец... Давай же, гадина, быстрее. Я влетел в номер.

Какое-то существо, массивное, мутное, похожее на грушу, пыталось стащить Макса со шкафчика.

Мне повезло. Не оцепенел, напротив, меня словно подхватила и швырнула вперед волна — я даже заметил ее по искажению интерьера. Пространство на секунду утончилось, и я словно прорвал пленку. Или, может, оболочку. И существо полностью «прояснилось». Сквозь прозрачную кожу были видны куст кровеносных сосудов, веревки сухожилий, розовое пятно мозга, какая-то сеть, обвивающая смутные внутренние органы, она еще и шевелилась; на животе — непонятные пластины. Я швырнул в существо попавшийся под руку бачок для мусора. И промахнулся. Существо обернулось или просто «повернуло» личину ко мне. Ну и тварь.

Я догадался, сейчас оно попробует меня нейтрализовать. И обрушил ему бутылку на макушку. Бутылка раскололась, существо рухнуло, по его голове и спине запрыгали шарики дэнс-колы, но сквозь этот танец я заметил, как ко мне юркнул змеевидный отросток. Успел сплюснуть его ботинком — а потом бил-колотил тварь стулом... Пока она не перестала хрипеть и шипеть. Вроде готова, но сеть внутри ее продолжает расплзаться, нити будто тянутся из какой-то точки, находящейся за пределами этой чудовищной туши.

Я подошел к Максусу. Выдохнул, постарался придать своему голосу спокойствие — получилось плохо.

— Ладно уж, слезай.

— А где оно?

И тут я понял, что знаю монстра — если убрать прозрачность, это менеджер из HR-отдела, который вызывал меня на собеседование по поводу падения моей прибыльности, допытывался почему я не стремлюсь к продолжению карьеры, даже спрашивал, когда я в последний раз покупал что-то крупное в «Икее», увольнением пугал. Тогда я узнал, что у него есть «муженек», вот и «маленького» усыновили, и вообще они «социально ответственные», в отличие от меня.

Елки, такую важную персону грохнул. Мне ж теперь до скончания века в тюрьме гнить — суд, конечно же, решит, что господин такой-то просто зашел пообщаться с детишками, которых очень любит, а голым был, потому что у него свобода выбора в ношении и ненаодевании. Я резко обернулся, чтобы пару раз пнуть проклятый трупак. Но важной персоны на полу не было. Только значок остался: I love lovers in New York и какая-то слизь.

И тут до меня дошло...

— А где Натик? — заорал я.

Еще секунду, и сердце бы у меня разорвалось, но тут я заметил, что холодильник трясется, да еще испускает какие-то звуки. Рванулся, открыл. Нат был там.

Я поспешно вытащил его наружу, обрушив полочку с йогуртами.

— А где этот урод? — спросил он, пытаясь побороть дрожь.

— Папка его — того. Типа уделал. Покачественнее, чем в Call of Duty, бутылкой колы, — гордо поведал Макс и щелкнул языком. — А у тебя теперь кличка «йогурт».

— Тихо, — я проверил санузел, заглянул под кровати.

Какие-то шумы явно доносились из коридора. Я открыл дверь наружу и сразу захлопнул. Эти твари были в коридоре. Пять или шесть штук. Что там за секунду рассмотришь, если они к тому же такие смутные, плохо различимые. Но один из них явно тащил ногу. Голую ногу. Оторванную у какой-то женщины.

Я несколькими глубокими вздохами попытался унять сердцебиение. Надо тикать.

— Парни, одевайтесь, куртки, ботинки, все, как положено.

Я выглянул в окно. Третий этаж, но высокий — из-за холла на первом этаже. Прыгать — кости переломать, можно и позвонки потерять. Веревку связать? На окнах штор нет, только жалюзи. На кроватях, как это теперь принято, одноразовые пододеяльники, наволочки и простыни. Дешево производимые и легко утилизируемые. Я дернул за край простыни — в момент расползлась. Ладно, будем выходить через дверь — лестница недалеко, в двух шагах — скатимся вниз и через холл к выходным дверям.

Так, какое у меня есть оружие? У кровати можно открутить ножку — получается стальная тридцатисантиметровая дубинка, назовем ее палицей, можно ее даже засунуть за ремень, чтобы не слишком заметно было.

«Швабра где?» — крикнул я рум-компьютеру. Она нашлась в маленькой подсобке за едва заметной дверкой. Хорошо, что в любую поездку я беру с собой складной нож с фиксатором — привычка с юных лет: булочку порезать, от хулиганов отмахаться. Рукоятка у швабры хоть не деревянная, но из твердого пластика — сейчас заточим. Вроде острия получилось. Назовем изделие копьем.

— Ух ты, — похвалил Натик. — Да ты настоящий красный партизан. — Только бороды не хватает. И зубов кривых.

— Слушайте меня внимательно. Сейчас мы выйдем из комнаты и чешем к лестнице. Оба держитесь за мой ремень. Ни на секунду не отпускайте. Только, когда выйдем из здания, можно не держаться. Но тогда надо бежать изо всех сил. Не отставая от меня ни на шаг. Даже если я упал, вам дуть вперед. Через двести-триста, максимум пятьсот метров будет трасса, параллельная той, по которой мы приехали. Там орать, голосовать, кричать «полиция». Если никого нет, то поворачивать налево и топтать пять километров до поселка. Усекли?

— Может, ты это... — засомневался Натик.

— Преувеличиваешь, перебарщиваешь, — подсказал Макс. — Да, был тут один типа монстр, но это так, случайность. Похоже, просто обдолбанный пидор сходил на party, наглотался какой-то параша, обосрался, разделся — и потерял... как его, человеческий облик.

— Это не-слу-чайность. Цепляйтесь, выходим на счет раз-два-три.

Кто-то маячил в одном конце коридора. За секунду мы добрались до лестницы в противоположном конце и понеслись вниз. Второй этаж, первый. За дверью холл. Оттуда донесся крик, на высокой истерической ноте, но сильно приглушенный. Я приоткрыл дверь. По холлу носилось несколько женщин — похоже, они приеха-

ли недавно. Не из нашей конторы, точно. Это ж девы «по вызову», иначе говоря, сотрудницы эскортной фирмы в соответствующей униформе. Короткие юбчонки, фотонические татуировки на голых ногах — светящиеся извивающиеся змейки указывают, в каком направлении надо стремиться клиенту.

Внезапно перед одной из них возникла смутная тварь — тьма, впрочем, быстро развеялась. Да это ж наш PR-менеджер; извините, я его по размерам задницы узнал. Это он заставлял нас при любом разговоре, пусть с собственной бабушкой, упоминать о достоинствах гаджетов Reag. Для того нам и внедрили в зуб мудрости звукозаписывающий интрокорпорал с выходом на мобильник, встроенный в верхнюю челюсть...

Женщина кричит, видно по распахнувшемуся рту, но не очень слышно из-за звукопоглотителей.

Ага, ясно отчего. У твари на животе раскрылся огромный цветок, его мясистые лепестки охватили дамочку и приклеили. Помогая руками, PR-менеджер стал быстро запихивать женщину внутрь.

Несколько секунд, и все. Специалистка по легкому поведению исчезла в животе у твари, я даже не успел заметить, как. В руках у PR-менеджера остались женские туфли, которые он с явным возмущением швырнул в тропические кусты. Затем тварь, поддерживая живот, зашла за фикус и тоже пропала.

И вдруг дамочка возникла снова, вернее, выползла из-за того самого фикуса, встала, немного покачиваясь, на ноги. За кадром остался стриптиз — теперь она была без одежды. Откровенное «ню». Нет, никакой эротикой тут и не пахло. Я бы ей предпочел десять баб — забойщиц с мясокомбината, одетых в полный комплект химзащиты. Ее кожные покровы были полупрозрачны, напоминая дымку, а внутренние органы отливали металлом. Кровеносные сосуды выглядели выющимся растением, мозг казался чем-то вроде пудинга, кости напо-

минали проволочные конструкции, а глаза представляли пунцовыми ягодами на стебельках. Какое-то время она выглядела как труп, обработанный обесцвечивающими химикатами для некрофильской выставки, но затем грудная клетка ее колыхнулась и поднялись полупрозрачные веки.

Она подошла к своей подружке, напрасно рвущей наружную дверь — очевидно запертую.

Рот обесцвеченной женщины округлился в трубочку, выдвинулся вперед. У подружки, косившей на монстра обезумевший лиловый глаз, лопнула кожа на затылке, и трубочка стала втягивать вылетающую оттуда красную жижу. Потом обесцвеченная распахнула и выдвинула вперед цветок брюшных челюстей. Острый пестик вошел подружке в спину и, после того, как порвалась кофточка, было видно, что он обвил ее позвоночник. С какого-то момента жертва перестала сопротивляться, хотя из нее по ходу дела вытащили пучок кишок. Но завершилось все быстро — обесцвеченной удалось «упаковать» и за миг втянуть подружку полностью...

Я поймал себя на мысли, что вообще-то улепетывать надо, а я тут стою и пялюсь, как в кино, — но, с другой стороны, такое мало кому удавалось увидеть и вообще надо побольше разузнать о противнике...

Еще одна дамочка побежала через холл — в направлении приоткрытой мной двери. За секунду до того, как я собирался выскочить ей навстречу, позади нее возникло какое-то искажение. Я бы назвал его тенью, оторванной от поверхности. Тень словно приклеилась к женщине, затем как будто вспыхнула, только без света. Этакая вспышка тьмы. И дамочка была втянута в никуда. Из ниоткуда вылетели обратно одежда и две туфли на кошмарно-модных каблуках из металлопластика, утончающихся посередине до ширины незаметной ниточки, а затем снова расширяющихся до размеров копыта.

Каблуки были интересные, но мне сразу стало не до них: искажение, затемняясь, двигалось к нам.

Сил на переживания у меня уже не было. А без переживаний мозг, надо сказать, заработал четче.

Здесь драться — шансов никаких. Возвращаться обратно в номер — плохое решение. Но осенило: парковка! Попробовать добраться до нее и... угнать автомобиль.

— Так, парни, даем задний ход и очень быстро.

Тварь внезапно оказалась рядом, как будто поднявшись на истекающих из нее водах, зависла надо мной, а сыновья судорожно вцепились в меня.

— Спокойнее. Не хватайтесь за меня. Я его задержу, а вы бегите вверх по лестнице...

Я успел увидеть, как Нат с Максом чешут по лестнице. Затем весь обзор перекрыла эта тварь, ее живот распалхнулся, и выросший оттуда «цветок», разворачивая челюсти, надвинулся на меня.

Мелькнуло проблеском одно воспоминание времен службы. Я стою около стены, а надо мной в темном проеме окна возвышается «дух» — сейчас навалится. А ведь тогда успел отреагировать.

Меня что-то подтолкнуло — я заметил, что это была глянцево-черная волна, на мгновение исказившая окружающее пространство. Тварь словно растянулась и обрела прозрачность. Передо мной повис набор органов: сплетенные сосуды, мышцы, сухожилия, нервные волокна, которые увенчивались оранжевым суфле мозга; огромные брюшные челюсти, напоминающие цветок.

Я проскользнул под лепестками хищного «цветка», когда эта хавалка стала разворачиваться ко мне, шибнул ее ногами и, приподнявшись, вцепился по мозговому суфле своей импровизированной палицей. Наверное крепко. Мозги разлетелись по полу. Личина у издохшей твари была смутной, пропускающей багровое зарево, но я ее узнал — менеджер из нашего отдела. Тот,

который предложил распылять нейроинтерфейсы, насыщенные рекламным контентом, прямо в атмосфере — в дисперсном виде, законом же не запрещено, а потребитель — надышался, увидел во сне интракорпорал фирмы «Reag» и утром побежал покупать...

Догнал своих парней уже на первом этаже — они сперва припустили от меня со страха, да еще на своих роликовых ботинках с «кардинально редуцированным благодаря наноподшипникам трением качения», потом требовали пароль назвать. Сошлись на слове «Мадам», это у нас так именовалась когда-то морская свинка.

Успели добраться до середины коридора, когда я почувствовал — те рядом. Шепнул Нату и Макс: «Быстро к стойке бара, спрячьтесь за ней». Потом уловил искажение света.

Двое вышли из «пузыря», выгнувшего стену. Оттолкнувшись от батареи, я подпрыгнул и ударил первого своим копьём — продырявил ему грудную клетку, перекатился через него и кое-как увернулся от другого. Его брюшные челюсти оттяпали шматок от моей куртки, но и я впаял ему по черепу стальным ломом. Потом еще разок. Воздух вокруг меня пронзило хрустальными нитями, на них, как цветы, садились сгустки крови. Нити оплетали мою кожу, внутренние органы, мозг, я видел их, чувствовал их пульсации — они сковывали, стесняли меня, сдавливали. А по нитям ко мне скользил еще один враг. Или друг? Лицо у него как у любителя музыки, слушающего Лунную сонату в исполнении любимого исполнителя. Изрядно растекшаяся сладкая улыбка. «Маска, я тебя знаю», это ведь директор по нейролингвистической рекламе, автор книги обязательной к прочтению для всех сотрудников «Reag» — о том, как внушать потребности. В нижней части его живота спешно вырастал цветок на длинном стебле, из которого выползал змеевидный пестик. По-моему, он еще шептал: «Ты же хочешь стать одним из нас».

Все было очень серьезно, я почти сдался и попросил у того, кто дает надежду, позаботиться о моих детях...

И тут сквозь потончавший мир... я увидел океан, да еще непростой.

Глянцево-черные волны катились во всех направлениях, вверх, вниз, проникая друг сквозь друга, превращаясь в водовороты и вихри, которые уходили к далекому молчаливому небу и в неведомые глубины, где как будто вращалось могучее бесконечное тело.

И каждый поток мог рассыпаться в бесконечность хрустальных точек и линий, поблескивающих от напряжения.

Мои кожа и мышцы вибрировали, откликаясь океану, вихрь пронесся по аркаде позвоночника и поджег туманность мозга, а подошедшая волна вырвала мое тело из клейкой сети. Теперь уже директор по НЛР стал медленным, словно потонул в вязкой жидкости.

Я, нырнув на пол, влепил каблуками ему под колени, его тело пролетело надо мной, щелкнув цветком челюстных пластин. Приподнявшись, ухватил директора за запястье, так, что мгновением спустя его цепкая длинная кисть оказалась вывернута за спину. Теперь я видел «друга» кустом кровеносных сосудов, который венчало аметистовое пятно мозга. Были там и органы, которых не должно быть у человека — белесая сетчатая структура, что расползлась от позвоночника, оплетая весь организм, особенно плотным коконом — сердце и желудок. В районе живота хорошо проглядывалось твердое образование из трех створок; это брюшные челюсти — вид сзади. Удерживая его запястье правой рукой, я ударил левой — ножом в узел сетчатой структуры, находящийся за этими «створками». Потом еще повернул лезвие и рукояткой предотвратил разворот челюстей.

Хруст, стеклянный звон падающих и разбивающихся нитей. Директор чуть посерел и улегся.

Я отвернулся от опрокинувшегося противника — вроде больше не опасен — и засадил свое копьё в ещё одного «сертифицированного европейца». Бил в тот самый узел — но уже пытаюсь достать его спереди, через раскрытые брюшные челюсти. Гад застыл, словно прилипнув к стене — кровь и слизь капали с челюстных пластин. Я и этого узнал, кстати, — Дамарский из отдела «контента», тот, кто программирует убеждения через секретные интракорпоралы, подсовываемые клиенту вместе с оплаченным гаджетом. На ночь клиент получает «ужастик» про царистско-коммунистическую Рашу — в виде полусна-полуяви со страшными рожами; утром, при пробуждении, «радостик», идиллию, это уже про Запад — скачут плечистые ковбои по необозримым прериям, гоня тучные стада, а их встречают герлфренды в коротких джинсовых юбочках.

Я вовремя прижался к полу и ударил снизу ножом того, кто выпрыгнул из ничего. Знакомый специалист по маркетингу проехал по лезвию, впилился в пол, скользнул ещё на несколько метров. Из его рваной раны лезли какие-то трубки и щупальцы, что-то белесое червивилось, но я понял — этот уже не опасен. В коридоре сделалось тихо.

4

Замок на дверях парковки отреагировал на мой палец, мы влетели внутрь. После коридора помещение показалась мне неожиданно большим, как бы раздутым.

Сейчас придется совершить преступление — угнать автомобиль. А, фиг с ним, я этих преступлений насовершал уже кучу, похоже, даже кого-то в ад отправил.

Потер глаза — кажется или нет, что стоянка заполняется серебристыми струями?

Это ж признак, что сейчас они «выйдут» — прямо от той глухой стены.

— Быстро, парни, ныряйте под ближайшую машину. Стена изогнулась, покрылась пузырями и лопнула — от нее вынесло сразу троих; они появлялись где-то на высоте полутора метров от пола.

Но и я торопился навстречу, словно выпрыгивая из своего тела и пробивая оболочку реальности. Дальнейшее наверняка происходило в бешеном темпе, но поток времени не мешал мне, наоборот, я успевал оценить, что надо сделать и что не надо...

Одного сразу посадил на копьё — на лицо брызнула кровь. Поднатужившись, перебросил его через себя. А вот копьё не успел вытащить. Разворот на тридцать градусов к другому — удар ножом в шейный узел сетчатой структуры.

Нырнул под третьего — тот, завершив прыжок, оказался ко мне спиной и не успел повернуться — я влепил палицей по узлу, располагающемуся там, где у людей пятый шейный позвонок. Монстр не отключился, напротив, стал разворачивать ко мне брюшные челюсти. Делать нечего, засадил ему в «пасть» огнетушитель со стены.

Раздался хруст ломаемого металла, брызнула пена, тварь потянула меня куда-то, едва сумел прихватить копьё. Мир стал тонким, как пленка, того и гляди проткнешь его пальцем. Мир закачался на поверхности темного океана. Быстрое течение понесло меня в зыбкой среде. Я не слышал ни собственного дыхания, ни боя собственного сердца. Привычную геометрию размывало так, что видел я лишь темные потоки и черные глянцевые волны. Волны катились во всех направлениях, проникая друг в друга, отрываясь от несущей и уходя в криволинейные пустоты с рычанием годзилл и неистовством смерчей.

Мои кости стали струями, мягкие ткани — пеной. А растягивающееся тело раненого монстра напоминало пиявку. Их было много, этих пиявок, которые, «оседлав

поток», выплывали из багровой преисподней к свету. На какое-то мгновение я воспринял сложную симметрию потоков и волн. Каждая пятая волна идет не так, как другие, — она быстрая и «восходящая».

Оседлав восходящую, я как будто опередил пиявок и оказался в «преднастоящем» (название я подобрал много позже). Там соперники уже утратили пиявководный, но еще не приобрели окончательно человекообразный вид: сосуды свивались, мышцы сплетались, пятно мозга с выделяющимся напряжением теменных долей садилось на свое место за ягодами глаз, белесая сеть оплетала потроха. Процедура встречи была незатейлива: удар ножом между нижней челюстью и кадыком — во второй узел сетчатой системы. Когда они замирали, то я узнавал их — персонал юридического отдела, который умел выиграть любое дело, даже когда интракорпоралы вызывали у потребителя паранойю, заканчивающую массовым убийством где-нибудь в гетто для нищих.

«Конь» все-таки сбросил меня. Прямо перед собой я увидел монстра — помимо куста кровеносных сосудов и белесого кокона на сердце, хорошо просматривались тросы мышц. Импланты что ли? Походили туда-сюда маслины его глаз и, пригнувшись, он атаковал меня. Я, развернув копьцо, ударил его древком в пах, а когда он согнулся — сверху, в узел за брюшными челюстями, где скручивались пряди внутренней сети. Пригвоздил, как выяснилось. И опознал. Шеф юристов, любимый адвокат дьявола, мог даже выиграть дело, если несовершеннолетний носитель интракорпорала кончал жизнь самоубийством.

Все, муть прояснилась. Я — на парковке.

На мне висели кишки, трубки, извивающиеся обрывки сети, руки были забрызганы липкой жижей. Трое монстров превратились в скорлупы, залитые слизью, они моментально разложились. «Конь», на кото-

ром я прокатился, составил компанию этим трем. Тоже отпрыгался. Я и его узнал — господин Пендерович из PR-отдела, который готовил слащавую инсталляцию на тему, как «Реаг» облагодетельствовал детишек в Конго. А до этого «любитель детишек» пиарил кампанию по изъятию малышей из «недобросовестных», то есть бедных русских семей — дескать, «эти уроды просто опасны для бедных крошек», которых надо передавать в «социально добросовестные партнерства», в гейские тройки в Штатах и Нидерландах. Наша корпорация, как «ячейка гражданского общества», это дело хорошо профинансировала. А на левых сайтах сообщали, что часть детей добралась только до трансплантологического рынка в косовской Приштине.

Пора брать напрокат автомобиль. Своей стальной палицей бил-бил и пробил стекло, открыл дверцу, сорвал панель зажигания. Теперь соединяем два проводка — есть искра. Мотор закряхтел. Все готово, чтобы сорваться из чистилища. И тут понял — «неувязочка», не вижу парней.

— Нат, Макс — вы где, чертенята?

Помотали они мне нервы. Не сразу, а через полминуты из-под массивного внедорожника послышались их голоса:

— А это кино точно закончилось?

— Садимся в машину, сейчас будет серия вторая — погоня.

Мы подъехали к выезду с парковки и... ворота не открылись. Заблокировано. Так, и погоня нам не светит.

Я сдал назад на тридцать метров, въехав на пандус.

— Ребятки, спешно вышли. Буду таранить.

— Мы тоже хотим таранить, — возразил Натик.

— Ты чего, в лепешку собрался превратиться? — резонно произнес Макс. — Глаза на попе окажутся.

— Я сказал — вышли. Это приказ.

— Ты — диктатор. Нам учительница про таких рассказывала, ты против геев и поп-корна, — осудил Нат, но Макс отозвался в тему:

— Ай-я, ай, кэптэн.

Когда я подлетал к воротам, то уловил, что задумка была неудачной.

С ударом из меня полетели вперед все соки, а вот кости остались где-то позади, на ремне. Я понимал, что вышел из строя: может, на год, может, на десять минут, но выпал. А сейчас десять минут были важнее года.

Обзор затянуло пеленой, возможно, полопались сосульки у меня в глазах, да еще из-под капота точно пошел дым. Когда взгляд наконец сфокусировался, я различил, что ворота на самом краю погнулись и там образовалась щель. Небольшая. Взрослый вряд ли пролезет, а ребенок вполне.

Преодолев болезненное окостенение и натиск подушки безопасности, я повернул голову к распахнутой двери машины и что есть мочи заорал. Получилось однако полузадавленное сипение:

— Парни, слушай мою команду. Вперед, в щель. Бежать в северном направлении... если не будет расчищенной дороги, то ориентируясь на Полярную звезду, я вам показывал, как ее найти, до трассы. По ней налево, как я и говорил, — к поселку.

Со второго раза вышло лучше.

Неожиданно я увидел рядом с дверью... Оксану.

— Вот так явление, ты разве не в Дубае-Мумбае?

— А ты еще не в полицейском участке? Я-то приехала детей проведать — знаю, что на тебя положиться нельзя. Про Мумбай потому сказала, чтобы ты не трезвонил мне все время.

— Откуда узнала, где мы?

— Легко. Тебя дома нет, мобил твой не откликается, а на сайте филиала есть сообщение о месте проведения вечеринки. Я смотрю, ты уже изрядно порезвился, ал-

каш несчастный. Ладно, выплывай. А детям спать пора, я их в номер отведу.

— Туда нельзя, там монстры.

— Сам ты монстр.

— Парни, не идите с ней. Тикайте в щель.

Но она зло швырнула дверцу авто, я услышал, как они уходят и даже разобрал голос Макса:

— Ма, честно, папа не придумывает.

Затем наплыла тяжелая боль и я, кажется, отключился.

Очухался от пощечины. Кто-то отстегнул ремень, выпустил пену из подушки и потащил меня из кабины.

Через несколько секунд я лежал на холодном бетоне, а сверху на меня смотрел... явно участник костюмированного бала.

— В монахи наряжаться неприлично... Где монстры? Дядьки с челюстями на пузе.

— Мне прилично, сын мой. И кого ты называешь монстрами — перепивших сотрудников фирмы «Пир»?

Я поднялся. Качало, мутило, болели бок и грудь, но, в целом, близко к норме.

Передо мной стоял монах. Настоящий. В рясе, на которую, правда, было накинуто пальто, в клобуке. С посохом. На сжимающей его руке была видна странная татуировка: парашют, пропеллер и слон. Монах был выше меня на полголовы и шире в плечах тоже прилично.

5

— Я смотрю, в зоопарке внезапно появились посетители.

— Меня вызвали освятить здание, — объяснился монах.

— Это явно несвоевременное предложение. Здесь полно каких-то мутантов... У меня детей увели. Сейчас иду их искать.

— Сын мой, а может, сперва протрезветь?

— Я не пил и не курил, у меня на шее разъем, но там нет никакого наркоконнектора, — с мучением выкрикнул я.

Монах покачал головой, однако сказал:

— Хорошо, я с тобой. И зови меня не «эй», а отец Христофор.

— Принято. А вы кем раньше были, отец Христофор, до пострига? Я не просто так спрашиваю...

— Военным, сын мой, вначале ВДВ, потом 22-я бригада спецназа. Как ты понимаешь, должность, имя и фамилию сообщать не буду.

Да, я должен бежать за детишками вместо того, чтобы трепаться с непонятным типом, но, с другой стороны, — куда бежать, непонятно. Надо взять себя в руки, задавить психоз и попытаться выяснить, что это за личность пожаловала и какой от нее толк.

— Странная траектория полета, отче — из тех, кто может все, к тем, кто не хочет ничего.

— Ладно, давай про траекторию. Пришел КОТ, правительство подписало известный «договор с корпорациями» и «перепрофилировало» армию, меня отравили охранять колтановые рудники America Mineral Fields в Конго.

— Далековато отсюда.

— Наши «смежники» из ЧВК «Кси-сервис» потрошили деревни, где якобы скрывались поддерживаемые китайцами партизаны. Наемники ходили обвешанные вырванными кишками и отрезанными пенисами, а мы, получается, их прикрывали. И как-то я не выдержал, отвалтузил одного из тех до кровавых соплей, это перешло в перестрелку моего взвода с их командой, там три трупа образовалось. Провел год в корпоративной тюрьме, точнее, в клетке размером чуть больше гроба; клопов и прочих членистоногих собою кормил, однако не без пользы — смирению научился. Дело замяли благо-

даря подполковнику Карояну, и улетел я на родину без выходного пособия. Поскольку не вышло из меня ни воюки, ни кормильца в этом «прекрасном новом мире», покинул семью, ушел в монастырь. Прошел нормальный путь по направлению к Богу — трудник, послушник, инок. Насчет того, что не могу ничего, — посмотрим, на все воля Божья. Двинулись теперь — глянем, нет ли их прямо в твоём номере.

Так, понадеемся, что не струсит.

На лестнице нам никто не встретился. Но и в моем номере на третьем этаже мальчишек с Оксаной не было. Надо искать комнату охраны, где находятся камеры видеонаблюдения.

На выходе из номера нас ждали. Прямо у двери.

Перед человеком в рясе тварь отступила, превратившись в сплетение сосудов, мышц, сухожилий, лилии яичников тоже были видны — бывшая женщина. По оранжевому «цветку» мозга и пришелся удар монашеского посоха. Мозговое вещество разлетелось по полу и темная воронка схлопнулась, поглотив монструозное тело.

— Неплохо для начала, отец Христофор.

Про воинов-монахов я только сейчас вспомнил. Это не только какие-нибудь тамплиеры. У нас воины-монахи защищали от супостата монастыри-крепости, Псково-Печерскую и Троице-Сергиеву обители, причем с весьма важными для государства результатами.

Еще две твари выпрыгнули из темных моментально закрутившихся вихрей.

Сейчас я сам рванулся в неустойчивость и оказался, можно сказать, «перед настоящим». Тварь там еще не совсем готова для атаки: сосуды, мышцы, кости еще разделены по слоям, но нити управляющей сети пытаются связать их воедино — я стал рубить ее ножом. Опоздал. Противник увильнул и закрутился вокруг меня.

Это уже вихрь, как найти у него точку уязвимости? Я ныряю под волну. Течение тащит меня вглубь, еще немного и не будет сил бороться. Я понял, что надо остановиться, просто не бояться и отдохнуть. И действительно через несколько секунд я толкнулся и выплыл, оказавшись позади монстра.

Сейчас были видны хрустальные нити управляющей сети и рубиновое пятно сердца.

Я постарался, чтобы удар был точным — ножом в сплетение жизненных нитей противника.

Рев, гром. Управляющая сеть перестала пульсировать, бесчувственное тело монстра унесло течением.

— Я здесь был когда-то, — сказал монах, вытирая посох об одежду убитой им твари. — Когда тут еще находился Дом отдыха Минобороны. Кажется, я знаю, где может быть комната видеонаблюдения.

Мы нашли ее — маленькая дверь притаилась под лестницей, ведущей из холла в столовую.

Отец Христофор смотрел на записанную рекордерами свистопляску, а я искал на экранах своих мальчишек.

Запись пятичасовой давности, монах с помощью замедления и укрупнения деталей добился наилучшей видимости.

Почти одновременно на парковку въезжают стреловидный байк и дорогой автомобиль — сфера с неразличимыми окнами и дверями.

С байка сошел парень, снял шлем. Идеальная выглаженная генноимплантами внешность: светлые курчавые волосы, яркие голубые глаза. Сын нашего генерального — Джаспер. Сфера автомобиля замерла рядом и мгновенно раскрылась — отчего подумалось об яйце динозавра — только «вылупилась» оттуда не рептилия, а женщина. Молодая, особенно на мой взгляд, однако явно постарше парня, с волосами, выкрашенными сияющей фотонической краской, с хищной крепкой челю-

стью и раздувающимися ноздрями. Узнаю — шефиня в отделе виртуального маркетинга, как там ее — Лилиан, Дуриан...

Недолгое объяснение, объятия, чмок-чмок. И вдруг... Женщина, похоже, кричит. Куртка у парня расходится, рубаха лопается.

У него на животе словно огромный цветок раскрылся, лепестки охватили дамочку и потянули внутрь. Не живот, а зев. Напоминало то, как питон заглатывает свою жертву. В то же время голова парня-питона откинулась назад и глаза пялились в зенит. Если точнее, над ним висел дрон, похожий на ежа из-за 5–6 антенн, — я, кажется, видел такой в отделе перспективных технологий. А от него в глаз парню зеленые лазерные лучики посылаются, явно идет передача информации.

Спротивление женщины прекратилось, хотя она была еще жива и рот ее застыл в крике. Она даже помогала злодею. Подняла одну ногу, потом другую и еще согнулась. В последний момент, перед тем как исчезнуть, она будто совсем сложилась — колобок получился. Сложился и закатился. Я впервые увидел финал во всей красе. Если точнее, и при самом большом замедлении не было непрерывного изображения, только дискретное, с какими-то темными провалами.словно поток времени, в котором находились эти двое, выпадал из Настоящего за счет своей особой скорости, а потом возвращался обратно.

И вот она исчезла у парня в животе. Полностью, блин. А он даже не растолстел, поправил рубаху и пошел с парковки.

Снова открылась сфера автомобиля. В кабине сидела женщина. Похожая на ту, что несколько минут назад поглотил Джаспер или кто там вместо него. Отличие в том, что она теперь без одежды. Ее кожные покровы были полупрозрачны, напоминая дымку, а внутренние органы отливали металлом.

Секунду назад она труп трупом, а сейчас дрон-ежик оказался рядом с ней, случилась вспышка, грудная клетка ее колыхнулась, и поднялись полупрозрачные веки.

Рядом со сферомобилем остановилась машина — от туда вышел менеджер средних лет, этого толстячка я знал, из отдела продаж.

Посмотрел, повернулся и бросился бежать с искаженным от ужаса лицом. Не догадался даже сесть в машину. Но полупрозрачная Лилиан-Дуриан оказалась прямо на его пути. Ее рот округлился в трубочку, словно она хотела поцеловать нового партнера, а на животе раскрылось огромное зеву. Струйка крови потянулась, кажется, из шеи и паха менеджера в эту дыру. А потом потащило и его самого — затормозить ему не удалось, хотя он пытался. Его плоть тряслась, как студень, на коже надувались и лопались пузыри. А потом он согнулся, прижал голову к животу, охватил руками щиколотки и вкатился прямо в ее зеву. Около них, кстати, все время вертелся ежик-дрон.

Похоже, с этого все и началось... Но детей пока не видно ни на одной записи. Другие экраны показывали, как в номерах и ресторане появлялись резкие тени. Если точнее, некие контуры, рельефы на словно бы утончившемся пространстве. Контуры раздувались, приобретали грибовидную форму, этакие матово-черные большие поганки. Они лопались и из них выходили твари, похожие на скелеты, обернутые в полупрозрачную плоть. Задняя часть твари словно состояла из истекающих темных вод. Она хватала человека и затягивала вместе с собой в воронку, которая выбрасывала обратно одежду... Кое-кто пробовал бежать, но тварь всегда оказывалась у него на пути... Улизнуть, в общем, было нереально. А потом покатались роуборщики, деловито втягивая оставшийся на полу «мусор».

— Отец Христофор, что происходит? Что это за существа? Может, вы в курсе.

- Тебе по-научному или по-нашему?
- Да уж по-научному сперва.
- Так работает Интракорпоральная Механохимическая Фабрика.

Ну да, читал на левых сайтах про это дело. То ли существует, то ли нет. То ли создана лабораторией «Reag» в Беркли, то ли куплена корпорацией у одного русского ученого, который после того скоростно исчез или помер. Основная версия: ИМФ была разработана на основе дисперсных интракорпоральных медицинских систем. У «Reag» имелся на это дело заказ от своего правительства. Американская администрация собиралась передавать технологию ИМФ элитам в некоторых странах Третьего мира в обмен на «хорошее поведение», то есть утрату суверенитета в пользу «Reag», «Monsanto» и прочих ТНК. Ноу-хау предполагалось жестко держать под контролем, и риски казались незначительными по сравнению с выгодами. ИМФ — это поддержание и улучшение здоровья. Носителю ИМФ не угрожают ни бактерии, ни вирусы, ни дермовая еда.

— Допустим, я поверил. Значит, отец Христофор, вы — в теме. Но почему? Как это, сидя в монастыре...

— Испытательный полигон «Reag» располагался неподалеку отсюда, за Курново. И настоятель отец Павел, зная мою предысторию, поручил мне проследить за экспериментами. Деньги на приборы скрытого наблюдения нашлись, остальное было в рамках моей предыдущей компетенции.

— Насколько я понимаю, в ИМФ должна входить «защита от дурака». А его носители жрут или, скажем, поглощают людей.

— Носитель ИМФ не поглощает людей, он их преобразует. По своему подобию разумеется. Те тоже становятся носителями ИМФ — вторичными, третичными.

— Из них получают сущие демоны, челюсти на пузе, потроха видны. Это что, признаки большого здоровья?

— А кто самый здоровый, сын мой?

— Тот, на кого не действуют микробы, вирусы и химикаты в тридцати сортах «колбасы».

— Тепло. Еще кто?

— Те... кто не стареет, на кого не действует время.

— Бинго. Носители ИМФ умеют обходить время, использовать его — для них время не стрела, а множество разнонаправленных и разноразностных потоков.

— Значит, все, что они делают, полезно для них, отец Христофор?

— Если человек в рабстве греха, то полезно. И сильные, и слабые мира сего служат Мамоне, и душа почти всякого настезь открыта соблазнительному злу. Немногие души не подвержены обаянию чертовщины. Если по-нашему оценивать — это обращение человека к аду, отрыв его от Духа Святого.

— Я так понял, отец Христофор, что вы уже перешли на религиозное толкование, теперь можно называть все, что не нравится, «адским». И чем это, по-вашему, угрожает человечеству?

— Обращенные к аду — я их называю обратниками — множатся, создают себе подобных, забирают время у верных Богу, чтобы бесы построили силой этого времени адское царство. И чтобы никогда не появилось царство Божие на земле.

— Отец Христофор, вы в самом деле пришли сюда освятить этот Содом?

— Нет, сын мой, конечно, нет. Я бы подождал с визитом, если бы ты не привез сюда своих чад — у меня есть небольшой дрон-робинсект, заначка времен службы, чтобы наблюдать за обстановкой.

— Вот они! — я ткнул пальцем в экран.

Оксана ведет парней, держа их за руки — крепко. Они еле поспевают. Получается, что она сама... не смогла их «обратить». Может, остатки материнского чувства сыграли, может, это должен сделать кто-то другой. Да, другой.

Впереди уже набухает контур обратника.

У меня обвалилось сердце. Не успеть.

И тут Макс выворачивается из руки матери, вырывает Натика и они бегут. Уж что, а бегать на своих роликовых ботинках с редуцированным трением они умеют да еще петлять по ходу дела...

По таймеру это было пять минут назад. Помещение очень похоже на коридор первого этажа, только другие картины на стенах и другие растения в кадках. Значит...

— Это второй корпус.

6

— Молись вместе со мной, — сказал монах на ходу.

Боже, прости беззакония моя и согрешения.

Непобедимая и божественная сила, честного и животворящего Креста Господня, не остави мя, грешного, уповающего на тя...

— И если мне настолько повезет, что Господь призовет меня, то возьми мой посох, — сказал отец Христофор.

И вдруг я увидел в окно — парни уже снаружи, чешут по очищенной от снега дорожке к трассе. Со всех сторон от них вырисовываются тени, образуют кольцо, набухают.

Распахнув окно, я бросился вниз. Внизу оказалось не так уж мягко. Несколько секунд приходил в себя. Отец Христофор обогнал меня, десантная подготовка у него была наверняка лучше моей.

И вот, вращая посохом, человек в рясе вышиб мозги из первого попавшегося навстречу обратника. Потом оприходовал и другого.

«Остановись».

Ко мне шла Оксана. Выглядела она гораздо лучше, чем когда бы то ни было, даже в день свадьбы. Отполированная, лакированная Оксана. Распахнутая шубка, мини-юбочка, сияющие глаза.

— Ты воюешь против друзей, против свободы и прогресса. И ты забыл, что я была твоей первой любовью.

Иной раз мне стыдно, что моей первой любовью была пустоголовая бабенка, но это так.

— До меня у тебя не было женщины, которая хотела бы с тобой встретиться больше одного раза.

Это слишком смело сказано. Может, я того не хотел.

— Кажется, Оксана, у нас не было контакта последние годы. Тебе не нравилось, что у меня прекратился карьерный рост. Тьфу, зараза, о чем это я, прочь с дороги...

— Мне не нравилось, что ты все меньше думаешь обо мне. Я хотела полного слияния. И хочу сейчас.

Я почувствовал... как будто уже внутри ее.

Кружась вокруг сияющего позвоночного столба, я спускался вниз, в ее жаркие влажные недра.

Я словно целиком находился в канале, прозрачном, как хрусталь, но теплом и упругом, сквозь который виднелись созвездия яичников.

И в это время как будто издалека донесся окрик отца Христофора.

«Очнись, идиот».

Но я не смог даже пошевелиться. Толстые кольца обвивали меня со всех сторон. А сверху раздвигался огромный слизистый зев, обрамленный створками трех мощных челюстей.

Я еще раз попытался выдернуться. Совершенно безнадежно. Я не крут, я — слаб и бессилён.

— Ты проник в меня слишком глубоко и теперь мне придется тебя переварить.

Я слаб и ничтожен. Блаженны нищие духом...

В последний момент я словно сдулся и провалился сквозь кольца. Я уходил в водоворот, а меня догоняла огромным телом черная жирная пиявка.

Рано, слишком рано. Теперь пора, вязкий поток ненадолго стал упругим. Толкнувшись, я устремился вверх. Рядом оказался изгиб черного тела, и я снова оттолкнулся. Подо мной пронеслись жернова круглой пасти. Она почти догнала меня, но я развернул копые так, чтобы пасть не могла закрыться и, упершись в древко, оттолкнулся еще раз. Глубины преисподней отпустили меня, я еще успел увидеть темный океан, в который вливалось время — это было посленастоящее, прошлое, ад, где распадаются формы, чтобы освобожденная энергия пошла на новый цикл созидания. Волны и водовороты этого океана были необозримы — в них падали куски нашего мира, похожего на тающий распадающийся айсберг.

Я вернулся на «сушу» уже без моего импровизированного копья.

Четверо обратников были мертвы. Трое окружили монаха, он рухнул, а они добивали его.

Я побежал на выручку — с хода проскользнул под рукой у одного из обратников и обрушил стальную палицу ему на затылок. Швырнул палицу в другого, но тот уже убил отца Христофора, вонзив острый отросток ему в шею. Я оказавшись рядом с тварью, загнал в нее нож, но она резко развернулась и оставила меня без оружия. Я попытался опрокинуть ее толчком в брюшную створку, однако сам оказался на земле. Ее морда опускалась ко мне, на брюхе распускался цветок челюстей, из которого выходил змеевидный отросток.

До руки мертвого отца Христофора, все еще державшей посох, был метр.

Я полз, а червь, вонзившись в меня, торопился добраться до моего сердца. В тот момент, когда он почти добрался, я схватил посох и огрел обратника по макушке. Потом вырвал из себя червя. Твари надо было выбрать правильную тактику, а она решила срочно меня добить, стала наваливаться.

Я резко крутанулся вбок и стригущим движением ног подсек нападающего. (Чего греха таить, когда-то занимался брейкдансом — оказалось, не впустую потратил два года, сейчас помогло.) Между нами образовалась необходимая дистанция. Тут я и вмазал ему набалдашником монашеского посоха — в глазницу. Так я прикончил директора отдела перспективных технологий, вероятно, того, который выпустил в свет обратников.

Я пролежал в снегу минуту, смотря на набалдашник — из заостренной он вернулся к прежней форме, округлой; у отца Христофора было все продумано. А потом...

— Вставай, папа, — Макс тянул меня за руки, а Натик подталкивал сзади. — Пошли уже отсюда.

Психологическая устойчивость у них оказалась ничего, стрелялки-уничтожалки-виртуалки дали закалку.

— Может, маму подождем? — прикинул Макс.

— Это не мама была, оборотень, — со знанием дела пояснил Нат.

Я встал, повернул отца Христофора на спину, сложил ему руки на груди. Под светом полной луны я с сыновьями шел к трассе, и мне слышался голос воина-монаха:

«Я еще вернусь. А потом придет Господь. Но пока будь осторожен».

Сзади накатил жгучий свет фар — автомобиль ехал из отеля. За ним еще один и еще. В салонах дорогих машин никого не было. Они ехали под управлением борткомпьютеров по данным навигационных систем. Возвращались домой без хозяев.

А потом я заметил, что неподалеку от выхода на трассу нас ждали.

— Стойте здесь, — сказал я мальчикам.

Темные квадратные силуэты были все ближе, но лиц не видно. Когда до них оставалось метров пять, не больше, сзади накатил свет фар еще одного автомобиля, возвращающегося на автопилоте домой. У меня имелось несколько секунд, пока они были ослеплены, а я их видел во всей красе. Трое. Щетинистые лица под бараньими шапками. У одного точно линзы ночного видения — белки не просматриваются. А вот в руке другого тускло отсветил металл. Не нож — телескопическая металлическая дубинка со свинцовым утяжелителем — ломать кости и пробивать череп с одного удара. Салафиты. Вышли поохотиться на людей. Ни одного из этих чмуров еще ни разу не посадили в тюрьму, даже если полиция ловила их. Салафитов всегда защищали лучшие корпоративные юристы. Убил паренька одиннадцати лет, значит тот был «агрессивным русским фашистом». Изнасиловал девчонку — значит, та была «проституткой». Очищенные от местного населения территории переходили корпорациям...

Ну хорошо, теперь я буду судьей.

Рывок. Крайнего справа, того, что с дубинкой, ударил посохом в лоб. Ближайший меня еще не видел, но уже через мгновение в его руке оказался нож. С полуборота влупил ему посохом по горлу. Этот с хрипом лег. Обернулся к первому — лоб у того оказался крепким и он, выпустив с щелчком пять звеньев дубинки, нацеливал ее на мою голову. Но монашеский посох был длинее. Второго удара этот тип уже не выдержал. У последнего салафита блеснул в руке ствол. Еще рывок — на этот раз меня подтолкнула волна, и я будто опередил свое тело. Различил напряжение мышц в крепком теле противника и, согнувшись, бросился ему в ноги. Его рука с пистолетом оказалась над моей головой — схватив ее

за кисть, сломал о свое плечо. И ударом посоха по вражескому затылку, украшенному бараньей шерстью, завершил дело.

— Теперь вперед, — окликнул я сыновей, — не дрейфить.

— Да мы уже привыкли, — сказал Макс, обходя лежащие тела по приличной дуге.

Мы вышли на трассу, и... звук мотора, кто-то едет и вроде не из нашего адского отеля. Я поднял руку, и рядом со мной остановился пикапчик с эмблемой ремонтной службы. Из него высунулся не корпоративный монстр, а мужик-техник.

— Э-э, милейший, а не вас ли я вызывал три часа назад? — обратился я.

— Царегородский? — опознал меня техник.

— Ну да.

— Мы получили ваше сообщение о поломке с большим опозданием. Садитесь, только без этой... жерди. Сейчас посмотрим, что с вашей машиной.

Я еще раз посмотрел на посох. Открутив набалдашник, вытащил из него стальное кольцо с насечкой, надел на палец, посох утопил в снегу.

7

Полчаса спустя я возвращался домой вместе с детьми в своей машине. Отвез их к бабушке-дедушке, залепил порезы и раны пластырем из синтестожи и... отправился на работу. Понедельник — утро. А что еще делать — кричать, что в одном отдельно взятом отеле случился конец света? Так меня ж в психушку и отправят. Я, кстати, до сих пор не уверен, не было ли это завихрением моих отдельно взятых мозгов? Или же неудачной работой интракорпорала, поставленного мне в испытательном секторе. Вдруг это было лишь набо-

ром виртуальных сцен, цепко въедающихся в сенсорную матрицу?

И вот я в стенах корпорации «Reag». Начиная с пятого этажа от всего, что имелось вокруг, разлетались розовые бабочки, пузыри со щечками, разбегались лисята и мышата, расползались веселые червячки. Все щебетало, завлекало и настаивало на своем.

Усовершенствуй мир, купи новый гаджет Reag. Все вместе: «Мы любим мир, в котором есть Reag».

Reag первый в мире, старайся быть первым в «Пире». Reag — это лучший мир.

— Эй, Царегородский, зайдите к нам сейчас. Снимем имплантированное вам экспериментальное устройство. Не волнуйтесь — сообщим на СУЧ, что вы у нас были, — менеджер из испытательного сектора пронеслась мимо меня.

Там сделали мне инъекцию под кожу в районе решетчатой кости и еще одну — в вену, для промывки организма от «отходов производства».

Через пятнадцать минут розовые бабочки наконец перестали порхать у меня перед глазами.

— Все, Царегородский, можете идти, — распорядилась М. Вилнер, — у вас в запасе еще четверть часа.

Уходить не хочется. Строгость ее не портит. Мне даже кажется порой, что М. Вилнер играет в «деловую». Ну, как девчонка играет в принцесску.

— Раз четверть часа, тогда, может, вместе по чашечке кофе выпьем — за избавление пациента от галлюцинаций. А, госпожа Вилнер?

Менеджер задержала на мне взгляд холодных серых глаз и, даже не улыбнувшись, сказала.

— Вы разок уже подженились на сотруднице корпорации. Не стоит два раза наступать на одни и те же грабли.

Впервые заговорила не на «бизнес-инглиш», а на русском и почти без акцента. Значит, я всерьез достал ее.

Я побрел в свой отдел, по дороге машинально опустил руку в нагрудный карман пиджака, где у меня расческа лежит, вытащил оттуда визитную карточку. М. Вилнер, что ли, подбросила? На обратной стороне надпись: «Во время обеденного перерыва буду у кофейного автомата на двадцатом этаже». Уже неплохо, хотя трудно представить М. Вилнер, непринужденно болтающей со мной о том о сем. Разговор явно будет по делу. Я зашел в свой отдел, сел на кресло в своем прозрачном боксе. Массажные колесики сразу принялись массировать мою спину. Все, как обычно. Как будто. Лишь одно «но». В отделе сидели другие люди. Тех, что работали здесь на прошлой неделе, а затем поехали на корпоратив в загородный отель, не было. Кроме меня. Судя по разрезу глаз, цвету кожи и по-птичьему щебечущим голосам — это были люди из той самой параллельной «фирмы», расположенной в Мьянме.

В наш улей зашел новый шеф отдела, мужчина полутора метров ростом, смуглый и стройный, как сахарный тростник, засеменял к одному сотруднику, к другому. Грозно защебетал на сотрудницу. Судя по переводу с «пиджин-инглиш», которое автоматически делало правое полушарие моего мозга, он распекал ее за потерю прибыльности и призывал совершить самоубийство путем утопления в реке Иравади. Тем временем нижняя часть его живота удлинилась и, прорвав пиджак и рубаху, превратилась в неожиданно здоровый челюстной цветок, из того полез червеподобный пестик и впился за ухом застывшей подчиненной.

Моя рука потянулась в ящик стола, где лежала хорошо заточенная отвертка — отдыхая от работы, потихоньку обрабатывал ее нанокристаллическим наждаком — а взгляд упал на швабру, которую уборщица оставила в углу. Это пригодится тоже.

Еще до обеденного перерыва я прикрутил заточенную отвертку к концу швабры — изоляционной лентой

крепко-накрепко. А когда наступил перерыв, завернул импровизированное копыцецо в газету Ingria Times, которую нам положено читать, и отправился в хрустальной вазе лифта на двадцатый этаж. Уже на выходе из кабины я уловил в воздухе что-то не то. Ускорив шаг, понесся к закутку, где стояла кофейная машина.

Его я опознал по аккуратной розовой лысинке, похожей на тонзуру. Шеф испытательного сектора.

Пиджак у шефа был распахнут, на животе раскрылся цветок, его толстые лепестки охватывали М. Вилнер и тянули внутрь. Какая-то секунда, и ее сопротивление было бы сломлено. А между нами оставалось еще пять метров. Я, прорвав утончившееся пространство, вогнал ему копые в узел управляющей сети между лопаток. Шеф опрокинулся на бок, прозрачная личина сразу стала сереть, а брюшной цветок закрывался, пряча огромный слизистый зев.

Недавно еще холодноглазая дама сейчас трепетно схватила меня за руку. Подержала немного, оперативно успокоилась — видимо, с нервами у нее все в порядке, а может и психопрограмма-транквилизатор установлена — затем сказала:

— Коля, я вживила тебе не тот интракорпорал, который ты думаешь. Ты уж прости, но иначе нельзя было. Мы расширили тебе диапазон восприятия времени. Чтобы ты мог работать не только со обычными потоками, но и со всеми остальными — как носители ИМФ.

— Ой, не время для лекций, госпожа Вилнер. Хотя, конечно, интересно, кто это «мы»?

— Мой отец. Ему удалось определить способы наблюдения за материальным временем.

— А оно точно материальное?

— Да, Николай, благодаря его организационной силе могут существовать системы, противодействующие общему нарастанию энтропии. Извини, там гигабайты изложения теории и описаний опытов — в двух сло-

вах не рассказать. Но самое главное, что отцу удалось заметить странные утечки времени, нашего основного ресурса, за горизонт настоящего. И опытным путем зафиксировать, что область настоящего сужается, что в нем появляются своего рода дыры.

— И кто же эти дыры проделывает?

— ИМФ. Если точнее, их носители. Они и забирают себе наш ресурс. Потому так быстро идут мутации у этих тварей, они как бы живут в потоках ускоренного времени... Извини, но я получала всю информацию о происходящем в отеле через твой интракорпорал мобильной связи.

— Но он же не действовал!

— Для меня действовал. А вот для СУЧ и СУЧ-2 он стал недоступным — иначе твари быстро бы вычислили тебя.

— С папой познакомите?

— Его уже нет... Он покончил с... нет, его убили месяц назад, и тогда я решила подключить вас к экспериментам.

— А теперь драпать, уважаемая. Подробности, в том числе как вас зовут, — после.

Легко сказать «драпать». Внизу охрана. При малейшем сопротивлении она вызовет подкрепление из ЧВК «Кси-сервис».

И тут до меня дошло, на стальном кольце отца Христофора высечен телефонный номер — в двоичной системе...

Трубку «снял» бот.

— Союз ветеранов Африканского корпуса.

— Соедините меня с кем-нибудь, кто знает отца Христофора.

— Назовите вашу фамилию и воинское звание.

Кисло.

И вдруг на связи оказался живой голос.

— Кто вы и что с ним?

— Царегородский, сотрудник корпорации «Рear». Отец Христофор погиб. Я был тогда вместе с ним. Это случилось в бою.

— Опишите противника.

— Носители Интракорпоральной Механохимической Фабрики, разработанной корпорацией «Рear». Отец Христофор называл их «обратниками».

— Что вы хотите от нас?

— Мне... срочно нужна поддержка при выходе из Pear-Building.

— Как вас узнать?

— Шрам на левой щеке. Боди-коннектор работает по протоколу IEEE 1000.1. Со мной невысокая девушка, темно-рыжие волосы, дочь профессора Вилнера.

— Не гарантирую. Отбой.

Внизу нас ждали. Трое охранников здания и ближе к дверям еще четверо бойцов в форме «Кси-сервис».

— Госпожа Вилнер — видите тот автомат по оплате парковки? Спрячьтесь за него и не появляйтесь, пока все не стихнет.

За дальнейшими своими действиями я наблюдал как бы со стороны.

Как я бежал и бросал копьё — ровно в узел управляющей сети оловянноглазому монстру.

Словно со стороны я видел, как отклоняю голову от пистолета, который направляет на меня второй охранник. Локоть мой врежется в его челюсть снизу, другая рука отводит ствол в сторону. Далее — надавливание на кисть противника, для упора использую собственное колено. Хрустит кость и пистолет «Глок-50» переходит ко мне.

Все остальное было вполне предсказуемо.

Я стрелял из-за стойки охраны, а бойцы из «Кси-сервис» по ней. Когда у меня оставалось всего два патрона, послышался грохот. Стекланую наружную стену холла снесла боевая машина — едва заметная из-за

стелтс-покрытия с отрицательным индексом преломления света. По силуэту я признал в ней «Гепарда», используемого в основном Африканским корпусом. И вскоре все бойцы из «Кси-сервис», немного повертевшись, легли и превратились в коконы — их накрыла и стянула нанотрубчатая сеть «Авоська-М» из капсулы, отстреленной «Гепардом».

Люк машины открылся, и меня поманила рука в камуфляжной перчатке.

— Ну вот, госпожа Вилнер, экипаж прибыл, — она ответила вымученной, но такой приятной улыбкой, я ухватил ее за тонкое запястье, и мы рванули к «Гепарду».

— Полковник Кароян, — услышал я от плечистого человека, который заполнял половину кабины, лицо его было скрыто зеркальным забралом шлема.

Он похлопал меня по плечу и тут же открылись виртуальные окна телеприсутствия. Я видел, что «Гепард» уже мчится по скайвею, сверху баражируют вертолеты и внизу по питерской лагуне несутся катаера-ракетоносцы.

— Вы несколько поторопили наше выступление, Царегородский, — сказал полковник Кароян. — Только вчера президент аннулировал договор с корпорациями и распорядился вернуть наш Африканский корпус из Конго. Вертолеты пришлось захватывать у «Кси-сервис» — провели операцию ночью, действовали ножиками, по-пластунски, чтобы меньше визга было. Но ведь и ждать нельзя: черви уже доедают наш мир.

Армагеддон рядом. И он требует моей жизни. Чтобы дать в ответ бессмертие.

КОНЕЦ СВЕТА ОТМЕНЯЕТСЯ, или НОВОЕ НЕБО НАД НОВОЙ ЗЕМЛЕЙ

 окладчику отводилось четыре минуты — многовато, пожалуй, ведь было заявлено 198 докладов из 64 стран. Для экономии времени докладчики надлежало изучить заранее, а оратор лишь называл цифры — номера ключевых абзацев своего реферата. Чтобы лучше усвоить эту премудрость, мы включили карманные магнитофоны и мини-компьютеры; между ними должна была завязаться потом основная дискуссия. Стенли Хейзлтон из США сразу ошеломил зал, отчеканив: 4, 6, 11, откуда следует 22; 5, 9, ergo 22, 3, 7, 2, 11, из чего опять же получается 22! Кто-то, привстав, выкрикнул, что все-таки 5 и, может быть, 6, 18, 4. Хейзлтон с лету опроверг возражение, разъяснив, что так или этак — кругом 22. Заглянув в номерной указатель, я обнаружил, что 22 означает окончательную катастрофу.

Станислав Лем. Футурологический конгресс

Вот уже много лет по Интернету бродят списки разнообразных «концов света», которые предрекали нам астрологи и отцы церкви, футурологи и контактеры, астрофизики и экстрасенсы. Пожалуй, самый впечатляющий каталог несостоявшихся апокалипсисов предлагает читателям «Википедия» — зачастую с точной привязкой к дате. К примеру, Папа Римский Сильвестр II официально назначил конец света на 1 января 1000 года от Рождества Христова — на переломе тысячелетий эсхатологический психоз всегда крепчает, понтифик тоже человек, вот вам подтверждение... Ну и так

далее и тому подобное: 13 октября 1736 года цивилизация должна была погибнуть в результате Великого погрома, 12 ноября 1833 года — пасть жертвой загадочного «звездного дождя», 10 сентября 2008 года — сгинуть в «черной дыре», порожденной Большим адронным коллайдером... Иногда называлось даже точное время: например, 5.33 утра 21 сентября 1945 года (согласно откровению американского священника Чарльза Лонга, в эту минуту наша планета должна была сгореть в адском пламени) или 13.45 14 июля 1960 года (к фатальному взрыву «секретной американской бомбы» в этот миг активно готовились верные последователи итальянского авантюриста Элио Бланко).

В XX веке к традиционному ожиданию Второго Пришествия добавились новые популярные страшилки: угроза ядерной войны, экологической катастрофы и — почему-то — столкновения с гигантским метеоритом/астероидом/блуждающей планетой. Всплывали из глубин бессознательного и более экзотические сценарии: нашествие «инопланетян и ангелов» или, скажем, массовое отключение компьютеров в результате пресловутой «ошибки 2000», ведущее к катастрофическим последствиям для всего человечества. Будущее, если верить составителям списка, тоже грозит нам неисчислимыми бедами. Одни полагают, что все мы умрем в 2021 году, когда завершится инверсия магнитного поля Земли. Другие выражают робкую надежду, что человечество дотянет до 2060-го, как рассчитал Исаак Ньютон — да-да, тот самый, с яблоком, как у «Apple». Ну а самые непрошибаемые оптимисты напоминают, что через пять миллиардов лет солнце в любом случае превратится в красного гиганта и поглотит нашу планету, так что спешить некуда, все там будем.

Кстати, по некоторым источникам, в 2013 году намечается Рагнарек, скандинавский конец света. Наступит трехлетняя зима, из морских глубин поднимется миро-

вой змей Ермунганд, волк Фафнир пожрет Солнце, великан Сурт выжжет землю огненным мечом, на горизонте появится Нагльфар, корабль мертвецов... Далее см. «Младшую Эдду», «Старшую Эдду» и «Гибель богов» Рихарда Вагнера.

В общем, куда ни кинь — всюду клин. Но ничего, пока как-то телепаемся...

Все это «жжж», разумеется, неспроста. Как ни парадоксально, представителю вида «хомо сапиенс» психологически комфортнее жить в ожидании апокалипсиса. Конечность всего и вся, возможность рано или поздно подвести окончательные итоги, раздать всем сестрам по серьгам и поставить финальную точку утешает, помогает примириться с неизбежным. Цикличность, непрерывность обесценивает любые достижения, сводит на нет всякую уникальность: к чему стремиться, если все в этом мире повторялось миллионы раз — и миллионы раз повторится вновь?.. А вот неотвратимость апокалипсиса, всеобщего окончательного конца, придает иллюзию осмысленности нашему существованию, беличьему мельтешению в колесе жизни. Европейское представление о гармонии вообще предполагает законченность и завершенность как неотъемлемый элемент — так что это у нас в крови.

Кроме того, скептически листая каталог апокалипсисов, каждый в глубине души надеется, что уж он-то наверняка окажется среди праведников, каким-то чудом уцелеет, когда города поглотит огненный смерч и железная саранча выйдет из дыма. Выживет, благополучно перенесет все испытания — и увидит новое небо над новой землей... Ну а чтение фантастики в немалой степени способствует выработке такого взгляда.

Не стану углубляться в теорию жанра: во-первых, у нас здесь все-таки не исторический очерк, во-вторых, об этом миллионы раз писали все, кому не лень — не

хочу повторяться. Отмечу только несколько принципиально важных моментов.

С самого своего зарождения фантастика неравнодушна к эсхатологической теме. Еще в 1839 году один из основоположников SF Эдгар Аллан По обыграл на страницах рассказа «Разговор между Эйросом и Хармионой» («The Conversation of Eiros and Charmion») панические настроения, воцарившиеся в Северной Америке после того, как близ Земли в очередной раз прошла комета Галлея. А шестью годами ранее, в 1833-м, наш соотечественник Осип Сенковский написал «Ученое путешествие на Медвежий остров», где рассказал удивительную историю расцвета и, что важнее, внезапной гибели высокоразвитой допотопной цивилизации — привет старику Платону с его Атлантидой.

Дальше — больше. На закате викторианской эпохи, предчувствуя грядущие мировые потрясения, классики уничтожали человечество весело, размашисто, с огоньком — что Герберт Уэллс в «Войне миров» («The War of the Worlds», 1898), что Джек Лондон в «Алой чуме» («The Scarlet Plague», 1912), что Артур Конан Дойл в «Отравленном поясе» («The Poison Belt», 1913)... Но не до конца, разумеется, не под корень. Даже в культовом визионерском романе Уильяма Хоупа Ходжсона «Ночная земля» («The Night Land», 1912), где солнце угасает, а на Земле правят бал силы экзистенциального Зла, в гигантской Пирамиде, питаемой геотермальными источниками, жизнь бьет ключом. До Первой мировой даже авторам самых мрачных фантазий не хватало воображения представить, что хомо сапиенс, этот венец творения, пуп земли, может раз и навсегда сойти с исторической сцены. Замрут фабричные машины, проржавеют и рассыплются в труху железнодорожные рельсы, растворятся в джунглях небоскребы, пески поглотят Великую Китайскую стену, Эйфелеву башню и статую Свободы — но кто-нибудь из наших потомков

обязательно уцелеет, чтобы продолжить летопись человеческого рода. О ком, в конце концов, писать, если на планете не останется ни одного живого, мыслящего существа?

При всей своей креативности фантасты далеко не сразу дозрели до концепции «взаимного гарантированного уничтожения». Мысль о том, что гибель всего и вся, полный и окончательный конец тоже может стать весомым поводом для художественного высказывания, до определенного момента мало кому приходила в голову. Понадобились две мировые войны, несколько революций в Европе и Азии и всеобъемлющий кризис гуманистического мировоззрения, чтобы идея всерьез овладела массами. Пика популярности эта тема достигала в пятидесятых—шестидесятых годах прошлого века — именно тогда написаны такие канонические тексты, как «Будет ласковый дождь» («There Will Come Soft Rains», 1950) Рэя Брэдбери, «На последнем берегу» («On the Beach», 1957) Невилы Шюта, «Колыбель для кошки» («Cat's Cradle», 1963) Курта Воннегута, «В круге света» (1965) Ариадны Громовой.

В эпоху холодной войны сценарий коллективного самоубийства человечества утвердился в сознании фантастов как вполне вероятный, открыв дорогу и для других апокалиптических поджанров. Глобальным природным катаклизмам посвящена, к примеру, уточненная трилогия Джеймса Грэма Балларда, включившая романы «Затонувший мир» («The Drowned World», 1962), «Сожженный мир» («The Drought», 1964) и «Хрустальный мир» («The Crystal World», 1966). В книге Ричарда Матесона «Я — легенда» («I Am Legend», 1954) загадочный вирус поголовно обращает людей в вампиров, а в «Противостоянии» («The Stand», 1978) Стивена Кинга человечество выкашивает всеобщая пандемия модифицированного гриппа. В «Тумане» («The Mist», 1980) того же Кинга в наш мир прорываются чудо-

вищные твари из иного измерения, а в «Седой бороде» («Greybeard», 1964) Брайана Олдисса все представители животного мира, включая человека, начисто теряют способность к продолжению рода. Апокалипсис в повестях и романах пятидесятых–восьмидесятых разнообразен и многолик, и далеко не всегда он приходит в дыму и пламени...

Но времена меняются: Холодная война выдохлась, биполярный мир, неуютный, но предсказуемый, распался, а вместе с ним отступили в тень страхи, десятилетиями объединявшие людей по обе стороны Атлантики. Пожалуй, последним значительным (и сильно запоздавшим) романом об окончательном и бесповоротном ядерном апокалипсисе стала «Дорога» («The Road», 2006) Кормака Маккарти. Ну а фантасты, выдохнув с облегчением, на новом витке исторической спирали вернулись к теме частичного, ограниченного истребления человечества.

И тут самое время обратить взгляд к родным просторам, где последние лет восемь–десять постапокалиптика (или «постап», пардон за неблагозвучность, — не я придумал это сокращение) пользуется дикой, необъяснимой с рациональной точки зрения популярностью. Зона локальной катастрофы стала местом действия «S.T.A.L.K.E.R.a», самой коммерчески успешной франшизы в истории постсоветской фантастики. Та же схема с минимальными вариациями повторяется в многочисленных проектах-клонах: «Технотьма», «S.E.C.T.O.R.», «Зона смерти» и прочих, число которых давно перевалило за дюжину и продолжает расти. В другой популярной франшизе, «Метро 2033», запущенной Дмитрием Глуховским, человечество, кое-как пережившее ядерную войну, продолжает влачить жалкое существование в тоннелях метрополитена. (Замечу в скобках, описание тяжких будней «выживальщиков» доставило немало веселых минут работникам метро,

особенно Московского, — спасибо авторам). Немного наособицу стоят романы из серии «Атомный город» издательства «Крылов»: «Еда и патроны» Артема Мичурина, «Черный день» Алексея Доронина, «Работоторговцы» Юрия Гаврюченкова... Вообще же число подобных книг, выпущенных за последние годы разными издательствами, не поддается точному подсчету: несколько тысяч наименований по самым скромным прикидкам. И все это покупают, читают, обсуждают на тематических форумах... Так откуда у массового читателя эта мазохистская страсть к текстам, в которых большая часть человечества гибнет страшной, мучительной смертью?

Ответ, мне кажется, стоит искать скорее в области социологии и массовой психологии, чем литературоведения. Беда в том, что двадцатый век стал эпохой краха глобальных идеологий. Христианская утопия, коммунистическая утопия, расовая утопия, либерально-гуманистическая утопия — все они обанкротились, скомпрометировали себя одна за другой, причем в России этот парад-алле прошел буквально на глазах одного поколения. У тридцати-сорокалетних накопилась чудовищная усталость от любых идеологем, выработалось отвращение к пафосу, аллергия на лозунги. Мы не в силах представить себе принципиально иное будущее, потому что давно не верим прожектерам — но в то же время смертельно устали от настоящего. Постапокалиптика — утопия для поколения разочарованных, конец света — иносказание, эвфемизм для революции. Пусть ядерный смерч пройдет по планете, пусть унесет миллиарды жизней — но постылый миропорядок будет разрушен до основания, раз и навсегда. Да, ценой множества смертей, ценой разрушенных судеб — это неизбежная дань, которую собирает любая революция. Но тот, кто уцелеет, получит шанс начать все заново, с чистого листа, без лжи, лицемерия, фальши... Шанс

учесть ошибки прошлого и построить на руинах новый, прекрасный, справедливый мир.

Тут, однако, воображение наших фантастов обычно пробуксовывает, и они либо скатываются в дремучую архаику, к родоплеменному строю, либо обращаются к реалиям тюремно-казарменного быта. Либо и то и другое — одновременно. Такое вот «новое небо над новой землей». Понятно, что этого мало для удовлетворения внутренних запросов читателя, и тот тянется к следующей книге... А жаль: писатель, который сумел бы преодолеть этот психологический барьер, сорвал бы нешуточный джек-пот.

Ну а апокалипсис... Что апокалипсис? Сам по себе конец света важен только как развернутая метафора, символическая точка невозврата. Что положит конец нынешней цивилизации — ядерная война, демографический кризис, цепочка природных катаклизмов или вторжение разумных птиц, по сути, несущественно. Да хоть пробуждение Ктулху и прочих Великих Древних, как завещал нам дедушка Лавкрафт. Что ждет нас после конца — вот это по-настоящему интересно.

Василий Владимировский.

Май 2013 г.

Пристегните ремни! (предисловие) 5

ПЕРВАЯ ТРУБА. Конец света, который нам предрекали

Владимир Данихнов. БОГ ЖУКОВ 11
 Ина Голдин. УВИДЕТЬ ПАРИЖ 29
 Ирина Малыгина. ПОЛКОВНИК И РОЖДЕСТВО 45
 Майк Гелприн. КАЖДЫЙ ЦИВИЛИЗОВАННЫЙ ЧЕЛОВЕК 61
 Виктор Точинов. НОЧЬ НАКАНУНЕ ДНЯ ДУРАКОВ 77
 Андрей Рубанов. ПОСЛЕДНИЙ УРАГАН 106

ВТОРОЙ ВСАДНИК. Конец света, который мы не ждали

Галина Мария. И ВСЕ ДЕРЕВЬЯ В САДАХ 123
 Дмитрий Быков. МОЖАРОВО 150
 Кирилл Бенедиктов. ОКТЯБРЬ В КУПАВНЕ 164
 Андрей Сенников. ПОКА МИР НЕ РАССЫПЛЕТСЯ В ПРАХ 180
 Сергей Удалин. ДА ПРЕБУДЕТ С НАМИ СИЛА 214
 Юлия Зонис, Игорь Авильченко. ЦВЕТЫ ЗЛА, ТЕРНИИ ДОБРА .. 225

ТРЕТЬЯ ПЕЧАТЬ. Конец света, который нас не испугал

Михаил Успенский. РАЗЛУЧИТЕЛЬ 253
 Виктория Морана. ПРЕКТАКЛЬ 261
 Владимир Аренев. ГЛОБАЛЬНОЕ ВЫМИРАНИЕ 272
 Михаил Бабкин. ЖЕЛАНИЕ 275
 Михаил Бабкин. КОНЕЦ СВЕТА 281
 Далия Трускиновская. СЛАВЯНСКАЯ СИВИЛЛА 284
 Юлия Зонис. ЭТО КОНЕЦ, СВЕТА! 297
 Андрей Балабуха. АЛЬФА И ОМЕГА? 302

ЧЕТВЕРТЫЙ СОН. Конец света, который мы не заметили

Алан Кубатиев. ВЫ ЛЕТИТЕ КАК ХОТИТЕ! 313
 Владимир Аренев. В ОЖИДАНИИ К. 331
 Виктор Точинов. ГЕОРГИЕВСКИЙ КРЕСТ 364
 Александр Тюрин. ЧЕРВИВАЯ ГРУША 469

Конец света отменяется, или Новое небо над новой землей..... 534

Литературно-художественное издание

РУССКАЯ ФАНТАСТИКА

КОНЕЦ СВЕТА С ВАРИАЦИЯМИ

Ответственный редактор *И. Минаков*
Художественный редактор *А. Сауков*
Технический редактор *О. Куликова*
Компьютерная верстка *М. Тимофеева*

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Өндіруші: Издательство «ЭКСМО» ЖШҚ, 127299, Мәскеу, Ресей, Клара Цеткин көш., үй 18/5.
Тел. 8 (495) 411-68-86, 8 (495) 956-39-21
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Тауар белгісі: «Эксмо»
Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының

өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107; E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz
Өнімінің жарамдылық мерзімі шектелмеген.
Сертификация туралы ақпарат сайты: www.eksmo.ru/certification

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить по адресу:
<http://eksmo.ru/certification/>

Өндірген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 29.08.2013. Формат 84x108^{1/32}.
Гарнитура «Балтика». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 4000 экз. Заказ № С-2017.

Отпечатано в типографии филиала
ОАО «ТАТМЕДИА» «ПИК «Идел-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ISBN 978-5-699-67369-8

9 785699 673698 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.

E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо» зарубежными оптовыми
покупателями обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»**

E-mail: international@eksmo-sale.ru

*International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
international@eksmo-sale.ru*

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам, в том числе в специальном
оформлении, обращаться по тел. +7 (495) 411-68-59, доб. 2261, 1257.**

E-mail: vpzakaz@eksmo.ru

Оптовая торговля бумажно-беловыми

и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).

e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.

Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», 603094, г. Нижний Новгород,
ул. Карпинского, д. 29, бизнес-парк «Грин Плаза». Тел. (831) 216-15-91 (92, 93, 94).

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А. Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е». Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.

Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.

Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9. Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

В Донецке: ул. Артема, д. 160. Тел. +38 (032) 381-81-05.

В Харькове: ул. Гвардейцев Железнодорожников, д. 8. Тел. +38 (057) 724-11-56.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2. Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.

Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.

Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»

можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».

Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444. Звонок по России бесплатный.

Интернет-магазин ООО «Издательство «Эксмо»

www.fiction.eksmo.ru

Розничная продажа книг с доставкой по всему миру.

Тел.: +7 (495) 745-89-14. E-mail: imarket@eksmo-sale.ru

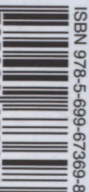

КОНЕЦ СВЕТА С ВАРИАЦИЯМИ

Конец света, назначенный на декабрь 2012-го, не состоялся. Свечи, макароны и тушенка пылятся по кладовкам. Но не спешите их выбрасывать! Вспомните, крохотный по космическим масштабам метеорит над Челябинском всерьез напугал не только жителей этого города. Извержение исландского вулкана закрыло небо над Европой, на несколько дней отбросив ее на сто лет назад, когда люди передвигались только по суше и воде. А Фукусима? А цунами в Индийском океане, которое унесло сотни тысяч человеческих жизней? И пусть оптимисты сколько угодно рассуждают о том, что настоящий конец света наступит не ранее чем через три миллиарда лет, когда погаснет наше Солнце, мы-то с вами не столь долговечны...

Дмитрий Быков, Андрей Рубанов, Мария Галина, Виктор Точинин, Владимир Данихнов и другие ведущие российские писатели предостерегают, предсказывают, предотвращают...

9 785699 673698

ISBN 978-5-699-67369-8